

Юрий Кувалдин

Мозг

рассказы

ALEXANDER
TRIFONOV
1902

Юрий
Кувалдин

МОЗГ

рассказы

Издательство
Книжный Сад
Москва
2018

ББК 84 Р7

К 88

*На передней сторонке переплета: картина художника
Александра Трифонова "Несение креста", холст, масло, 80 x 70 см, 2016 г.
На задней сторонке переплета: писатель Юрий Кувалдин.*

Кувалдин Ю.А.

К 88 Мозг: рассказы. - М.: Издательство "Книжный сад", 2018. - 352 с.

Юрий Кувалдин говорит: "Я знаю, что писателем может быть только актёр. Я знаю, что писателем может быть только режиссёр. Я знаю, что писателем может быть только художник. Я знаю, что писателем может быть только человек, обладающий идеальной музыкальной памятью. Я знаю, что писателем может быть только поэт. Я знаю, что писатель прекрасно выступит в роли шоfera и грузчика. Я знаю, что писателем может быть только филолог. Я знаю, что писателем может быть только психолог. Я знаю, что писателем может быть только философ. Я знаю, что я исполняю все эти роли. Юрий Нагибин, прочитав "Пьесу для погибшей студии", позвонил мне в час ночи и сказал: "Юрий Кувалдин - писатель с характером". В слове "характер" сидит "актёр"".

ISBN 978-5-85676-152-7

ББК 84 Р7

© Юрий Кувалдин, 2018

ТАГАНКА

Пожилой настройщик роялей Андрей Андреевич Власов вышел из метро «Крестьянская застава», заскочил в магазин на углу Воронцовской улицы за полулитровой коробочкой кефира, 3,2 процента жирности, "Домик в деревне", и булочкой с изюмом. Тут же у магазина отвинтил с коробочки пробку, вытянул за крючочек герметическую пластинку, отпил разом грамм 150 густой и нежной жидкости, и откусил несколько раз от булочки, особенно наслаждаясь вкусом изюма. В увесистой сумке на плече, отчего он, довольно высокий и худощавый, ходил склонившись в левую сторону, и от этого правое плечо, на котором висела сумка, было значительно выше, потому что в ней были струны и инструменты. Полчаса назад он закончил настройку у одного известного пианиста на «Сретенском бульваре». Рояль должен звучать густо, забирая всю душу.

А для этого Власов устанавливал тон стандартной высоты по камертону, настраивал зоны темперации и хоров дискантового и басового регистров, регулировал клавишно-молоточковый механизм и педальное устройство. Власов умело сочетал в себе "музыкальное" и "слесарно-механическое" направления.

Сам он довольно-таки неплохо играл на рояле. Следил за выступлениями известных пианистов. Они, как правило, приходили сами в экстаз и приводили в это состояние публику, и не только. Власову нравилось высказывание Рихтера о Прокофьеве: «Я всегда замечал в нем заинтересованность необычными или странными явлениями. В этом было что-то от мальчика или путешественника. Когда в 1943 году я впервые играл его Первый концерт, он был на репетиции. Он потом сказал вдруг: «А вы знаете, какое я явление наблюдал, удивительное. Когда начались заключительные октавы, знаете, стулья пустые вокруг меня задвигались в том же ритме... Подумайте, и они тоже... Как интересно!...».

Власов окончил в детстве музыкальную школу. Но в музыканты не пошел. Отец, академик, не разрешил, наставляя, как то было принято, иметь в руках хорошую профессию, а не нотный стан. Власов и пошел в профессию. Пять лет ездил до «Каширки», дабы по окончании вуза «расщеплять атом». По распределению попал в серьёзную контору, защитился, став кандидатом технических наук. А потом на него завели дело из-за длинного языка где надо и не надо против ввода войск в Чехословакию. Через связи отца удалось кое-как выпутаться.

И Власов вспомнил о рояле. И зарабатывать стал прилично. Купил кооперативную квартиру в Филёвской пойме. Женился. Поначалу даже чувствовал себя счастливым, когда родилась дочь, но потом развёлся. Собрал свои струны и инструменты и ушёл к другой. Пока жил с другой понастраивал такое огромное количество инструментов по Москве, что опять купил квартиру, поближе к центру, на Марксистской улице, куда теперь шёл от метро. Жил он один, и даже если сходился с какими-нибудь женщинами на годок другой, государство в свидетели личной жизни не приглашал, а просто указывал на дверь надоеvшей партнёрше.

Полюби её, шептал он сам себе, говоря сам с собою, так часто бывает, когда в нём ведут беседы разные его «я», которые он потом раскладывает на персонажи, встреченные в жизни, и не препятствуй ей в желании любить тебя. Разве ты полагаешь, что в мире существует что-нибудь выше любви? А как долго будет продолжаться ваша любовь - не всё ли равно. Ведь вы свободны, не заключили никаких контрактов под присмотром государства, стало быть, вас ничто не связывает. Эти мгновения в объятиях, какие-то всплески божественной близости - они перевесят всё на свете, это он точно знает, потому что сам явился на свет из того самого места, из которого каждый человек без исключения вышел и воскликнул: да будет свет! Разумеется, если ты станешь пугать себя тем, что они физиологические, биороботические, животные, низменные, происходящие, однако, под всевластным оком Господа, размножающего себя

в бесчисленных копиях повсеместно и всевременно, тогда они и будут физио-био-животно-низменные, потому что ты проведешь их без сердечной отдачи, презирая себя и её за эту плотскую связь. Но вам обоим подвластно превратить соитие в возвышенное, чистое чувство, пересоздать друг друга, и тогда вы оба превратитесь в ангелов, слившись в единую душу, которую никогда не потеряете, при условии, безусловно, что ты не станешь стыдиться этой любовной связи и выискивать в ней что-нибудь двусмысленное.

Власов убрал кефир и булку в сумку, постоял некоторое время, закурил и взглянул в сторону Крутиц. Именно в сторону, поскольку головки церквей закрывало поблескивающее стеклом, мрамором и металлом новое здание гостиницы.

Первые впечатления от нового почти всегда насторожены, даже если это новое до знакомства с ним было в общих чертах тебе известно. Но новое сохраняется таковым лишь некоторое время, превращаясь в старое. Именно поэтому старое обладает притягательной силой, поскольку во власти старого ты чувствуешь себя комфортно, даже не замечая этого привычного. Взгляд на привычное притупляется до такой степени, что ты как бы это привычное не замечаешь. Власов оказался в давно знакомом переулке, но внезапно насторожился, увидев старый трамвай, идущий навстречу ему не по рельсам, а прямо по асфальту, вспарывая его тяжелыми стальными колёсами. А как Власов попал сюда, как спускался в лифте, как ехал в метро? - убейте, не помнит. Прямо какая-то телепортация.

Власов, подумав, пошел не домой на Марксистскую улицу, а, развернувшись, двинулся в противоположную, под углом, сторону по 3-му Крутицкому переулку в Крутицы. Вот захотелось тут же посмотреть на Крутицы, вдохнуть воздуха старой Москвы.

Власов поднялся по Крутицкой улице к территории подврья. День был сравнительно теплый, лето выдалось мягкое, без амплитуды колебаний от жары к северному холоду с дождями. Кое-где по булыжной мостовой рассыпана какая-то соломено-травяная труха: впечатление такое, будто здесь, на этой

площади, только что перед дальней дорогой кормили ездовых лошадей.

Власов не спеша шёл по подворью, рассматривая таблички на стенах. Еще недавно в Успенском соборе и Метрополичьих палатах располагались фонды государственного Исторического музея. Успенский собор, а также знаменитый Крутицкий терем - это выдающиеся памятники русского зодчества. Власов про себя возмущается: «Как же все здесь было запущено!» Успенский собор имеет два этажа: нижний - с теплым храмом святых Апостолов Петра и Павла (1667-1689 гг.), верхний (летний) храм с главным Успенским престолом (сооружен в 1700 г.). Выстроен собор из красного кирпича и является самым большим сооружением Крутицкого ансамбля.

Из Крутицкого теремка (1693-94 гг.) архиереи благословляли собравшийся на площади народ, любовались видами Москвы, раздавали милостыню нищим. Митрополичья палата (дворец Крутицких митрополитов) - двухэтажное кирпичное здание (1655 г.) с толщиной стен до 120 см. В 1769 году Крутицкий ансамбль дополнен Набережными палатами. Власов обошел всё подворье. У Набережных палат вышел на крутой берег Москвы-реки, посмотрел за реку, переживая увиденное, словно побывав в XVII веке. На обратном пути зашёл в церковь Петра и Павла, поставил свечку за здравие живущих, полюбовался богатым иконостасом.

Булыжная мостовая. Оттого-то она мостовая, что мостили её булыжниками. Серо-стального цвета. Особенно сейчас Власову было приятно на них смотреть. День был с приглушённым золотистым тёплым светом.

По всему телу разливается приятная лень, даже нега. Присел на скамейку, с превеликим удовольствием допил кефир и доел булку, опять отмечая вкусность напитка и изюма, и закурил блаженно. На соседней скамейке сидел человек в красной куртке с надписью крупными белыми буквами на спине «Adidas». В руках у него был фотоаппарат, которым он щёлкал направо и налево.

Покурив, Власов пересел к нему и сказал:

- Почти три года прожил поблизости, но ни разу не приходил сюда. Красота древностей!

- Это сейчас красота. А прежде здесь была тюрьма, - очень доброжелательно сказал Адиас.

Доброжелательных людей мало, но они есть. Остальные находятся в состоянии постоянной обороны от себе подобных, или даже в немотивированной агрессии. Обороняющиеся везде и всюду лезут, и хотят быть на равных со всеми. Добра желают людям единицы. В том числе и обороняющиеся. В этом случае добро становится очень опасным, даже взрывоопасным. Обороняющиеся и агрессивные создают такое силовое поле, что добрые люди как бы растворяются в нём, исчезают. Обороняющиеся в своей агрессии поднимают давление ненависти и воинственности в своей оборонительно-агрессивной бочке, стянутой стальными обручами, до такой степени, что бочка взрывается. Добрым людям, вышедшим из подполья, остается только сшивать лоскуты человечности.

- Тюрьма?! Вот уж не знал, выходя из задумчивости, произнёс Власов.

Улицы, переулки, реки, кошки и собаки, липы и ясени, и жильцы старого дома, и фонарей бульварных строки, и пьяные у церкви с медью в кепке, и девушки с мобильниками в ухе, и шелест шин по мокрой мостовой, и трэш из девяноста двух каналов в мозгу Власова смешался до разряда могучей молнии, ударившей в ЦК, и Вий очнулся перед мавзолеем, воскликнув: «Подпишите протокол ареста сорока московских храмов!», и подписали вороха бумаг, потом сожгли и распылили пепел на берегу канала в никуда.

- И по соседству, в Новоспасском монастыре была тюрьма, - добавил Адиас, и уточнил: - Филиал Таганской тюрьмы.

- Ну надо же! - воскликнул Власов.

А Адиас на ходу вполголоса запел:

Цыганка с картами, дорога дальняя.
Дорога дальняя, казённый дом.
Быть может старая, тюрьма центральная
Меня, парнишечку, по новой ждёт.
Быть может старая, тюрьма центральная
Меня, парнишечку, по новой ждёт.

Припев:

Таганка, все ночи, полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.
Таганка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Я знаю, милая, больше не встретимся...
Дороги разные нам суждены.
Опять по пятницам пойдут свидания
И слёзы горькие моей родни.
Опять по пятницам пойдут свидания
И слёзы горькие моей родни.

Припев:

Таганка, все ночи, полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой на веки арестант,
Погибли сила и талант в твоих стенах.
Таганка, я твой навеки арестант,
Погибли сила и талант в твоих стенах.

Мнится Андрею Андреевичу Власову, он помнит этот день, потому что мнение ему множит каждое мгновенье. Запомнил он, что был опять рассвет, был новый взгляд на старые предметы. Потом за ним последовал закат, минута полдень середины лета. Он помнит всё. Был очень жаркий день, потом шёл дождь, стучал по жёлтым листьям. И сразу выпал снег, и падал целый век. Он помнит снег, который шёл при жизни. Он накрепко запомнил дождь и снег, и жаркий день с рассветом и закатом. Он

помнит всё, как каждый человек запоминает стёршиеся даты.

- А дальше, к центру, как бы вдоль реки, за Новоспасским монастырём, была Таганская тюрьма, - уточнил Адиdas. - Там Власова повесили.

У Власова перехватило дыхание, он сильно закашлялся, пытался заглотнуть воздуха, и лишь, бросив под язык таблетку валидола, через минуту пришёл в себя.

По улице шли люди.

Он начинал думать о лице, не своем, а, может быть, и своём тоже, но о лицах людей, которые наплываются на него в людных местах, как снег во время сильной метели. Власов поражался, у каждого человека есть рот, нос, посажены справа и слева от носа глаза, которые смотрят, но его не видят. Власов знает, что его не видят. Из многолетнего опыта знает. Так, например, его никто не видит, когда он во время концерта встаёт и выходит из зала.

Власов перенес свое «я» в тех людей, которые его не видят. Власов же их видит всех, и почти насквозь. Он этим занимается всю жизнь, соединяя миллионы лиц в одно лицо. Потому что Власов догадывался, что это лишь копии того, который эти лица создает. Иначе говоря, печатает бесконечный тираж лиц с одной матрицы.

Власов присматривался к лицам - у всех есть глаза, нос и рот. У тюремного охранника тоже есть глаза, нос и рот. У заключенного сияют искорками глаза при получении пайки. А вот сержант внутренних войск пришел домой, а жена наливает ему борщ. У жены тоже два глаза, нос и рот. «Расстрелял сегодня троих», - устало из 37 года говорит сержант. И заедает рюмку водки, понюхав черный хлеб, борщом.

Адиdas с удивлённым вниманием смотрел на Власова.

Эта беда была в жизни Власова постоянна. Ещё со школьных времен в его мозгу звучала кличка «Власовец». Так его однокашники обзывали. На что Власов в растерянности отвечал:

- Разве я виноват, что я «Власов»?!

«Неужели тело не соответствует слову?» - думал теперь Власов.

Он мысленно просит подойти ко нему Степанова. Подходят сразу восемнадцать человек. Свободны! Говорю он им. Просит подойти ко нему Сергеева. Подходят тридцать два человека. Просит подойти Степанову. Подходят семьдесят восемь женщин. Свободны! Просит подойти Сергееву. Очередь до Рогожской заставы! А если вместо Степанова подозвать Стебанова? А вместо Сергеева - Хергеева? Тут и дирижер Гергиев сидит. Отсюда вылезает и Георгиев. Далее Власов производит Чергегева, ближе ему Черкеев, или Черкасов. Лучше, конечно, носить фамилию Оргиев. Ближе к запрещенному имени Бога. Оргии все время разыгрывает. А как Иванова превратить в Степанова? Очень просто. Вспомнить сначала страну Лебанон. Затем трансформировать эту страну, где сплошь Лебаны живут, понашему, Иваны, в Ебанов, для приличия оглушив «б» на «п», и получая Епанов, нужных нам Степановых. «б» мы, разумеется, чтобы не ругаться, везде и всюду на «В» меняем. Вместо Еба, говорим Ева. Так мат - лексика Бога, меняется в связи с запретом произношения на разных Степановых, Ивановых и даже Мужехуевых. Красота спасает тела. Вот что делает запрет на произнесение, использование истинного имени Бога.

Но характер у него выработался от этого преследования - с возгласами "власовец" - протестный. Даже по каким-нибудь пустякам Власов восклицал:

- А я не согласен!

Говорили-то о фортепьяенных концертах Рахманинова, все восторгались, а Власов разрезал эйфорию ножом протеста:

- Он слишком сладковат. В некотором роде, даже дублёр Чайковского. Нравится многим. А то что нравится многим, не может быть признано истинным искусством. Истинное искусство - всегда элитарно!

И это при том, что сам он Рахманинова обожал.

- Да-а, - в задумчивости протянул Адиdas, поднимаясь.

Самая привлекательная черта мозга - пустота. Недаром хирурги, трепанируя череп, в мозгах ума не нашли. Там всюду пустота. Пусто и в теле, от которого душа отлетает, когда тело

принимает состояние полного покоя в горизонтальном положении, и еще лучше - в гробу. С ясельного возраста нужно внушать детям, что все они умрут. Конечно, не сразу. Поживут-поживут, и умрут. Кроме тех, которые записывают свою душу буквами. Так Бог велел: записывай, и будешь бессмертным, и сам Бог состоит из букв! Смотри, Христос-то не умирает, а всё идет босиком по морю, и не тонет, только искры над головой в нимб собираются. Вырабатывает ток, как атомная электростанция, безостановочно. И пусть дети сразу с первого класса учат наизусть стихотворение Осила Мандельштама:

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:

На Красной площади всего круглей земля,
И скат ее твердеет добровольный,

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно-раздольный,

Откидываясь вниз - до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

Разве не должен Власов смотреть на Землю с высоты двенадцатого этажа, чтобы помнить, что он есть существо космическое?! Запустите Власова на пятнадцатый этаж над Москвою, чтобы он был её естественным спутником! Эти люди, ходящие по рынку в поисках куска хлеба, совершенно парализовали свои мозги и никак не могут научиться варить суп из снега и прошлогодней крапивы. Дайте им сразу и крапиву, и концерт ансамбля песни и пляски кремлевского военного округа! Хлеба, и зрелиц!

- Да-а, - повторил, против воли соглашаясь, Власов.

Самого себя нужно всегда приподнимать, даже в те моменты, когда, казалось бы, всё вокруг складывается печально. В конце концов, твоё хорошее отношение к себе невольно передаётся окружающим, и они даже тебя хвалят за это. Несчастья

ты принимаешь с тем же чувством благодарности и улыбкой, как и счастливые минуты. Расположение к хорошему настроению открывает в твоей душе какие-то новые возможности. Ты как будто паришь над всеми явлениями мира, хорошими и плохими: ты просто настолько уходишь в свой мир, что мира вне тебя просто не замечаешь.

- Пойдемте, прогуляемся. Я тут неподалёку работаю, и вам кое-что расскажу.

- Интересно, - сказал Власов.

Они дошли до Новоспасского переулка. Справа стояли невзрачные серо-кирпичные пятиэтажки.

- Вот их поставили на месте тюрьмы, - сказал Адиас, и продолжил: - Таганской тюрьмы. Полное название которой было - Московская губернская уголовная тюрьма. Её звели в 1804 году по указу Императора Александра Первого на этом самом месте, на углу улицы Малые Каменщики и Новоспасского переулка.

Вот этот чёткий отпечаток, печать ушедшего во мглу. Все усилия человека направлены на запечатление мгновения, поскольку всё совершается не вчера и не завтра, даже не час назад и через час, и даже не в прошедшую минуту и не через несколько минут, а именно в этот момент. Этот момент почти невозможен, но Власов впечатывает этот момент в новую память, перекрывая старую именно в это мгновение. Запечатлённое отстаёт от него, за одним впечатлением идёт по нарастающей другое, составляя ленту исчезающего фильма.

- Была тюрьма, теперь - дома, - сказал Власов.

Забыть часто хочется то, что не доставляло тебе положительных чувств. Но как тут быть, когда забыть усилиями воли не получается, а то, что хотел запомнить, как-то само собой забывается. Власова всегда веселил известный монолог, за который хватались все мало-мальски способные актёры, дабы крикнуть со сцены: быть или не быть. Конечно, забыть. Забыть, значит, не быть - вот вам ответ. Но ещё жёстче - забыть, значит, не записать. За тебя само твоё компьютерное устройство всё забудет, и тебя потом не будет. Помимо всех твоих намере-

ний память довольно долго сохраняет то, что сам ты и не собирался запоминать. В детстве на чистый диск памяти ложились первые впечатления. В глубокой старости почти все поэтому впадают в детство, вспоминая с умилением, допустим, как бабушка читала с выражением «Каштанку», что гораздо интереснее риторического вопроса «быть или не быть».

- Кстати говоря, здесь как-то пел Шаляпин.

- Он, что, сидел?

- Нет, конечно. Но здесь сидел священник Флоренский.

- Надо же! - воскликнул Власов.

Между домами, огибая в конце детский сад, они прошли к старому зданию из красного кирпича.

- А это, - Адидаш указал рукой на этот дом, - то, что осталось от тюрьмы. Теперь тут офисы, где я имею честь и работать.

Они обошли дом и поднялись по лестнице ко входу, у которого курили, видимо, сотрудники офисов.

Один из курящих спросил у Власова:

- А вы куда?

Власов без промедления ответил:

- В Таганскую тюрьму.

Курящие рассмеялись. Молодой человек в джинсах, чуть не хохоча, выпалил:

- Когда меня спрашивают, где работаю, то отвечаю - в тюрьме!

Его смех поддержали остальные.

- Когда построен, интересно, этот дом? - спросил другой курящий.

Власов посмотрел на оконные перемычки, выложенные дугой с замковым кирпичом, и сказал:

- В конце девятнадцатого века, - и указал на дугу из кирпичей.- Видите, сверху окна арку из кирпичей?

- Да.

- Все старые дома легко по этому признаку определяются.

Адидаш сказал:

- В сорок шестом году тут генерала Власова повесили.

Власов не закашлялся, более спокойно пережил свою казнь.

К Власову подошёл охранник в чёрной робе.

- Ваши документы! - потребовал он.

До смерти перепугавшись, Власов достал паспорт.

Охранник стал зачитывать:

- Так, значит, Власов?

- Власов, - почти беззвучно от сдавленного дыхания произнёс Власов.

- Андрей Андреевич?

- Андрей Андреевич.

Следуйте за мной.

Власова повели по мрачному тюремному коридору, Адидаш шёл следом.

Тяжёлыми ключами со скрежетом охранник открыл дверь камеры.

Адидаш подвёл Власова к зарешётенному окну.

- Ну вот, генерал, посмотрите в окно, во дворе сколачивается виселица, вбиваются крюки в горизонтальный брус. Вы струну принесли? - спросил Адидаш.

- Принёс, - сказал Власов.

Он раздвинул "молнию" сумки. Сверху на смотанных в кольца струнах лежало приглашение:

«Уважаемый Власов А.А.! Имеем честь пригласить Вас в Концертный зал им. П.И. Чайковского на концерт Академического симфонического оркестра Московской филармонии под управлением Юрия Симонова, солистка Екатерина Мечетина (фортепиано). В программе: Слонимский, Концерт № 2 для фортепиано с оркестром (первое исполнение в Москве); Рахманинов, Рапсодия на тему Паганини для фортепиано с оркестром и Симфония № 1».

Власов поспешно убрал его в карман.

Надо сказать, что Власов превосходно умел навивать струны. Перематывал стальную, латунную, медную, посеребренную струнную проволоку с больших бухт на малые бухты и катушки

с ручной или автоматической укладкой слоев на специальном перемоточном станке.

- Вот и хорошо, - сказал Адиdas, - чтобы ваше тело струна выдержала, и чтобы петля как следует затянулась на вашей шее.

Власов представил другого приговорённого, по фамилии Джугашвили, а по кличке "Сталин", превратившего государство в банду, по всем загонам единонаачалия, с парадными золотыми погонами генералиссимуса, и, как положено, с малиновыми широкими лампасами на брюках, которого вынесли из мавзолея и повесили на стрелках часов Спасской башни, но, когда протер круглые очки, через зарешётченное окно увидел себя, Власова, и виселицу во внутреннем дворе тюрьмы.

Его лицо, довольно худощавое, было вполне спокойно.

Адидаса это не удивило, потому что он знал, что Власов останется жив, лишь тело его будет болтаться в петле.

- Вы хотели одной армией победить сотни армий? И вы победили. Только не тогда, а сейчас.

Генерал вскинул удивлённый взгляд на Адидаса.

- Когда «сейчас»? - удивился генерал.

- Как вам сказать. Вы же хотели уничтожить сталинизм, и дать свободу народам?

- В сущности, именно этого я и хотел.

- Так вот, Латвия теперь свободна и является самостоятельным государством, как и Литва, Эстония, Молдавия, Грузия... и даже Украина.

- Украина?! Не может того быть! - прошептал, оглядываясь по сторонам, Власов.

- Может, - кивнул Адиdas.

- А где же СССР?

- Такой страны больше не существует.

- Значит, я победил?! - вопросительно воскликнул Власов.

Слово никак не связано с предметом. Это мы его привязываем к предмету (объекту, субъекту). Отсюда проистекает путаница. Главная из которых так называемая наука генетика.

Ребенок от своих родителей ничего не наследует, кроме устройства, сходства физиологии. Но когда ребенок наделяется фамилией, допустим, "Пушкин", мы готовы переносить черты гения Пушкина на это новое тело. Поэтому так бездарны дети, носящие имена (фамилии) гениальных родителей. И не понимают, как же так, ведь он сын Пушкина! Для чистоты эксперимента дети не должны носить фамилии гениальных родителей. Представьте, что детей Пушкина, скажем, именовали бы "Козловыми", а детей Толстого, по тому же принципу, - "Барановыми"! Известное (раскрученное) имя будет приподнимать, неизвестное (рядовое) - опускать. Слово вводит нас в заблуждение, и слово же ведет нас к бессмертию. Надо чувствовать слово и понимать его. Некоторые пишут: "Трава зеленая", забывая, что слово "трава" уже содержит зеленый цвет. Или говорят: "Идет белый снег". Слово "снег" в себе содержит цвет белый. Вот когда ты поймешь, что снег в прозе должен быть зеленый, а трава белой, тогда ты станешь мастером.

Другие вселенные находятся в нашей вселенной, как один человек уже содержится в другом человеке. Всё в этом мире есть тираж оригинала, бесконечное размножение, которым и обеспечивается бессмертие. Херос управляет миром. Если не нравится Херос, который есть Херос Теос, то есть Хер Бог наш, Христос, то можно для научного употребления в слове «херос» букву «р» заменить на букву «н», чтобы получилось слово «генонос», а «к, г, х» - одно и то же, мы говорим «Германия», они говорят «Хермания». Понятно, как создаются слова? Каждое слово есть лишь замаскированное, переинченное имя Бога. Вот вам и вся генетика. Генетика - это наука о теле, об устройстве человека, как об устройстве компьютера. А люди везде и всюду одинаковые, черные на экваторе, белые в болотах России. Африканец, говорящий и думающий по-русски, будет русским! Китаец говорящий и мыслящий по-немецки, будет немцем! Поэтому национальное государство – это нонсенс, абсурд, желаемое, выдаваемое за должное. Никакого отношения к интеллектуальной, духовной жизни эта генетика не имеет.

Поэтому часто, когда генетика внедряется в душу, начинает утверждать, что ребенок наследует от родителей талант или национальность, тогда я кричу: генетика - лженака!

Мир - однополярен, и миром управляет Бог!

- Власов был прав, и он победил? - в каком-то оцепенении повторил Власов.

Трудно сказать, чтобы ты был до конца оригиналён, потому что так или иначе ты что-то заимствовал, что не создано самим тобой. В сущности, ты рождаешься на свет абсолютно пустым, как стеклотара, и с первых же дней существования начинаешь привыкать к окружающему миру, запоминать, фиксировать. Человек есть фиксатор. Человек - это не только прямая трансляция жизни, но и видеозапись её. Сохранение и есть человек. По-английски - save, сейф. Туда, конечно можно и деньги складывать в банковских упаковках, такие хорошие плотные кирпичики, коим стада неразумных людей посвящают всю свою жизнь. А мы сейфируем Слово, в образах, художественно, в красках. Рождаешься пустым сосудом, без языка, без национальности, без партийности, без прочих новогодних игрушек, висящих на твоей елке, которая есть твоё тело, а душа рвется к буквам, которые живут вечно.

- Значит, в историческом смысле Власов был прав, что нужно измельчать империи? - пытался допытаться Власов.

Довольно часто приходится сталкиваться с тем, что тело путают со Словом. А это совершенно разные вещи. Ни талант, ни национальность, ни язык, ни профессия, ни партийность - по-полевым путем не передаются. Наследуется лишь биологическое, животное устройство. Передается сорт, как у яблок: цвет, размер, продолжительность жизни и т.д. Можно сравнить и с породой животных, и с маркой автомобилей... Но лучшее сравнение - с компьютером. Человек рождается пустым, как не загруженный программами компьютер. Загрузка - это есть путь к человеческому от животного, становление, персонификация. А персонификация возможна только через слово. Поэтому в вехах остаётся только Слово. Остальное бесследно исчезает с ли-

ца земли, тут же являясь новыми бессловесными телами по образу и подобию. Конвейер.

- Война и прочее в этом роде - забава для примитивных людей, - сказал Власов.

Эту риторическую сентенцию Аидас оставил без внимания.

- Сначала посмотрите, как вас подводят к виселице, - сказал он. У Власова дрогнул подбородок, и выступили слёзы.

- Ну, надо же! - воскликнул он. - Шёл домой, а пришёл на казнь!

Послыпался стук кованых сапог, сопровождаемый дикторским пугающим басом:

«Совершенно секретно

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

в составе:

Председательствующего - генерал-полковника юстиции
УЛЬРИХА В. В.

Членов - генерал-майора юстиции КАРАВАЙКОВА Ф. Ф. и
полковника юстиции ДАНИЛОВА Г. Н.

В закрытом судебном заседании, в гор. Москве, 30, 31 июля
и 1 августа 1946 года, рассмотрела дело по обвинению:

б. заместителя командующего войсками Волховского
фронта и командующего 2-й Ударной армией - генерал-лейте-
нанта ВЛАСОВА Андрея Андреевича, 1901 г.р., уроженца де-
ревни Ломакино, Гагинского района, Горьковской области,
русского, бывшего члена ВКП(б);

б. начальника штаба 19-й армии - генерал-майора МА-
ЛЫШКИНА Василия Федоровича, 1896 г.р., уроженца Марков-
ского рудника Сталинской области, русского, бывшего члена
ВКП(б);

б. члена Военного совета 32-й армии - бригадного комис-
сара ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича, 1910 г.р., уроженца г.
Воронежа, русского, бывшего члена ВКП(б);

б. начальника штаба Северо-Западного фронта - генерал-майора ТРУХИНА Федора Ивановича, уроженца г. Костромы, русского, беспартийного;

б. начальника Военно-Морского училища ПВО в г. Либаве - генерал-майора береговой службы БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича, 1893 г.р., уроженца г. Юрьевец Ивановской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

б. командира 21-го стрелкового корпуса ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича, 1897 г.р., уроженца г. Зимовники Ростовской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

б. начальника санатория Аэрофлота в г. Ялте - полковника запаса МАЛЬЦЕВА Виктора Ивановича, 1895 г.р., уроженца г. Гусь-Хрустальный Ивановской области, русского;

б. командира 59-й стрелковой бригады - полковника БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича, 1902 г.р., уроженца села Коровякова Глушковского района Курской области, украинца, бывшего члена ВКП(б);

б. командира 350-й стрелковой дивизии - полковника ЗВЕРЕВА Григория Александровича, 1900 г.р., уроженца г. Воронежа, русского, бывшего члена ВКП(б);

б. заместителя начальника штаба 6-й армии - полковника МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича, уроженца г. Москвы, русского, беспартийного;

б. помощника начальника связи 2-й Ударной армии Волховского фронта - подполковника КОРБУКОВА Владимира Денисовича, 1900 г.р., уроженца г. Двинска, русского, бывшего члена ВКП(б);

б. начальника артиллерийского снабжения Северо-Кавказского военного округа - подполковника ШАТОВА Николая Степановича, 1901 г.р., уроженца деревни Шатово Котельнического района Кировской области, русского, бывшего члена ВКП(б);

- всех в преступлениях, предусмотренных статьей 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года и ст.ст. 58-16, 58-8, 58-9, 58-10 ч. И УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые ВЛАСОВ, МАЛЫШКИН, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, МАЛЬЦЕВ, БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВ, КОРБУКОВ и ШАТОВ, являясь военнослужащими Красной Армии и будучи антисоветски настроенными, в напряженный для Советского Союза период Великой Отечественной войны, нарушив воинскую присягу, изменили Социалистической Родине и, в разное время, добровольно перешли на сторону немецко-фашистских войск.

Находясь на стороне противника, все подсудимые, во главе с Власовым, по заданию руководителей немецко-фашистского правительства, на протяжении 1941-1943 гг. проводили широкую изменническую деятельность, направленную на вооруженную борьбу против Советского Союза, а в 1944 году ВЛАСОВ, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, МАЛЫШКИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, БУНЯЧЕНКО и др. вошли в созданный Гиммлером т. н. «комитет освобождения народов России» и по заданию германской разведки создали из числа бывших белогвардейцев, уголовников, националистов и прочих антисоветских элементов вооруженные отряды, наименовав их «русской освободительной армией» (РОА); организовали шпионаж и диверсии в тылу советских войск, убийства офицеров и солдат Красной Армии, а также подготавливали террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Подсудимый Власов и его сообщники, при помощи немцев, своей окончательной целью ставили свержение Советского Правительства, ликвидацию социалистического строя и организацию на территории Советского Союза фашистского государства. Для проведения своей преступной деятельности ВЛАСОВ и все его соучастники необходимые им материальные средства и вооружение получали от немецкого командования, а всей их практической деятельностью руководил Гиммлер и его помощники.

Собранными по делу доказательствами и личными признаниями подсудимых как на предварительном, так и на судебном

следствии конкретная предательская деятельность каждого из подсудимых установлена следующая:

1). ВЛАСОВ, будучи заместителем командующего войсками Волховского фронта и одновременно являясь командующим 2-й Ударной армией того же фронта, в июле 1942 года, находясь в районе города Любань, в силу своих антисоветских настроений изменил Родине и перешел на сторону немецко-фашистских войск, выдал немцам секретные данные о планах советского командования, а также клеветнически характеризовал Советское Правительство и состояние тыла Советского Союза. Вскоре после этого ВЛАСОВ дал согласие немецкому командованию возглавить формируемые немцами части т. н. «русской армии», изъявив при этом желание войти в состав будущего «русского правительства», и обсуждал с ответственными представителями германского министерства иностранных дел вопросы расчленения Советского Союза. В декабре месяце 1942 года ВЛАСОВ совместно с другими изменниками Родины по заданию немецкого военного командования и германской разведки создал т. н. «русский комитет», ставивший своей целью свержение советского государственного строя и установление в СССР фашистского режима. Возглавляя этот «комитет», ВЛАСОВ вербовал из числа вражеских элементов своих единомышленников, выпускал антисоветские листовки к военнослужащим Красной Армии и населению СССР, разъезжал по лагерям, где содержались советские военнопленные, и по оккупированной территории Советского Союза, призывая советских граждан к вооруженной борьбе с советским правительством и Красной Армией. В конце 1944 года ВЛАСОВ по заданию германской разведки и лично Гиммлера объединил существовавшие на территории Германии белогвардейские организации и вместе с ближайшими сообщниками - изменниками ТРУХИНЫМ, МАЛЫШКИНЫМ, ЖИЛЕНКОВЫМ и ЗАКУТНЫМ, возглавил созданный немцами т. н. «комитет освобождения народов России» (КОНР).

Ставя своей целью при помощи немцев захват власти в СССР, ВЛАСОВ под руководством фашистов сформировал из

числа белогвардейцев, уголовников и изменников Родины, т. н. «русскую освободительную армию», организовывал шпионаж и диверсии в тылу советских войск и подготавливал террористические акты против руководителей Советского Правительства. ВЛАСОВ, возглавляя работу по вербовке в т. н. «РОА» советских военнопленных, расправлялся с лицами, подозреваемыми в антифашистской деятельности, и лично утверждал смертные приговоры.

Будучи назначен приказом Гитлера на должность главнокомандующего т. н. «РОА», направлял сформированные им воинские части на фронт для боевых действий против советских войск.

ВЛАСОВ в 1944 году, кроме Гиммлера, вступил в личную преступную связь с Герингом, Гебельсом и Риббентропом, вел с ними переговоры и совместно намечал мероприятия по усилению деятельности, направленной против СССР.

После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Власов вместе со своими сообщниками пытался бежать в район, занятый американскими войсками, для продолжения борьбы против Советского Союза, но был пленен частями Красной Армии...

На основании вышеизложенного Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР постановляет: признать предъявленное ВЛАСОВУ, ЖИЛЕНКОВУ, МАЛЫШКИНУ, ТРУХИНУ, БЛАГОВЕЩЕНСКОМУ, ЗАКУТНОМУ, МЕАНДРОВУ, МАЛЬЦЕВУ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВУ, КОРБУКОВУ и ШАТОВУ обвинение в совершении ими преступлений ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и ст. ст. 58-16, 58-8, 58-9, 58-10ч. Ни 58-11 УК РСФСР доказанным.

Руководствуясь ст. ст. 319-320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА: лишить воинских званий

ВЛАСОВА - генерал-лейтенанта,

МАЛЫШКИНА - генерал-майора,

ЖИЛЕНКОВА - бригадного комиссара,

ТРУХИНА - генерал-майора,
БЛАГОВЕЩЕНСКОГО - генерал-майора береговой службы,
ЗАКУТНОГО - полковника,
МАЛЬЦЕВА - полковника,
БУНЯЧЕНКО - полковника,
ЗВЕРЕВА - полковника,
МЕАНДРОВА - полковника,
КОРБУКОВА - подполковника,
ШАТОВА - подполковника
- и по совокупности совершенных преступлений, на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года:

ВЛАСОВА Андрея Андреевича,
МАЛЫШКИНА Василия Федоровича,
ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича,
ТРУХИНА Федора Ивановича,
БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича,
ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича,
МАЛЬЦЕВА Виктора Ивановича,
БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича,
ЗВЕРЕВА Григория Александровича,
МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича,
КОРБУКОВА Владимира Денисовича,
ШАТОВА Николая Степановича
- ВСЕХ ПОДВЕРГНУТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ.
Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, конфисковать.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Подлинный за надлежащими подписями.

ВЕРНО:

СЕКРЕТАРЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХСУДА СССР

МАЙОР ЮСТИЦИИ (МАЗУР)»

Конечно, Власов не задавался вопросом: «Зачем живут однодушно-фамильцы известных людей?» Кто-то правильно назвал своего ребенка 51426378256141537634783-zet. А то всё Иван да

Марья, Петя и Катя, Коля и Тома... Рабство требует единства и стертисти во множестве. Мол, ты раб Божий и больше ничего. Армия страны советов, декретов, спецпакетов, торжественных банкетов, профсоюзных пикетов и прочих ...нетов. Нет, врёте! Шифр Бога вскрыт. Власов есть Власов. Я есть я. А "я" это кто? Пушкин. С оглушенным "б". Потому что в имени "Пушкин" "б" будет ближе к Богу и к его делу размножения людей. Смотрите: Бушкин! А еще лучше с йот, как Яхве, точнее Яху... и через паузу наша буква странная "й". Что это за буква? Американцы даже компанию именем Бога не постыдились назвать Йахоо, Яхве, одним словом, чтобы приличествовать, звучит как Яков, а уж Яковлевых у нас пруд пруди. Как и Ебушкиных, ставших для приличия Пушкиными, или Любушкиными, Любимовыми, Любезновыми, Люблинами etc. Известно, за свет будет платить Пушкин. Он у нас за всё в ответе. В том числе и за демографическое состояние России. Священный акт совокупления - системная основа любой власти. О чём теперь и Андрей Андреевич Власов думает всю дорогу, и даже не отходя от рояля.

Конвоиры взяли Власова под руки и повели во двор, к виселице, с крюка которой свисала рояльная струна с петлёй. Виселиц было несколько. Измодённым заключённым связали руки за спиной и накинули через головы на шеи струнные петли. Об этом особенном предназначении крепких струн рояля Власов узнал впервые.

Здесь нужен Второй концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова. Вместе со всеми через мгновенье Власов уже висел на фотографии исторической давности.

БЕСШАБАШНЫЙ

Луна освещала церковь. Было безлюдно. Лишь из конца переулка доносился стук чьих-то шагов, должно быть, женских, потому что женщины любят каблуки, которые стучат как молотки по камню. Потом из переулка в переулок прошуршала дорогая машина, блеснув в лунном свете зеркальным бампером.

Мужики в касках спрашивают у Кузнецова: «А зачем вообще нужно читать?» Кузнецов отвечает, листая «Жизнь Василия Фивейского»: «Вам не нужно. Вы и так проживёте свой век, как прожили ваши деды и все прочие». Смеются, смотрят на Кузнецова снисходительно, как на увечного. Для биологической жизни чтение даже вредно. Главное, была бы зелень и вода. Молодые бизнесмены у чёрных иномарок тоже посмеиваются над Кузнецовым, когда он предлагает им потолковать о художественной прозе Леонида Андреева. Это тоже мужики, только с дипломами, специалисты по банковскому делу. Говорят: «Нам этого не надо». Кузнецов понимает. А то зачитываются, и перестанут ходить в офис для умножения денежной массы, именуемой ныне ликвидностью. Александр Тиняков (Одиночный) ставит диагноз:

Мы дохнем без хлеба, без дров и продуктов,
Мы гибнем в своих городах!
Оскаливши зубы и злобно захрюкав,
Нас топчет деревня во прах!
Картины и книги, дворцы и музеи
Для темного пахаря - вздор,
И наши затеи, и наши идеи
Он давит ногами, как сор!
Но мы передохнем, а ты - одичаешь,
Ты шерстью, как зверь, обрастешь,
По-волчьи завоешь, по-песы залаешь,

На брюхе червем поползешь!
Рассыплются прахом Кремлевские башни
И рухнет Казанский собор,
Но ляжет за это на русские пашни
Всегдашний, всесветный позор.

О страшном вреде чтения писал Вольтер: «Легкость распространения мыслей ведет, очевидно, к уничтожению невежества, охраняющего и спасающего все цивилизованные государства». Грибоедов устами Фамусова возглашал: «Забрать все книги бы да скучь». Невежество от сохи поддержит, невежество с высшим образованием одобрит, невежество в погонах проголосует как надо.

По этим размышлениям видно, что Кузнецов был какой-то бесшабашный.

В минус нулевом году на слиянии двух водных потоков, которые тогда не имели названия, росли три ели и восемь берез. Существо сидело на другом существе, скачущем между водами, и существа эти имели глаза, рот и нос. Названий не было ни у кого и ни у чего. Но у всех были глаза, рот и всё остальное. В метро напротив Кузнецова в тесноте сидят пять человек, хотя сиденье рассчитано на шесть. Летом бы им было просторнее, поскольку зимняя одежда превращает людей в бурых медведей. Но у всех есть глаза, рот и всё остальное. Распространение собственных копий всевозможных существ во времени и в пространстве стало сущностью Бога, у которого нет ничего, кроме букв, знаков, цифр, точек и запятых, нот, вопросительных и восклицательных знаков и так далее и тому подобное, называемое собирательным словом: «Слово». Вот Слово и есть лицо Бога.

На электроподстанции, где Кузнецов после школы работал, задымил один из электроизоляторов. Дым повалил такой смрадный, что Кузнецов сразу чуть не задохнулся. Он один был наверху, остальная бригада выпивала в подвале. Едва успел выскочить на улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха. И

бесшабашный

опять нырнул туда, чтобы вручную отключить трансформатор. Автоматическая защита от короткого замыкания не сработала.

Тroe в Troe что-то строят, на троих сходит, смотря по настроению, отчасти был рад такому настроению, потому что в каком бы Кузнецov ни был настроении, то впадает в лихорадочно-восторженное настроение, чтобы отвлечь неприятное настроение, и продолжает быть в превосходнейшем настроении, дабы не впадать в странно-раздражительное настроение, чтобы улыбнуться этому очень забавному настроению мыслей, что может благотворно повлиять на настроение его ума, признающего его собственное настроение в таком грустном настроении, от этого его настроение меняется сразу, поскольку наступает безразличное настроение, иными словами, будничное настроение овладевает Кузнецовым, хотя, надо сказать, он ждёт всегда подходящего настроения, чтобы настроение мало-помалу становилось тихим, ни плохим, ни хорошим настроением, однако всем известно, что среднего настроения не бывает, потому что Кузнецов всегда находится то в плохом, то в хорошем настроении, и от этого настроения ему не спрятаться за любое другое настроение, даже за негативное настроение интеллигентного общества, совсем или окончательно потерявшего всякое настроение.

Когда Кузнецов в дыму полез к рубильнику, его ударило током, но отключить оборудование успел. Пьяная бригада когда вышла наружу с песнями и плясками, то решила, принюхиваясь, что ничего страшного не произошло, мол, автоматика сработала. А как без дымка? Без дымка никак! Кузнецов промолчал. После этого Кузнецов не появлялся на работе три дня.

Да, Кузнецова тогда сильно тряхнуло током.

И одновременно мозг просверлила мысль о том, как нааться мужества, чтобы навсегда оборвать нить, связывающую его с миром соподчинений и выполнения команд, с миром, в котором рождающиеся хоронят умерших, с миром, где плотью правит еда? За речкой на горке звенит колокол в ма-

ленькой церкви. Пастух пасёт стадо. Коровы едят траву и дают молоко. Маленькая балерина превратилась в маленький цветок. Ласточка лепит гнездо под потолком в конюшне. Бригадир на «мерседесе» едет на Охотный ряд обсуждать вопросы культуры. Ответ прост. Кепку брось и садись на паперти храма, и пока тебе сыплют монеты прихожане, сочиняй стихи о своём появлении на свет, а потом терпеливо иди вдоль реки к истоку, где яблоко пробует Ева.

Ходил по улицам, всё присматриваясь к чему-то. В сумерках ноября в переулках тишина. Слабые фонари спокойствием дышат. Темнеет так быстро, что сам себя Кузнецов не различает, лишь тень от него иногда достает до крыши, а потом уменьшается до первого этажа. Он идёт не спеша, наполняет душевный сосуд стихами, иногда в рифму, но чаще свободным размером, чрезмерно похожим на осень с вуалью дождя и огней, очень бледно дрожащими в капельках сладкой печали. В другой переулок входит, где в начале широкая арка ворот приглашает пройти проходными дворами к бульвару, освещенному звездами, что случайно упали на зеркальную влагу скамеек, позднему часу внимая.

Бригадир спросил его:

- Ты где был?
- Там.
- Ну иди тогда туда.

Кузнецов взял в кадрах трудовую книжку и пошёл на чулочную фабрику слесарем. Зачем-то в крутящийся станок сунул отвёртку. Отвёртка ударила Кузнецова в лоб. Станок сломался. А Кузнецов взял трудовую книжку и пошел работать на почтamt.

Тогда он был молод, безропотен.

Подъезжает фургон «Зил-почта». Кузнецов первым идёт на погрузку. Горы посылок и мешков. Кузнецов грузит и грузит. Не останавливается. Один. Другие больше изображают работу. Слышины реплики: «За такую зарплату пусть трактор работает!», «Вкалывай, Иван, мы тебя прокормим!»

бесшабашный

Почта всегда была связана с представлением о гирях. Такие вот были металлические бидончики. На одну чашку весов укладывается посылка, на другую гири. Взвешивание, за которым угадываются крытые грузовики, с надписью на боку «почта», огромные склады, где сортируют посылки, бандероли, письма, железнодорожные вагоны, прицепленные, как правило, сразу за тягачом (паровозом, тепловозом, электровозом). На станциях из них выкидывают набитые корреспонденцией мешки. Потом стоишь в очереди на почте к окошку выдачи-сдачи, получать-отправлять. Оглядываясь в пору своей молодости, Кузнецов улыбается. Да, борьба с материализмом велась во все века неуклонно. Потому что миром правит идеализм (Слово). И вот письма летят по электронной почте, следом за письмами со скоростью взмаха ресницы перелетают из Москвы в Нью-Йорк книги. Цифровые технологии (технологии Слова). Почте материального мира пришёл конец. Такая судьба ожидает и тело человека. Оно станет электронным. Один клик - и ты там, где хочешь быть.

Небо потемнело. Из окон церкви на углу переулка доносилось пение. Кузнецов остановился, заслушался.

Иже Херувимы
тайно образующе и
Животворящей Троице
Трисвятую песнь
припевающе,
всякое ныне
житейское отложим
попечение.
Яко да Царя
всех подымем,
ангельскими невидимо
дориносима чинми.
Аллилуйя,
аллилуйя,
аллилуйя.

Колокольчик звенит. Занавес опускается. Цветы разговаривают тоненькими голосками серебряных колокольчиков. Утром, часов семь, Кузнецов расхаживает по квартире с колокольчиком. Дребезжащий звук колокольчика. У подъезда уже стоит трамвай с колокольчиками. Тсс! Что это? Как будто колокольчики? Кузнецов узнаёт серебряные колокольчики! Слышиште? Звон колокольчиков приближается. Теперь колокольчиков не слышно больше. Ну, а вы заметили серебряные колокольчики? Кузнецов слышит, как колокольчики, наклоняя свои головки, звенят. На другой день раздаётся колокольчик у его дверей. Пока Кузнецов звонит в колокольчик, наступает вечер. Садится в трамвай, продолжает звонить в свой колокольчик. Стучат колёса по рельсам колокольчиками. И Кузнецов теперь всю дорогу заливается колокольчиком!

Кузнецов учился в институте на Красноказарменной очень хорошо. До учёбы поменял столько мест работы, что трудовая книжка была вся исписана, и к ней прилагались два вкладыша. Поработает недельку другую, и - дальше.

Толстощекий начальник отдела кадров одного из мест работы Кузнецова с уверенностью прокурора сказал:

- Из тебя в жизни ничего не получится! Бегаешь, понимаешь, как этот...

Как "кто", бывший гэбешник не уточнил.

Ну, как "этот", так как "этот"!

Институт мелькнул как свет зарницы. От Красноказарменной до Большой Андроньевской путь не близкий, и даже очень не близкий, если идти пешком, хотя можно было бы спокойно прокатиться на трамвае. Но вот иногда Кузнецову упрямо хотелось идти поперёк, а не прямо. У него был своеобразный пунктик: там, где можно было проехать, он вопреки этому правилу шёл пешком. За это время он успевал перевести себя из состояния реальности в возвышенное. Шел и мурлыкал что-то из Бетховена. В общем, находился в хорошем расположении духа. Тем более по таким вдохновляющим к поэтичности маршрутам как 1-й Краснокурсантский и Танковый проезды. Склა-

ды, бетонные заборы с колючей проволокой, желтые мощные казармы петровских времён. Попадаются курсанты, прапорщики и офицеры, а также полицейские и омоновцы. На Волочаевской улице, сплошь состоящей из серых строений, даже если они другого цвета, Кузнецов слышал из открывшего на остановке двери 45-го трамвая, который обычно должен был следовать до «Сокольнической заставы», грозный окрик вагоновожатой: «До Казармы, только до Казармы!». Под мостом железной дороги Кузнецов выходил к бойницам древнего Андроньевского монастыря, который всю историю оборонялся от набегов врагов. Рогожская застава. Трамваи, автобусы, троллейбусы, давка машин, пробка. Отравлен был воздух, всё в дыму, пахло гарью. Темнело. На ощупь Кузнецов переходил на ту сторону к Большой Андроньевской улице с уходящими вдаль трамвайными рельсами. Бетонный домина справа тянулся на километр. Небоскреб в длину. У маленького отдельно стоящего магазинчика в свете фонаря лежал пьяный. Кузнецов не спеша прошествовал мимо Рогожской заставы до Крестьянской заставы с песней: «Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой...».

Кузнецова частенько одолевали страшные муки по поводу того, что ему через какое-то время предстояло менять не только бельё и постельные принадлежности, но и костюм, пальто, шапку (до начала холодов он ходил раскрытым с закрашенной хной сединой), ботинки. И когда наступал момент, что пора отправляться по магазинам, он впадал в такую меланхолию, что каждый вечер после службы должен был проводить в глубоких раздумьях наедине с рюмочкой коньяка. Дело здесь не в том, что ему не на что было приодеться, оклад у него был не просто приличный, а большой, дело обстояло в его неутолимой печали по поводу тщетности всего материального, поскольку всё изнашивалось, всё приходило в негодность, и он понимал, что прочность материального мира иллюзорна, и ему не на что опереться. Наконец, он набирался храбрости и отправлялся по магазинам. После всех этих мук, после службы, он, счастливо

вздыхая, во всём новом, со взглядом заядлого оптимиста, давал для себя маленький банкет с двумя рюмками.

Каждый рождающийся известным образом субъект, впоследствии становящийся (или не становящийся) человеком, обладает новенькой операционной системой и чистым жестким диском, как в компьютере. Он ничего не знает, но едва открыв глаза, начинает заносить впечатления на этот девственный диск. По мере продвижения по жизни, записываются собственное имя, формы языка, через который постигается всё остальное, с возникновением понятия знания самого себя, или - самосознание. Кузнецов стал размышлять об этом, обнаружив у Данте в «Божественной комедии» следующие строки:

Коль я был телом, и тогда, - хоть это
Постичь нельзя, - объем вошел в объем,
Что должно быть, раз тело в тело вдето,

То жажда в нас должна вспылать огнем
Увидеть Сущность, где непостижимо
Природа наша слита с божеством.

Каждый рождающийся есть копия его, её и их, во всех временах и пространствах (в совокупности - Бог). Но так как диск чист, то тот неоспоримый факт, что он был мною, тобою и всеми, не осознается. В этом божественный секрет бессмертия человека (человечества), а не индивидуального тела. Тело есть лишь временное вместилище духа. Сломанный компьютер заменяется следующим, который способен овладеть всем миром через загрузку всего того, что сохранено в Знаке (Слове).

Самое поразительное состоит в том, что Кузнецов никогда не был женат.

Женщины были и есть, а жены не было и нет.

Женщины! Что за загадка в них? Где концы и начала? Кто творит твою судьбу? В чем вообще смысл жизни? В чём сущность наслаждения? Господин ли я своей судьбы? Лучшее про-

исходит в безмолвной тишине. Не говори в тишине. Провожают гроб на кладбище с единственной мыслью: это не я, у меня есть многое впереди! Зачем ты гонишься за наслаждениями? Главное наслаждение - жизнь, в тебе живом, наблюдающим за падением снега из тёплой комнаты через окно. Быть хорошим человеком - вот главное достижение. Сколько за жизнь приходится пережить всевозможных настроений! Что может быть приятнее воспоминаний о хорошем. Философские взгляды на жизнь уберегают от многих бед. Мужчины! Что за загадка в них? Где концы и начала?

Во многих сомнениях Кузнецов пребывал всю жизнь.

Сам процесс сомнения нравится многим людям. Нравится ли им музыка? Смотри какая. А какая? Нет, Кузнецов не может сразу на этот вопрос ответить. И Григ хорош, и Чайковский хороши, и даже Люлли. А зачем выбирать между Григом и Люлли? Нет, всё-таки нужно выбрать. Спросят, а кто вам больше нравится: Григ или Люлли? Вот и утонет Кузнецов в сомнениях. Лучше вообще не отвечать. Но вот звучат скрипки. Кузнецов морщится от этого скрипа. По-русски и назвали этот инструмент так непочтительно - скрипка. Конечно, иногда скрипка звучит довольно-таки прилично, не раздражает. Но сама по себе скрипка, как кажется Кузнецовой, придумана для того, чтобы нервировать. А вообще, иногда приятнее посидеть на диване в тишине. Подумать. Посомневаться. Сомневаться в тишине хорошо. Ничего определённого.

Конечно, как тебе определили судьбу, так и пойдёт в жизни, хоть ты увиливай всеми доступными способами, она тебя не отпустит. Неотвратимая эта хозяйка судьба.

Кузнецову всё это показывалось наглядно, как в кино. То потолок превращался в небо с яркими вспышками, то чёрные птица летали из окна в дверь.

Невозможно ходить по улице к дому из-за многочисленных знакомых, или просто тех, кто учился с ним или просто знал с детства. Переехать бы, но от родителей Кузнецову досталась большая квартира, и менять он её не собирался. Ещё

не сказав «здравствуй», он сразу говорит "до свидания", и быстро переходит на ту сторону улицы, тотчас сворачивая в переулок, чтобы случайно не попасться на глаза ещё одному какому-нибудь «другу». Конечно, бывшему. Говорить с таким человеком совершенно не о чём, да Кузнецов в последнее время не находит в этом никакого интереса, поскольку заранее знает, что бывшие нагонят на него такую тоску вопросами непонимания моего состояния, что могут не на шутку выбить из колеи. На Кузнецова злятся, он спиной слышит хор голосов: «Он не желает с нами знаться, он слишком высоко занёсся...» и прочую чепуху в этом же роде. С бездуховными людьми просто беда, они могут вывести из себя в любую минуту. Поэтому лучше всего от таких людей огораживаться высоким забором, памятуя поговорку: «Чем выше забор - тем лучше соседи». Кузнецов освобождает свои мысли об их три-виальных заботах и от пустопорожних разговоров типа «как дела?», «как успехи?», потому что ему нужно сегодня успеть разработать один поворот в статье о новом понимании христианства, то есть погрузиться в свои ежедневные серьёзные занятия.

Громко ставил пластинку Шаляпина.

Жило двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр-атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных християн.

Господу Богу помолимся, древнюю быль возвестим!
Так в Соловках нам рассказывал инок честной Питирим.

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Сам Кудеяр из-под Киева
Выкрад девицу-красу.

Днём с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,

бесшабашный

Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.

Бросил своих он товарищей,
Бросил набеги творить,
Сам Кудеяр в монастырь ушёл
Богу и людям служить.

Господу Богу помолимся,
Будем ему мы служить,
За Кудеяра-разбойника
Господа Бога молить.

Испуганным зверьком, затравленным друзьями, сидит, едва дыша, забравшись в уголок, но всё равно идут широкими рядами, проходят под окном, звонят в ночной звонок. Он тих и невесом, отбившийся от стаи. Они всегда в строю, чеканят твёрдо шаг. Поняв, что нет его, уходят, в дымке тают, но новые друзья вздывают дружбы стяг. И эти вдали уйдут. Родятся же иные, чтоб дружбу навязать, чтоб был всегда он с ними в президиуме лиц, определённых свыше, решающих судьбу истерзанной культуры. Он в уголке своём старается бытьтише, поскольку нет его в друзьях у диктатуры.

На ночь погрузился в чтение:

«Алеша взглянул было на него, открыв своё распухшее от слез, как у малого ребенка лицо, но тотчас же, ни слова не вымолвив, отвернулся и снова закрылся обеими ладонями.

- А пожалуй, что и так, - произнес отец Паисий вдумчиво, - пожалуй и плачь, Христос тебе эти слезы послал. "Умилительные слезки твои лишь отдых душевный и к веселию сердца твоего милого послужат", - прибавил он уже про себя, отходя от Алеши и любовно о нем думая. Отошел он впрочем поскорее, ибо почувствовал, что и сам пожалуй, глядя на него, заплачет. Время между тем шло, монастырские службы и панихи迪 по усопшем продолжались в порядке. Отец

Паисий снова заменил отца Иосифа у гроба и снова принял от него чтение Евангелия. Но еще не минуло и трех ча-

сов пополудни, как совершилось нечто, о чём упомянул я еще в конце прошлой книги, нечто, до того никем у нас неожиданное и до того в разрез всеобщему упоминанию, что, повторяю, подробная и суэтная повесть о сем происшествии даже до сих пор с чрезвычайною живостию вспоминается в нашем городе и по всей нашей окрестности. Тут, прибавлю еще раз от себя лично: мне почти противно вспоминать об этом суэтном и соблазнительном событии, в сущности же самом пустом и естественном, и я, конечно, выпустил бы его в рассказе моем вовсе без упоминования, если бы не повлияло оно сильнейшим и известным образом на душу и сердце главного, хотя и будущего героя рассказа моего, Алеши, составив в душе его как бы перелом и переворот, потрясший, но и укрепивший его разум уже окончательно, на всю жизнь и к известной цели...».

Улицы, переулки, реки, кошки и собаки, липы и ясени, и жильцы старого дома, и фонарь бульварных строки, и пьяные у церкви с медью в кепке, и девушки с мобильниками в ухе, и шелест шин по мокрой мостовой, и трэш из девяноста двух каналов в его мозгу смешался до разряда могучей молнии, ударившей в ЦК, и Вий очнулся перед мавзолеем, воскликнув: «Подпишите протокол ареста сорока московских храмов!», и подписали вороха бумаг, потом сожгли и распылили пепел на берегу канала в никуда.

В окно Кузнецов ничего не мог разглядеть. То ли снежная сплошная завеса, то ли густой туман, то ли серый с голубоватым оттенком дым. Выйдя на улицу, он не мог сообразить, где что находится. Словно раздвигая вату, преодолевая сопротивление чего-то невидимого, Кузнецов пробирается наугад. Даже сомневается в положении неба по отношению к земле. Может быть, Кузнецов идёт вверх ногами? Нет ни времени, ни пространства. Есть только безмолвие и состояние невесомости. Всё исчезло, кроме ощущения, что Кузнецов плывёт в мутной воде. Как у Блажеевского:

бесшабашный

Я вернусь в ноябре, когда будет ледок на воде,
Постою у ворот у Никитских, сутулясь в тумане,
Подожду у "Повторного" фильма повторного, где
Моя юность, возможно, пройдет на холодном экране.

Я вернусь в ноябре, подавившись тоской, как куском,
Но сеанса не будет и юности я не угоден.
Только клочья тумана на мокром бульваре Тверском,
Только желтый сквозняк - из пустых подворотен...

Но Кузнецову хорошо, потому что нет ни страха, ни боли, ни растерянности. Даже любого маломальского желания нет. Кузнецов даже перестаёт сознавать самого себя. То есть нет его самого. Самого? Сам себя Кузнецов спрашивает: «Я кто такой?» Кузнецов существует или нет? Он уже жил или ещё будет жить? И как понимать это его «Я»?

Так ходил по жизни Кузнецов, пока не стал священником. По будням служит в чёрной одежде. В праздники облачается в белые. Блестит золото. Сверкает серебро.

РАЗВОД

Даже соседи разводили руками, мол, чего это они разводятся?

Христос ходил по воде с завидной ловкостью, не проваливаясь. Эта же задача успешно решается созданиями, умеющими ходить по поверхности воды. Ну, вот есть такие существа, паучки такие, которые с ловкостью ходят по воде, используя её свойство к поверхностному натяжению. Водные молекулы значительно прочнее сцеплены друг с другом, нежели с молекулами воздуха. Эта молекулярная сцеплённость воды действует, как пластиковая пленка. Паучок ходит по воде, словно по мягкому дивану. Поставит лапку, под ней образуется ямка. А натяжение эту ямку выталкивает, выравнивая поверхность.

Из прибрежной травы раздались голоса. Паук и паучиха выясняли отношения:

- Значит, ты хочешь сказать, что мы разводимся?
- Этого я не говорила.
- Ты хочешь развестись и ты намерена бросить меня?
- Успокойся и постараися услышать, что я...
- Ты уходишь?
- Да, раз и навсегда!

Пластик стола поблескивал от солнечного света из окна.

Жена закурила папиросу и с одышкой опустилась на стул. Она была чрезвычайно сухощава, поэтому черные глаза её казались огромными. Плита была чистая. Шумел электрический чайник. Жена насыпала в кружку две ложки растворимого кофе и залила кипятком.

Конечно, приятнее смолоть зерна и сварить настоящий кофе. Но жена всё упрощала до элементарных действий. По всему было видно, что она устала жить.

Очень немногие существа способны молоть себе кофе в зернах электрической мельницей, а тем более, ходить по воде.

Жена, известная как водомерка, хотя она к отряду пауков не относилась, а классифицировалась по отряду клопов, но выглядела как паук, и все на прудах и водоемах называли водомерок пауками, а не клопами, беззаботно проскользила по жизни, как по поверхности прудов и рек. Конечно, она делала в жизни и другие чудеса. Например, вставала на воде на задние лапки, подобно ящерице василиск из Центральной Америки.

Но Водицкий, муж водомерки-жены, как пизаурид, ещё более неподражаемый водоход. Водомерка лишь одним способом ходит по воде, а Водицкий - сразу тремя, используя их по мере надобности.

Для него вода - как танцплощадка.

Водицкий любит сидеть, притаившись в траве на бережку, а когда видит на поверхности воды какую-нибудь букашку-тарашку, то стремительно скользит к своей жертве.

Он даже может спокойно погружать свои лапки в воду, чтобы хватать головастиков или серебристых мальков рыб.

А по бережку красуются цветочки лютиковые, с ветвистыми стеблями и округлыми гладкими листьями с сердцевидным основанием, цветочки желтенькие. Водицкий называл их калужницами. Потому что в лужах, прудах и болотах любят расти. Кто-то называет их из-за пристрастия к воде лягушатником или водяной змейкой.

Водицкий заглянул на кухню. Он был ниже жены ростом, поджар, волосы, ещё сохранившиеся, подкрашивал в бурый цвет, дабы укрыть беленькие.

Вошёл сегодня он несколько странно, почти не отрывая ног от пола, как бы скользя по воде, словно превратился в Христа.

Хотя плотная поверхность с лёгкостью держит пауков, но, в чём парадокс, она же мешает им двигаться. Другое дело на земле! Тут нет никаких проблем, поскольку твердь действует с той же силой, что и отталкивающиеся ноги человека. Конечно, по асфальту ходить удобнее, чем по болоту. Но тем не менее пауки уверенно, какими-то, правда, рывками, как ритмичные стрелки по циферблату, передвигаются по воде.

А дело тут вот в чём.

Оказывается пауки гребут ямками, в которых стоят их покрытые воском лапки. Эти ямки, как вёсла. Когда паук работает лапкой, то перемещает с ней и ямочку, как галошу.

Водицкий сам этому передвижению удивился. До этого он ходил для своих восьмидесяти лет совершенно правильно, как обычные люди, даже не замечая своего хождения, а тут вдруг прискользил пауком на кухню. С чего бы это?

Вообще говоря, поверхностная пленка воды не совсем крепкая. Какая-нибудь песчинка пронизывает её и стремится ко дну.

Это уж общая закономерность - идти ко дну.

Ну, во всяком случае, падать на землю.

Дно - это ведь тоже земля.

Но пауки созданы такими лёгкими, прямо-таки воздушными, что для них натяжная водная поверхность что дом родной, поскольку весят паучки не больше грамма, да к тому же их изящные ножки покрыты предусмотрительно воском, с которых как с гуся вода. Таким же образом проделывают опыт с иголкой, которая не тонет, при условии очень осторожного положения её строго горизонтально на поверхность воды.

Она собиралась подать на развод.

Дом Водицкого походил на застекленный шкаф с почти коридорной системой. Но справа и слева располагались двери отдельных очень маленьких двух- и трехкомнатных квартир с комнатами каютами метров по восемь-десять каждая. Водицкий от предприятия получил здесь квартиру. Раньше он жил на набережной Максима Горького у Павелецкого вокзала. Да где он только не жил! Даже в Капотне. Два года. Жена попалась - стерва. На каждое тихое слово Водицкого - восемьсот оскорблений!

Жён у него, вообще-то, было восемь или десять. Уж он даже не помнил.

Привык к тому, что поживет с одной, и плывёт по натянутой поверхности жизни к другой. В водоемах всем паучкам места

развод

хватит. Квартиры под любым камышом! От предприятия. И бесплатно!

Сам Водицкий был из Киева. В Москве выучился на инженера. До поры до времени жил в общежитии. Потом женился и переехал к жене, с которой развелся через семь месяцев. Перепробовал нескольких жён. С печатью в паспорте и без печати. А то надоело платить за объявление в «Вечерней Москве» за публикацию информации в рубрике «Дело о разводе».

После одного заседания суда по поводу своего развода и раздела имущества, прекратил приглашать в свидетели о своей сексуальной жизни государство.

Это не секс, а юриспруденция! «Юридическая помощь при разрешении семейных споров: расторжение брака, взыскание алиментов, раздел имущества супругов, лишение родительских прав. Помощь в сборе информации о всех видах собственности, подлежащих разделу (банковские счета, недвижимость, доли в бизнесе и т.п.). Подготовка брачных контрактов и гражданско-правовых договоров. Защита ваших интересов при вступлении в наследство. Сопровождение имущественных сделок и защита от введения в заблуждение. Проверка и анализ договоров. Юридическое сопровождение сделок с недвижимостью и другое».

А есть среди вас те, кому после развода жена не разрешает видеть ребенка?

А потом: «Мы потеряли Отца всех трудящихся, и вместе с чувством навеки незабываемой утраты великая скорбь неслышными шагами прошла по стране и властно вторглась в каждый дом, в каждую семью».

В глазах Водицкого блеснули слезы.

- И ты видел её с этим?

- Ещё бы! Могу устроить за ними слежку, если тебе нужны доказательства для развода.

После всяких женщин и всевозможных скандальных историй познакомился, наконец, с начальницей гальванического цеха. Расписались.

Самое трудное в жизни - это оставить ближнего в покое. Хотя всё время повторяют, чтобы ты ближнего возлюбил, как самого себя. Этой любовью можно так доканать ближнего, что он просто не будет знать, куда от любящего деться. А не будешь подходить к нему, чтобы не досаждать ему, он с ходу обидится, мол, ты его забыл. Вот и крутишься всю жизнь в противоречии: любить - не любить. Самого себя-то до конца невозможно полюбить, потому что понимаешь, что до любви к себе по ряду причин не дорос. Остаётся допустить, что любовь к ближнему должна осуществляться по взаимному согласию, а любовь к себе быть дозированной.

Водицкому от предприятия дали комнату в Большом Татарском переулке. Соседей было много, но Водицкий с ними только в «здрасте-досвиданья» играл, и на работу и с работы. То же делала и жена. Чем меньше видишься, тем крепче семья!

Жена сейчас сидела на кухне, наблюдая, как Водицкий грациозно приско́льзил.

Ско́льжение паука по воде имеет свой скоростной предел, связанный с частотой махов лапками, поскольку при быстром движении давление на воду усиливается, то в какой-то момент ямочка на плёнка может прорваться.

Сначала жена родила Ольгу, а после войны Яну.

Водицкий часто огорчался при виде детей от мысли, что из них вырастут обычные люди, с обычным безразличием к водной красоте, с обычным стереотипом жизни: семья, жена (муж), дети, турпоездки в Турцию, шашлыки на природе и прочее.

Ольга, когда выросла, отучилась, как положено, в техническом вузе, распределилась в почтовый ящик, вышла замуж за военпреда, родила Петьку, но когда ему исполнилось четыре года, сказала мужу:

- Я с тобой жить больше не могу.
- Это я с тобой не могу, - сказал военпред.
- Придержи свой язык! - взвилась Ольга.
- Это ты придержи свой язык! - крикнул муж.

развод

- Как ты говоришь со мной? - спросила Ольга с гневом.
- Как надо!
- Ах, как надо?! Негодяй! Ты другого языка не заслуживаешь! - воскликнула Ольга и скрестила руки на груди.
- Опомнись, что с тобой, Ольга?! - сказал муж, пытаясь понять, что происходит.

Но Ольга с подчёркнутым достоинством, не обращая внимания на его слова, гордо вскинула голову, но в то же время, однако, силилась прикоснуться подбородком к груди, чтобы принять гордую позу.

Она была гордая, поэтому развелась со своим «приёмщиком» военной продукции.

Если же паукам приспичило разогнаться во всю мощь, то они используют иной приём, который можно сравнить с лошадиным галопом. Пауки как бы встают на дыбы, вскидывая передние ноги ввысь, после чего вонзают их с маxу в воду. Тут уж паук не полагается на поверхностное натяжение воды. Он просто сколь возможно отталкивается от воды. Импульс прыжка не позволяет пауку затонуть, а импульс вперед обеспечивает ему возможность бежать, подобно ящерице василиске, использующей такой же приём при беге по воде. В самом деле тут паук очень напоминает галопирующую лошадь, когда оттолкнувшись от воды на доли секунды, он зависает, как воздушная барабана, в воздухе.

Но разве прилично говорить о пауках, в которых превратилась собственная семья?

Яна, тоже когда выросла, отучилась по гуманитарной стезе, распределилась в комитет по народным культурам, вышла замуж за казахского чиновника, работавшего в Москве, и родила Генку. Она так и называла своего мужа "Казах".

Казах, как выяснилось вскоре, очень любил водку. Ничего здесь нового, а также старого нет. Ну, кто не любит водку?! Но, если хорошенько подумать, то водка-то и является основной причиной разводки. Водка-разводка! Выпил хороший стакан водки, спросил, ещё что есть? - телятина-с, водка-с, за-

куска-с, да ничего, чай, водка, селедка, пирог подадут: свои соберутся, уж какая тут водка! - помещение приличное, а водка, и не говори, стояла обильная закуска и водка, жалуемся на тоску или пьем водку, потому простой народ глуп, да и водка, а у меня всегда была водка, тут же хохот, песни, деньги сыплются, водка - как вода, а коли водка вся вышла, значит, спать пора, нет, сбегай за водкой, ведь жжет его водка; противна ему водка, а, гляди, как хлещет, хотя водка щипала его за язык, словно крапива, аж подпрыгивает, водка-то что делает, ах, ты, боже мой! - причина вся - водка, строгая водка, а ты помнишь, как мы на Сокол ездили за водкой? - очередь - тысяча рыл, менты за оградой, ёлки-моталки, из какого дерьяма мы вышли! - А теперь? Изящество, стиль! Пустой магазин, вежливые продавцы. Наливай!

Ну, муж-казах и наливал. До такой степени, что Яну не узнявал через неделю пропажи.

Через полгода Яна сказала мужу:

- Жаль, что я вышла за тебя... Теперь бы я на тебя взглянула другими глазами!

Казах после приёма плохо себя чувствовал. Он пришёл в пять часов утра и завалился в прихожей под одеждой на полу.

- Мне не до тебя, - слабым голосом отозвался он.

- А мне - не до тебя! - парировала Яна.

Затем они почти шёпотом, потому что спал Генка, вполголова обменялись еще несколькими словами, бьющими без промаха по самолюбию каждого.

Как-то раз Яна сказала, что на работе ходят всякие разговоры, и пора бы ей подать на развод.

И сразу развелась.

Пауки размножаются, как люди, а люди, в свою очередь, спариваются, как пауки, среди которых есть мужчины и женщины. Но вот с жилищными условиями у пауков, а также клопов, полегче, вернее, вообще не существует проблем с жильём, поэтому бракоразводных процессов с разделом имущества никто и никогда среди пауков, и тем более среди водомерок-клопов.

пов, не наблюдал. Самцы пауков, как и самцы человеков, вводят сперму в половые органы паучих, или клопих.

Через некоторое время Ольга нашла себе нового мужа, гражданскоого, из бухгалтерии. Он ходил в модном клетчатом пиджаке, носил рыжий портфель с двумя застёжками, и приукрашивал свое невзрачное лицо тяжёлой оправой очков, вроде седла для коровы, или скафандра для козы. Зимой он любил ездить на рыбалку. Но однажды не вернулся, потому что лёд под ним провалился и бухгалтер в тулупе пошёл ко дну вместе с очками. Его так и хоронили в чудовищных «модных» очках, которые казались больше гроба.

Быть может, в прошлые века люди боялись смерти потому, что себя считали бессмертными, ибо как же может именно он, центр мира, из которого ведется всё наблюдение, всё прослушивание, всё наслаждение прикосновением, обонянием... покинуть сей свет?! Это чувство смерти создает, разумеется, некий дискомфорт в жизни, поскольку всегда надо быть в некотором напряжении из-за гуляющей там и сям без спросу смерти. Конечно, эта центровая фигура мира всегда права, потому что не узнает собственной смерти. Сам центр никогда не поймёт, что он умер. Поймёт это другой центр мира, но скажет сам себе, что смерть того центра для него лично не имеет никакого значения. Поэтому знание о том, что он именно умрёт, его не касается. Пусть покойники несут своих покойников, а он жив.

Яна вошла на кухню вслед за отцом с видом всё в жизни решившей, воскликнула:

- Сейчас приедет мой новый муж!

Водицкий переглянулся с женой. Они привыкли к тишине в квартире. Яна занимала одну комнату с Генкой, который регулярно ходил в детский сад.

- И что же? - спросила жена.

- Он будет жить у нас! Мы расписались.

Приехал круглоголовый молодой человек с льняного цвета чёлкой, спадавшей на узкий лоб.

Пока стали привыкать к новому мужу дочери, он буквально на глазах стал худеть, истощаться, пока не превратился в жёлтую щепку. Хоронили его в маленьком, почти детском гробике, от вида которого вся жизнь казалась какой-то игрушечной.

Янин Генка стал уже в школу ходить.

Яна поплакала, а потом сообразила, что нужно почше обрывать старое, и начинать новое.

Взяла и вышла за семидесятилетнего генерала в запасе, у которого как раз умерла жена, и он остался один в огромной квартире в Трёхпрудном переулке.

- И чего она за старика пошла? - спрашивала Водицкого в домерка-жена.

- Сам чёрт не разберет! - восклицал Водицкий.

Яна же ходила счастливая с несколько глуповатой улыбкой. Не будет же она всем рассказывать, что у старика-генерала член стоял как у молодого жеребца!

Но счастье длилось недолго. Генерал скоропостижно скончался прямо на Яне во время полового акта. Яне досталась квартира и много денег. Она решила построить себе дачу.

Тут ей подвернулся энергичный молодой адвокат, сразу сказавший, что может устроить ей собственный дом под Звенигородом. Дом будет построен за три месяца, только нужно внести столько-то денег. Яна давно мечтала о хорошей даче и с удовольствием подписала разные бумаги и внесла требуемую сумму. Конечно, Яна была ещё не пуганная, но адвокат сразу исчез бес следа.

Но Яна хотела всё-таки разыскать его следы.

Пока искала эти следы, сошлась с бывшим хоккеистом из сборной страны, ныне функционером федерации хоккея. Они полюбили друг друга и расписались. Зажили счастливо. Яна рассказала хоккеисту-мужу об аферисте-адвокате.

- Ну, я-то его разыщу через своих ребят.

И встретил адвоката где надо на углу. Но виду не подал, а пошёл за ним в сумерках по пустынному переулку. Кепку хоккеист сдвинул на глаза, поднял воротник плаща. А потом до-

развод

гнал, и сказал адвокату: "Приятно с умным человеком прогуляться!" Тот почувствовал неладное, начал дрожать от страха, спросил: «А что вам, собственно, угодно?!» Когда хоккеист стал передавать привет от Яны, адвокат упредил его последующие силовые действия выстрелом в упор из пистолета с глушителем, который легко извлек из-за пояса.

Яна одной оставаться пришлось недолго. Но расписываясь теперь она не стала. Приплывающий время от времени самец-паук подтвердил её догадку о самой надёжной форме семейных уз, только без всякого узилища.

Ольгин Петька поступил в институт по металлу.

- Всё, хватит! Я не могу тебя больше видеть! Развод! - кричала Ольга.

- Ты думаешь, что доставляешь мне удовольствие? Ты глубоко заблуждаешься. Развод так развод! - кричал муж.

С мужем, как можно догадаться, Ольга развелась. К ней стал ходить простой токарь из второго цеха. Печать в паспорте они ставить не стали.

Ходил-ходил, да перестал ходить.

Ольга потеряла всякую веру в себя. Люди довольно часто теряют веру в себя, ещё не ощущив в полной мере этой веры, даже, быть может, не подойдя к ней. Такие люди с горечью признают себя в этом огромном и холодном мире посторонними, хотя смотрят на мир из одной и той же точки, запечатанной в их теле. И всё равно не верят в себя. А уж если на них обрушаются беды, то вовсе склоняют ниц головы, и дух их лежит под ногами. Дух падает бесшумно и лежит под ногами. Но даже падшие духом люди в какой-то момент, спустя время, вдруг ощущают чью-то поддержку, как будто кто-то с неба протянул им руку. Дух возвращается на место, и тело подчиняется ему. Это означает, что в жизни нет безвыходных положений, что каждого человека обязательно поджидает спасительная рука.

Видно было по всему, что Ольга что-то задумала.

Её тайну, как казалось Ольге, никто не разгадал и никогда не разгадает.

В каких только компаниях в поисках новой партии Ольга ни побывала, но не промахнулась, найдя себе нового мужа, жи-деньковолосого и рябоватого, бывшего члена правительства, который, пока был в правительстве, крышевал крупный бизнес, а когда ушёл из правительства, то этот бизнес присвоил себе.

Вот в период его перехода из правительства на запасной аэродром, Ольга и сошлась с ним.

Не просто сошлась, а полюбила его всем сердцем.

Тот тоже потерял голову, развелся с бывшей женой и расписался с Ольгой. Через год у них родилась дочь Машенька.

Через два года этот член-бизнесмен сошёлся с молоденькой манекенщицей, и бросил Ольгу. Через суд.

Теперь Ольга жила в Испании в собственном доме, получая в месяц двадцать тысяч долларов алиментов. Вот это партия! Да, деньгами нужно умываться, а в магазине платить водой, которая создаёт деньги, безропотно умывая всех на свете, вра-щающая турбины генераторов гидроэлектростанций, наполняя мо-ря и даже океаны, чтобы в них топили деньги перемещающие-ся по белому свету тела, мгновенно раскрывающие зонтики при виде грозовой тучи, попав в которую падают самолеты с обледеневшими крыльями с этими путешествующими телами, падают прямо в океаны банковских ассигнаций, которыми на-воднены все страны мира, но не всем поровну достается, по-этому идёт бесконечная ударная битва за урожай, чтобы на-полнить им желудки людей, стоящих под зонтиками, когда по-сле вспышки молнии ударили гром, и начался ливень банков-ской ликвидности, которую только успевали подхватывать са-мые проворные, но как только бумажки оказывались в их ру-ках, так сразу превращались в воду, которая продолжала вра-щать мельничное колесо вечности.

В нашем пруду все кувшинки, как солнышки!

Самое интересное, что Водицкий никогда не делал дочерям замечаний, как и жене. Водицкий воспринимал в жизни всё так, как есть, без всяких претензий и поучений. Жизнь, конеч-но, серьёзная штука. Это знает, по сути, каждый, исходя из сво-

развод

его жизненного опыта, позволяющего научиться управлять своим поведением на сцене. Да, вся жизнь человека происходит на сцене жизни. Ты вышел на улицу и уже попал в поле зрения окружающих. Хорошо, если ты никому не досаждаешь, то есть становишься незаметным. Но ещё лучше, когда ты своим умением подбадривать людей, приветствуешь их, или даже хвалишь. Тебе не по нутру какой-то человек, ты готов его истинно проклясть, но вместо этого говоришь ему приятные два-три слова, этого достаточно, и проходишь далее. Умение переключать свои негативные эмоции на приятные окружающим - есть великая этика жизни.

- Любимые доченьки мои! - говорил Водицкий вслух, про себя думая: «Ну, и стервы!»

Он поражался той скорости, с которой дочери меняли партнёров.

Нетерпение свойственно каждому человеку. Он сразу хочет видеть результат какого-то своего действия. Самое актуальное нетерпение для молодых семей - ожидание рождения ребёнка. И вот он родился, скажем, сын, счастье через край. Корить, ходить гулять, нянчить. Но если этой паре сказать, что через 15 лет их сын станет убийцей, то тебя тут же сотрут в порошок. Многие человеческие неудачи являются следствием нетерпения, суеты, социальной карьеры, постоянной смены дела, жительства, жен.

Где лес и поле раскинулся дивный пруд, зеркально отражающий синеву неба. Едва заметная волна прибрежная качает жёлтые кувшинки. Шуршит высокая трава, из которой гордо устремлены в небо гаванские сигары камышей. Под ними трепещет зелёная ряска.

Водицкий вплыл на кухню, а жена ему сразу и говорит:

- Давай и мы с тобой разведёмся. Мы что-то отстали от моды.

- Давай, - говорит покорный Водицкий.

- Ты что-нибудь предпринял для развода?

- Ничего не требуется. Мы ведь просто сожители.

юрий кувалдин

И задумался.

И стать бы Водицкому не тем что он есть, а кем-то другим, чтобы видеть, как он преодолевает водную гладь. У каждого свои спектакли.

Водицкий надеялся, что жена рассмеется, но та не моргнула даже глазом. Сама пошла в атаку:

- Мне надоело быть на побегушках и вечно убирать грязь, которую ты везде разводишь!

Ещё она что-то кричала, а Водицкий вдруг понял, что надо просто взять да ускользнуть в камыши.

"Наша улица" №183 (2) февраль 2015

ГОЛОС

- И что, не поместимся?! - розовощёко похочатывая, воскликнула своим визгливым голосом тётя Шура. - Вон, на диване, места-то на шестерых, а Зинка с Толькой на валиках устроится.

Диван был массивный, старый, с несколько раз перетянутыми пружинами, с высокой спинкой с полочкой, на которой стояла дюжина обязательных фарфоровых слоников, которых и упоминать бы не стоило, но они и здесь стояли, как в большинстве комнат бесчисленных коммунальных квартир столицы, тех слоников, что, сказывали, приносили счастье, слоников мал мала меньше, отражающихся в продолговатом зеркальце.

В это время Матвей Викторович, с лёгкой полнотой мужчины с заметной лысиной, внес в комнату длинную доску, которую держали в сарае на улице для праздничных встреч гостей. Стол был уже раздвинут, а к нему с торца приставлен кухонный стол, который в своё время делал сам Матвей Викторович. Он был в линялой майке, на груди открывавшей густую черную поросьль, и в полосатых пижамных штанах, с заплаткой, в kleточку, на коленке. Он промолчал, когда жена Шура поставила ему эту клетку, могла б подобрать и в полоску.

- Все поместимся, - спокойно сказал он своим мягким баритоном, и его серые глаза заблестели.

Мелодично пропели позолоченные часы на комоде. Эти часы подарили Матвею Викторовичу дети и жена на 50-летие.

Съехались гости. Человек тридцать. Мужчины при галстуках. Женщины в цветастых платьях. Комната уплотнилась, как вагон трамвая в час пик. Кому не хватило тарелок, дали блюдца. С вилками тоже возникла проблема, но те, кто попокладистее, довольствовались ложками, благо винегрету тётя Шура настрогала эмалированное ведро, преобладали солёные огурцы, свёкла, морковь и картошка, сваренные, как положено, в «мун-

дире». Несколько железных мисок были до краев наполнены треской, без костей, под томатным острым маринадом. Хлеба нарезали пять буханок черного и десять батонов белого. Хре-на и горчицы было с избытком, банок по десять.

Детвора дошкольного возраста крутилась и даже ползала под ногами. Кто-то из них крутил ручку патефона, кто-то ставил очередную пластинку с Руслановой или Утёсовым.

Среди родственной молодежи выделялась племянница Матвея Викторовича Аня, почти совершеннолетняя, со звонким и ясным голосом, с зелёными глазами и с длинными ресницами, в декольтированном платье с торчащей спелой грудью, безукоризненным сложением, и такой тонкой талией, что Матвею Викторовичу казалось, что он обхватит её пальцами одной руки.

Аккордеонист Николай, двоюродный брат жены, ещё не совсем старый, с черными длинными кудрями, спадавшими от прямого пробора направо и налево, закрывая уши, когда заметно повеселел, пошептался с Аней, кивнул и заиграл.

И вот Аня, протиснувшись из-за стола к окну, прозрачными, как горный ручей, переливами выводит первую песню, и гости не могут глаз от неё отвести, как будто всех их насквозь пронизывает ощущение внутренней чистоты.

- Ох, как поёт, красавица! - слышны восклицания после звона рюмок и стука вилок и ложек по тарелкам и блюдцам.

Когда Аня начинала новую песню, то серебристый голос выходил как бы из каждой клеточки её юного тела, ласкал слух, как голос самой любви, слаще которой нет ничего на свете.

- Ещё, ещё! - просили раскрасневшиеся и вспотевшие гости, когда Аня заканчивала песню.

Одна песня была грустная, протяжная, и,казалось, по широкому, свободно льющемуся голосу Ани, что в душе её была горечь и в сердце грусть.

Дальше, конечно, Матвей Викторович видел всё как бы в тумане, потому что за одной рюмкой пошла другая, под солёный

грибочек, а там пятая, под малосольную селёдочку, восьмая, и между какими рюмками опять пела Аня, в толк взять не мог. Но пела так хорошо, как не поют даже по телевизору.

Матвей Викторович сильно захмелел, и он уже не помнил, как обнаружил себя в закутке коридора с Аней, которая упиралась ему руками в грудь, и, сильно дыша, шептала: «Не надо, дядя Матвей!» - а он, несмотря на некоторое сопротивление, запустил свою рабочую руку под юбку и гладил что было мочи разгорячённую нежность певицы.

Вдруг Матвей Викторович ощутил такой силы удар сзади по голове, что эротическая восторженность тут же сменилась упадком стыда, смутно чувствуемого через оглушительное опьянение.

Тётя Шура визжала на всю ивановскую:

- Старый кобель! Чего удумал! Родную племянницу щупать!
Я те покажу, кобелина! - И новый удар, уже по спине.

Из комнаты в коридор в испуге изумления высипали не только гости, но и соседи.

Бабка Серафимовна из комнаты против кухни, сгорбленная до пола, с седой бороденкой, покачивая трясущейся головой, причитала:

- Ай, бессовестный, ай-яй-яй...

Праздник был испорчен. И только ночью Матвей Викторович, маленько проторевшись, понял весь ужас случившегося. «Ну, она же так зазывно пела!» - пронеслось в его мозгу. Он встал с дивана, взглянул в сторону огромной кровати, где обычно спал рядом с Шурой, и стал отыскивать на столе в по-темках остатки возлияний. Уж это Шура знала, и всегда оставляла на столе похмелку, невзирая на своё отношение к очередному «концерту» мужа. Бывало с ним такое. То сестру Шуры Стешу прижмёт, то, когда ездили в деревню, на заднем дворе, где в загоне сопели две овцы и коза, пока в избе пировали свадьбу пристроился к голому розовому заду похотливой Нинки, сестра которой, Нюрка, выходила за тракториста. Благо Шура вовремя спохватилась отсутствием мужа за столом, кину-

лась на зады и едва оттащила уже вошедшего в бесстыдницу супружника.

Как только Матвей Викторович шлепнул рюмашку, Шура позвала:

- Ладно-ть, кобелина, иди сюды, в родные стены! - При этом она провела языком по верхней губке. И как только Матвей Викторович занёс колено на высокую перину, Шура подхватила его, откуда только силы брались, взвалила на себя, раздвинув шире обычного полные колени и буквально строго приказала: - Давай-давай, не спи, знай себе, знай жену родную!

Матвей Викторович почти механически вдвинул свой исправный мощный инструмент в родные гостеприимные печаты.

Утром, когда собирался на работу, слышал:

- Эх, Мотя, - она его «Мотей» звала, - бельмы-то не заливай себе так! Ведь стыда не оберёшься!

Матвей Викторович с трудом запихал в себя горячую сардельку с горчицей. Затем, подумав, съел пару ложек вчерашнего винегрету.

- А я-то чего? Да ничего... - с лёгкой задушевностью сказал он.

И пошел на трамвай. В подвалной мастерской уже поджидал его какой-то удивительный старичок, такой маленький, что казался подростком, но с очень большой головой, убелённой гривой непокорных волос, так что намёка на их выпадение, а тем более, на лысину, не было. Взглянув на него, Матвей Викторович сразу прикинул, что старичку не меньше ста лет. Ребята в углу за столом с утра пораньше «забивали козла».

- Привет, Викторыч! - послышались их голоса.

- Привет-привет, - добродушно отозвался Матвей Викторович, заметив под верстаком бутылки.

Чуть слышно на инструментальном шкафу играло какую-то скучную музыку радио.

- Вам какие вопросы решать пришли? - спросил вежливо у старичка Матвей Викторович.

Старичок вгляделся в мастера изучающим взглядом и сказал своим густым басом:

- Мне сказали, что вы можете по плотницкому делу всё сделять...

Матвей Викторович даже оторопел от такого сильного и редкого голоса, только по радио такой слыхал, и почесал затылок.

- Кто сказал? - поинтересовался Матвей Викторович.

- Да в нашем доме. Вы кабинет Лойко панелями облицовывали.

Матвей Викторович вспомнил, кивнул. Достал из ящика стола замусоленный блокнот и химический карандаш.

- И что же будем работать? - спросил Матвей Викторович.

- Дверь в другом месте сделать. Ну, старую убрать, и проём наглоухо закрыть... - сказал старичок, покоряя Матвея Викторовича красотой своего величественного голоса.

- Заподлицо? - поинтересовался Матвей Викторович.

- Как вы говорите? Под лицо? - уточнил вопрос старичок.

- Да нет! Заподлицо... так это гладко со стеной... как будто тут и не было двери, - разъяснил с задушевностью в голосе, даже проникновенностью Матвей Викторович.

- Во-во, именно, как будто не было... Прихожая будет просторнее... А дверь в другом месте в стене сделать...

- Так, - сказал Матвей Викторович и принялся писать в блокнот. - Значит, прорубание проёма под дверь, арку в кирпиче...

- Во-во, прорубание... - подтвердил старичок.

- Ну и, знамо дело, установка встроенной в стену двери.

- «Знамо дело», - с нескрываемой улыбкой подтвердил старичок.

- Так, аванс будет? - спросил Матвей Викторович.

- Несомненно! - сказал старичок.

- Так, лады! - сказал Матвей Викторович. - Пошли на место осмотра.

Он взял деревянный ящик, сколоченный из фанеры наподобие корзины, со своим набором инструментов, оглядел внимательно содержимое.

- Кто стамеску брал?! - строго спросил он.

Один из игравших за столом откликнулся, сбежал в соседнее помещение, и принёс с обмотанной чёрной изолентой ручкой стамеску.

Пока шли проходными дворами, Матвей Викторович не удержался и спросил:

- И сколько же вам будет годов?

- Страшно сказать, - забасил старичок, - в прошлом году сто два года исполнилось.

Матвей Викторович остановился, опустил взгляд на свои кирзовые рабочие ботинки.

- Я, значит, правильно прикинул, - без всякого удивления сказал он.

Старому велосипеду "прогресс" без одного колеса в огромной прихожей на стене Матвей Викторович не удивился, как не удивился какому-то фантастически огромному количеству книг в шкафах и на стеллажах. Роялю в огромной комнате, в которую дверь вела почти что от входа в квартиру, Матвей Викторович тоже не удивился, потому что знал этот старинный высокий дом, с разными украшениями и лепниной, как дом всяких деятелей в отдельных больших квартирах.

- Ну, эту, что ль, дверь будем переносить? - спросил Матвей Викторович.

- Эту самую... Понимаете, я хочу, чтобы она теперь была вон там, - сказал старичок и указал тонкой рукой в конец широкого коридора...

Он ещё что-то хотел объяснять, но Матвей Викторович мягко остановил его, ухватив замысел с ходу. Достал из ящика ruletku и стал делать измерения...

Сошлись в цене и сроках работы без длительных споров.

На другой день, начав стук кувалдой по увесистому шлямбуру с утра, так что несколько раз в дверь звонили возмущенные соседи сверху и снизу, Матвей Викторович с напарником прорубил в кирпичной стене, конечно, не несущей, нужный проём для новой двери.

Неделю с небольшим Матвей Викторович с подручным занимался переносом двери.

Время от времени в перерывы между работой старишок играл на рояле.

- И вы особое какое питание применяли в жизни, чтобы столько годов протянуть? - спросил Матвей Викторович.

Старишок провел детской ладошкой по своей седой гриве, пробасил, при этом казалось, что басит не этот щупленький человечек, а кто-то другой, спрятавшийся поблизости:

- Да нет... Питался самым простецким образом. Никаких там диет! Главное дело в жизни - выверенный ежедневный ритм и дисциплина...

Матвей Викторович тут же непроизвольно поддержал:

- Знамо дело. Кричу, говорю, не лез из ямы, так нет... Полез - и чпокнули!

- Кого? - удивился старишок.

- Да, в Румынии, помню, парнишку прибило осколком...

- Молодость горячится всегда, - согласился старишок.

- Ну, мы его тут же закопали, а потом на полуторке спокойно доехали до Бухареста...

В другой раз старишок прямо с порога вцепился в Матвея Викторовича. При этом глаза старишки горели:

- Тут ночью, не спал, принялся читать Гёльдерлина, а потом сам собой сочинился роман. Я вскочил, записал слова и - к роялю. Написал мелодию.

- Прямо так сразу?

- Именно, что сразу!

- И слова, и музыку?

- И слова, и музыку. Открылось сердце, как говорится. Я чувствовал себя центром мира. Понимаете?

- Чего ж тут не понять, - безропотно согласился Матвей Викторович.

- Да нет... Не то... Я стал Солнцем, вокруг которого крутятся все другие люди! - говорил в запале старишок и ходил из угла в угол.

- Солнцем? Вот это да! - всё же несколько изумился Матвей Викторович.

- Да, случается такая самонадеянность. Я вообще думаю, и нелишне напомнить, что центром мира, - тут старичок приглушил свой оперный бас и перешел почти на шёпот, - является человек. И созданный им звёздный мир содержит бесконечное количество солнц, вокруг которых вращается бесконечное количество планет, на которых живут бесконечные количества центров мира, соединенные все без исключения одной фокусирующей силой - Словом. «Космос» есть слово. Как и «Москос», где я центрирую мир. Изукрашенный мечтой, как мечеть - «Mosque».

- Москос... - только и повторил, мало что понимая из моно-лога старишка Матвей Викторович.

- Как-то всё странно у меня получается, - сказал старишок, помолчал и продолжил: - Светлый серп на тёмном небе. В комнате разлит холодноватый свет. Едва освещена книга, раскрытая на краю дивана. Я что-то читал, а что? - уже не помню. Чёрные линии строчек на белых страницах. Рассредоточение внимания. Что-то там написано, но разобрать не могу, поскольку нахожусь в каком-то переходном состоянии от сна к пробуждению. Я почти всегда вижу чёрные строчки в холодном свете. Не тороплю себя приблизиться к тексту и прочитать его. Пусть издалека в лунном свете белеют страницы с чёрными строчками. Так спокойнее. Ведь каждое слово будет вести меня в ассоциативный параллельный мир, смотрящий на реальность, как этот серп луны смотрит в моё окно.

Матвей Викторович смотрел в это время на свои кирзовье грубые ботинки, покрытые красноватой кирпичной пылью.

Старичок же, проговорив всё это с поэтической приподнятыстью, сел к роялю, тронул клавиши, и, когда полилась серьёзная мелодия, которую Матвей Викторович воспринимал с большим трудом, запел на низких регистрах:

голос

Вдохновенье от забытой старины
Переходит в сильное волненье,
Словно наблюдаю чьи-то сны,
И ловлю ушедших граждан взоры,
Сочиняю современный стих
Под людей трамвайных разговоры.
Кто я в глазах твоих?

Смешно брать в руки лиру.
Историю людей любя,
Блуждаю по иному миру,
За всё благодарю тебя.

Особенно за стройность стана.
Любвеобильнейший боец
Былое любит без обмана,
Чтоб очутиться наконец
На современном поле мщенья.
Я стать историей готов,
Чтоб избежать судьбы забвенья,
И обрести в грядущем кров.
Зачем сомнение нас мучит? -
Понять никак я не могу.
История того научит,
Кто поднесёт стакан врагу.

Достойнейший из племени людей
Всегда поднимет моря кубок полный,
Чтоб самого его встяхнули волны
Былых надежд и будущих страстей.

Старичок исполнил свой романс с глубиной и мощью, передавая разнообразную гамму эмоций просто и свободно.

Как-то при установке двери уже на новое место, Матвея Викторовича осенило.

- У меня, это, племянница шибко здорово поёт... - сказал он.

- Поют многие, - с усмешкой сказал старичок. - Только вот певцами становятся единицы!

Последнюю фразу старичок произнес с такой утвердительной и устрашающей интонацией, как будто диктор диктаторского радио Юрий Левитан прогромыхал для испуга врача: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!»

- Да нет! - возразил с предельной мягкостью в интонации Матвей Викторович. - У неё голос как из этого, ну, как из низа живота по всему телу поднимается! Ну, как сам собой вылетает!

Старичок удивленно промолчал.

- Да-а?! - после паузы изрёк он.

Теперь уже помолчали вдвоём как-то дружно. Затем Матвей Викторович, для убедительности притопнув, как в пляске, сначала правой ногой, потом левой, произнёс:

- В том-то и дело, что голос как бы, это самое, сам собой... Чудеса!

И чудесный бас старишки, бас, которому не мог надивиться Матвей Викторович, хотя внешне этого не являл, изрёк:

- Ну, Матвей Викторович, приводите ко мне, послушаю, как это она сама по себе поёт.

Некоторое смущение в Матвеи Викторовиче от «зажима» Ани в коридоре оставалось, но все же он заехал к брату.

Там и забыли случившееся, и глазом не повели, или сделали вид, что забыли. Но, тем не менее, брат гостеприимно поставил бутылку «московской», да и Матвей Викторович свою такую же, с белой головкой, прихватил. Аня, правда, едва блеснув глазами, тоже села за стол. Ну, Матвей Викторович после третьей рюмки всё и выложил, мол, так и так, халтурит у композитора, у того студенты по роялю учатся, но он и по певцам тоже соображает, а если что, то и пристроит Аню в настоящие певицы.

Аня при этих словах пунцовкой сделалась. А Матвей Викторович не мог налюбоваться её огромными зелёными глазами с очень длинными ресницами.

В школе Аня училась плохо, особенно ненавидела математику, по русскому языку писала с орфографическими ошибками

ми, о запятых и иных знаках препинания понятия не имела, один раз осталась на второй год. Голоса её тогда никто не слышал, потому что она его из-за какого-то упрямства или природной закрытости не показывала, да и, надо сказать, сама не знала, что у неё есть голос.

После семилетки пошла работать на завод точить гайки на станке-полуавтомате.

Вся замасленная, в синем сатиновом халате, в чёрном берете, она утонула в рабочей массе и, казалось, всю жизнь будет точить гайки.

Она не любила читать, и не прочитала ни одной книги. Вообще, казалась равнодушной ко всему, пока на неё не положил глаз слесарь-инструментальщик. Тот на заводских вечерах пел песни соответствующего репертуара, вроде «Я люблю тебя жизнь». Однажды, после исполнения этой песни на концерте в честь международной солидарности трудящихся 1 мая, он посмотрел на Аню с хитринкой и попросил: «Спой, как я?!»

И она с ходу, не задумываясь, так выдала «Я люблю тебя жизнь», что у слесаря-инструментальщика, как говорят в народе, «отвисла челость». Он только и проговорил: «Откуда что берётся?!».

Привёл, короче говоря, Матвей Викторович Аню к композитору. Новая дверь уже сияет лаком. Один студент поёт арию Ленского, другие, раскрыв рты, слушают. Ну, эту музыку Матвей Викторович не понимал и не любил, однако вкуса своего устно не распространял, и со стороны даже казалось, что эта музыка доставляет ему невиданное наслаждение, потому что он так возводил глаза к полку, что в них читалась глубокая мысль понимания и сопереживания. Надо сказать, Матвей Викторович с детства зарубил себе на носу правило, о чём мать его всегда повторяла: молчи, за умного сойдёшь! И, практически, всю жизнь сходил за него. Ибо умел глубокомысленно молчать.

- Ну-с, что мы будем петь? - вкрадчиво пробасил композитор, готовясь на слух подхватить и подыграть на рояле.

Окна были открыты и воздух тёплого весеннего вечера создавал благостное настроение.

- Нет. Мне не надо по клавишам. Я своё, - с некоторым испугом сказала Аня.

И запела:

За дальнею околицей, за молодыми вязами
Мы с милым расставаясь, клялись в любви своей
И были три свидетеля: река голубоглазая
Берёзонька пушистая, да звонкий соловей...

В тот закатный час, когда шум улицы уже стихает, голос Анны звучал максимально выразительно. Едва различимое эхо, отражаемое глухой, без окон, стеной дома напротив, так строили когда-то дворы-колодцы, - так что казалось, что сама эта стена обладает несравненным голосом, - с отличной дикцией делало осозаемым каждое слово Анны.

Старичок сначала хотел казаться равнодушным к её исполнению, мол, угодил добродушному Матвею Викторовичу, пропустил его родственнику, и деликатно отказал, того довольно, но как только зазвучал голос Анны, он от невероятного удивления совершенно по-детски приложил к глазам сложенные подзорною трубой руки, и стал неотрывно смотреть на Анну, как смотрит ценитель искусства на шедевр живописи в Третьяковке, потому что сразу понял, что тут исключительный случай, что её лирико-колоратурное сопрано обладает необыкновенной подвижностью и звучит как хрустальный колокольчик, с какой-то детской непосредственностью и очарованием.

Уехал милый надолго, уехал в дальний город он.
Пришла зима холодная мороз залютовал,
И стройная берёzonька поникла оголённая,
Замёрзла речка синяя, соловушка пропал...

Если бы Матвей Викторович понимал, что встретил единственного в своём роде человека, тогда всё равно бы он не смог

голос

подняться до вершин его мыслей. Матвей Викторович сам жил только своей телесной оболочкой, и других людей видел такими же.

Стремление человека прожить жизнь независимо и счастливо, не причиняя неудобств другим людям, есть самая благородная цель. Но она осуществляется очень медленно, даже предельно медленно, так медленно, что иногда кажется, что расстояние до этой цели с годами не уменьшается. Поэтому независимых и счастливых людей в мире очень мало, если не единицы. Эти единицы называются художниками.

Пропали три свидетеля, три друга у невестушки,
И к сердцу подбирается непрошена грусть,
А милый мне из города всё пишет в каждой весточке:
"Ты не тоскуй, любимая, я скоро возвращусь".

Человек рожден для искусства, как ласточка для спирального полёта. В чём тут дело? А в том, что истинный художник уходит от реальных проблем к нереальным, так высоко поднимая планку требований к своему искусству, что прочие люди при жизни его и не видят, а частенько, и не знают о его существовании.

Промчатся выюги зимние, минуют дни суровые,
И всё кругом наполнится весёлою весной.
И стройная берёзонька листву наденет новую,
И запоёт соловушка над синею рекой.

Спустя годы Анна неоднократно вспоминала это благостное эхо, которое несмолкаемой волной длилось в её памяти, и теперь стало очевидным, что это эхо было знаком абсолютной перемены всей её жизни.

ВДЫХАЯ ВОЗДУХ НОВЫХ ДНЕЙ

Я сидел на пустой скамейке и смотрел на воду. В глубине аллеи появилась женщина с зонтом. Маленькая фигурка её по мере приближения увеличивалась. Поравнявшись со мной, она посмотрела на воду, куда был устремлён мой взгляд, затем повернулась ко мне с едва заметной голубоглазой улыбкой. Красоту лицу придавал открытый лоб без единой морщинки. «Какое приятное лицо, - подумал я. - И, главное, без чёлки, с которыми бегают по Москве, как лошадки-пони, девушки, женщины и старушки». Да, человек без лба наводит на невесёлые размышления. Она присела в метре от меня. Завязался разговор, и, конечно, о мастере, Берлиозе, профессоре Стравинском, поскольку дело происходило на Патриарших прудах. Потом она спросила:

- Каких писателей вы считаете хорошими?

Я ответил:

- Когда писатель увидел воздух, тогда и начал путь к себе. Воздух - это слова, которые обычный человек не видит, а проникает сразу через слова на привязанный к нему объект (субъект). Это случается только с одиночками. Основная масса людей живет в жизни. То есть жизнь поглощает человека полностью, делая его в какой-то степени бессмертным. Среди живущих в жизни есть и писатели, время от времени изображающие вполне похоже тела и предметы. Творчески работают мало, поскольку жизнь увлекает, возвышает, баюкает, заедает. Когда тело самого писателя прекращает своё существование в жизни, оказывается, что остается только то, что он творил как бы между прочим, а в сущности ничего не остается. Истинный писатель жил в тексте, а не в жизни, поэтому его произведения бессмертны, ибо он шёл путем от внешнего мира к себе. Своё лицо в литературе. Эгопись.

- Как интересно вас слушать, - задумчиво сказала она. - Значит, всё дело в личности?

Я уже собирался поразмышлять на эту тему, как женщина с какой-то необычайной мелодичность в голосе, опередила меня:

- Личность проходит за свою короткую жизнь путь от животности к интеллигентности. Становление личности. Гениями не рождаются, ими становятся. Все рождаются одинаковыми, как современные компьютеры сходят с конвейера, кроме бракованных. Но одни с малых лет загружаются культурной программой, а другие пребывают в состоянии дикости. Если примитивизм есть природный факт, то интеллигентность представляет собой форму высшего культурного порядка. Проблема состоит в том, что и дикость, и воспитанность варятся в одном государственном кotle, в котором, естественно, одерживает верх право силы. Личности остается лишь замаскироваться, уйти при жизни в глубокое подполье, дабы своим интеллектом не раздражать природных людей, и жить во второй, параллельной реальности.

- Да, сколько этих природных людей повсюду! - огорчился я, и спросил: - Почему, как вы думаете?

В её больших голубых глазах сверкнули иронические искорки.

- Сколько стоит кирпич? - вдруг спросила она, и я, было, хотел начать что-то говорить по поводу «кирпича», но она, улыбнувшись маленькими, чуть подкрашенными, губами, продолжила: - Да он ничего не стоит, деньги нужны людям, живущим при кирпиче. Вокруг всякой материальной сферы крутятся люди, создавая такие финансовые пузыри, что дух захватывает от сметы на «производство», образно говоря, одного кирпича. Сколько пузырчатых людей насчитывается при каждой материи, посчитать, практически, невозможно. Материи не требуются деньги. Заводу не нужны деньги, они нужны тем людям, которые там работают, или делают вид, что работают. Цементу, песку, воде и железу деньги не нужны, они идут людям которые крутятся вокруг строительства. Оплата за свет - это оплата не лампочкам, генераторам, проводам и счётчикам, а налипшим на электричестве людям. Метле не нужна зарплата, она

нужна армии людей, пасущихся вокруг метлы. Вот в чём цена вопроса - в пузырях. Везде и во всём. От хлеба до пушечного мяса.

- А вода гладкая, как стекло, - сказал я, глядя на пруд, затем, помолчав, спросил: - Куда же деваться человеку?

Она ответила:

- Стремление человека прожить жизнь независимо и счастливо, не причиняя неудобств другим людям, есть самая благородная цель. Но она осуществляется очень медленно, даже предельно медленно, так медленно, что иногда кажется, что расстояние до этой цели с годами не уменьшается. Поэтому независимых и счастливых людей в мире очень мало, если не единицы. Эти единицы называются художниками. Человек рожден для искусства, как ласточка для спирального полёта. В чём тут дело? А в том, что истинный художник уходит от реальных проблем к нереальным, так высоко поднимая планку требований к своему искусству, что прочие люди при жизни его и не видят, а частенько, и не знают о его существовании.

Посыпалось металлическое гудение, сопровождаемое звонками. Я оглянулся. По переулку шел трамвай. Обычный, выпуска 1939 года. Он выплыл из переулка, проехал у меня за спиной, и свернулся в другой переулок.

- Вас зовут Маргарита? - спросил я.

- Да, - сказала она.

- И вы из моего романа?

- Да. "Мастер и наказание", "Преступление и Маргарита", все одно из другого в этой жизни выходит: топор из петли, а петля из топора. Такие же точно мысли. Конец всего наступил. Нет ничего нового. Конец истории. Конец культуры. Остается только повторение. Документальные черно-белые кадры начала века, XX века, XXI-го, XXII-го, XXIII-го... И все повторяется. Информация накапливается. Техническая память. Новое придумать невозможно. Остается только опускать топор на голову то острием, то обухом, чтобы память отшибать! Всё обухом и всё по темени, чтобы глаза были вытаращены, чтобы хотели

выпрыгнуть из черепа. И потом положить топор в лужу крови подле мертвой.

Я смотрел на воду. Потом перевёл взгляд на Маргариту.

- Емкая мысль, - сказал я, - ну, к примеру: «лучшее - враг хорошего», затвердевая, приобретает свойство гипноза, становится в представлении большинства людей неким правилом, которому начинают неуклонно следовать. Сколько вокруг мы видим кособокого, примитивного, недоделанного, полуграмотного, самоуверенного, вероломного, в понимании инициаторов и исполнителей считающегося «хорошим». Но что на самом деле считать хорошим? Здесь уже решает степень культуры и мастерства.

Маргарита сказала:

- Философия была художественной мудростью, пока на неё не навалились временщики из материальных наук, а совок довёл философию до «марксистско-ленинской» барабанной дроби, громившей и храмы и интеллигенцию, когда «ехала конная, пешая шла черноверхая масса», по словам Мандельштама. На самом же деле философ всегда был «в стороне от весёлых подруг», сказав, что философия есть моё личное дело, и жизнь дана для того, чтобы превратить её в Слово.

Я внимательно выслушал, ожидая появление следующего трамвая. И сказал:

- Из Книжной палаты идешь по январской сухой бесснежной улице. Снег не выпал в январе по рекомендации Онегина. Тут когда-то шел длинный глухой забор, какой видит Гуров из окна в "Даме с собачкой", а потом этот забор Антон Павлович Чехов переносит в "Палату №6". Забор с гвоздями. Напротив 5-го подъезда, актерского, служебного. На повороте в тылу Театра Армии открылся наконец-то флигель дома, больницы, где в 1821 году родился гений наш у врача Михаила Андреевича Достоевского, Федей назвали. И забор теперь другой, прозрачный, новый. Глухой зеленый забор остался лишь в переулке Достоевского: слева, если идти от театра, стоят ржавые железные гаражи-ракушки, а справа тянется этот глухой, наводящий

ужас забор и вдоль него узенький тротуар, где двоим не разойтись. Так многие десятилетия ходят тысячи зрителей в Театр Армии от метро "Новослободская" - по Селезневке, мимо бани, и по этому угрюому переулку. Достоевщина. Народная артистка СССР Людмила Касаткина не одно десятилетие билась с властями за метро. Скоро откроется прямо у стен театра станция "Достоевская". Я от дома буду подъезжать к 5-му подъезду на метро. От Божедомки, ныне улицы имени Феденьки, до Венички рукой подать. Площадь Борьбы. Так название страшит. А если продолжить: площадь Борьбы с алкоголизмом. Будет веселить. Памятник Веничке, стаканчики стоят, бутылочка рядом. Хорошо. Можно и без закуски. Легкий снежок пошел. Трамвай дзынькнул. Искорки из-под колес полетели. Ходит по улицам Москвы пешком в знак протesta против автомобильных пробок писатель Юрий Кувалдин. От новой станции метро "Трубная" по Цветному бульвару вышел на Самотеку, перешел Садовое кольцо, и по Самотечному бульвару прямиком дошел до Театра нашего любимого Армии, где друзья мои ставят и играют, где сын мой - Лидер Третьего Русского Авангарда художник Александр Трифонов проходил срочную службу в рядах Вооруженных Сил России в качестве художника-постановщика Центрального Академического Театра Российской Армии (ЦАТАР) у старшего прапорщика Анатолия Двойникова. А за Театром Армии, на Октябрьской улице - Книжная палата, принимает у меня всегда любезно книги, журналы, буклеты - обязательные экземпляры. Как и положено в армии. Живем по Уставу. А там и к Достоевскому зашел. Федор Достоевский в гениальном исполнении скульптора Сергея Меркурова стоит черный в смирительной рубашке, чтобы не убежал выпивать на площадь Борьбы к Венедикту Ерофееву.

Маргарита пролила свой синий взгляд в мой, не менее синий, и потекли мои мысли в её уста:

- Сколько всего вокруг происходит, не успеваешь впечатляться, запоминать и присваивать себе. Тот говорит одно, этот - совершенно другое, третий противоречит двум предыдущим,

а пятый прочитал в книжке о том, что всё обстоит совершенно иначе, хотя понимает, что написанное черным по белому есть абсолютная чушь, и не имеет никакого отношения к его пониманию всей подноготной жизни. Вот оно зерно! Подноготная! Над которой Достоевский с Фрейдом бились, однако так и не дошли до сути, хотя некоторым хотелось дойти до самой сути, но тщетно. О ней никто и никогда не говорит. А если и пытаются говорить, то их считают сумасшедшими. Тут он начинает понимать своё собственное «Я», которое обойдено вниманием и в разговорах и в книжках. Весь мир сконцентрирован в этом «Я» до точки отсчёта всего на свете. Вот это единство в одной точке «Я» и есть самодостаточный ужас.

И трамвай появился. Слышалось визгливое: «С котами нельзя!» И кота я увидел на коленях у Маргариты, персикового цвета, с оттенками пляжного песка.

- Как зовут вашего кота? - спросил я.

Маргарита хотела ответить, но кот встрял поперёк:

- Меня зовут Персик, потому что я прекрасен.

«Красен-красен-красен», - пронеслось в моём мозгу.

Бойкий кот Персик тут же вступил в разговор:

- Писатель Юрий Кувалдин по Москве ходит так. Выйдя из "Чкаловской" у Курского вокзала, вспоминает Венедикта Ерофеева и видит на той стороне сталинский дом академика Андрея Сахарова, с которым Кувалдин пил чай на кухне, когда издавал его брошюру "Конституционные идеи", переходит подземным переходом улицу Чкалова, то бишь Земляной вал, входит в улицу Обуха, то есть улицу Воронцово поле, мимо посольства Индии, Николо-Воробьевского переулка мимо, где с Владимиром Высоцким Кувалдин шел к драматургу Александру Островскому с "Грозой", далее в стыке между Покровским и Яузским бульваром переходит трамвайные рельсы, как художник Александр Трифонов между своими шедеврами картинаами "Мир человека" и "Краснеет парус одинокий", и впадает в Подколокольный переулок, Хохловка мимо, Подкопаевский с гаишниками мимо, Солянка впереди, малый отре-

зок, справа галерея на Солянке, где несколько лет назад грандиозной выставкой сикейросовских масштабов ситценабивной фабрики вывесился картинописец Виталий Копачев, и прямо, прямо упирается в улицу Архипова, вот вам и редакция газеты "Советский спорт", то бишь Синагога перед писателем Юрием Кувалдиным в Большом Спасоглинищевском переулке, с Богом-отцом, а далее, через Маросейку, как диагонали-транзиты звездного авангардиста Игоря Снегура, в Большой Златоустинский переулок, выходящий к Мясницкой у магазина "Хрусталь", а там через дорогу Фуркасовский переулок, мимо ГБ на Кузнецкий мост, задами Большого театра пересекает улицу Неглинку потом Петровку, через Пушкинскую Большую Дмитровку улицу в проезд Художественного Камергерского театра, минуя МХАТ под улицей Горького Тверской подземным переходом у Центрального телеграфа Газетным переулком мимо белоколонного, как Манеж, здания МВД, затем перебегает узкую улицу Герцена Большую Никитскую, Большими Кисловским переулком мимо монолитобетона строящегося нового военторга к проспекту Калинина Воздвиженке, в просвет между машинами перебегает в запрещенном месте на ту сторону и углубляется в Крестовоздвиженский переулок, что идет задами Минобороны, через Знаменку в Большой Знаменский переулок опять задами, но Генштаба, сворачивает налево в Колымажный - хорошо название переулочка! - прямо в тыл к музею Пушкина, крюком по Малому Знаменскому выходит на Волхонку, в подземный переход, мимо Храма Христа, через пешеходный мост через Москву-реку, а там еще через один пешеходный новый мост на Якиманку, с нее на Большую Полянку, мимо книжного у метро "Полянка" в 1-й Казачий переулок, мимо бревенчатого дома, где в начале 90-х была лучшая книжная лавка для интеллектуалов Марка Фрейдкина, там на Больную Ордынку, а с нее на Малую Ордынку в музей автора "Грозы". Воскликну словами Кувалдина, - буквально взвился вмякости кот Персик: «Люблю тебя, Москва, любовью пешехода!» Точка. Ру

- Ай да Персик! - невольно воскликнул я, любуясь энциклопедическим котом.

Только тут я сообразил, что кот Персик знает меня, не будучи со мной знаком. Не зная меня в лицо.

Для отвлечения, с некоторым испугом наблюдая, как кот Персик вырастал на моих глазах, пока не превратился в Маргариту, я сказал:

- Чтобы показать свою весомость журналисты-литературоведы, которым самим от себя нечего сказать, прибегают, как к костылям, к авторитетам. А уж о философии и говорить нечего! В глазах рябит от имён: Бодрийяр с Подорогой, Хайдеггер с Поппером, Гайденко с Ясперсом, Башляр с Пригожиным... Какое-то нашествие имён (интерпретирую на свой лад название статьи Александра Лусого «"Башлярдизм" как нашествие качеств»)! Но и известные авторы частенько это делают. Например, Борхес весь пронизан авторитетами. Не пробьёшься через частокол ссылок и имён! Хорхе Луисович (с иронией орусаиваю) собирает умные мысли со всего мира и трансформирует в свои. Редкий текст у него обходится без упоминания кого-нибудь из великих. В свою очередь по-настоящему великие писатели пытаются исключительно своим умом, ибо художественно работают через собственными силами рожденные образы, которые потом покоя не дают журналистам и философам.

Подругу по диалогу не пришлось долго ждать, она погладила мягкой персиковой лапкой свои длинные усы, мурлыкнула и сказала:

- Слова создаются из воздуха, чтобы их никто не мог пощупать, а сразу почувствовал солнце поэзии. Так скульптор мнёт сначала воск, чтобы его никто не видел, потому что будут созерцать бронзовую скульптуру. Огонь издалека прекрасен, не плавит он ни воск, ни бронзу. Живые розы не из бронзы. Живые люди не из воска. А из чего состоят слова? Из букв? А буквы? Состав частей земных сплошь состоит из слов, тому свидетель я и Тютчев Фёдор.

Хороший разговор вблизи трамвайных звонков и белых лебедей на пруду!

Мне это очень нравится.

И я вдохновенно втолковываю что-то как бы сам себе вслух:

- Свобода выбора проявляется регулярно и повсеместно, ибо этот выбор делает не кто-то другой, а я. Иду по 5-й Кожуховской улице. Ходил ли кто по этой монотонной социалистической улице? Эпитет «социалистический» сразу нагоняет такую тоску, что сразу хочется закурить. Причём, на пересечении с такой же невзрачной улицей Петра Романова. Скучные дома годятся для военного гарнизона, собственно, как и замышлялся социализм в виде гарнизона с командующим, которому подчинены все. Можно свернуть направо и идти к 7-й Кожуховской улице. Но я не сворачиваю. Маршрут выбираю сам. Свободно намечаю его: выйду на улицу Сайкина и одну остановку перееду мост на автобусе до начала Велозаводской улицы. Так и делаю. Иду по правой стороне Автозаводской улицы. И свободно возникает мысль - заглянуть в старый Симонов монастырь, попутно взглянув на «новый», одна часть которого большевиками превращена в ДК «ЗиЛ» («ЗиС»). В храме Рождества Богородицы старого Симонова монастыря покоятся мощи воинов Пересвета и Осляби. Подхожу. И делаю открытие - завода «Динамо» нет, большинство заборов исчезло, а на месте допотопных корпусов появились из стекла и металла в стиле хай-тек офисы и торговые центры. Вместо социализма - постмодерн с золотыми куполами церкви посредине.

Выслушав, Маргарита, распушив персиковый длинный хвост, более похожий на хвост лисицы, нежели на кота, сказала:

- Светлый серп на тёмном небе. В комнате разлит холодноватый свет. Едва освещена книга, раскрытая на краю дивана. Я что-то читала, а что? - уже не помню. Чёрные линии строчек на белых страницах. Рассредоточение внимания. Что-то там написано, но разобрать не могу, поскольку нахожусь в каком-то переходном состоянии от сна к пробуждению. Я почти всегда

вижу чёрные строчки в холодном свете. Не тороплю себя приблизиться к тексту и прочитать его. Пусть издалека в лунном свете белеют страницы с чёрными строчками. Так спокойнее. Ведь каждое слово будет вести меня в ассоциативный параллельный мир, смотрящий на реальность, как этот серп луны смотрит в моё окно.

Кот Персик от удовольствиямяукнул.

- Сматривает в моё окно, - повторил я и продолжил: - Постоянно нужно смотреть под ноги, чтобы не упасть на льду под снегом. Еще опаснее ходить по битому стеклу босиком. Вся дорога усыпана битым стеклом социализма. Была бутылка, а ее раскололи. Такое складывается впечатление, что бутылки покупают только для того, чтобы бить их тут же об угол. И эти осколки, как компьютерные троянцы, режут по живому. Ты сожалеешь, а троянец потирает руки, радуясь, что он опять погасил экран компьютера. Вредители - самые счастливые люди на свете. Они радуются каждой аварии, каждому теракту, каждой смерти. Это им приносит доход. Отлично, когда у злого человека много сил и ума. Такой человек, говоря словами Гете-Булгакова, всем полезен: он часть той силы, которая хочет зла, но совершает благо. На каждое действие есть противодействие. Так вырабатывается характер. Я атакую, а он защищается. Я оттягиваюсь в оборону, он атакует. Чтобы произведение было живым, нужно героя показывать злым, хамоватым, пьяным, курящим, небритым, чтобы в конце он взялся за ум, погладил через влажную тряпку чугунным раскаленным утюгом брюки, побрился, затем устроился токарем на завод "Красный пролетарий", и стал ухаживать за щекастой кладовщицей.

- Как хорошо ухаживать за кладовщицей! - рассмеялась Маргарита и достала из сумочки шоколадку.

Прошелестев фольгой, отломила мне несколько квадратиков по линии разлома.

Она наслаждалась шоколадом, и я наслаждался.

А кот Персик завистливо смотрел то на неё, то на меня, надеясь, что и ему, из его рецептуры, обломится.

Потом я сказал:

- Когда я говорю начинающим авторам, что нужно всецело посвятить себя литературе, всю жизнь положить на дело служения ей, отбросив всё второстепенное, а мне отвечают: «А на что я буду жить?», то я говорю такому автору, что он ошибся дверью, и ему нужно идти в бизнес. Советская издательская машина работала по этому принципу бизнеса. Поэтому у гонорарной кассы выстраивались не писатели, а сервильные чиновники от литературы, след которых ныне простил. Платонов не получал гонораров за «Котлован» и «Чевенгур», он даже не увидел их в печати, и Булгаков не увидел опубликованным «Мастера и Маргариту», не говоря уж о государственном вознаграждении и признании, и «счастливой советской» судьбе Мандельштама и Гумилева. Литература очень медленное дело, чрезвычайно медленное, и признание истинных художников слова приходит не просто после их смерти, но после смерти эпохи.

Маргарита посмотрела на меня синим небом.

Кот Персик с некоторой обидой из-за того, что его не угостили каким-нибудь кошачьим лакомством, встал со скамейки, заложил лапы за спину и было направился к пруду, но я его остановил возгласом:

- На место!

Кот Персик мигом в три прыжка подлетел к скамейке, вспрыгнул на неё, где уже стояло поставленное Маргаритой блюдце с мелко нарезанными кубиками еще не оттаявшего мяса, только что вынутого из холодильника.

Глядя на сообразительного кота Персика, я подумал, что вот мелькают люди на станциях, эскалаторах и в вагонах метро. Сижу и вдруг взгляд мой цепнеет. Я вижу высокую женщину. От всей её фигуры исходит безупречное величие. В светлых, чуть поблескивающих волосах отражаются и искрятся мелькающие в тоннеле за окном вагона лучи фонарей. Лицо с правильными чертами и сдержанностью красок отличается выразительностью благодаря открытому лбу и большим си-

ним глазам. Помимо величественности приковывает к её внешности сдержанная аристократичность, которая проявляется скорее в манере с достоинством держаться, нежели в строгой и манящей грации, которая служит приметой интеллигентности. Поезд остановился. Женщина вышла. И уже в тоннеле я подумал: «Пригрезилось».

Тем временем кот Персик, в накинутом на плечи белом халате судебного психиатра профессора Сербского, сказал:

- После нового, как ни крути, опять появится другое новое, но после того старого нового, которое конструировалось как окончательное новое, разъяснялось теми, кто хотел остановить время на себе и подвести итоги всему новому, опять возникало бесчисленное количество раз новое. После старого новизма как естественное движение следом за самим новизмом, ибо кто желает почивать на лаврах уже обветшавшего новизма, которым восхищались те, кого и след простыл и сама Земля забыла об их существовании, наступит новый новизм - посленовие. Все упомянут всех, забыв первоисточники. Новое станет старым. «После» превратится в «прежде» и так далее на 50 авторских листов. Как-нибудь на досуге растолкую «онтологию», «дисперсию», «коннотацию» и ещё что-нибудь, туманяющее мозги неофитам.

Я нисколько не удивился словам профессора Стравинского, не композитора, и сдержанно сказал:

- Даже и не вино, а так - подносимый ко рту бокал, наполненный газировкой, освежающей внутренности, и тем не менее я сразу выпил полбокала, иначе нельзя, ну, как не выпить по поводу успешного окончания нового дня, да и потом ныне в магазинах бутылки этого напитка на прилавках взводами, ротами, батальонами, полками, армиями стоят, не то что в советское время, когда этих бутылок днём с огнём найти было невозможно, а тут бери, плати и выходи, пей за свободу воли, за содружество деепричастий, за солидарность с мастерами искусств, за перекрёстную рифму, за открытие электрического театра, за порядок слов в предложении, не волнуйся, ибо на-

питок волнение снимает, средство, как известно, недурно действует на сообразительность.

Кот Персик в белом халате, в образе Маргариты, которая была на самом деле профессором Сербским, сказал:

- Люблю гулять по Кропоткинскому переулку. Детские воспоминания фрагментарны, так мне казалось, что анапест - это цветок. Эти довольно крупные орнаментальные трилистники, исполненные как бы тёмным золотом по зеленоватому фону на стене над моей кроваткой, поднимались на изгибающемся стебле до самого потолка, очень высокого, с лепниной по всему периметру. Теперь я знаю, что эта масляная краска называется «жженая сиена», и особенно она мне представлялась золотистой, когда на нее падало солнце. Фон был положен зеленым хромом. Анапест же оказался стихотворной трехсложной стопой с ударным последним слогом. Вот пример: сохрани. Ударение на последнее «и». А вот пример моего детского цветка анапеста (шестистопный): «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма, За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда. Так вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима, Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда». Отсюда пошла моя «Улица Мандельштама.

Азарт ограничений возник во мне с детства. Я говорил себе, что, хотя и мороженое вкусно, и ребята пошли покупать эскимо, я не пойду с ними, и когда я, улучив минуту, откалывался от компании, то приходил в сущий восторг. Избавление от постоянно набегающих потребностей, от не менее властных желаний, от всевозможной по первому зову приятелей и знакомых беготни по театрам, выставкам и прочему, приучило меня заниматься литературой в одиночестве в течение многих часов. Я понимал, что это очень трудное дело - отказаться, но сильнейшее чувство восторга, спустя годы, я испытывал, когда держал в руках собственную книгу, написанную в то время, когда друзья сидели в «Метрополе», катались по Москве-реке на речном трамвайчике, прижимались к девушкам на танцах в

саду «Эрмитаж» или в парке ЦДСА. Иными словами, путь писателя - это сплошные ограничения.

Я сказал психиатрическому коту Персику, пытаясь погладить его за ухом, но кот отмахнулся небрежно от меня, намекая, что, мол, разговорами сыт не будешь, а давай угощай нежными подушечками для котов "драмис":

- В вине разврат, огонь и шум, да к тому же сгорает жизнь сама, поскольку кто-то верит, что огонь есть жизнь, а не просто столб дыма и огня, того огня, что с неба молнией ударили, и пошли клубы дыма изо всех труб, но где бы ни горел огонь, иду к нему, и рад застолью новому, где из окошек и дверей несутся волны табачного дыма, но я, как будто бы гася огонь в груди, вижу, как сквозь огонь блестит роса, и спрашиваю: «Какой огонь ты в сердце заронила?», - и вижу храм, иду к нему, огни горят, но как только я к нему подхожу, храм сразу пустеет, гаснет огонь кадила, и я, смирившись, плетусь дальше к особняку в переулке, и лишь едва вхожу, как слышу голос: «Убирай самовар, туши огонь», - и после паузы для ясности: «Гаси огонь, я спать пошел!» - и когда я ухожу, то вижу, как из трубы вместе с дымом выходит огонь.

Я насыпал коту Персику в блюдце треть подушечек из яркого пакетика "драмис", и пока он азартно, изредка оглядываясь, не видно ли других охочих до лакомства котов, похрустывал ими, Маргарита сказала:

- На скамейке у подъезда общаются местные женщины. Навившая оскомину сцена, много раз описанная, знакомая каждому. Если человек не читает, а такие случаи встречаются постоянно, то весь душевный строй его складывается из общения с другими людьми. Само по себе чтение есть процесс разобщения между людьми, ибо чтение требует тишины, сосредоточенности и одиночества. К тому же в чтении содержится магическая сила побуждения к творчеству. Стало быть, общение можно определить, как процесс, противоположный чтению и творчеству.

Я тут же подхватил:

- Вспоминаю, как Никита Богословский на мой вопрос, почему он стал писать, с предельной простотой ответил, что из соревновательных побуждений, прочитав Зощенко, сказал себе, а ведь я тоже могу не хуже написать. И когда люди говорят, что они очень общительны, я начинаю сомневаться в их интеллектуальных способностях.

Профессор Стравинский, буравя меня гипнотическим взглядом, сказал:

- Новое всегда совершается как-то буднично. Открываются двери, полная пожилая женщина в белом халате держит на руках свёрток. За нею появляется бледная, но с улыбкой, молодая мама. Она смотрит на свёрток, затем переводит взгляд на бабушку, и в глазах её появляются слёзы.

Опустошивший от "дримис" блюдце кот Персик, облизываясь розовым шершавым языком, сказал:

- Разумное, значит, полезное. Но вот повседневное полезное абсолютно лишено художественного содержания, и именно поэтому на нём сосредоточено пристальное внимание большинства. Именно поэтому большинство не читает книг, поскольку сам процесс чтения в народе называют бездельем. «Ну, что ты в книжку упёrsя!? Иди копать огород!». Разумное - копать. Неразумное - читать. Но самое неразумное - самому писать книги, на что тебе сразу сосед скажет: «Ты, что, Лев Толстой?! Куда тебе до него! Бросай это дело!» Невзирая ни на что творческая личность устремляется далеко за полезное содержание современного. Личность живёт так, как бросают деньги на ветер, не находя в них достоинства в исторической перспективе, которая принимает только неразумное, отмеченное печатью поэзии.

Профессор Сербский, мысленно одобряя сентенцию персикового цвета, с оттенками пляжного песка котом, который был размерами с человека, сказал:

- Люди, собирающиеся не по своей воле на каком-то событии, которое не могли игнорировать, подобны малым детям, собранным первый раз в школе. Они не знают, что нужно делать,

молчать или говорить, куда девать руки. Всё идёт, в общем, на сплошных нервах. При этом тело так сковано каким-то беспринципным страхом, что кажется деревянным. Люди пребывают не в своей тарелке. Но вот выходит невеста, или вот выносят гроб, или вот представитель власти начинает речь. При этом обязательно в тишине раздается громкий звук упавшего у кого-то на пол предмета, лучше, конечно, металлического на кафель. Все вздрагивают.

Маргарита своей кошачьей лапкой с алым маникюром погладила профессора Стравинского за ушком и сказала:

- В болотах что-то живое жалобно гудело. Ни «да», ни «нет», ни «плюс», ни «минус». Не шёл, а пробирался густым осинником, и когда озирался, то различал отчетливо каждую осинку. Невылазное болото. Подвисло небо на «нуле». Нет человеку спасения, глядь, и завязнет. Известное состояние человека болот и осин - ни «тпру-у», ни «но-о». Пустяшные житейские заботы волнуют его слегка, как ветер осину. Вставать неохота и лежать надоело. Ни дождь, ни снег. Сама жизнь превратилась в болото, с которым приходится иметь дело на каждом шагу, которое всё затягивает, всё грязнит и душит в своей зловонной грязи. Чугунный всадник на измощдённом коне чепрепашым шагом ступает по болоту, медленно увязая в нём по самую маковку.

Я посмотрел на профессора Сербского, узнавая в нём Стравинского, который выглядел совершенной Маргаритой в образе невероятно большого персикового цвета, с оттенками пляжного песка кота, сказал:

- Реален ли Иван Петрович, пьющий из банки пиво у метро «Парк культуры»? На этот вопрос вам Кант не ответит. Я много раз говорил о нереальности тела, ну, например, Иван родил Петра, Пётр родил Ивана, Иван родил Петра, Пётр родил Ивана; число их во дни Ивана и Петра было двести двадцать две тысячи и восемьсот... Теория огромных чисел, теория множеств. Поскольку реальность постоянно отступает во времени, превращая сегодняшнее во вчерашнее, вчерашнее в позавче-

рашнее, смешивая года в столетия, а столетия в тысячелетия, то реальность достаточно быстро становится мифом, поскольку сама себя реальность не запечатлевает, а становится более реальной и даже бессмертной только в записанном и прочно сохранённом Слове (знаке). Поэтому миф, или мифос, или текст, идущий в бесконечность, есть что ни на есть самая реальная, пререальная реальность, хотя она абсолютно не предметна, не вещественна, не материальна.

Маргарита приложила серебристый стетоскоп к моему лбу и произнесла сочувственно:

- Нереальная реальность. Что может быть точнее!

Я знал, что многие меня принимают за литературного психиатра Стравинского, поэтому сказал:

- Помечтал сегодня довольно приятно, даже прежде чем обдумывать мои сочинения и мечтать, конечно, всё это детские мечты и заботы, поскольку сам еще не верил этим мечтам своим, да мало ли что мечталось, но несмотря на мечту о галлюцинации, жизнь в полном объёме сама демонстрировала невиданные галлюцинации, и я остался при мечтах моих, потому что мечтаю иногда бросить всё, но, Господи, да ведь это мечта, потому что я мечтал поминутно и исступленно, даже, может быть, имел бы некоторое право мечтать, хотя романтические мечты мои показались мне вдруг чрезвычайно странными, ибо мечту вывожу от мечети, Мечта-Мечеть (и вспомнилась мечтательная пианистка московская Мечетина), тяну ниточку этимологии от мечети, давшей название Москве, исходящей от Моше, Моисея, и восходящей к Москосу, инверсивно сочетающемуся с Космосом, изукрашенным, красивым.

Персикохвостая Маргарита взглянула на меня черными вертикальными щелочками на фоне желтой радужной оболочки глаз, улыбнулась и каким-то возвышенным голосом заговорила:

- Вдыхая воздух новых дней, ты поднимаешься над жизнью, чтобы её пересоздать для нерождённых поколений, как Данте мир запаковал кругами вечных возвращений. Воображение

создаёт прекрасный текст, без всяких преднамеренностей, поскольку ты переходишь от логики к ловле разбросанных на ассоциативных картинках впечатлений, тут же их прикнопливая буквами, как кнопками к доске, к свободному листу новой книги. Тут надо умение умалчивать о том, что оставляет поле для воображения умного читателя. И писателю нельзя без воображения, и читателю необходимо оно. Начинаешь писать с пустяка, но тут-то и вступает в силу воображение, без которого художественное произведение не существует.

Я помолчал, затем хотел что-то в тему сказать, но сверхэрудированный кот Персик опередил меня, заговорив стихами:

- Вдохновенье от забытой старины переходит в сильное волненье, словно наблюдаю чьи-то сны, и ловлю ушедших граждан взоры, сочиняю современный стих под людей трамвайных разговоры. Кто я в глазах твоих? Смешно брать в руки лиру. Историю людей любя, блуждаю по иному миру, за всё благодарю тебя, особенно за стройность стана. Любвеобильнейший боец былое любит без обмана, чтоб очутиться наконец на современном поле мщенья. Я стать историей готов, чтоб избежать судьбы забвенья, и обрести в грядущем кров. Зачем сомнение нас мучит? - понять никак я не могу. История того научит, кто поднесёт стакан врагу. Достойнейший из племени людей всегда поднимет моря кубок полный, чтоб самого его встряхнули волны былых надежд и будущих страстей.

- Как же так свободно из тебя, милый Персик, льются поэтические экспромты? - спросил я.

Кот-психиатр Персик непринуждённо ответил:

- У меня в голове есть такая машинка, сама складывает стихи, а я их только мяукаю с выражением.

- Надо же! - удивлённо воскликнул я.

- Ходячий театр, а не кот Персик! - для ясности уточнила Маргарита, и подмигнула мне.

Уточнение её навело меня на воспоминание:

- Не знаю, как сейчас, но тогда я сидел на спектакле в театре Вахтангова перепуганный, потому что во время тишины на

сцене, услышал какой-то глухой гул, не известно откуда исходивший. Посообразив с минуту, догадался, что этот гул доносится из-под земли от проходящего поезда метро. Там как раз находится перегон между станциями «Арбатская» и «Смоленская» арбатско-покровской линии. Мимо меня промчалась с черным длинным шлейфом плаща Юлия Рутберг, она же дочь Ильи, она же Германн, она же одно из “н” этого Германна, резкая, пружинистая, инфернальная. Углубляясь в спектакль, я почувствовал, что этот подземный гул, с едва заметным содроганием всего здания театра, как бы дополняет эффект глубины решению лучшего за все годы спектакля этого театра. Шла «Пиковая дама» в постановке гениального Петра Фоменко.

Маргарита задумчиво заговорила:

- Слово написанное умеет говорить вслух, когда мастер добивается этого соответствующими комментариями к прямой речи. Иногда простое слово, в котором, казалось бы, смысл исчерпан, может нести в себе всевозможные новые значения. Например, слово «здравствуй». Всё зависит от его произношения. Для этого мы пишем: «Здравствуй! - произнёс он между прочим, как бы делая одолжение». Второй пример: «Здравствуй! - сказал он с улыбкой, повышая тон с баритонального дотенорового». Третий: «Здравствуй! - произнёс он укоризненно с металлическим привкусом в голосе». И так далее. Этим я хочу сказать о неисчерпаемости подачи языкового материала, способного выразить всё что угодно: от раскатов грома до шелеста сухого осеннего листа по асфальту при легком дуновении ветра.

Я сказал:

- Лес не нужен, чтобы заблудиться. Заблуждения людей, по сути, и есть их жизнь. А если не блуждать, то будет скучно. Блуди блуд, быть может, заблудишься. Луди лудильщик чайники и самовары. Из луда лад выйдет. Ладушки. Рады ладу. Ждать блуд или блуждать? А из лада выйдет блад, то есть блат. За правое дело частенько дерутся. За левое дело - что-то не слыхать. «Пра» и «кле». И вместе «вое». Пишите, пока диктую!

Можно с той стороны, можно с этой, то есть зайдешь блуду за спину - с другой стороны блуд увидишь. Великая приставка «за» рождает заблуждение. Великий предлог «за» предлагает зайти блуду в тыл, за спину, за блуд. За тех и за этих.

Она сказала:

- Человек живёт в очень коротком времени. Всё в мире условно, скажем, там говорят Хамлет (Hamlet) - мы говорим Гамлет, там говорят Хейне (Heine) - мы говорим Гейне, поэтому Гоголь - это Хохол (Hohol). Это я так, во время прогулки, подумал. Пятьдесят лет назад на углу Серебрянической набережной на Язее и Тессинского переулка стоял добротный трехэтажный дом со стенами в три кирпича. В 60-е годы я там частенько был у друга. Дом мог бы простоять ещё не одну сотню лет. Но нет! Коротковременные люди позарились на место. И на месте этого дома образовался пустырь, который, спустя какое-то время, обнесли забором. Теперь там стоит стеклянная коробка. Простоит ли она хотя бы лет сто? Вопрос, на который из ныне живущих никто не ответит. А ведь жизнь будет и через сто, и через пятьсот, и через пять тысяч лет. Декорации поменяются. Люди поменяются. Условия жизни поменяются. Всё вокруг такое реальное, оказывается, абсолютно ирреально.

Я сказал:

- За что ни возьмись, всё сопротивляется, даже диктует свою волю. Тут-то нужно набраться терпения, чтобы преодолеть это сопротивление. Потянулся к полке за тарелкой, но она выскользнула из руки и, шлепнувшись об пол, разбилась. Нужно встать со стула, собрать осколки, поднести, и взять другую тарелку. Но подниматься не хочется, просто нет никакого желания вставать, потому что лежит на столе книга и я её увлечённо читаю. Ведь так удобно сижу! В маленькой кастрюльке суп. Рядом лежит вилка. Почему я не взял ложку? О чём-то задумался. Отодвинул книгу. Пробую есть суп из кастрюльки вилкой, а бульон выпивать через край, при этом не прекращаю читать. Кружочки моркови, конечно, на вилку накалываются, а вот вермишель проскальзывает между иголками вилки. Но и

юрий кувалдин

вермишель пошла через край, подгоняемая ребром колющего инструмента. Так что я успешно навязал супу свою волю.

Она сказала:

- Куда неуверенно бежит ребенок, готовый вот-вот упасть, поскольку совсем недавно встал на ноги, то есть стал ходить? Забавное состояние. До этого момента новый человек не умел ходить, и вот он уже бежит. Просто куда-то в неопределённость устремляется. Без мысли. Без видимых причин. В нём работает моторчик и он бежит, неловко покачиваясь из стороны в сторону, раскинув ручки. Стая столичных сизарей взмывает с бульварной дорожки, а ребенок бежит. Потом всё-таки спотыкается и падает. Но головку при этом приподнимает, и держит её высоко. Смотрит недоуменно из положения лёжа вперед. Ничего не видит. Нет, что-то он, вероятно, видит, но что именно - не понимает. Состояние безмятежного блаженства.

В продолжении всего разговора мне казалось, что женщина читает мои мысли, как мою книгу. Она подхватывала мою тему сразу и развивала её с потрясающей свободой и поэтичностью. Я слушал её, затаив дыхание, с закрытыми глазами. Когда я их открыл, женщины рядом не было. Её маленькая фигурка исчезла в другом конце аллеи. А двое в белых халатах, профессор Сербский и профессор Стравинский, вместе с человеческим, персикового цвета, с оттенками пляжного песка котом Персиком, предложили мне прогуляться до Кропоткинского переулка.

ДОМАШНИЕ КОТЛЕТЫ

Время бурлило. По московским улицам чуть ли не каждый день ходили возбуждённые, с горящим взглядом люди с новыми трехцветными, ещё не разрешёнными, российскими флагами и плакатами вроде «Долой КПСС!». «Ускорить и нАчать!» - звучало отовсюду. В замутившемся руководстве разного уровня с необъяснимой внезапностью исчезали одни лица и появлялись совершенно никому не знакомые. У телевизоров граждане, приходящие день ото дня в неимоверное изумление от невиданной скорости происходящего, восклицали: «Батюшки мои! Да откуда ж повылезали эти рожи! Видать, на самом деле долго запрягали! Одно хорошо - старые хрычи в ящик сыграли без отрыва от производства!» «Борис Ельцин выставлен кандидатом в депутаты Первого съезда народных депутатов СССР по Московскому национально-территориальному округу. Основной упор в политической программе Ельцина делается на ликвидацию привилегий партийной номенклатуры. На выборах за Бориса Ельцина проголосовало почти 90 процентов избирателей, за его соперника - директора Завода им. Лихачева Евгения Бракова - только около 7 процентов».

Спорили «с пеной у рта» не только в телевизоре, но и на работе, в магазинах, из которых как-то мгновенно исчезли все продукты, и, главным образом, исчезла водка, без которой, как выяснилось, люди просто не в состоянии жить, ругались старые друзья и верные подруги, уличая друг друга в непонимании происходящего, в подтасовке фактов, в искажении правды.

Некоторые о прошлом спорили с такой убеждённостью, как будто только они знали, что и как тогда было, и, более того, могут сходить в это прошлое, как в булочную, и принести необходимые доказательства своей правоты. Но легко догадаться, что сколько спорящих, столько существует и прошлого в их собственной душе, пока они живы.

Бывшие скромные юристы с кафедр правоведения оказывались непревзойденными сладкоголосыми говорунами, пре-восходящими интеллектуальным водопадом всесокрушающей критики великого римского оратора, который долго спал. Чиновники, выбитые из своих должностей, превращались в незаметных обывателей. Мелкие клерки, бывшие под рукой у ора-торов, взлетали на вершину пирамиды.

И, кажется, была только одна весна без зимы, без осени, и даже без лета. Весною всё вокруг дышало, пробуждало, смы-вало и омывало. Да что там говорить, был сплошной рассвет без ночи, потому что и ночью жизнь не утихала, а светилась прожекторами беспомощных танков и софитами киношников, спешащих увековечить невиданный финал «Союза неруши-мого».

Эта женщина странным образом появилась в отделе. Пора-зила её фамилия - «Чухло». Крохалёва сместили на должность заместителя, а её назначили начальницей. Получилось так, что об этом узнали в пятницу, ещё не увидев новенькую. А в суб-боту все пришли в отдел на субботник, и увидели её в трени-ровочном трико, в резиновых перчатках с банками и щетками, на широком подоконнике, на котором прежде желтели вороха бумаг, а теперь стояло два цветочных горшочка с геранями.

- Ну, стариk, всё ясно, - завидев их, шепнул один сотрудник другому.

- Час кухарки настал, - отозвался тот.

Инородное тело выталкивается из жидкости привычного. Но если это тело - вакуум, как если бы из железной бочки вы-качать воздух, то бочка схлопнется до уничтожения объема.

Чухло стояла на подоконнике и мыла окна. Договорились ведь собраться к десяти, а она, видимо, пришла часов в восемь, потому что два других окна уже сияли прозрачностью.

Сотрудники со странными лицами переглянулись, и пошли в буфет, который в этот день работал по обычному расписа-нию. Крохалёв же, против правил, не пошел. Какое-то шестое чувство приказало ему остаться.

Будучи в школе, Крохалёв не вырывался в отличники, не падал до троечников, не уклонялся от сбора металлолома и макулатуры, если было нужно, выпускал стенгазету, если назначали был звеньевым, обнаружив в нём музыкальный слух, пригласили петь в хоре, с удовольствием ходил с классом в театры и в Третьяковскую галерею, когда сказали, что нужно вступать в комсомол - вступил, когда после школы потребовался трудовой стаж для поступления в институт, отработал два года на заводе счётных машин, когда поступил в институт, вместе со всеми поехал «на картошку», студентом был почти незаметным - ни претензий к нему не было, ни тем более «хвостов», ни в «ленинские стипендиаты» не претендовал, ни на доску почёта не «вшевали», на последнем курсе женился, как и большинство ребят его возраста, военные сборы провёл без замечаний, из карабина стрелял средне, в противогазе безропотно бегал кросс на три километра в полной выкладке, никогда никому и ни на что не жаловался, если поднимали в компаниях рюмки - и он поднимал, если не поднимали - не поднимал, если жена просила забрать детей из детского сада - забирал, если не просила - не забирал, распределили в отдел после института - не возражал, если ребята из отдела шли на футбол, то и он шёл, если обсуждали очередной выпуск «Взгляда», то и он вставлял несколько слов, причем всегда беззобидных, не причиняющих никому вреда, если на садовом участке жена просила перекопать грядки - перекапывал молча, даже с улыбкой, если не просила - лежал под соснами в гамаке с приёмником, слушая разные передачи, если просили переделать отчет - переделывал, если не просили - сдавал так, если шёл дождь - раскрывал зонт, если день был ясный - зонт с собой не брал, если значился рабочий день с 9 утра до 6 вечера, то всегда приходил к девяти, а уходил минуты две спустя после шести...

Чухло же не обратила никакого внимания на ушедших сотрудников, и с приподнятым настроением напевая: «И в доро-гу далеку ти мене на зори проводжала, и рушник вишиваний на

щастя, на долю дала...», - терла стекла. И так это делала легко, даже беззаботно, как будто была у себя дома.

Конечно, обычно на новом месте люди держаться заметно скованно, стараясь показать себя с наиболее выгодной стороны. Так же представлял себе новую начальницу и Крохалёв. Придёт в каком-нибудь строгом дорогом костюме, подкрашенная, с кольцами и серьгами и станет сразу же проводить производственное совещания и тому подобное.

А тут явилась простенькая бабёнка с шестимесячной завивкой и принялась за уборку. Странно. Тем более не вполне понятно, потому что за отделом была закреплена уборщица, и сотрудники никогда за собой ничего не убирали.

Тем не менее, уловив домашнюю волну Чухло, Крохалёв не-принуждённо сбросил пиджак, сбежал в хозяйственный отдел за ведром и шваброй, на которую намотал тряпку, и стал с видом увлеченного наведением чистоты человека мыть полы в отделе.

Начальница была несколько худощава, с весёлыми светлыми кудряшками, с большими синими глазами на бледном лице, с широким, слегка приплюснутым носом, и походила, по мнению Крохалёва, на продавщицу из гастрономического отдела или на парикмахершу. Они все такие, худощавые, с кудряшками, без особой женской привлекательности.

Вернулись из буфета сотрудники, потолкались, намекая этим как бы между прочим, что им тут делать нечего, посидеть хорошо не удастся (кое-кто принёс бутылки, как и положено на субботниках).

А бывало, прежде поднимали стаканы - будет что вспомнить, частенько восклицали за обильным столом, и не обязательно праздничным, когда молодость дышала каждой клеточкой тела, и мозг, действительно, сохранял память об этом весёлом застолье, на неделю, на месяц, до следующего подобного события, так что память работала на сохранение весёлых моментов жизни, по истечении времени перемешивая эти события, кое-что подтирая, другое модифицируя, добавляя и убав-

домашние котлеты

ляя красок, чтобы в конце концов когда-нибудь, спустя лет 50, можно было с некоторой растерянностью и даже со слезой сказать, что жизнь прошла весело.

Чухло легко спрыгнула с подоконника, опираясь на во-время протянутую руку Крохалёва, рассмеялась и сказала задорно:

- Боже то мий, чо же ми толкотельню туточки устраивати будем, усе свободни!

В каком-то немом ужасе несоответствия происходящего действительности, сотрудники, достаточно интеллигентные, покинули помещение, в котором насчитывалось двенадцать столов.

Крохалёв остался. Минут через пятнадцать Чухло переоделась в бежевое лёгкое платье с бледными цветочками, извлекла из вместительной спортивной сумки банку варенья и завёрнутые в серебристую фольгу котлеты, с кулак величиной, ещё теплые.

- Очень вкусные котлеты! - сказал Крохалёв.

Она прозрачным синим светом больших и наивных глаз своих словно впитала его в себя.

Он, не моргая, подобно годовалому ребёнку, смотрел в них.

- Як вас зваты? - в довольстве за переглядку и похвалу спросила Чухло.

- Сергей.

Он почувствовал, как вспотела у него спина и сильно в висках запульсировала кровь.

- Ой, надо же! Спасибошкино дякую. А мэн зваты Оксана.

Он так и предполагал что-то в этом роде.

- С таким прекрасным именем котлеты не могут быть обычными, - сказал Крохалёв.

Она прикрыла веки и некоторое время смотрела в пол.

Он слышал её прерывистое взрывное дыхание.

- Що ж хотите, я ж вих чесноком нашпиговала, из одного мяса, так и сочатся, говядинка ж, свининка ж, да и баранинки ж прокрутила, - сказала Чухло, которую звали Оксана.

- Честно говоря, я впервые ем такие бесподобные котлеты!
- со смаком произнёс Крохалёв.

- А у мене сынульку кличут як же и ви - Серёженькой!

Можно обижаться на приезжих, можно не обижаться, но процесс смешения человечества не остановить, как не остановить процесс зарождения единого языка. Это новая стилистика, это новый язык, это новый взгляд на жизнь, это новые персонажи.

Крохалёв даже не уловил момента, как Оксана Чухло через некоторое время оказалась у него на коленях, после чего последовала сцена дневного затемнения. В которой можно было лишь разобрать: «Я тебя люблю, Оксана!» - и - «Я тэбе кохаю, Серёженька!»

Они не могли сразу расстаться в этот день, поэтому, взявшись по-детски за руки, пошли бродить по Москве.

Крохалёв почему-то почти на автомате повёл Оксану к местам своего детства, где он родился.

Приятно в Москве заблудиться, особенно тогда, когда примерно знаешь расположение переулков и второстепенных улиц, вроде Библиотечной улицы, или Малого Факельного переулка, пойдёшь наугад и выйдешь в какой-нибудь Большой Рогожский переулок, но осознаешь это, когда прочтешь где-нибудь в одном месте это название, потому что по большей части улицы и переулки в Москве стоят без названий, на табличках лишь обозначены номера строений, так приходится и ходить от одного угла, где чаще всего прикреплены названия, до другого, но это в том случае, когда тебе интересно узнать, где ты находишься, когда же тебе всё равно, где ты, то перетекаешь из одного переулка в другой бессознательно.

И при каждом повороте они целовались.

Поздно вечером, сидя у телевизора в семейном кругу, Крохалёв внезапно выхватил из нескончаемого потока сообщений в новостях фамилию «Чухло» и успел запомнить мелькнувший портрет черноволосого, с густыми бровями, богатырского сло-

жения хозяйственника. Затаил дыхание. Оказалось, что некий Чухло назначен на крупный пост по нефти.

«Не может быть! - воскликнул про себя Крохалёв. - Это что же, Оксана его жена?! И такая простая, сердечная, добрая, заботливая».

Квартирка у Крохалёва была очень тесная, двухкомнатная, с одной проходной комнатой, в пятиэтажке на краю Москвы. Жена, бабушка, трое детей-девочек, две из которых учились в школе, а третья поступила в Плехановский, по стопам отца.

В голове его несмолкаемо звучал голос Оксаны, от которого веяло чем-то далёким, приятным, живописным. Чем? Крохалёв почувствовал в этот момент руку жены на своём животе. Он тут же откликнулся и вдохновенно удовлетворил её сексуальную жажду. Затем встал, минуту соображая, зачем он встал, но всё же подошел к книжной полке, уже понимая, для чего он к ней подошёл, выхватил из строя Гоголя в потрёпанной бумажной обложке из школьной библиотеки, лёг с этой книжкой, и при свете ночника, под сладостное сопение жены, начал с каким-то небывалым тайным удовольствием читать о том, как упоительны московские вечера, как упоительна московская любовь, когда она как будто сладострастной медленной лаской, лелеющей душу, опустила огромное иссиня-чёрное покрывало, пронизанное такими серебряными с золотистыми оттенками лучиками, от которых каждая божья тварь встрепенется, затрепещет, онемеет, когда изумруды, сапфиры, яхонты воздушных насекомых рассыпаются над парками культуры с их дивными широкими набережными, осеняемыми разноцветными гирляндами, когда можно в самых мельчайших подробностях рассмотреть, как под всесильным микроскопом, крыльшки комарика, движение ножек любой букашки, умоляющих под этим необъятным покрывалом, когда и душа человека сжимается от этого развёрнутого театрального представления, когда кажется, что уснул, весь отдавшись неге, лаская и сжимая возлюбленную в нежнейших объятиях своих, тогда душа человеческая вздрогнет ещё сильнее, завидев из глубины бескрайне-

го земного цветущего луга идущих прелестных девушек, освещенных праздничными факелами, чтобы плыть под их заревом на челнах по широкой, очень широкой, предельно широкой, почти безбрежной реки, сияющей, как чистое зеркало, реки рекою окрылённой, до середины которой ни один комарик не долетит, не то что птица, редкая в своём оперении для здешних мест, где пышет жаром сердце каждого юноши, устремлённого к явленной в простоте телесной красоты девичьего цветения, как расцветает всякое маломальское существо для поэтичного взлёта жизни, и глядя на всю эту живую жизненную животворящую картину, начинаешь ощущать растущие прямо вместо рук крылья, ибо не на спине крылья вырастают возвышенных существ, а руки преображаются в крылья, иначе руки вместе с крыльями будут напоминать вертолёт, которой вряд ли когда долетит до середины Днепра, потому что душа комарика рождена не для металлического повторения, она сама по себе упоительно парит над ковром полевых цветов, в это время суток не заметных для глаза, ибо бескрайнее тёмное покрывало с мириадами упоительных звёзд накрыло всё на свете...

В этот немыслимо поэтический момент взлёта воображения глаза Крохалёва как-то легко сами собой закрылись, и книжка выпала из рук.

В понедельник выяснилось, что информацию о «Чухло» слышал не он один. Напрямую спрашивать у начальницы об этом никто в меру воспитанности не решался, тем более Крохалёв, который никогда не задавал лишних вопросов и не вступал в пререкания не только с руководством, но и с коллегами.

Оксана в обед сама бухнула:

- Мово-то, глади-ко, разглядели, поставили!

Все молча переглянулись, и сразу же потупили взоры. Им-то какое дело, какой навар от этого? А работать с кухаркой, которая не только не поинтересовалась работой отдела, но даже слова об этой работе не промолвила, они не собираются. Люди стали увольняться. Кто кооператив организовал, кто в Турцию стал ездить за шмотьём.

Между тем «Союз нерушимый» закрыли, открыли «РФ», и пошла приватизация.

- Серёжа, ты, прямо, солнышко! - однажды воскликнула Оксана. - Я мому для пидсказки шепнува про тебя.

Крохалёв в предвосхищении чего-то счастливо-необычного встрепенулся.

- Что?

Она некоторое время загадочно смотрела на него, затем выложила с предельной откровенностью:

- Людья у них не хватаат, таких, как ты.

«Хвата-а-ат», - сказанное Оксаной врастяжку, понравилось Крохалёву.

И замолчала, ожидая реакции Крохалёва.

Тот же никак не мог был переварить эту странную информацию, по сути своей совершенно невозможную.

- Таких хороших, как ты, - повторила уравновешенно она.

- Я?! - вымолвил Крохалёв.

Она положила свою ладошку ему на затылок.

- Ты, Серёженъка!

Ему нравилось, как Оксана произносила слова, даже частенько коверкая их, когда неважно было вникать в значение этих слов, потому что сама музыкальная интоационная окраска с нежностью умиротворяла слух, по-детски ласково убаюкивая, придавая какую-то неимоверную, но непознанную, уверенность в самом себе, как будто это говорила родная мать.

Жизнь Оксане представлялась ясной и понятной, и для поддержания этой такой абсолютно понятной жизни в хорошем тонусе, нужно свой дом содержать в идеальной чистоте, выращивать для радости глаз комнатные цветы, любить мужа, выполняя его самые непостижимые сексуальные желания, но и иметь свои тайные любови, умело готовить, ежедневно принимать душ, не забывать о прогулках и покупках, заботиться о семье, во всём угодждать мужу, ни в коем случае не вступая с ним в пререкания и тем более споры, не поддаваться грусти, из всяких сложных ситуаций находить самые простые выходы.

После котлет затемнились сразу.

Крохалёв, приобретая необходимые для жизни навыки, понимал, что их постоянно нужно развивать и совершенствовать, иначе говоря, ежедневно повторять одно и то же, закреплять, фиксировать, доводя до автоматизма. Прыгать на одной ноге не очень удобно, хотя гораздо удобнее ползать на четвереньках, что доказывает каждое новое существо, появившееся на свет известным, но скрываемым и забываемым образом, потому что дети не должны ни в коем случае знать: откуда они и куда направляются. Итак, каждый день Крохалёв тренирует своё умение стоять на задних лапах, для удержания равновесия в такт шагам помахивая лапами передними, при этом напряжённо пытался вспомнить: откуда он вылез на свет и куда, в конце концов, направляется?!

Тут и Указ вышел «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий», который утвердил механизм приватизации, очерченный июньским Законом (1991 года) ВС.

Здание, в котором находился отдел, располагалось между Метростроевской улицей и набережной Москвы-реки. Все прежние сотрудники, в том числе и директор «советской заливки», больше сюда не приходили. Где-то в других конторах они травили анекдоты типа: «Мы обманули вас в 1991, мы кинули вас с МММ и ваучерами, мы отняли у вас последнее, но у нас опять кончились бабки. ПОЖАЛУЙСТА, ЗАПЛАТИТЕ НАЛОГИ». Или такой: «Разговаривают по телефону Ельцин и Клинтон о том, как их народы живут.

Ельцин спрашивает:

- Билл, а какой у вас прожиточный минимум?
- 1000 долларов.
- А средняя зарплата какая?
- 2000 долларов.
- Билл, а куда же они остальные деньги девают?
- Не знаю...

Клинтон у Ельцина спрашивает:

- Борис, а какой у вас прожиточный минимум?
- 1000 рублей. - А средняя зарплата какая?
- 500 рублей.
- Борис, а где же они остальные деньги берут?
- Не знаю...»

В старом здании была проведена основательная детальная и дорогостоящая реконструкция. Старинные архитектурные формы переплелись со стеклом и бетоном. Здесь теперь располагалась корпорация «Баррель». На верхнем этаже было всего два кабинета, напротив друг друга через коридор, на стенах которого висли гравюры старых мастеров.

Один кабинет занимал президент корпорации Крохалёв, другой - Оксана Чухло, понизившая себя до вице-президента по родственным соображениям.

Крохалёва возили на «бентли», впереди шла машина охраны, и сзади машина охраны. Крохалёв не возражал против этого. Покачиваясь на мягким сиденье, Крохалёв иногда бормотал в блаженной улыбке с детства запомненные стихи: «Мистер Твистер, бывший министр, мистер Твистер, делец и банкир, владелец заводов, газет, пароходов, решил на досуге объехать мир».

Появились какие-то плановые совместные президента и вице-президента «Барреля» официальные командировки в Лондон и Сингапур, в Нью-Йорк и Пекин, в Рим и Рио-де-Жанейро...

Крохалёв безропотно смирился с судьбой. У его официальной жены не было отбоя от подруг в двухэтажном, огороженном забором особняке в тихом переулке между Кропоткинской и Арбатом.

Мысли уносятся прочь, как осенние листья, которые изредка замечаешь весной, когда еще не распустились новые из набухших почек. И всё-то вокруг кажется опять новым, как будто такого и не видывал прежде. Житие в повторениях событий и явлений стало привычным делом для Крохалёва, который столь же постоянно меняется, не замечая этих изменений.

юрий кувалдин

Мысль об изменениях сама собой изменяется, пульсируя от старой к новой, и всё о том же, о повторениях, которые никак не ухватишь и не зафиксируешь.

У Чухло в глубине рабочего кабинета было несколько подсобных помещений, в том числе великолепная кухня с новейшим оборудованием, электрическая мясорубка в которой ежедневно прокручивала говядину, свинину и баранину, сдобренные чесноком, для бесподобных домашних котлет.

Насытившись, разрумяненные Чухло с Крохалёвым душевно, со слезинкой пели дуэтом:

Ридна мати моя, ти ночей не доспала,
Ти водила мене у поля край села,
И в дорогу далеку ти мене на зори проводжала,
И рушник вишиваний на щастя дала.

Хай на ньому цвите росяниста дорижка,
И зелени луги, й соловыини гаи,
И твоя незрадлива материнська ласкова усмишка,
И засмучени очи хороши твойи...

КРУГ СВЕТА

Высшее мастерство писателя заключается в том, чтобы не реагировать на происходящее вокруг. Как же так? - спросят социальные писатели. А вот так! Нужно идти своей творческой дорогой, не поддаваясь искушениям временной суеты, сверяя своё творчество не с выпускниками литеинститута, а с бессмертными классиками. Тело тебе дано только для того, чтобы вкусить плодов великого творчества предшественников, овладеть искусством Слова, выковать характер и волю, написать свои тексты с полной отдачей высокого мастерства, сделав душу бессмертной. Задача очень трудная, практически невыполнимая, ибо человек устроен как мембрана, трепещущая при каждом дуновении ветерка извне. Но в этом и заключена вся сложность творчества - трепетать, но делать своё.

Жизнь прошлая, украшенная вёснами, исчезла, вдохновением не взлелеяна. Известно, что Акакий Акакиевич изъяснялся большою частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Я в тишине полночи одиноко сидел на скамейке в конце света. Бросишь взгляд, увидишь женщину, хотя там в ожидании включения зеленого света было много мужчин, но взгляд всегда сначала выхватывает женщину.

Интересно, почему?

Повсюду стоит невразумление, разной силы вырывающиеся из общего гула улицы голоса. Реальное исчезло, как неверное, мелькнули за окошком дни холодные - и юности беспечность равномерная, и старости мечтанья безысходные. Женщина застыла на переходе вместе со всеми. Окружность луча нового фонаря кончалась как раз на мне.

Фонарь был очень яркий, так что за границей его света была непроглядная тьма, чернее которой я доселе в жизни ещё никогда не наблюдал. Необычная женщина, подумал я, и чем-то похожая на чайку, вся в белом, белее белого в золоте солн-

ца, и стремительная с шутливыми выкриками: «Я чайка! Я чайка!», и как скерцо: «Мы сольемся в едином благородном порыве - добром, честном, красивом. Ушедшее забвением осветится, хоть будущее всё ещё туманится, в бездействии любовь твоя не встретится, и сердце в ожидании обманется.

Кто-то кому-то что-то постоянно пытается доказать, но что именно издающий звуки пытается доказать, понять совершенно невозможно.

В слепящем кругу было всё отчетливо подчеркнуто: и я, и скамейка, и одинокий желтый цветок одуванчика, пробившийся сквозь трещину в асфальте, и особенно бесчисленная пасмурного цвета мошкара, молниеносно без устали ныряющая туда-сюда, но только не за границу света, словно мошкара эта была частью самого света. Мы услышим ангелов и увидим небо в алмазах», как только взлетела и метнулась на ту сторону, ритмично посвистывая размашистыми крыльями, поглядывая то туда, то сюда, пока не превратилась в настоящую чайку, преградившую мне путь на аллее парка возле широкой реки.

Я стоял у позеленевшего куста, «набитого» до отказа воробьями, издающими гул изъяснений Акакия Акакиевича, не понятного ни ему, ни мне, ни самим птицам, потому что главное для них - сотрясение воздуха, чтобы никому не давать застаться, чтобы не было покоя. Кого ты целовал в бреду под сочными, и кем твое видение осмеяно?

Иногда из крутого замеса получаются воздушные создания, сами себя возносящие над мнимыми ценностями времени, сплошь состоящего из безвременья временных людей. Помимо всего прочего, люди отличаются друг от друга заряженностью энергией. Никто не хочет вычесть себя из происходящего, находясь в состоянии гипнотического сна собственной вечности, замыкающего всю предшествующую историю на себе, как центральной точке мира, даже как на венце мироздания.

Я много встречал людей довольно умных, но настолько вялых, что они даже свой ум ленились показывать, произнося

что-то дельное в час по чайной ложке, а уж о записи этого умного и речи быть не могло. Так вытащи же себя из самого себя, представь на мгновенье, что тебя нет среди людей, ты ещё не родился и даже не умер, а всё уже создано без тебя, и это созданное совершенно не интересуется тобой и не нуждается в твоей оценке!

Мне казалось, что это лень. Но нет. С годами я понял, что они лишены энергетики. Есть и обратное явление. А если ты есть, то вне тебя должно жить своею жизнью созданное тобой произведение искусства, поскольку только искусство персонифицировано. Образцы настраивают на высокий лад, подсказывают нужные тебе творческие ходы.

Люди с колossalной энергией, но без ума, создают в жизни какой-то вокруг себя взрывоопасный хаос. Образ превращается в образец для подражания. Ленивые устают сразу. Чем выше в своём совершенстве образ, тем чище становится твоя душа. Энергичные не устают никогда. Но образец не является тебе просто так.

Как исключительное явление встречаются люди с умом и неукротимой энергией. Нужно поработать над собой, чтобы выковать высокий художественный вкус. Как, скажем, в случае с Пушкиным. Для чего? Вся предшествующая история выработала как бы сама по себе высокий художественный вкус, отсевая плохое и сохраняя хорошее.

Я находился в состоянии невиданного изумления, какого-то тайного открытия, сходного с чувством первой любви, при котором время от времени впадал в необъяснимое замешательство, когда на меня как бы нисходило замешательство, приглушая всё другое, кроме этих строк:

Я так же беден, как природа,
И так же прост, как небеса,
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса...

Образцы не просто стоят на полках, они внедряются в души живущих, делая их лучше, совершеннее. Загадка свидетельства в том, что ты сам через сотни лет не будешь свидетелем бессмертия своей души, запечатленной в образах посредством знаков.

Весна молодости походила на пиршество искусства, когда вся жизнь представлялась цветущим садом поэзии, когда я, как цветок, быстро видоизменяясь, тянулся к солнцу, и когда я был буквально потрясён творчеством Осипа Мандельштама. В этом убеждаются другие.

Он не занял первого места, поэтому перестал заниматься спортом, да и вообще не занимался спортом. Ты имеешь бессмертие и как бы не имеешь его. Он не получил главную премию по литературе, поэтому бросил писать, да и вообще никогда ничего не писал.

Как впрочем, не имеешь ничего и из сферы материальной жизни, потому что, сколько бы ты ни жил, с собой ничего не унесешь, иначе говоря обладание чем-либо из материальной сферы жизни временно и эфемерно, ты ничем не владеешь, это только тебе кажется, что владеешь, а на самом деле представляешь из себя цветок одуванчик, развеянный по ветру.

Он перестал заниматься чем-либо, кроме официальной службы, где он был незаметен, а попросту делал вид, что работает. Теперь мало того, что фонари через каждые десять метров светят, теперь проложены прекрасные аллеи из брускатки, окантованные бордюром. Он теперь всячески хвалит себя за то, что ему не надо бегать, прыгать, писать романы, хотя никогда не прыгал и не сочинял.

Даже поперёк газонов устроены дорожки с твёрдым покрытием, чтобы люди покороче проходили ко входу в метро. Он почувствовал себя в бездействии свободным человеком, хотя бездействовал всю жизнь. Сухо и приятно, как в Европе, на которую всё время огрызается наша бездорожная, тонущая в грязи провинция. Но он бы мог и прыгать, и писать романы не хуже какого-нибудь Толстого. Простые устройства -

фонари и дорожки, а поются как хорошие песни, вроде Петра Лещенко:

Когда зажгутся фонари.
И вечер падает слегка.
Влюблённым парочкам в тени
Там улыбается луна.
И под покровом тёмной ночи
Любовь играет до зари,
И все расходятся тоскливо,
Когда потухнут фонари.

Он бы всё мог! Когда зажгутся фонари, идти будет приятно по дорожке вдоль реки. Но зачем? В Москве нашествие фонарей. Поэтому при каждом удобном случае всем людям, которые продолжают заниматься спортом или писать книги, наставительно советует: «Бросай ты это дело!».

Прежде такого не было. Вымешивать собственные неудачи на другом человеке, значит, не понять себя, уйти, убежать от себя, полагая, что ты рождён только для того, чтобы все окружающие люди работали только для тебя и ублажали только тебя. Приходилось обходить тёмные места, да ещё почти бездорожные, чтобы не споткнуться и не упасть.

Но они, эти другие люди, в большинстве своём, такие же, как и ты, поскольку ищут причины собственных неудач в другом человеке. Ахматова говорила, что в день нужно делать лишь одно дело. И она права. Примерно то же самое говорит нам Юрий Олеша в «Ни дня без строчки». В чём тут дело? И вот таких два других сталкиваются, взоры пламенеют, даже искры сыплются из глаз, и они способны уничтожить друг друга только потому, что считают, что причины собственных неудач находятся в тебе, а твои неудачи - в них.

Толпы ненависти воинственно идут навстречу с другими толпами ненавидящих всех и вся. А в том, что одно ежедневное дело делается гораздо качественнее, нежели, скажем, семь дел за один день в неделю.

Плохое настроение исправляется очень легко, если суметь приподнять хорошую часть в себе, которая отдаст приказ миморной встать и идти, без всякой иной мысли, просто передвигать ноги по тротуару, когда вдруг почти перед собой увидишь чёрных желточлювых скворцов, уже прилетевших в Москву, купающихся в луже.

Это так необычно и так буднично, что невольно позволяет забыть своё плохое настроение, даже подумать о том, а бывает ли плохое настроение у скворцов, которых ты только что спугнул, и они, вынырнув из разных углов, поднялись, слились в чёрное большое облако, взмыли ввысь и закружились над тобой, доказывая, что само движение не имеет настроения, что это движение очень простое, как сама жизнь, требующая постоянного исправления в сторону хорошего. Хороших людей много, но их не видно на улице, потому что они заняты творчеством.

Куча всевозможных дел, делаемых в нервическом поту в один день, делается как бы для «галочки», мол, переделал все дела, и - гора с плеч. Хороших людей много, но они не ходят на выборы в карманной избирательной системе, где избранники известны заранее.

На самом деле гора осталась стоять, а ты её просто обошел по более длинному пути безделья. Литература - загадочная вещь.

Хороших людей много, но они никогда ни устно, ни письменно не упоминают ни в положительном, ни в отрицательном смысле имена самовыдвиженцев и самоназначенцев, дабы не рекламировать их.

Иногда человек, внешне совершенно не подходящий для творчества, вроде Андрея Платонова, не зная произведений которого, по фотографиям можно подумать, что это рабочий или крестьянин, выдает такие художественные шедевры, что потомки диву даются - откуда что берётся! Хороших людей много, но они никогда не вступают в спор ни с кем.

Хороших людей много, но о них узнают следующие поколения, лет через 100, потому что хорошее никогда не пропадает.

О своём появлении на свет человек не помнит, лишь узнаёт постепенно, покидая во времени младенческий облик.

А вот интеллектуалы устных рассуждений о творчестве, разбирающие по косточкам произведения гениев, частенько не могут написать сами простенького рассказа. Другими словами, созидатели и оценщики - совершенно разные типы людей.

О своём уходе на тот свет человек не узнает никогда, ни до этого важного события, ни после, но представить и даже описать в состоянии. У моего поколения идут сплошные юбилеи. Поэтому и рождение, от зачатия в Зачатьевском монастыре, до созревания плода в матке женщины, которую впоследствии, загрузившись одной из форм божественного языка, будет называть «мамой». Я имею в виду родившихся в сороковые годы. Кому 75, кому 70. Знание возникает из слов, которые проникают везде, создавая вселенную познания.

Это называется - доехали. Живут и пишут. Трудно входить в контакт с человеком, если он тебя не читал. Конечно, я обращаю внимание только на литераторов и людей из сферы искусства. С каждым из которых я так или иначе знаком. Во всяком случае, старался следить за их творчеством.

Ведь человек - это не тело при жизни, а его душа в знаках, устремлённая в вечность. Он присматривается к твоему телу, не зная души, полагая что и тело и душа едины в одном внешнем материальном субъекте. Написал «вечность» и подумал, что укоротил жизнь души до века, то есть до ста лет. Он видит временное, не замечая вечного. Напишу тогда слово «бессмертие». Чувствуешь себя с такими людьми неудобно. Уже много лет назад я частенько друзьям говорил, что начнутся смерти известных людей, и эти уходы надо воспринимать спокойно, ибо каждого ждёт участь сия, кроме писателей.

Не напрасно говорят при уходе человека, что душа отлетела от тела. Ходить надо, ходить. Современникам трудно смириться с тем, что тело есть лишь временное вместилище духа. Пrijатель с жадностью оглядывается на догоняющий нас авто-

бус. Телу дан срок выразить свою душу в Слове и покинуть сей свет.

По всему видно, что это его номер. Вот почему душа великих писателей бессмертна, с которой может говорить каждый страждущий познать самого себя. Он поспешно бросает мне, что больше идти не в состоянии и хочет вскочить в открывшиеся двери, но я его прочно удерживаю за локоть. А мы прошли уже километра два. Жизнь спокойно течёт в простоте, а привлекают украшения.

Приятель умоляюще объясняет мне, что он так помногу не ходил никогда, на что я ему говорю, что осталось дойти всего километра три. Четыре плоские стены создают жилище. Приятель горестно вздыхает и, тяжело ступая, продолжает прогулку.

Глядя на него, я успокаиваю, что метров через пятьсот откроется второе дыхание, и начинаю приводить примеры знаменитых пешеходов, например, вспоминаю Максимилиана Волошина, который пешком прошёл всю Европу. А взгляд на улице ловит литые чёрные ворота позапрошлого века. Приятель забывает и тоже что-то вставляет о пользе пеших прогулок.

Человек огораживает пространство до собственной вселенной, в которой он хочет быть единственной звездой, которую никто не видит кроме него. Незаметно пришли к его подъезду. Ходить надо,ходить.

Взаимная слежка культивировалась в коммунальных квартирах, чтобы население постоянно было начеку и не распускало пояса. На улицу человек несёт свою отдельную квартиру, чтобы любоваться архитектурными изысками. Отдельные квартиры снуют в толпе коммунального государства.

Речи разные, несовпадающие, из опыта произрастающие, сами собой питающиеся и считающие себя единственно правильными, потому что исходят из самого себя, а уж сам себе врагом не будешь, поэтому на каждом перекрестке утверждаешь свою правоту высказываниями, что все говорят неправильно, только ты говоришь правильно, против речи других, не

понимая, почему у них такие речи, которые твоим речам не идут навстречу, а всё время противоречат, доводя сообщество до скандала, когда все говорят сразу, не слушая другого, потому что другой для тебя не существует в силу его вызывающих речей, против которых всё время хочется возражать, а то и просто не дать ему говорить, с открытым забралом идти против его речи, всем открывающим рты противоречить.

Какое представление неверное о том, что дни ушедшие - холодные. Литература требует стабильности в течение всей жизни, только тогда появляется глубина и значимость написанного.

Была температура равномерная, и мысли не мешали безысходные.

Наскоки торопливых авторов, примеров коих тысячи, ничего не решают, потому что тайны литературы в поспешности не открываются. Надеждой жизни женщина осветится, прошедшее в мужчине затуманится, её любовь с его желаньем встретится, и сердце к сердцу в страсти не обманется.

Поспешна внешняя канва, не задевающая души. Распустится любовь земная вёснами - она простыми чувствами взлелеяна. Тем более вызывают улыбку авторы, пишущие романы специально для получения премий под юбилейные даты. Волна качает любящих под соснами - слиянье тел природой не осмеяно.

Написал толстый роман и остановился в ожидании лавров. Но события не происходит, даже если этому автору кажется, что они идут. Но через короткое время всё успокаивается даже в душе самого автора. Подъём сменяется апатией, даже отвращением к литературе, потому что говорят не о нём, а опять о Чехове и Достоевском.

Легко ходить под горку с Лубянки на Неглинку, понимая, что Москва - горная страна, когда ноги сами собой туда несут, и даже если захочешь остановиться, всё равно будешь катиться вниз на санках воспоминаний, как это делал в детстве на Рождественском бульваре под звон трамвай буквы «А», только

теперь понимая, откуда пошла бесконечная любовь к этой букве «А», которую до сих пор многие впечатлительные души с превеликим удовольствием выписывают печатно из трёх палочек, дабы не забыть стремительный полёт на санках сверху до Трубы, где «Аннушка» делала разворот на кругу, чтобы, тяжко вздыхая, медленно взбираться на горку к Сретенскому бульвару, в то время как ты сам собой почти сбегаешь по какому-нибудь Кисельному переулку к Неглинке.

Нечаянно вдруг догадался, что очень соскучился по зелёному цвету. Приобретая необходимые для жизни навыки, их постоянно нужно развивать и совершенствовать, иначе говоря, ежедневно повторять одно и то же, закреплять, фиксировать, доводя до творческого автоматизма.

Понял это, когда обнаружил ещё робкое зелёное, почти незаметное появление на широких газонах по обе стороны улицы, которая как-то сразу приободрилась и повеселела во всевозможных едва заметных оттенках первых признаков этого зелёного. Потому что в этот момент вы думали о том, чего собеседнику ни в коем случае знать не следует. Прыгать на одной ноге не очень удобно, хотя гораздо удобнее ползать на четвереньках, что доказывает каждое новое существо, появившееся на свет известным, но скрываемым и забываемым образом, потому что дети не должны ни в коем случае знать: откуда они и куда направляются.

Не случалось ли с вами такое, когда, сидя напротив другого человека, знакомого или увиденного впервые, вы ловили себя на чувстве, что он читает ваши мысли? Чёрно-белое кино московских сумерек постепенно становится цветным, просматривая которое ещё раз убеждаешься в необходимости и неизбежности перемен, на которых построено всё вокруг. Это несколько будоражило вас, поскольку частенько вы слышали о том, что есть люди, способные читать ваши мысли.

Итак, каждый день тренирую своё умение стоять на задних лапах, для удержания равновесия в такт шагам помахивая руками, при этом напряженно пытаюсь вспомнить: откуда я вы-

лез на свет и куда, в конце концов, направляюсь?! Некоторые о прошлом спорят с такой убеждённостью, как будто только они знают, что и как тогда было, и, более того, могут сходить в прошлое, как в булочную, и принести необходимые доказательства своей правоты.

Но тут необходимо твёрдо знать правило - пока вы сами не поведали свои мысли собеседнику, и косвенно другим лицам в иной обстановке, о них он не узнает. Эту науку твёрдо знают следователи (при наличии независимого правосудия), всё искусство которых так расположить вас к себе, чтобы вы сами всё необходимое следствию рассказали. Но легко догадаться, что сколько спорящих, столько существует и прошлого в их собственной душе, пока они живы. Но вы не расскажете, потому что твёрдо знаете секретное правило (повторяю) - ни при каких условиях не выдавать свои мысли.

Чтобы закрепить прошлое со своей точки зрения, нужно немногое - написать роман «Преступление и наказание», превратившись в Достоевского, или в Кафку с его «Превращением», или, на худой конец, в Курсаву с его фильмом «Расёмон».

Приятно в Москве заблудиться, особенно тогда, когда примерно знаешь расположение переулков и второстепенных улиц, вроде Библиотечной улицы, или Малого Факельного переулка, пойдёшь наугад и выйдешь в какой-нибудь Большой Рогожский переулок, но осознаешь это, когда прочтешь где-нибудь в одном месте это название, потому что по большей части улицы и переулки в Москве стоят без названий, на табличках лишь обозначены номера строений, так приходится и ходить от одного угла, где чаще всего прикреплены названия, до другого, но это в том случае, когда тебе интересно узнать, где ты находишься, когда же тебе всё равно, где ты, то перетекаешь из одного переулка в другой бессознательно.

Посидишь в деревне на скамейке у палисадника час-второй, ни одного человеке ни с той стороны деревни, ни с этой. Собственная вежливость по отношению к другим, мягко скажу,

бестактным людям может привести тебя в конце концов к утруте собственного «я».

Если пролетит ворона - это уже событие. Идешь в метро по длинному с каменным полом переходу с одной станции на другую в плотной толпе, и вспоминаешь тишину деревни, потому что сзади кто-то отчаянно и ритмично бьёт молотком по камню, и всё ближе к тебе бьёт, да так звонко, что уши закладывает. А рядом, шеренгами, строем маршируют потные спешащие, обгоняющие друг друга люди, не обращая внимания на этот выворачивающий наизнанку душу стук.

Думаю, ко мне приглядился какой-то убивец, типа Раскольникова, сейчас как даст резко по темечку, и кранты. Вот какой-нибудь персонаж, подверженный устному клиническому многословию, а устные многослова весьма и весьма агрессивны, будет бесконечно при встрече с тобой грузить тебя пустотой речеизлияний, и особенно о непризнанном собственном величии, а ты из вежливости, потупив взор, будешь всё это слушать, поскольку клинический многослов потому и называется таковым, что он никогда не даст тебе даже малой возможности вставить своё слово.

В страхе вжимаю голову в плечи, но не оглядываюсь, только останавливаюсь, а стук совсем рядом, но темечко пока не залито кровью, только на меня шушукают, стук замедляется, потом делает изгиб, обходя меня.

В этом отношении я воспитал в себе с армейских времен невежливость, почувствовав которую, выраженную мною в двух-трех словах, недержатель слов мгновенно умолкает. Немилосердно отключать людской сор - есть сверхзадача писателя.

И я вижу длинноногую девушку на высоченных металлических шпильках. Она еще энергичнее начинает бить молотком по камню, успокаивая мою манию преследования.

Будет что вспомнить, частенько восклицают за обильным столом, и не обязательно праздничным, когда молодость дышит каждой клеточкой тела, и мозг, действительно, сохраняет

память об этом весёлом застолье, на неделю, на месяц, до следующего подобного события, так что память работает на сохранение весёлых моментов жизни, по истечении времени перемешивая эти события, кое-что подтирая, другое модифицируя, добавляя и убавляя красок, чтобы в конце концов когда-нибудь, спустя лет 50, можно было с некоторой растерянностью и даже со слезой сказать, что жизнь прошла весело.

Мысли уносятся прочь, как осенние листья, которые изредка замечаешь весной, когда еще не распустились новые из набухших почек. И всё-то вокруг кажется опять новым, как будто такого и не видывал прежде. Житие в повторениях событий и явлений стало привычным делом для человека, который столь же постоянно меняется, не замечая этих изменений.

Мысль об изменениях сама собой изменяется, пульсируя от старой к новой, и всё о том же, о повторениях, которые никак не ухватишь и не зафиксируешь. Приходится на все эти постоянные изменения махнуть рукой, и ехать по жизни, как в 43-м трамвае, зная, что после «Крестьянской заставы» будет кинотеатр «Победа».

Сделал работу, вздохнул свободно, и прилёг на диван. Через некоторое время червь сомнения закрался в душу, а в том месте я же кирпичи укладывал без раствора, как же здание будет держаться. В ужасе побежал осматривать постройку. Всё на месте, кирпичи плотно прилегли друг к другу и цементный шов уже начал затвердевать.

Когда зацветут ландыши, зацветет и орешник, только цветочки ландыша заметны и ароматны, а цветы орешника вряд ли кто видел, зато орешки, именуемые фундуком, любят почти каждый, а вот ни ягод ни орешков ландыша вряд ли кто видел, ибо это пустоцвет, но пустоцвет прекрасный, как и роза, но дикая роза ещё краше, ибо её можно назвать шиповником, который дает превосходные ягоды, до тесноты набитые семенами, твёрдыми, как орешки, говоря нам о том, что красота и полезность во многом расходятся, но, если задуматься, то без пользы нет красоты, а без красоты - пользы, ибо всё в этом мире за-

юрий кувалдин

вязано, перевязано, чтобы быть красивым и полезным для поддержания вида, формы и для бесконечного размножения.

Опять прилёг с книгой на диван и задремал. Во сне чувствую, что кот разместился на моей груди и вовсю урчит. И снится мне, что я работу ещё не начинал. Просыпаюсь резко в холодном поту, бегу смотреть на сделанное.

Рассказ закончен.

Последняя точка поставлена.

Перечитал снизу вверх и сверху вниз три раза.

Ни одного сбоя, ни одной ошибки не обнаружил.

Так почему же так беспокоюсь?

Потому что ещё не отошёл от сделанной работы и не начал новую.

Как только начинаю новый рассказ, страхи исчезают.

"Наша улица" №187 (6) июнь 2015

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

Зачем-то остановился перед овощной лавкой, узенькой, как шкаф, где помещается только черноусый посыпец гор. Остановился и стою, почему, думаю? Наконец решаю купить пару крупных почти белых молодых картофелин и два свежих огурца. «Что ещё прикажете, господин?!» - весело интересуется слегка обалдевший от меня продавец. Стою, думаю. «Ну, в качестве разнообразия, - говорю, - ещё стрелку зеленого лука». Пришел довольный домой. Отварил в мундире две картошки. Охладил, снял мундиры. Мелко накрошил в эмалированную миску. Туда же нарубил лук с огурцами, сдобрил подсолнечным маслом. Ничего вкуснее я ещё не едал!

Жизнь варится в одном котле, в конгломерате представлений о жизни разных поколений. Один едет из родильного дома, пустой, как барабан, и чистый как белый лист бумаги, ещё без имени, без национальности и тем более без партийности. Всё это предстоит ему записать на жёсткий диск своей памяти, временный диск, который сотрётся, когда этого новорожденного через определённый срок повезут на кладбище. Невидимая лента конвейера вечности безостановочно движется, принимая новых и отправляя в даль далёкую старых. А над ними в неизменном виде раскрыта божественная книга, в которую может записать что-то каждый, чтобы из этой книге напитывалась душа новорожденного. Тело - в землю. Слово - в книгу.

Всему придать портретное сходство, значит, упростить мысль. Внешний облик человека ничего не говорит о его вечном, не умирающем свойстве - о его душе.

Приманивать изысканным убором,
Игрю глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет.

Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем...
(Из «Музы» Евгения Баратынского, 1821)

Вот! Речь не о женщине, а о музее, о поэзии, о Слове! Рисовать похоже - это не говорить ничего. Тогда и появился авангард, убравший тела и лица со своих полотен, как бы говоря этим, что является искусством для немногих, для тех, кто живёт в духе, в тексте, в слове, соединяющихся в мысли. Для похожести есть телекамера, фотоаппарат. Для лица необщего выраженья - «Черный квадрат» Малевича.

Вне дома я всегда любил занимать койку у окна, чтобы видеть улицу с небом над ней, небом утренним, рассветным, и небом вечерним, особенно когда проступали звёзды. В чужом месте с небом и живущей улицей было не так тоскливо, хотя я не понимал, отчего возникала эта тоска. Ведь я на койке у окна временно, на какой-то небольшой срок, по сравнению с тем, что я нахожусь дом. Но вот дом я как бы не замечал, потому что он был в привычности незаметен, и с незаметно бегущими днями. На койке же у окна день становился равным году, а то и больше, он длился, не кончаясь, как не кончался рассвет, как не кончалась ночь.

Чем утончённее, глубже автор, тем меньше у него поклонников, понимающих всю сложность переживаний философской души. К таким «сложным» авторам относится Евгений Бачурин, который не любил, когда его называли бардом, и вообще гордо и твёрдо восклицал: «Я - художник!» И он на самом деле в истории живописи является оригинальным живописцем сочинского колорита с гипсовыми персонажами. Но, конечно, Бачурин прежде всего поэт. Его изумительные тексты выдерживают, в отличие от тысяч бардов, поющих что-то под гитару, испытание бумагой. Это я проверил на себе, издав его книгу «Я ваша тень» в 1999 году, к 65-летию автора «Дерев».

В литературе всё выглядит иначе, чем в жизни. Это и понятно, поскольку литература собрана в художественную форму,

когда был произведён отбор согласно высокому вкусу художника, а жизнь брошена нам в неотформованном, хаотичном виде, причём без конца и без начала. Память о лучших местах молодости действует по тому же принципу, что и литература. Мы тоскуем о тех местах, где нам было очень хорошо. Но не возвращаемся туда, зная, что время обманывает нас пространством. Поэтому можно сделать вывод, что память сама по себе сродни художественной литературе.

Полдня солнце, пол дождя. Московская жизнь графически определенно показывает контрасты. Снег падал, деревья голы. Клейкие листочки греют воробыёв. Был маленьkim, стал большим. Не знал, как писать букву «А», теперь чёрт знает что вытворяешь с калейдоскопом алфавита. Поскользнулся на льду в Сокольниках, упал на горячий песок пляжа в Гонолулу. Зигзагообразная ослепительная молния ударила в Кремль, царь Грозный начал праздновать присоединения Казани, Кахани и хана. Рехнулись в Ряхани, замаскировались под Рязань. Всюду хань, всюду хунь, куда ни посмотри и куда ни дунь. В Херсонесе молились, в Херсоне родились, в Киеве венчались, в Нью-Харке скончались, в Херусальиме очнулись. Всюду хер, всюду хер, всюду парикмахерские.

Каждый день без пропусков я в своё удовольствие как составную часть творчества прохожу не менее трёх километров. Два раза в неделю это расстояние прогулок увеличиваю до пяти километров, не меньше. 2 дня в неделю по 5 километров. Стало быть, 5 дней в неделю я прохожу в работе над новым произведением по 3 километра. Получается, что я в неделю как бы шутя прохожу: 2 дня умножить на 5 километров - получается 10 километров, и 3 километра умножить на 5 дней - выходит 15 километров. Значит, в неделю я прохожу: 10 километров плюс 15 километров - получается 25 километров. В месяце, примерно, 4 недели, умножаем 25 километров на 4 недели, и получаем 100 километров я беззаботно прохожу в месяц. Теперь, чтобы выяснить, сколько километров я легко и непринуждённо прохожу за год, умножаем 100 километров на 12 месяцев и получаем 1200 километров.

Я сказал: «Здравствуйте!», - и он отозвался: «Здравствуйте!» Затем в наступившей тишине стал сильнее слышен плеск волн от давно ушедшего за поворот трехпалубного прогулочного теплохода. Мы сидели на брёвнах. Кто он для меня? Кто я для него? Он покуривал, и я закурил. Больше мы не сказали друг другу ни слова. Докурив сигарету, я встал, сказал: «До свидания!», - и он непринуждённо сказал: «До свидания!», - и я пошёл себе при закатном синем свете по берегу в сторону моста.

По мере изменения в самом себе эмоционального состояния, изменяется и погода. То есть этим я хочу сказать, что не погода влияет на меня, а я на погоду. Когда у меня поднимается жизненный тонус, то сразу прекращается дождь и тут же выходит из-за туч солнце. Вибрация настроения от плохого к хорошему постоянно так же меняет силу и направление ветра. Пусть за окном льёт дождь, но в состоянии восторга и лёгкости я выхожу на улицу без зонта, и дождь меня обходит стороною. Дождь льёт на других, потому что у них какой-то кислый вид, но не на меня, улыбчивого, весёлого и себе на уме.

В праздники улицы тихи и светлы. Толпы людей где-то спрятались, как прячутся муравьи в свои жёлтые кучи под ёлками. Трамваи ходят редко, с большими интервалами движения. Беспрепятственно проходишь какую-нибудь улицу от начала и до конца, как я прохожу Бауманскую от улицы Радио до Ольховской улицы, хотя счёт домов Бауманской улицы начинается именно от поворота с Ольховской. Одна сторона солнечная, другая в тени. Если на самой Бауманской люди всё-таки встречаются, хотя станция метро «Бауманская» на несколько месяцев закрыта на ремонт, то в Гарднеровском или Бригадирском переулках нет ни души, в которых приятно постоять в тени и покурить, наблюдая за лениво прогуливающимися вместо прохожих машин голубями.

Листья одуванчиков, широкие, с зазубренными краями, как елочки, рассматриваю пристально, пытаясь понять, почему они так нравятся моему зелёному другу с розово-чёрным ожерельем.

ем попугаю Грише. Тут я даже вспомнил, что ел когда-то эти листья, правда специально приготовленные мои давним другом писателем Толей Кимом, не одни листья, а со строганиной, то есть с сырым мясом. А Гриша берет грациозно лист поперёк в крючковатую свою лапу, другая лапа крепко держит его на жёрдочке, подносит лист к огромному крючковатому красному клюву, отщипывает немножко от листа и сосредоточенно, изредка прикрывая глаза, тщательно перетирает молоточком языка и нижней лопatkой ножниц клюва лист одуванчика, испытывая при этом невероятное наслаждение.

Умение взвешивать слова на весах вкуса, не на электронных весах, а на старых, с двумя чашками, какими до сих пор честько пользуются на рынке, с гирями и гирьками, когда видно, как одна чашка, при положении на него одного слова опускается вниз, а другая, когда на неё кладут равнозначное по силе воздействия другое слово, поднимается вверх, и обе чашки уравновешиваются, сходятся в центре между чашками утиные носики, носик в носик, мы равны. Равнодействующие по эмоциональной и смысловой силе слова создают нужную автору тональность произведения, или, если хотите, вес.

Ты с ходу хочешь понять меня? А прочитал ли ты с начала и до конца «Божественную комедию»? Если ты сразу ставишь вопрос: «Что хотел сказать этим произведением Данте?», то делать тебе в литературе нечего. Художественная литература не ставит вопросов (это дело временщиков-журналистов) и не отвечает на вопросы (это дело телевизора, который из чувства гигиены художники не смотрят). Художественная литература – это высший вид искусства, который переносит душу мыслящего человека в иную реальность, расширенную до бесконечности и до бессмертия. Для того, чтобы жить в тексте, а не в текущей жизни, нужно с детства вырабатывать хороший вкус на классике, читать и писать, отбросив все прочие дела.

Встал и упал. Встаёт восток. Падает запад. Восходит и западает. Запад всё время падает, закатывается на закате (свидетель Освальд Шпенглер «Закат Европы»). А восток постоян-

но восходит. День может быть светлым, а может быть тёмным. Свет и тень. Тень и день. Нет ничего удивительного в том, что наступил новый день. Удивительным было бы то, чтобы новый день не наступил. Старый день бы всё время длился и длился, вращаясь по одной бесконечной орбите. Одно и то же. Но ведь, в сущности, так и происходит: новый день вроде бы наступил, но на самом деле продолжается всё тот же вчерашний день, вращающийся на постоянной орбите. И уже всем всё ясно, что солнце взойдёт оттуда, а луна отсюда, или наоборот, потому что всё зависит от твоего положения в пространстве дня жизни.

Москва. Дом-шкатулку (выдающийся архитектор Сергей Константинович Родионов, 1911 год; в Крапивенском переулке стоит ещё одно «шкатулочное» его творение - краснокирпичное здание Константинопольского подворья) на углу Панкратьевского переулка и Большой Сухаревской площади увидел во время работы над этим рассказом Юрий Кувалдин.

Самое неудержимое желание человека быть во всех веках и во всех местах, видеть и слышать всё, что ему хочется. Иначе говоря, конкретный человек жаждет обрести бессмертие. Мысль эта, в общем-то, заманчивая, но совершенно тупиковая, родственная тупиковому географическому мышлению, сводящемуся к территориальной обособленности государства. И если даже предположить, что человек обретет бессмертие, то увидит движение по божественному пути стирания границ и объединения языков. Мало того, бессмертный увидит тот момент, когда ничего нельзя было разглядеть, или, как написано в Библии, была безвидность, то есть, не было слов, не было никакого языка. А если нет слов, так на самом деле ничего не было.

Любовь дана для изготовления новых тел, чистых, как самая библейская «безвидность». Новое тело напитывается тем, что создало до него Слово. Вот я сейчас скажу слово, и разбирающиеся шоферы сразу скажут, что это такое. «Карбюратор», - говорю. О, это понятно, готовит смесь из воздуха и бензина для подачи в цилиндры. Понимаете? А это ведет в мотор автомо-

мобиля слово. Оно первично. И я в этот момент люблю указывать на старые одноглавые церкви с крестом на куполе. Вот символы начала начал. Какую букву олицетворяет крест? Правильно, букву «Х». Вот с этих двух палочек «безвидность» стала исчезать, на место которой начали прступать и «звёзды», и «воды», и «водка», и «ликвидность», и «рубль»... Слово создало и продолжает управлять материальным миром и создавать его.

Вопрос: «Что это?», - возникает тогда, когда к бевестному предмету хотят привязать слово. Вот Слово и штампует человеческие тела в сексуальном экстазе. Чистые, как новенькие компьютеры.

Поэтому легко догадаться, что Слово находится вне человека, в книге вечности, или в Боге. Каждый человек есть копия Бога, ибо в нем «центр управления полётами». Слово и есть душа, которая, как известно отлетает от тела, прекратившего функционировать. Ничего страшного не произошло. Тело одно - в яму, другое из новой матери головкой вперёд вылезает из тайного места, то есть из Родины. Ибо «Родина» есть не географическое понятие, а именно лоно матери. И создан ты тем самым символом одноглавой церкви с буквой «Х» на куполе. Попробуйте из себя вылезти, то есть написать книгу.

Дорога устала, как старое тело, своим бездорожьем дорога томит. «В грязи и ухабах - пропащее дело - добраться до цели!» - тебе говорит. Дорога не терпит ни чьих упований. Пред дальней дорогой надежду смири. На тысячи вёрст - миллионы страданий - в асфальт никогда не забрать, хоть умри! Дана от рожденья тебе до кончины дорога по ступицу в две колеи. Меси же без устали ржавую глину, сам рой себе яму, и Бога моли. По этой дороге прошёл ты впервые. Ещё не ступал тут другой человек. В бескрайней тайге две скрестились кривые: пространство вселенной и вечности бег.

Язык не заметен, как воздух. Слово воспринимается и произносится машинально, без видимых усилий. Дыхание осуществляется автоматически. Я сегодня не буду дышать и не буду

говорить. Хотел задержать дыхание на несколько минут, но не смог. Хотел промолчать, но сказал «Спасибо!», когда девушка любезно придержала дверь подъезда, чтобы я спокойно без своего электронного ключа вошёл. Дышу словами, потому что слова не могут жить без дыхания.

Изображение на экране или на картине, или изображение твоего дома, твоего двора, твоего подъезда, твоего почтового ящика, твоей лестницы, твоего лифта, твоей кухни, твоего балкона, твоего холодильника и прочего твоего, того, что ты видишь глазом, всё это видимое и даже устно произносимое, и даже устно говоримое, всё это, тем не менее, нemo и не учит писанию букв.

Стоит только назвать громкое в литературном мире имя, как оно тут же эрудированного человека поведёт по гулким коридорам воспоминаний, образов и ассоциаций. Вот сейчас поставлю какое-нибудь звонкое имя, и вы тут же побежите за ним по вертикальным стенам восторга. Но я воздержусь. Иду всегда от себя, от своих соображений, переживаний и слов. Вот чего не понимают журналисты, втыкающие в доску очередного очерка гвозди ничего не значащих имён, понижая своё собственное значение до ничего не значащего временщика. Текст мастера должен отстояться, оригинальная мысль утвердиться, имя стать известным, потому что имя далее будет продвигать само себя без тела, которым оно обозначалось.

Конец театра. Конец стиля. Конец телевизора. Конец книги. Конец деревни. Конец сезона. Конец эпохи. Конец света. Прочие концы всяческих концов. Кто-то, и их довольноличное количество, всё время говорит о концах. Лезут в подпол, прячутся в пещерах. Короткий слишком измерительный инструмент у них в головах. Дальше своей конечной даты не помышляют, ибо считают, что они есть весь мир, и что вместе с ними мир погибнет. Досидеть бы на должности до могилы, да бы не казнили за беспробудную ложь и ежедневные преступления против совести, а там - хоть потоп. Вот они-то и есть концы, которым всегда приходит конец. Но в противовес этим

концам живут и театр, и кино, и телевизор, и книга, живут в весёлом бессмертном цветнике вечности.

Люди прошлого остались в прошлом, потому что никто из них не доехал до тебя сегодняшнего в смысле творческом. Постепенно ты их оставлял там, за горизонтом памяти, хотя они немало потрепали тебе нервов, стараясь остановить тебя в творческом развитии, иначе говоря, приспособить под себя, людей живущих в жизни, как будто ты сам не жил в жизни, но жил только ради того, чтобы написать свои книги. Не показывай свою книгу соседу, показывай только мастеру, который единственно остаётся с тобой навсегда, даже в том случае, если его тело давно истлело в могиле.

Неужели столь сильно в жизни биологическое, генетическое, неужели столь властно?! Неужели ты являешься зеркальным отражением Отца небесного? Или каждый человек в силу именно человеческого в себе обладает в той или иной мере вживленными в него гипнотическими свойствами, которые проявляются даже в самом случайном прохожем, с которым иногда приходится обмолвиться двумя-тремя фразами, и только глаза прохожего встречаются с твоими глазами, ты вишишь, ты чувствуешь подсознательно или даже вполне внятно некую силу этого гипнотического влияния, взгляд во взгляд - и протекают из души в душу слабые импульсы, говорящие о том, что все люди - из одного теста, из одного замеса, из одной квашни.

Если они не сделают паузу между словами, то, кажется, потеряют дар речи. Поэтому промежутки между словами заполняются сплошными «а-а-а-а» или «э-э-э-э-э», и иными звуками. Подобное «пение» распространилось не только в жизни, но и у ведущих и commentators почти по всем радиостанциям и телеканалам. Вряд ли это можно посчитать одним из видов психического расстройства, но то что этот постоянно «включенный» звук проистекает из страха говорящего, что его сейчас прервут, не дадут ему высказаться, совершенно очевиден, и именно поэтому он ни на минуту не останавливается. И ка-

кое испытываешь счастье, слушая, к примеру, записи Качалова или Остужева, когда каждое слово обособлено, произносится чётко, с «металлом» в голосе, когда пауза звучит, и не просто создает пронзительную тишину, но с чувством доносится до слушателя. В устной речи пауза иногда важнее иной фразы, ибо несёт такую же смысловую нагрузку, как подтекст в письменной речи.

Человек привыкает к еде, ибо не покорми его недельку-другую, да без воды, он и дух испустит. Человек привыкает к водке. Человек привыкает к табаку. Человек привыкает к любви. Человек привыкает к зиме. Человек привыкает к кофе. Человек привыкает к чаю. Человек привыкает к самолёту. Человек привыкает к метро. Человек привыкает к эмиграции. Человек привыкает к наркотикам. Человек привыкает к солнцу. Человек привыкает к своему имени. Человек привыкает к родному языку. Весь человек состоит из привыканий. Человек привыкает к словам. Сотрите всё написанное, и наступит безвидность, без слова «безвидность», ибо если не будет слов, то будет пустота, без слова «пустота».

Рождённый отправился снова далёкое счастье искать. Какое влекущее слово, о, «счастье», сама благодать! А в поисках будь осторожен - рассыплется миг, как драже. По воле случается Божьей, а не слепоте ворожей. Быть нервам для счастья из стали, не падать в объятья волны. Важны и другие детали, которые счастьем полны. При сборке быть нужно построже, не плыть по течению реки! Ты создан для вечности Божьей, и временщикам вопреки.

Слишком короткие фразы, часто воспринимаемые как примитивные, вряд ли настроят на возвышенную волну, как и слишком длинные конструкции погасят силу впечатления. А вообще, на фразы начинаешь обращать внимание тогда, когда сразу чувствуешь, что текст написан не из любви к словесному искусству, а ради какого-то прямолинейного банального смысла, вроде газетной информации, развёрнутой до бесконечного текста, когда уже с первых строк всё ясно и по безликой фор-

положение в пространстве

ме и по нищему содержанию, но автор продолжает толочь воду в ступе, считая читателя не знакомым даже с букварём.

В моей душе всегда звучат разные голоса, их много, очень много, и моя задача выбрать самый оригинальный, в оригинальности и есть правда. Если всем прямо выкладывать свои мысли, то тебя сочтут за безумца. Ведь ты идёшь против всего человечества, подвязанного устоявшимися правилами. И если ты заявишь, что государства и национальности - мнимые величины, то тебя прибьют к забору гвоздями охранители средневековья. Впрочем, это уже было.

Неважно себя чувствовал, но я работал. Хорошо себя чувствовал, но я работал. Звонили ребята, заказан столик в «Метрополе», но я работал. Приглашали на три спектакля, два банкета, и на один поэтический вечер в ЦДЛ, но я работал. Все помчались как угорелые на дачу, но я работал. Разразилась необычайная гроза, которая заходила на Москву туда и обратно сутки напролёт абсолютно чёрным небом со свинцовыми шипящими молниями, всё на свете залила, но я работал. Приглашали несколько раз на митинги, один «за», другой «против», но я работал... Прошло пятьдесят лет. Те, которые приглашали и бежали, куда-то разом исчезли. На полке стоит моё собрание сочинений в 10 томах.

"Наша улица" №188 (7) июль 2015

ЗАНАВЕС

Вспоминаю «многоопытного» молодого врача: а вот курить вам не следует, это укорачивает жизнь. Я усмехаюсь, говорю, что мне уже под пятьдесят (тогда мне было 48), и чувствую, что курение действует на меня благотворно, даже помогает жить. Врач-юноша, оберегавший меня от излишеств спиртного и непомерного курения, умер в 32 года. Что-то у него в мозгу неправильно соединялось между сосудами. Такие вот дела у нас с советчиками. Куда ни кинь, всюду желторотые цыплята раздают советы: как изменить государственное устройство, как играть в футбол и прочее. Слушаю, и молюсь за них - протянули бы хотя бы до 50 (эта цифра кажется им запредельной, мол, в таком возрасте не живут). Пред стариками снимаю шляпу и закуриваю.

Пускаю думок, смотрю по сторонам в поисках скамейки. Нет скамеек. Площадки среди газонов с отступами для скамеек есть, но скамеек нет. Даже видны отверстия для болтов крепления. Вырвали, что ли, их с корнем?

Ошеломительную метафору нашего государственного состояния иногда внезапно обнаруживаешь прямо на улице. Мало того, что я сам вырос на улице, но и свой журнал назвал «Наша улица», поскольку улица содержит не только самые разнообразные характеры и типы людей, проходящих по ней или живущих здесь, но и все времена существования государства. Странное дело, но как бы в разные эпохи ни старались цензурировать всех и вся, приглаживая всяческие аллюзии и сравнения, но названия торчат кое-где ржавыми гвоздями патриархальности и невежества «колосса на глиняных ногах». Вот вам вся суть «броненосца в доке», по словам Мандельштама о России, которая «отдыхает тяжело», - обнаруженный мною в Москве - Крестьянский тупик.

Опорное слово «крестьянский». Их большевеющих большинство, ибо скорость изготовления новых людей с невероят-

ной силой опережает их интеллектуальное развитие, что благотворно действует на стремительное вымирание государства с пушками и танками командного единодержавия.

Один говорит, я не могу вернуться в прошлое. Другой утверждает, что прошлое отрезано навсегда. Но первый всё время возвращается в свое прошлое, а тот, который его отрезал, не может отделаться от успехов своего детства, когда он был первым учеником в классе, и каждый день сам гладил алый пионерский галстук. Прошлое, как и настоящее, как и будущее вполне достижимые величины для каждого живущего, потому что жизнь осуществляется только в тексте, пусть таком простеньком, даже устном, как, к примеру: «В 1946 году я привёз из Германии патефон с грампластинками Петра Лещенко». Эх, Дуня, люблю твои блины!

Особенно, когда выпью.

Целенаправленно перешел подземным переходом на ту сторону, и смело вошел в переулок, но пройдя по нему метров пятнадцать, остановился, удивился тому факту, что забыл, почему я столь определённо и уверенно пришёл сюда, так что, убрав руки за спину и крепко там их сцепив, пальцы с пальцами, устремил взгляд в землю, как будто там было написано, зачем я пришел в этот переулок. И вдруг цепь мгновенных ассоциаций подсказала, что именно здесь, в переулке у особняка в стиле модерн, мне однажды пришла мысль подтрунить над «Чайкой», написать «Ворону», даже первая фраза родилась: «Занавес, на котором была изображена ворона, открылся».

Магия имени делает все его произведения прекрасными, даже неудачные.

Зелено. Кругом зелено. Даже если вы подниметесь на лифте на 34-й этаж высотки, чтобы взглянуть с облака на Москву, - а столица открывается оттуда на десятки километров во все стороны, - то и тогда всё вокруг будет зелено. Зелень задрапировала самые неприглядные места, вроде промышленных зон, бесхозных территорий и заброшенных железнодорожных пе-реездов. Кажется, что дома поставлены в бесконечной тайге,

потому что зелень скрывает линии улиц, видны только крыши, окна, и торцы. Особенно привлекательны те дома, на которых деревья растут прямо на крышах, на выщербленных балконах, а то и прямо в расщелинах обветшальных стен. Подумалось, а что, если все люди покинут Москву лет на пятьдесят? Тогда, несомненно, всё покроет зелень окончательно. Как много сделала природа, и как мало создал человек, если часть тайги называет «Москвой», которая зимой будет белой, как Арктика.

Смотрю на частокол бесчисленных белых домов новых районов Москвы. Почему они белые? Ведь белый свет отражает солнце, не сохраняет тепло. Дома в наших холодных широтах должны быть цвета глины. Но я не о сохранении тепла. Я смотрю вообще на дома. Потом смотрю на мосты, смотрю на машины, смотрю на пароходы, смотрю на вагоны метро, особенно на рельсы смотрю. Смотрю на всё, и поражаюсь, что всё это сделано из глины. Металл из глины. Кирпич из глины. Человек из глины. Лягушка из глины. Дерево из глины. Глина перетекает во всё по указанию Слова, или, если хотите, таблицы Менделеева, что тоже Слово (знак).

На табличке говорится: здесь в 1886 году Достоевский писал... Я не дочитал и пошёл дальше. Раскольников преследовал меня неотступно, ведь он - игрок, и я играю на сцене вечности. Итак, выясняю, что Достоевский не читал не только меня, он и Бахтина "Проблемы поэтики Достоевского" не читал, а сидит над Люблинским прудом и пишет про Раскольникова, совершенно не сообразуясь с высказыванием Юрия Кувалдина: «Там, где начинаются деньги, там кончается искусство». Услышав это, Раскольников внимательно осмотрел топор, и пошел припугнуть своего родителя, чтоб зря не мучился над рукописью, ибо денег за роман всё равно не получит.

Из простейших впечатлений складывается личность. В три года читал Канта. В четыре года играл на фортепиано Второй концерт Рахманинова. В пять лет проштудировал «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста. В шесть лет написал повесть «В садах старости». В семь лет восхитился «Восемью с

половиной» Феллини. В восемь лет снял фильм «Задумчивая грусть». В девять лет написал картину «Чёрный квадрат». В десять лет выпустил собрание сочинений в десяти томах. В одиннадцать лет написал «Преступление и наказание». В двенадцать лет снял фильм «Не забывай». В тринадцать лет написал роман «Улисс». Это всё потому, что у Слова нет ни времени, ни пространства, а исполнил всё Раб Божий.

Поняв, что я именно он, пишу неустанно всю жизнь. Взлетела чайка, превратившись мгновенно в ворону.

Всю жизнь не могу избавиться от чувства, что за мной всё время наблюдают. Понимаю, что этого быть не может, потому что я никому не нужен, но, тем не менее, ощущаю на себе чьё-то око. Заставляю себя в зрительном зале во время действия встать и, тихонько извиняясь перед сидящими, пробраться к выходу и выйти. Моего исчезновения никто не заметил, но кто-то молчаливо наблюдал за моим уходом. Причем, он даже видел, как я, выйдя на улицу, остановился и закурил. Смеркается. Иду по безлюдной улице и знаю, что за мной кто-то следит. Останавливаюсь, в некотором страхе оглядываюсь. Действительно, холодный глаз луны вперился в меня. Что ей от меня надо?

Я один на чёрной сцене в свете лунного глаза прожектора.

Как хорошо проснуться самым естественным образом, когда ты насытился сном в полной безмятежности, и солнышко светит тебе. И, прежде чем встать, прочитываешь страницу хорошей книги. И как плохо, когда тебя насильно будят по каким-то чужим надобностям. Ни страницу не прочитал, ни почувствовал себя вдохновенным. Как хорошо идти самому куда глаза глядят, легко и непринуждённо. И как плохо, когда тебя подгоняют, указывая путь. В жизни идёт непрекращающаяся борьба свободы с принуждением. Всё самое лучшее в мире создано свободными людьми, и вопреки принуждению.

Вырваться из плена семьи, коммунальной жизни отсталого от цивилизованного мира века на три государства почти невозможно. Но нужно.

Утро частенько пессимистично, поскольку телесная твоя часть подвергает немилосердно сомнению все твои душевые вечерние замыслы, и говорит, что не надо суетится, не надо гонять тело туда-сюда, не надо заставлять его осуществлять великие замыслы. Надо просто хорошо полежать, поесть, поспать, можно и, отбыв номер на службе, немножко погулять. Да, недаром говорят, что утро вечера мудренее. Именно утро стремится опустить тело на землю. Но душа сопротивляется, и после некоторого времени с момента пробуждения, опять берёт верх над телом, заставляя его работать над великими замыслами и осуществлением их. Вот поэтому размножение тел многократно опережает интеллектуальное развитие человечества.

Долго после этой мысли курил под звон трамваев у родильного дома тридцатых годов на Шарикоподшипниковской улице.

Когда я писал эти страницы - вернее, большую их часть, - я жил один в лесу, на расстоянии мили от ближайшего жилья, в доме, который сам построил на берегу Уолденского пруда в Конкорде. Меня зовут Холден-Уолден-Генри-Джерри-Торо-Сэлинджер. Я тоже стал писать так, как завещал великий Торо в своем «Уолдене, или Жизни в лесу». Я лес заменил рожью, и стал ловить детей, чтобы они никогда не становились взрослыми. Блуждал по буддизму, хотя тот был лишь поздним отголоском великого Яхве и его сына Христа: будьте как дети! Я ушёл от людей, построил свой бункер за высоким забором в городке Корниш, штат Нью-Хэмпшир, чтобы жить по написанному.

Я из детства вышел, как из леса.

В полной темноте, не включая света, на ощупь иду по квартире, в которой все комнаты и закоулки знакомы. Ступаю очень осторожно, чтобы вдруг не наступить на кота, который любит разваливаться на полу в самом неожиданном месте. На всякий случай выставляю руки вперед, чтобы не врезаться во что-нибудь. Всё-таки, думаю, надо зажечь свет, но проводя рукой по стенам, не нахожу выключателей. Стены ровные, без всяких выступов, и даже без дверей. И тут в глаза мне ударил сильный

свет. Я открыл глаза и увидел рассветное солнце, свободно пробивающее довольно плотные шторы. Я взглянул на большие настенные часы. Было четыре утра нового июньского дня.

Попал на эскалатор метро в час пик. Работают все четыре ветки. Две - вниз, две - вверх. Десятки, сотни, тысячи лиц проплывают перед моими глазами за жизнь, и я неизвестным мелькаю в чьих-то глазах.

Размноженный во всех временах и повсюду по образу и подобию. То он порочный человек, то правдивый человек, то первый человек, то порядочный человек, то презренный человек, то культурный человек, то глупый человек, то умный человек, то знаменитый человек, то падший человек, то заносчивый человек, то бесчувственный человек, то язвительный человек, то безумный человек, то наивный человек, то собранный человек, то рассеянный человек, то сообразительный человек, то честный человек, то лживый человек, то коварный человек. Век живи - тела в разнообразной загрузке.

Сворачиваю в какой-нибудь тихий переулок, и всё равно знаю, что кто-то обязательно сейчас нарушит моё одиночество. Точно. Сзади раздаётся цокот копыт. Девушка в купальнике едет на белой лошади. Сторонюсь, пропускаю её вперёд взглядом.

Закуриваю.

Вглядываясь в давно ушедшие лица военных летчиков в шлемофонах, понимаю, что они совсем юнцы, и ни одного из Москвы, или Ленинграда, или Киева, почти все из провинции и даже из деревень. У некоторых спрашивал о детских мечтах, ведь частенько дети говорят, что мечтают стать лётчиком. На меня смотрели с улыбкой непонимания, а один сказал: убежал от нищеты. Летали лейтенантики на трубах с крыльями. Как ещё называть реактивную авиацию?! Я служил срочную среди них, читал Рильке и самиздатских Солженицына и Мандельштама. Они этого не знали. Они были простыми шоферами крылатой автобазы. Время от времени случались трагедии. Тот, что «бежал от нищеты деревни», разился.

В пирамиде государства имеются должности по штатному расписанию. Есть тюрьма - будет тюремщик. И кто-то в эти минуты мается в камере Матросской тишины.

Вновь стали ясны крики птиц, поскольку дождь прошёл и ветер стих. И птицы, в моём случае, воробы и скворцы, трясогузки и голуби, и даже утки крякают, но, особенно, чайки, ставшие москвичами на Москве-реке, ибо днют и ночуют здесь, зимуют и летают, а так же веснуют, и осенюют, летают очень высоко среди облаков, так что хочется выпить бокал вина за их свободный полёт, наблюдая как теплоход идёт к повороту реки, где равнины и пологие берега, а горы мне только снятся, но в горах самого я себя найду.

«Бу-бу-бу», - начинаю напевать я, как слышу за спиной стук, и оглянувшись, вижу - играют на новом корте в большой теннис. Сзади нарастает гудение, сторонюсь, мальчик в красной бейсболке, надетой козырьком назад, промчался мимо меня на доске на роликах. Навстречу молоденькая женщина катит широкую двухместную коляску с двойней. Следом до синевы тощий глубокий старик, покачиваясь из стороны в сторону, едва удерживает на поводке большую шоколадную в бежевых пятнах с вислыми ушами собаку. Два сиреневых голубя торопливо идут передо мной, никак не желая свернуть с асфальта на газон, словно мои проводники. «Бу-бу-бу», - продолжаю напевать я.

А без людей в лесу померёшь на фоне красивого вида. Не развивать окраины есть сущность централизованной власти, которая хочет, чтобы все к ней, как к магниту, тянулись, были под рукой и строились моментально по команде самого центрального центра. Понимая это, вспоминаю Бродского «От окраины к центру»:

Слава Богу, чужой.
Никого я здесь не обвиняю.
Ничего не узнать.
Я иду, тороплюсь, обгоняю.

Как легко мне теперь,
оттого, что ни с кем не расстался.
Слава Богу, что я
на земле без отчизны остался.

Ну, что делать, если мы живём далеко от центра? Хотелось бы жить поближе. Там и продуктов побольше и поразнообразнее, там и улицы почище, и люди получше. К центру! А далеко от центра кончается творчество человека и начинается одна равнодушная природа. Нет ни железных дорог, ни простых дорог, одним словом безлюдье на тысячи километров.

По улицам идут старики и молодые, мужчины и женщины, девочки и мальчики, а также везут грудных детей. И у всех бьётся пульс, работает без остановки завод жизни, без проводов подключения к розетке электричества. Электричество вырабатывается само по себе в себе. Автономные мобильные существа, способные воспринять любые внешние сигналы всеми пятью чувствами, не забывая и про «шестого чувства крохотный придаток», открыты к творчеству. И чем меньше они задевают друг друга, чем меньше мешают, тем счастливее жизнь каждого, умного, просветлённого, счастливого.

Присел покурить на решётке какого-то подвала.

Всё время мне приходится объяснять, что центром мира является человек, размноженный до бесконечности во всех временах и пространствах, поэтому нет такого места на свете и таких времен, где бы не было человека, то есть всевидящего ока Господа. Поэтому всё создал Он, всё написал, всё по написанному создал, во всё вник, зажёг Солнце, раскрутил звёзды на небе, как атомы с электронами в моём пальце мизинце, где каждый атом есть Солнце, а врачающиеся вокруг атома в мизинце электроны - планеты, на одной из которых катаюсь я - центр мира.

Пока деревья были тихи, ложилась тень от их листвы, как сетка кружева, на землю, но ветер сдёрнул красоту, с дождём размыл блаженства краски, дождю не внемлю, смолкли птицы,

нет никого, нет ни души, сплошное небо темным телом прижалось к плачущей земле, чтобы навеять мысли грусти, и снова вспомню те мгновенья, когда деревья были тихи, и кружева листва плела.

Небо стало чёрным, как ночью, лишь по горизонту над домами на той стороне реки вспыхнула узкая огненная полоса, почти щель от закатного солнца. Да будет тьма! Эту фразу я произнёс хриплым голосом старика, чтобы мир прекратил крутиться под моими ногами, а я вернулся в эпоху детства. Чёрнота тут же закрыла огонь. Тьма, окружившая ребенка, стала невыносимой. Я знал, сейчас он крикнет: «Ма-а-ма-а!». Я вслушиваюсь в тишину, но не кричу. Спектакль окончен. Я предчувствую бурю аплодисментов. Но в зале стоит жуткая тишина. Даже хода настенных больших часов я не слышу. Часы, опасаясь моего гнева, притихли.

Иногда встречаются дети с интеллектом взрослого, так называемые вундеркинды. Но куда они во взрослом состоянии пропадают? Часто приходится в жизни сталкиваться с очень умными людьми, с которыми очень приятно беседовать. Но почему они бесследно исчезают? Как определить, совпадает ли ум с возрастом? Всё это познаётся только потом, потом, потом, не нами. Нами познаются умы, принадлежавшие телам, которые давно почили в могиле. Какая разница, сколько лет было Данте, сколько Лермонтову, сколько Мандельштаму? Их гениальные творения не имеют возраста. А соревнование тел при жизни ведёт только к несчастью.

Важно попасть в свой круг из хаоса окружающей жизни. Но даже среди людей, занимающихся, в общем-то, одним одинаковым делом, тоже трудно обнаружить родственную душу. Даже наоборот, в основном, в кругу, скажем, искусства преобладают люди, строящие свою жизнь на деньгах: сколько заплатите? нет, что вы! я за такие деньги даже ноты открывать не буду. Дурно воспринятая профессиональность. Иными словами, искусство для таких деятелей направлено на извлечение дохода. Но я же давно сказал, что там, где начинаются деньги, там

кончается искусство. Сами же продающиеся деятели этого не замечают, не чувствуют своей планомерной деградации, исполняя то, что требует банкир, как прежде покорно исполняли требования редактора и цензора, и потому умирают вместе со своим временем.

Он когда-то ничего не умел, даже ходить не умел, точно так же, как не умел говорить и рисовать. А теперь он настоящий художник. Первая жена бросила его как неудачника и бездельника, потому что она всё время бегала на работу, кормила семью, а этот бездельник малевал свои никому не нужные картинки. Со второй, третьей и четвёртой женой происходило подобное, и каждая не забывала крикнуть: бездарь!. Они вкалывали, а его работы ни на одну выставку не брали. Случилась Перестройка, он уехал в Штаты, холсты его стали наотлёт уходить по самым высоким ценам. Он разбогател. Женился на молоденькой. Она ходит в золотых кольцах и серьгах с бриллиантами, и на каждом углу повторяет: мой муж гениальный художник.

Шёл по теневой стороне переулка, другая была ярко высвеченена жарким солнцем, шёл и думал: какой контраст даёт мне для размышлений свет? Вот именно об этом двояком свете и напишу, когда приду домой и сяду к компьютеру. Пришёл, сел. И оказалось, что думанье о свете никак само собой не передается. Мысли просто не существует без словесного выражения. Процесс думанья никак не совпадает с процессом писания. Зелень деревьев склоняется над тенью тротуара. Глаза видят, но темно. Уши слышат, но тишина. Воздуха нет, как нет и дыхания. Ничего нет. Без слов.

На углу у метро посносили киоски, стало просторнее, но на Бронной начались канавы и рытвины, бывшая Некрасовская библиотека затянута сеткой, далее сколочены проходы из досок с небольшими пунктирными перерывами до самой Малой Бронной, которая длиннее Большой, на Спиридоновку перебрался по мосткам и через ямы с большим трудом, ибо обе стороны Спиридоновки разрыты, едва дошел, спотыкаясь о камни,

юрий кувалдин

по пыльным рыхвинам до Спиридоныевского переулка, из которого повернул налево, тоже через ремонты, к Патриаршим прудам, войдя в аллею которых, она не была пуста, понял, что это не те литературные пруды, а новодел с маленькой лужей. Грустно нашел местечко на скамейке спиной к Малой Бронной, по которой никогда не ходил трамвай.

Молодежь пьёт пиво прямо из горла на улицах, или даже в вагонах метро, не обращая ни на кого внимания. Пиво доступно, в любом магазине. Прежде такого не было. Всё нужно было брать с боем, тем более, пивные. Их было очень мало. Но это были своеобразные клубы, где человек, пришедший похмельться, мог раскрутиться там на весь день, хорошая и веселая в жаркой плотной толпе таких же, с песнями и анекдотами. Никогда не забуду знакомство с писателем Юрием Домбровским в подобной пивной, я об этом много раз рассказывал. Было мне тогда лет четырнадцать, но мы уже с ребятами выпивали. Будто сейчас держу в одной руке большую гранёную кружку с пеной, со щепоткой соли на ободке, а в другой руке - воблу. Сладок в юности запретный плод.

Я шёл среди гудений, потому что гудела на реке тяжелая са-моходная баржа с пирамидами золотистого песка, гудел на же-лезной дороге почти чёрный от мазута тепловоз, тащивший бесчисленное количество цистерн с нефтью, потому что в бе-зоблачном летнем небе грузно гудел большой самолет, потому что гудел на дороге грузовик со штабелями длинных досок, по-тому что всё вокруг гудело: голуби и трясогузки, фонарные столбы и пешеходы, берёзы и липы, металл, асфальт и бетон. И моя грудная клетка вибрировала гудением, как орган в Дом-ском соборе.

Занавес.

"Независимая газета" Exslibris 30 июля 2015 года

"Наша улица" №189 (8) август 2015

СКАНДАЛЬНАЯ СОВЕСТЬ

В воскресный день газ на полную мощность работал на всех четырёх конфорках. В эмалированном баке, кастрюлей его из-за грандиозных размеров трудно было назвать, тушилась трёхкилограммовая телятина на кости, сдобренная сушёным барбарисом, ну, и, конечно, с морковкой, репчатым луком и горошком черного перца. Рядом на большой чугунной сковороде жарились домашние котлеты, прокрученные из говядины с добавлением свинины и баранины, с чесноком. Котлеты были с кулак величиной, они уже поддумянились, и шипели зазывным ароматом. На другой конфорке варились вкрутую яйца. На четвёртой - жарились кабачки с луком.

Сивакова сидела чуть поодаль на табурете, едва помещаясь на нём, тучные ягодицы свисали с обеих сторон, как бы требуя по табурету с той и с другой стороны. Вообще, казалось, что её откормленное тело занимало всю кухню.

В это время чрезмерно пузатый Гаврилов, приняв дюжину разнообразных таблеток, осторожно вставал на напольные весы, рассчитанные на взвешивание до 200 килограмм, придерживаясь за створку шкафа, чтобы не упасть, потому что под его дородным телом весы казались игрушечными.

- Ну, что ж, неплохо, - с одышкой проговорил Гаврилов, обнаружив на весах цифру 178 килограмм. - Вчера было 178, 200. Значит, двести грамм сбросил! Отлично!

Сойдя с весов, Гаврилов увесисто опустился на диван, за скрипевший и запевший на разные голоса под нешуточным грузом, отчего мягкое сиденье прогнулось чуть ли не до пола, медленно повалился на бок, положил голову на пуховую подушку, после чего нашупал пульт и включил телевизор, и то ли во сне, то ли наяву услышал обрывок фразы: «... необходимо чаще вступать в спор». Гаврилов заинтересовался и увидел в зелёном халате молодого врача, который подробно менторским тоном, не терпящим никаких возражений, растолковывал

невероятное, из чего Гаврилов понял, что, чтобы похудеть, нужно почаше ругаться с женой, тогда о еде само собой забудется, потому что не желудок всегда хочет есть, а одна сплошная психология, то есть мысли о еде, одним словом, как говорится, одни глаза не сыты. В народе даже подчёркивают последнее слово: «сыти», не «сыты», а именно «сыти». Мол, одни глаза не сыты!

Гаврилов встярхнул головой, поднял веки. Вместо врача уже советовали покупать по ипотеке новые квартиры. Гаврилов прислонил пальцы к вспотевшей пухлой груди, поиграл, пустив волну, жирком, думая, с чего бы начать скандал, возвел заплывшие глазки к потолку, попытался встать, но с первого раза не получилось, со второго же, вцепившись в валик дивана, удалось. Скрипя старым паркетом, дошлёпал до кухни и с порога ошарашил Сивакову:

- Меня измучила совесть!

К своему удивлению Сивакова, его жена, они носили свои каждый фамилии, как-то естественно подхватила:

- Ты знаешь, Коля, я тоже этим больна. Не могу уснуть, всё время думаю о совести.

Гаврилов протиснулся между холодильником и буфетом за стол, тоже, как и Сивакова, опустившись на табурет, ибо стоять больше пяти минут оба были не в состоянии. Поглядев в окно, где по жаре ездили машины, Гаврилов как бы размышляя вслух, проговорил:

- Черт бы её побрал, эту совесть! Где она у меня? В голове, в сердце, в душе? Не знаю, но доконал себя этой совестью! Сижу утром перед окном на стуле, а сам как будто по потолку бегаю. Всё время совесть долбит в висок.

И тут Сивакова, гася все конфорки сразу, поскольку пища, по её мнению, приготовилась, поддержала:

- В том-то и дело, что это такая стерва, совесть, что от неё не спрячешься. А скажи, Коля, я тебе нужна?

А вот тут Гаврилов несколько насторожился, и сразу спросил:

- С чего это ты?

- Просто мне интересно знать, - сказала своим довольно низким, почти мужским голосом Сивакова, утерев кухонным полотенцем отвисшую нижнюю губу.

- Сегодня нужна, а завтра... - вместо Гаврилова проговорили его ещё более толстые, нежели у жены, губы.

У Сиваковой внезапно затрясся двойной подбородок, она выдавила:

- Что «завтра»? Договаривай, не бойся...

- Договорил бы, да совесть не позволяет, - сказал уже сам Гаврилов.

- Догадываюсь... Почему ты всё время говоришь какими-то намёками? Совесть не позволяет говорить правду? - уже вполне серьёзно заинтересовалась Сивакова.

- Наташа, какую правду ты хочешь услышать? - спросил Гаврилов.

- А ты не догадываешься? Я-то думала, что ты меня любишь, а ты... - сказала Сивакова.

- Что я?

- Да ничего! Просто мне противно всё время подбирать слова, прежде, чем их тебе говорить. Ты привязываешься к каждому моему слову.

- Это происходит потому, что ты, сама не замечая того, портишь мне настроение, - заметно порозовев, бросил Гаврилов.

- Я?! - чуть не вскричала Сивакова, и продолжила: - Это я-то порчу тебе настроение? Как тебе не стыдно!

- Ты мне надоела до тошноты!

- И я сыта тобою по горло!

- Всё, на этом всё! Ты мне отбила весь аппетит! Я ничего есть не буду! – вскричал Гаврилов, кое-как выбрался из-за стола и хотел было пойти на диван, но, со страшным усилием взвяг себя в руки, оделся и пошел на улицу.

Через минут пять стал искать глазами скамейку, но, не найдя, поплёлся мимо детской площадки к стадиону, где играли в футбол районные команды. Там он уж присел на скамейку и,

заинтересовавшись игрой, просидел остаток первого тайма и весь второй.

Когда муж ушёл, Сивакова, сама не своя, позвонила приятельнице, и пошла с нею на прогулку к пруду, прихватив пару батонов, кормить уток.

Так в этот воскресный день они ничего не ели.

Утром в понедельник, как и обычно, за подполковником полиции Гавриловым пришла служебная машина, и повезла его на службу.

В обед на него сильно обиделся капитан Щеглов, принесший в кабинет начальника несколько банок пива и пять шампурров горячего ещё шашлыка, потому что Гаврилов в довольно невежливой форме попросил его оставить помещение вместе с провизией. Щеглов пожал плечами, ничего не поняв, и покинул.

Гаврилов вспомнил, как третьего дня, когда он выходил из машины, кто-то из мужиков во дворе бросил ему вслед:

- Вот полиция-то отожралась на народной копейке!

Гаврилов сделал вид, что это его не касалось, но внутри сжался. Он догадывался, что почти все вокруг его ненавидят, но это придавало ему и веса, не в смысле пузатости фигуры, а в авторитетном. Но тем не менее мыслишка о похудении в последнее время частенько навещала его. До самого окончания рабочего дня он всё обдумывал темы для скандала с женой.

Сивакова в тот же понедельник, даже не попив чаю, ушла к себе в пенсионный фонд, на работу. Ей тоже в обед предложили не совсем худые сотрудницы «перекусить», на что Сивакова довольно грубо выпалила:

- Сыта по горло!

И пошла побродить полчасика в тени среди новых домов. И пока так прогуливалась, придумывала, как бы получше испортить себе и мужу настроение.

Она сразу дома залезла в ванну с холодной водой и, стуча зубами, пролежала полчаса, едва вынося бегающие по всему телу мурashki.

Посышался стук входной двери. Шаги.

- Ты чего там засела? - недовольно через дверь ванной спросил Гаврилов. - Объелась, что ли, уже и пот сгоняешь?!

- Явился...

- Тебя не спросил...

- Слушай, ты что, кислород мне хочешь перекрыть?!

- Да это ты всю жизнь высасываешь мою кровь!

- Ты как со мной разговариваешь?! - откликнулась Сивакова.

- Как надо! - крикнул своим визгливым тенорком Гаврилов.

- Вылезь, мне после работы нужно умыться.

- Перебьёшься! - крикнула в ответ своим баском Сивакова.

Гаврилов раздосадованно ударил кулаком в дверь и пошёл переодеваться в домашнее. Пока приводил себя в порядок, перед глазами проплывали золотистые куры на вертеле, искрящиеся ломтики осетрины, салат из крабов, баварское пиво в пузатых кружках, холодненькая водочка с хрустальных рюмках, дольки лимончика, красная икра с зеленью петрушкой... Тут чуть Гаврилов не сорвался и не побежал на кухню к холдильнику, но вместо этого он крикнул на всю квартиру:

- Невозможно приходить домой, здесь всё пропахло ненавистной едой!

И с этими словами он почему-то поднял с пола весы, походил с ними, потом прихватил со стола прибор для измерения давления, подумал, схватил металлическую круглую коробку с лекарствами, ринулся со всем этим на лестничную клетку к мусоропроводу. Почти всё загремело в трубе, а весы не лезли. Тогда он выглянул на лестнице в окно, нет ли кого внизу, и аккуратно, прицелившись, бросил весы в заросли кустов и крапивы сзади металлических тентов гаражей.

Сивакова, плотно сжав сардельки губ, уже сидела с полотенцем на голове в большой комнате перед телевизором.

- Ну, барыня, чего расселась?

- Не твово ума дело! - огрызнулась Сивакова.

- Не мово? Так. А чьего же? - опешил Гаврилов.

- Я сама себе не принадлежу!

- А мне надоело всё до смерти!

Оба они были провинциалами и попали в Москву случайно. Он служил здесь в дивизии Дзержинского и из неё прямо поступил в институт МВД, а она прибыла с Алтая учиться на артистку, но провалилась и довольствовалась учёбой на экономическом факультете института водного транспорта. С тех пор она возненавидела театр и кино, и при каждом удобном случае обзывала всяческими обидными словами актёров, которых в последнее время развелось столько, что куда ни плюнь, попадёшь в этих марионеток.

- Я бы эти театральные училища позакрывала! Что делается-то, артисты размножаются, как тараканы, их уже больше, чем зрителей, в глазах пусто, но все хотят славы и денег, особенно девки, задницей покрутили - все уже звезды!..

- Пизды! - машинально вставил для разогрева скандала Гаврилов.

- За этих... за этих сериалных пиздорванок, - подхватила лексику мужа Сивакова, - вообще молчу - снялись в одном безразмерном сериале - уже звёзды!..

- Пизды! - ещё раз уточнил Гаврилов.

- А ты чего поддакиваешь?!

- Да не могу я слушать тебя. Меня твой голос до судорог доводит!

- Ах! Вона что! Ты на себя-то бы посмотрел повнимательней!

- Это ты на себя посмотри!

- Какая же я была дура, что пошла за такого! - подлила маслица в огонь Сивакова, при этом жирные складки на всём её теле взрагивали.

- Какого?

- Такого!

- Нет. Ты договаривай!

- А чего тут договаривать? Ты и сам всё про себя знаешь!

- Да, что тут скажешь, пригрел змею на груди...

- Это кто змея? Я?!

- А кто же!

- Бесстыжие глаза твои! - простонала в слезах мученическим голосом Сивакова.

- У меня, прям-таки, сердце разрывается!

- Это у меня оно давно ни к чёрту! Ты же бьёшь в самое сердце!

- Ну, ты ещё головой об стенку побейся!

Гаврилов хоть и был взбешён таким поворотом скандала, но всё же нашел в себе остатки сил для сдержанности. Он пошел к себе. Лёг. Включил телевизор. Молодой зеленоватый врач сразу успокоил его. Через неделю хорошего скандально-го голодания организм сам включит механизм потребления собственных запасов жира, и внешняя еда ему не потребуется совсем. Только не забывайте в день три раза, утром, днём и вечером, выпивать по стакану холодной воды из-под крана, и съедать ржаной ломоть хлеба, весом не более 70 грамм.

При этих словах Гаврилов с выпученными глазами помчался на кухню пить воду из-под крана и съедать горбушку черного хлеба.

Пока он жевал черняшку, вошла жена.

- Ты это что тут разъелся?

- Не твово ума дело?

- Чего?

- Того! На вот стакан, да махни воды из-под крана с чёрным куском хлеба.

Жена молча исполнила предписание.

В этот день больше не скандалили.

А Гаврилов прилёг и никак не мог отделаться от мыслей о воде.

Гаврилов стоял у воды, и выпил воды, и как бы из этой воды посмотрел на солнце, и только потом мысленно поплыл к плотине, думая, что человек привыкает к еде, ибо не покорми его ненельку-другую, да без воды, он и дух испустит, от этого всё существо наполняется страхом, потому что страшно вращается огромное колесо, со страшной высоты падает с шумом вода, вращается колесо, вращается, и в сумерки в воде своей глубокой

Гаврилов постиг тщету своей нагой мечты о стройности и юности тела своего, для которого была бы корка хлеба и вода, омывающая сваи из осины, ведь опытные плотники в старые времена сваи изготавливали из осины, ибо вечно стояли они, поэтому, когда Гаврилов смотрел на осину, то был счастлив, а ещё тут цвет неба сливался с криком возмущенных чаек, чего это тут Гаврилов расплывался, отражаясь в золотистой воде заката, который как бы подчёркивает, что в жизни всё разбросано кое-как, как разлита вода по полу, но Гаврилов же без лишнего шума, тайно и страстно во сне всё создаёт сам: и людей, и светила, и земли, и воды под песню калины цвет, ой ты, и над водой туман, который, как садовый источник, есть колодезь живых вод, когда сама вода увеличивает жизнь, как увеличительное стекло, а стекло есть капля, преображающая не только изображение, но и саму структуру материала, стремящегося стать водой, ибо всё на этом свете - вода, и эту воду Гаврилов наливает в облака и оттуда она падает живительным дождем, поэтому сам Гаврилов верит, что радуга - это сверкающее коромысло, словно шепот речной воды: Гаврилов к камышам прибрежным устремляется, где прогуливаются воскресшие тени бывших людей, и пьёт целебную воду, а каждая вещь, даже очень хорошая, содержит в себе некий изъян, ведь солнце как согревает, так и сжигает, так же как и вода охлаждает, но и топит, хотя в это время Гаврилов сидел на пустой скамейке и смотрел на воду, свои речи темные глотая, за себя кривой воды напиваясь, и умываясь, но не простой водой, потому что умываться нужно деньгами, а в магазине платить водой, которая создаёт деньги, безропотно умывая всех на свете, вращая турбину генератора на плотине, и, кстати говоря, в этом «текущем» и заключается существо жизни, утекающей безымянной водой в океан безразличия, в которое вдруг впал Гаврилов, и пошел по воде, як посуху, не касаясь воды.

Через неделю Гаврилов прямо в кабинете почувствовал, как организм сам в себе без посторонней помощи обедает. По жилам бегут соки, в желудок что-то падает вкусное, настроение улучшается, голова светлеет.

То же состояние овладело в пенсионном фонде Сиваковой. Она ещё никогда в жизни так вкусно не ела.

Во время прохождения срочной службы в армии Гаврилов весил семьдесят кило при росте 175 сантиметров.

В институте Сивакова была самой худенькой и самой привлекательной. Недаром она стремилась в Москву в актрисы. Там, на актёрском факультете, она, быть может, не была бы самой красивой, а здесь, на экономическом, стройностью сильно выделялась.

И всё равно хотелось есть. И как-то при очередном включении врача в зелёном халате и в такой же зелёной шапочке, взглянувшись внимательнейшим медицинским оком в Гаврилова, настоятельно ему посоветовал начать курить.

- Да я никогда в жизни не курил! - изумился предложению врача Гаврилов.

- Но надо! - твёрдо сказал зелёный.

- С детства вдолбили мне в голову - курение яд!

- Полезнее яда в умеренных дозах нет ничего на свете!

Проверено веками и вождями!

- Ужас! Вы, что, меня в могилу раньше срока загнать хотите?! - сопротивлялся Гаврилов.

- А вы знаете свой срок могилы?

Гаврилов тут же умолк от неожиданности вопроса видного медицинского специалиста.

В отделе полиции он тут же приказал выделить комнату для курения. Полицейские недоумённо пожимали плечами. До этого они покуривали тайком в кабинетах и в уборной. Гаврилов в их глазах вырос во весь рост.

Только у него возникал аппетитный позыв, как он сразу вставлял в рот фирменную длинную сигаретку, дымок от которой добивал остатки аппетита.

Когда он дома на кухне закурил, то Сивакова, уперев руки в худеющие бока, несколько минут молча и изумлённо смотрела на мужа.

- Ты чего это?

- Чего - «чего»?
  - Того?
  - Средство для подавления аппетита! Проверено веками! Сивакова втянула в себя носом ароматный сигаретный дымок.
  - Выпусти, выпусти пар! - язвительно бросила она.
  - У меня уже лопнуло терпение тебя слушать! - для разогрева крикнул Гаврилов.
  - Поддай жару! - ляпнула Сивакова.
  - Мне от слов твоих горько!
  - А это, чтоб жизнь мёdom не казалась!
  - На-ка вот, закури, - сказал Гаврилов, извлекая из плоской длинной пачки, на которой был напечатан устрашающий рисунок с угрозой импотенции, тонкую сигаретку.
  - Да я, ведь, и не курила никогда.
  - Ничего. Ты же знаешь, что и я никогда не курил.
- Сивакова затянулась и почувствовала сразу, что есть совершенно расхотелось.
- Глаза бы мои тебя не видели!
  - А мне свет не мил!
  - Я не хочу этого слышать!
  - Заткнись!
- Сивакову колотило.
Гаврилова трясло.
Сивакову бесило.

Гаврилов извлёк сигарету из пачки, повертел ее в пальцах, чтобы размять, потом чиркнул спичкой о коричневое ребро коробка, занялось с тихим шипением ало-синее пламя, прикурил, затянулся, так что пухлые щёки втянулись, делая лицо стройным, и с небывалым удовольствием задымил, почувствовав насыщение организма приятной сытостью, потому что всё располагало к радости жизни: и дымящаяся сигарета, и мельканье экрана в глубине комнаты, а ведь прежде Гаврилов злился на курильщиков, недовольно бурчал, мол, ну что, вырывать у каждого изо рта сигарету, потому что по глупости не знал, что курение не только доставляет удовольствие, но и продлевает жизнь, так что хочет-

ся всюду бродить с сигаретой в зубах, присесть где-нибудь с незнакомым человеком и, докурив сигарету, встать и сказать: «До свидания!», - а тот тоже непринуждённо скажет: «До свидания!», - и Гаврилов пойдёт себе при закатном синем свете по берегу в сторону моста, чтобы со стороны посмотреть на себя и поклониться, мол, сигареты куришь хорошие, и от этого впечатление станет просто оглушающим, потому что, сделав ещё глоток воды, опять затянемся, как будто ты в театре на сцене, а театр как дымок от сигареты, и говоришь себе: остановись и закури, и в это время Гаврилов действительно останавливается, достает из кармана пачку сигарет, которые тут же замечает Сивакова, пожимает плечами, берёт сигарету, но не зажигает её, а роняет в ладонь, чтобы отвернуться к окну, посмотреть на улицу, где в прохладном осеннем скверу Гаврилов, присев на скамейку, раскурил сигарету и задумался, потому что курение действует на него благотворно, отбивает охоту есть, ибо есть ему нельзя.

После напряжённого рабочего дня, чувствуя, что постоянно худеет, Гаврилов позволил себе на несколько минут прилечь, включил на нужном канале телевизор, и сразу зелёный врач сказал ему, что мало того, что организм перешёл на самообслуживание, необходимо давать ему ежедневные физические нагрузки с женой.

- С женой? Да она никогда зарядку не делала!

- Главная зарядка - это секс, - сказал зелёный доктор медицинских наук.

- Да мы и так этим делом раз в неделю занимаемся, - оправдался Гаврилов.

Доктор от этого совсем стал зелёным.

- Сексом вам нужно заниматься утром и вечером ежедневно. Секс - основа стройности и долголетия.

Гаврилов тут же поднялся с дивана, раздёлся догола, и пошёл к жене. Она сидела у окна и вышивала на пяльцах бережку возле уже вышитой избушки. Как только она подняла на него глаза, так сразу буквально окаменела.

- Наташа, давай-ка ложись! - приказал Гаврилов.

- Чего?!
- Ничего! Сексом будем заниматься! - выпалил Гаврилов, никогда прежде не произносиивший этого слова при жене.
- Чем?!
- Что слышала!
- Эх, бессовестный! Как тебе только не стыдно такое говорить жене!
- Надо, Наташа, надо, - уже более ласково сказал Гаврилов, но сам вдруг почувствовал, что не испытывает никакого сексуального позыва.

Сивакова в негодующем молчании, даже лицо её сдобное пошло красными пятнами, отложила пяльцы, скинула халат, под которым ничего не было, и легла.

Чтобы как-то возбудить себя, Гаврилов положил ладони на её необъятные мягкие груди и сразу ощутил, как стали твердеть малиновые соски, и он начал чисто механически сжимать их пальцами.

Сивакова закатила глаза, утопая в пуховых подушках.

В это время уже Гаврилов проехал дрожащими от эротического созревания пальцами весь необъятный мягкий живот и, утонув в зарослях самой настоящей, а не выдуманной «звезды», звезды для езды, в верхнем потаённом уголке которой нащупал возносящий женщин к небесам оргазма нежнейший из нежнейших росточек, выглядывающий из-под капюшончика, под научным названием "клитор", этот маленький прелестный мужской остаток в женщине, этот симпатичный членник, этот поэтичный пенисик, этот античный фаллосик, этот сон родных осин хүёчик, или мальчик с пальчик, и стал с невероятной интенсивностью массировать его.

- Ах, негодяй, да как ты смеешь? - бормотала Сивакова.
- Доктор прописал! - буркнул Гаврилов.
- Совсем совесть потерял! - взвизгнула Сивакова, шире раздвинула полные ноги, и протянула руку к довольно-таки состоятельному, но ещё не восставшему для всемирно-исторического преобразования мира члену Гаврилова.

скандальная совесть

- Сама бессовестная! - парировал возбуждающийся Гаврилов.

- Господи, совсем оскотинился, совсем совесть потерял, - шептала жена.

- Закрой-ка лучше рот, а то секс никак ко мне не приходит.

Вместо этого Сивакова привстала, шире открыла рот и взяла в него, обнажив пальчиками, большую, но ещё мягкую головку члена, который после нескольких интенсивных движений губ и языка стал разрастаться и затвердевать.

И так, и эдак, а ещё вот так, а так вы не пробовали, пробовали и так, ну, а уж вот так позволяют только себе в борделях, что вы, какой бордель, это медицинское предписание к приведению своего тела в античную стройность.

Сто сексуальных потов сошло с них, пока они не отлепились в изнеможении друг от друга. И так каждое утро, и так каждый вечер, и так ежедневно, наряду со скандалами, без выходных и отпусков.

Через три года заплыvший жиром с огромным пузом генерал при вручении Гаврилову погон полковника (Гаврилов пошёл на повышение) долго смотрел на него изумлённым взглядом, а потом как-то робко спросил о его стройности и подтянутости, мол, как он добился такого.

Гаврилов по уставу строго отчеканил:

- Скандальной совестью!

А Сивакова в ожидании мужа стояла с цветами у подъезда управления полиции, вся из себя такая стройная, как березка во поле.

ФИНАНСИСТ

Даже молодые сотрудники удивлялись, как этот чиновник высиживает в отделе от звонка до звонка, и всё записывает что-то, всё читает что-то из инструкций по формированию невидимых и могучих денежных рек, где по воде облака нефтяные с отливом слезятся.

Фамилия чиновника была Тойволайнен.

Что за фамилия?! Язык сломаешь!

Но имя с отчеством были свои - Борис Викторович.

Москва, где появился на свет Борис Викторович Тойволайнен, по приблизительным подсчетам набилась теперь до более чем двадцати миллионов жителей, с приезжающими, естественно, ежедневно. Город этот изобилует прекрасными театрами, два из которых очень сильно выделяются несравненным величием, особенно Театр Красной армии и Большой театр, гигантскими магазинами, вроде Военторга или ГУМа, красивыми парками, такими как «Парк ЦДКА» или «Царицыно», величественными зданиями, наподобие Генштаба Министерства обороны на Фрунзенской набережной или Дома Корбюзье (ЦСУ) на Кировской (Мясницкой), и памятниками, достаточно назвать лишь памятник Достоевскому на Божедомке или Гоголю во дворике на Никитском бульваре. Многое из того, что знаем мы и что знает Тойволайнен, во времена его прадеда ещё не существовало - телеграфа, телефона, доставки товаров на дом, городской почтовой сети и речных пароходов, тем более - интернета. Не было даже почтовых марок и заказных писем. Еще не появилась конка. В черте города курсировали бесчисленные извозчики, а для дальних путешествий служила медленно развивавшаяся сеть железных дорог, все еще тесно связанная с гужевой силой. Но прадед уже тогда переехал из Хельсинок в Москву, так как это была одна страна - Российская империя, и головное отделение своего банка из волостного города Хельсинки перенёс в крупный город Москву, которая тогда не

была столицей. Вот и Борис Викторович Тойволайнен не отклонился от династической традиции - окончил финансовый институт, как, впрочем, и дед его, и отец.

Итак, в нём наблюдалось что-то такое намекающее на жалость, что даже хотелось подшутить над ним. Но разве можно над тихим человеком смеяться? Нельзя над тихим человеком смеяться. И, если приглядеться к Тойволайнену, то тогда представлял он в совершенно ином свете. Могло сначала просто показаться, что какой-то голос свыше оттолкнул его от коллег, с которыми он было подружился, полагая, что они из воспитанных людей. И ещё довольно длительное время, даже в подъем настроения, возникал перед взором чрезвычайно худой, особенно в профиль, словно вырезанный из фанеры, серебристый человек, постоянно повторявший: «Я всё раздам!» - и в этом слышалось что-то детское и жалобное, вроде: «Я играть с вами больше не буду!».

Давно Тойволайнен не видел в тёмной комнате такой яркой солнечной щели. Всё черное, нет ни низа, ни верха, ни правого, ни левого, и эта чернота разрезана ровно пополам тонкой щелью яркого солнечного света. Это так занятно и восхитительно, что ему невозможно оторвать взгляда от хаотического движения пылинок, как будто он смотрит не на экран, а, повернув голову, в сторону окошка кинопроектора. Тойволайнен знает, что этот щелевидный луч передаёт какое-то изображение, но Тойволайнен не хочет знать, что там показано, поскольку ему больше нравятся эти мириады пылинок в саду света.

И в мире сём. И не от мира сего. И способный. И пунктуальный. Тойволайнен блуждал в тщетных поисках птички небесной. И она слетела пушинкой с неба. Он звал её Мартой. И прятал под подушкой. Чтобы никто и никогда не знал о её возлюбленной Марте, и о его неземной любви к ней. Поэтому-то воздушная бестелесность любви несёт неконтролируемый заряд тоски и желания: Тойволайнен, взяв за ручку Марту, ведёт её на Самотёчный бульвар, потому что под ними невидимо струится великая река Неглинка, и любуются на высоком берегу куполами Троицы.

До отбытия на службу, берёт Тойволайнен газетку из стопки, кладёт на чистый пластик кухонного стола, над которым свисает сплетённый лук, и ножом, предварительно заточенном, вернее, поправленном на сером наждачном бруске, разрезает по складке, запустив лезвие ножа в щель между центральными страницами, надвое.

Затем сгибает газету ещё раз, и так же ровно разрезает.

В общем, нарезает из одной газетки ровную стопку бумажек, размером с открытку, коими набивают почтовые ящики или стоят с ними распространители рекламы по всей Москве, предлагая всевозможные услуги, главным образом, сходить в парикмахерскую, застраховаться до гробового входа или вырвать все зубы по самым низким ценам в ближайшей подворотне, где только что открылась новая стоматология.

Пока резал, слушал голоса людей, толпящихся в голове, наперебой болтавших чёрт знает о чём, но с непременным употреблением слова «деньги», как будто без этого слова не могли прожить и минуты, вот родились только для того, чтобы круиться вокруг этого слова, да ещё раздражать таких, как Борис Викторович Тойволайнен, плюющих на пожелание иметь побольше денежек.

Это для Тойволайнена вообще недопустимо, потому что воздух отпускается всем дышащим без денег.

В этом месте Тойволайнен хотел тормознуть того, кто сказал это, но тут же потерял его из виду в толпе.

Ладно, проехали станцию.

На другой станции Тойволайнен кухонным вострым ножиком закончил нарезание газетных бумажек, форматом, приблизительно, с тысячечерублёвую купюру.

После этого поставил на край стола утюг, торцом, чтобы проверить, будет ли он горячим.

Утюг хорошо работал.

Тойволайнен бросил брюки на стул, на брюки стопки бумажек, и прогладил их утюгом, чтобы деньги были как новые.

Ещё бы!

Их только так и делают!
Посмотрите, написано: «1000»!
Ну, и, как положено, нарисовано то что надо!
Рассовал пачки по карманам и переулком пошёл к Большому театру.

А куда ещё прикажете?!

Только к самому большому!

Тёмно-белые, не серые, а именно тёмно-белые облака плавно-овальных форм на пронзительно синем, переходящим в голубизну небе скрасят любой пейзаж, потому что этот вечный эфемерный воздушный вид превосходит всё рукотворное своим постоянным движением, изменением, игрой света и тени, выстраиванием бесконечных фигур, тут же смываемых, перетекающих из одной в другую незаметно для глаза, как незаметно перетекают буквы из слова в слово, рождая движение облаков в небе.

Толпы идут, и за ними Тойволайнен ходит, опередить не смея, поскольку, если опередит, то сразу окаменеет.

Такой он, Борис Викторович Тойволайнен, в стране веняйи - это так финны называют русских.

Веняйя!

Начал раздавать деньги.

Люди идут мимо, некоторые берут, некоторые нет.

Ведь всем не угодишь.

Одно знакомое лицо, Тойволайнен уж не помнил, откуда знакомое, спросило:

- Борис Викторович, ты опять народ удивляешь?

- Сам понимаешь! - отозвался приветливо Тойволайнен.

- На вот тебе, - сказало лицо, покопалось в карманах, и сунуло Тойволайнену тысячерублёвую листовку.

Довольный тем, что не только он один раздаёт деньги, Тойволайнен принял тысячу, и сунул лицу своих две.

Лицо с улыбкой приняло и растворилось в толпе.

Тойволайнен же, да тут недалеко, проследовал в своё министерство.

Тихо занял место за своим рабочим столом, и начал что-то листать, что-то читать, другими словами, принялся выполнять тот объём необходимой министерству работы, за которую Тойволайнену начисляли оклад.

Одновременно с работой шёл неустанный мыслительных процесс.

Конечно, если у москвичей есть такие деньги, то, может быть, лучше на обратном пути зайти в правление и передать деньги старику, который вчера принял от него несколько бумажек, и если деньги уплачены, он может не чувствовать себя в долгу.

И увязали в пачки деньги в банке, чтобы отвезти в хранилище.

Очертание взгляда, как камень вниз, наблюдение с воздуха, где завис карниз древнего здания палат Шуйских.

Жизнь свою напарашутил стоглаво, килькой лучистой мелькает в толпе сторублёвой.

Люди в министерстве судачат о чем-то совершенно Тойволайнена не касающемся, но он, проходя мимо и выхватывая обрывки фраз, ищет в них какие-то тёмные намёки на себя. Это и понятно, поскольку себя он считает очень проницательными. Почему же Тойволайнен почти всегда постороннего человека наделяет собственным умом? Потому что, если не знает, что человек есть лишь растиражированный Один, главный, то догадывается об этом. Думая про себя, Тойволайнен постоянно опасается, что его мысли доступны другим. Находясь в одиночестве, когда вокруг никого нет, стоит полнейшая тишина, ему всё же чудится, что кто-то присутствует рядом, за занавеской ли, или за шкафом.

Деньги из копилок взяли они не только затем, чтобы отвезти их, но и чтобы стать "посланцами добрых дел", каковыми, по сказанному, не приключится вреда.

Да и люди с деньгами доверяли ему деньги вперед, поскольку за время и деньги, потраченные для успеха в любом деле, вдвойне нужны были деньги.

А чтобы добыть деньги, требовалась невероятная энергия.

Копить деньги на проценты, тогда вдвойне увеличит свои масштабы. Впрочем, бумажные деньги не вносили ни особой радости, ни большой печали.

Когда один знакомый по службе как-то за стаканчиком рассказал ему о своей способности привлекать к себе деньги, и кто-то с утра дал Тойволайнену сразу тысячу рублей одной бумажкой, вот действительно стоящее изобретение, чтобы в мелочи не копаться, на бумажке сразу написать:

«Все деньги в одной бумажке»!

Ну, это уже психоаналитика...

И, понимаете, вас обязаны выслушивать, чтобы за это получать деньги, стоит лишь уплатить деньги, хотя бывает, что у одного научного сотрудника, пока он курил в коридоре, пропали из кармана пиджака, оставленного на стуле, все деньги.

Тойволайнен в толпе, словно серп прорезает колосья.

Если Тойволайнена спрашивают, как пройти на вещевой рынок, то он отвечает - прямо. Если его спрашивают, как пройти к метро, отвечает - прямо. Если его спрашивают, как пройти к винному магазину, отвечает - прямо. Если его спрашивают, как пройти в поликлинику, отвечает - прямо. Если его спрашивают, как пройти к реке, отвечает - прямо. Если его спрашивают, как пройти к заводу, отвечает - прямо. Если его спрашивают, как пройти к театру, отвечает - прямо. Если его спрашивают, как пройти на кладбище, отвечает - прямо. Ибо прямо - это прочерк между датами твоего рождения и смерти.

Островерхий финал всем финансам на свете готовит, превращая богатства в воздушную трель воробышных.

А то ещё министр нашёл спонсора, а тот затратил огромные деньги на то, чтобы укрепить фундамент и воспроизвести львов над колоннадой, но кто-то сунул деньги в свой карман и исчез в каком-то оффшоре, словно сам Господь решил брать деньги с грешников.

А ведь говорили ещё в детстве, что деньги, которые достаются таким путем, приведут не туда, куда надо. Может, он из тех, кто за деньги предлагает прогуляться на фабрику печатания денег?

Он ведь должен зарабатывать деньги на сахар!

Это уж ясно без объяснений, ибо голая женщина и деньги, много денег, миллионы как-то связаны в мозгу с белым цветом.

Присмотревшись к бумажным нарезкам и раздачам Тойволайнена, дальновидные заинтересованные люди пересадили его в отдельный кабинет.

Да он и сам был рад читать и писать в одиночестве.

Но каждый день к нему теперь являлись просители его подписи, потому что так ухитрились вместить Тойволайнена в делопроизводство, что без его подписи бумага не могла двигаться дальше.

Вот по этой фундаментальной причине посетители были ещё и заносителями пестрых нарезанных стопок, которые, по договору, Тойволайнен в простой хозяйственной сумке относил в другие присутственные места, себе, по тому же негласному договору, оставляя лишь пару пачек, с которыми вечером шёл домой, вернее, как поётся в песне, шагая с работы устало.

Теперь он прокладывал красные бумажки газетными нарезками.

Выходил утром из дома, шел к Большому театру и там раздавал свою рекламу.

Кто-то, как всегда, брал бумажки, кто-то отказывался, а кто-то из взявших тут же бросал их под ноги.

- Дайте-ка и мне ту красненьку! - потянулась к стопке чья-то волосатая рука.

- Будьте любезны! - отозвался Тойволайнен, снимая, как с колоды карт, не глядя, верхнюю газеткину бумажку и следом красную пятитысячную.

Типографскую.

- Да не может быть! - вякнула волосатая рука, поглядела через указательный жирный палец на свет: - Подделка! - и швырнула деньги на асфальт.

Другая тощая старческая рука подобрала банкноту, глазнула бельмом и беззубо всхлипнула:

- Сам ты подделка! - и к Тойволайнену: - Дай-ка мне пяток
рекламок энтих!

Тойволайнен с удовольствием отстегнул полпачки.

Но никто не ахнул, никто и вниманья не бросил на тощегла-
зую кильку с листовками.

Их вон по Москве всюду, тут и там, направо, налево суют,
впихивают, навязывают, раздают рекламу, подумаешь!

А вокруг него размноженные губы шепчут:

- Настоящие раздает, настоящие!

И испуг охватывает губы и волосатые руки.

- Подвох в этом, подвох! Задумал что-нибудь такое, что ни-
кто еще не выдумывал!

- Гляди-ко, ничего не боится, против армии триллионной
один востроглазый встал!

Тойволайнену забавно.

Человек твёрдо уверен в том, что он ограничен пределами
настоящего. Он в настоящее попал, и с настоящим в конце кон-
цов рас прощается. Он не помнит и не понимает, откуда и как он
попал в настоящее, зато своё прощание с настоящим обставля-
ет в самых ужасающих красках, вроде схода Земли с орбиты,
угасания Солнца, всеобщего потопа или всемирного землетря-
сения. В общем, ему видится ад. Переубедить его невозможно.
А переубеждённый Тойволайнен никому ничего из современ-
ников по настоящему не доказывают. Он раздаёт деньги.

Между домами, проулками, дворцами, офисами, супермаке-
тами, переполненными щуками,
карасями,

язями,

князьями:

деньги,

деньги,

деньги,

деньги,

деньги,

деньги,

деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги,
деньги...
Главное!
Килька с деньгами!
На лице прокурорском громадном острым ножиком скорби
гримаса.
Он кричит что есть мочи:
- То не деньги! Он людям возвращает откаты!
А над прокурором чёрный ворон невермормом каркает: «Не
верю!»
Вся в белом Марта с белыми розами льнёт сердечком алых
губ к щеке Тойволайнена.
Бумажки бросает на голое тело то и дело, то и дело, для то-
го, чтоб душа прозрела.
Он ведь и Марте совал нарезку, но она не желала брать
деньги - зачем ей они? Разве тополиному пуху нужны деньги?
Тойволайнен сначала думал, что деньги Марте пригодятся, но
потом вспомнил себя, которому деньги не нужны, отстал от
ней.

После довольно долгих раздач денег, отношение в минис-
терстве к Тойволайнену совершенно изменилось. Его стали це-
нить как самого необходимого сотрудника. Даже размечтались

о том времени, когда в результате его деятельности заинтересованные лица станут не только ворочать миллионами рублей откатов, но и миллиардами откаченных долларов.

Люди, людишки бегают туда-сюда, а в глазах написано: «Мне деньги во что бы ни стало теперь нужны». И на что ему деньги? Ах, понятно, чтобы погасить проценты по кредиту. А зачем кредит брал? Чтобы машину купить. А метро тебе не по чину? Да разве я поеду в метро со всяким сбродом! Это в двадцать-то пять лет так-то рассуждать! Караул! Я уж так навострился кредитом кредит гасить, что не жизнь у меня теперь, а сплошная рулетка.

Деньги были настолько ниже достоинства финансиста финна Тойволайнена, что он совершенно о них не заботился. А то что они сами лезли к нему в руки, так он же быстренько их с этих самых рук сбывал. Прогуляйтесь к Большому театру, сейчас же он выйдет из-за толстой колонны и всчит вам полмиллиона красненьких в одной пачке.

Сколько прекрасных часов он провел вместе с Мартой! И это было весной, самой ранней, когда едва набухли почки на чёрных от холодов ветвях деревьев и кустов, когда ещё соловьи не прилетели, но сосульки на карнизах почти растаяли. И это было летом в тихие не жаркие, и не прохладные мягкие безветренные дни в почти опустевших переулках. И это было осенью в дождь, когда они шли под зонтами под звон мокрых трамваев, в почти зеркальных от дождя стеклах которых они ловили своё отражение. И это было зимой в лёгкий снегопад, когда они расчерчивали белую скатерть площади своими следами. Какой длинный год! Какая длинная жизнь!

Любовь его к Марте безмерна, поэтому она вызывает страх. Страх, страхулечка, страшок. Когда Тойволайнен сам внушает кому-нибудь страх, стало быть, его сильно потом полюбят. Что страшнее страшной ночи? Когда читают ему мораль злые, то они вызывают страх. Кто способен вызвать шок? Иногда важнее внушать людям страх к себе, чем вызывать доверие, которое обернётся несвободой. Тщательно охраняя свои тайны,

Тойволайнен всё время пребывает в страхе быть разоблачённым. Страшно в полночь ему одному выйти на полную луну. После пережитого страха всегда наступает буйное веселье.

Финн Тойволайнен финики ел в Финикии.

Влияет ли на Тойволайнена чужое мнение? Иногда до него доходят такие слухи о самом себе, что он сам дивится этому, не узнавая себя в чужой интерпретации. И чем Тойволайнен становится значительнее, тем разнородных мнений больше. Часто чужое мнение воздействует так же сильно, как руки гончара на глину, выделяющие из неё сосуд правильной формы. И это верное сравнение, поскольку Тойволайнен есть сосуд, наполняемый чужими мнениями, которые с течением лет он трансформирует в свои.

Потому что вместо того, чтобы плавить тонны восковых свечей и тратить деньги на всякие благотворительные дела, надо получить в наследство чулок, набитый золотыми монетами, ведь Тойволайнен принадлежит к поколению блудных детей, которые пускают на ветер деньги отцов, но не могут сколотить состояние своими руками, хотя ведь совали Тойволайнену деньги, он и знал того, кто сразу же доверил ему деньги, но не обмолвился об этом ни словом, был нем, как килька, поскольку он ведь деньги копит, откладывает, у него денежка водится, и это понятно, потому что нужно же было одеваться, нужно было на непредвидимые расходы откладывать, нужно было непременно свои деньги иметь.

Да, денежка у него водится, но на себя он ничего не тратит.

Такой у Тойволайнена азарт в жизни - раздавать денежку!

В ботиночках он ходит пятнадцать лет, а костюму будет и все двадцать.

Потому как Тойволайнен бережлив в движениях, аккуратен в ношениях, детален в воображениях.

Ему, как кильке морской, нет износу!

Обстановка его так бедна, что солдатская койка в казарме представляется раem земным.

Спит он боком на стопках газетных.

Сколько ни коси траву, она всё равно растет. Сколько ни было войн, люди всё равно рождаются. Изменить этот ход ве-щай Тойволайнен не в состоянии. Ему остается только сми-риться с мыслью о том, что трава всегда будет расти, и люди всегда будут рождаться. Сколько бы ни было диктаторов на свете, все они исчезли и исчезнут с лица земли. Сколько бы ни тормозили они время, которого не существует, оборонитель-ные и наступательные их планы тщетны, ибо на земле есть один народ и одно государство - Мир с Господом единодер-жавным.

Что тут сказать?

В отказе от излишеств он превзошел восторги междометий московского родного воробья, произносящего в полёте: «Ты - это Я, а Я, конечно, - Ты!»

Много синего и зелёного вокруг, невольно полюбишь и то и другое, синее и зелёное. Просто станешь пристрастным к сине-му и зелёному. Море в небе с водорослями перевёрнутых мо-гучих крон деревьев. Небо в море с опрокинутыми синими и зелёными звездами, с синей луной и зелёным солнцем. Кто-то когда-то здесь начал строить огромный корпус, но дальше вко-лоченных бетонных свай и некоторых перекрытий не пошёл. Теперь этот остов едва выглядывает из синего и зелёного, по-тому что деревья корнями уходят в бетон. Так Тойволайнен впервые понял, что цивилизация в борьбе с синим и зелёным бессильна.

Жизнь шагает его по московским финансам, потому что когда-то он финики ел в Финикии, тощелобый, прозрачный, с глазком на боку, как у кильки, друг морей и полей Тойволайнен, свободный, как нож, скажем, финский.

Много белого, очень много белого, и горячего, противоре-чивое сочетается, белое с горячим, красное с белым.

Финн финансист Тойволайнен, заблудившийся в русских осинах, взявшихся за ручки с Мартой, такой же воздушной, как пух летом, любуется тёмно-красными параллелями заката над крышами зданий, дворцов и храмов.

юрий кувалдин

Они прогуливаются по Самотёчному бульвару, любя себя и
Москвы финансы, текущие без всякой поддержки подземной
рекою.

"Наша улица" №191 (10) октябрь 2015

43-Й ТРАМВАЙ

На Шарикоподшипниковской улице, против нового синего из стекла и бетона здания, а направо и налево от него идут сталинские унылые корпуса бывшего первого подшипникового завода, где теперь огромная барахолка, на трамвайной остановке скопилась огромная толпа, как в советские времена за водкой. Я не дерзаю входить в трамвай, опережая очередь, хотя и в ней злодея созерцаю, и он является в лице подростка, ныряющего внутрь поперёк толпы. Я не сержусь, ведь стезя благотворенья за многолетнее ученье тактичности ведёт меня среди людских зыбей. Исполнен дух мой доброты, приемлет легкие узы правил поведения, да и других, скажем, ревнителей ко славе не отягощал владыкой чувств своих. Себя ученьем услаждал я и учтивостью, с улыбкой пропуская мимо слуха потоки новых мнений, ибо и в трамвае мной движет мир просвещенной чувственности.

Наконец и я втиснулся в 43-й трамвай, но только выехал на Симоновский вал, как встал. Впереди застыла вереница вагонов.

Я и не видел никогда столько трамваев сразу. Стоят один за другим до самого поворота в 3-й Крутицкий переулок. В очках кудрявая вожатая говорит, что там где-то у метро на смерть разбились пять человек в мерседесе. В трамвай въехал на полном ходу. Так что, будем стоять минут двадцать, пока не растащут.

Все люди куда-то спешат. Куда ни брошу взгляд, всюду люди бегут, опаздывают.

А я никуда не спешу. Сижу один в вагоне. Страшноватое известие отгоняю.

Сестра страха жизнь. Жизнь создаёт страх. Жизни сестра - страх. Точнее не скажешь, поскольку пока живёшь, страшишься смерти. Вот оно зерно страха - жизнь! Если ты мёртв, то об этом знают только читатели, внедряясь до отре-

чения себя в твои сочинения, а ты никого из этих читателей не знаешь, поскольку ты мертв. Фёдор Михайлович, вы мертвы? Что вы, Юрий Александрович, я же вчерашнего дня топор точил в Люблино! Достоевский большой юморист. Никак не исчезнет с лица земли, вон он, размноженный, за стеклами каждого вагона метро мелькает перед глазами на станции метро «Достоевская»!

«Как пишется рассказ?» - спросил я у Достоевского. «Со-средоточенно и долго, - ответил Достоевский. - Целыми днями сидишь и пишешь». Я усмехнулся и сказал: «Рассказ - это умение каждый день прилюдно писать по абзацу, то есть сразу писать этот кусок в фейсбуке, а в конце месяца всё собрать в одно целое». От «Достоевской» я, в роли Достоевского, поехал в Люблино. Пошел дождик. Девушка стояла у окна, смотрела на пруд. Она находилась в той самой комнате на втором этаже, где я, будучи Достоевским, писал главы «Преступления и наказания», а теперь здесь были курсы шоферов. Девушка взяла кредит в банке, купила «лексус», и училась здесь водить автомобиль по правилам дорожного движения. «Что главное в рассказе? - спросил я у Достоевского, и сам себе ответил: - Вовремя остановиться».

Надеваю утром одеяло на голову, чтобы исключить любые звуки, мешающие просмотру фильма сознания. Одеваюсь, выхожу на улицу. Прихватил на всякий случай бейсболку от солнца и зонт. Но льёт дождь. Всё равно надеваю на голову чепчик с длинным козырьком и распахиваю зонт. Одежда противоречит надежде, но всё же дождь моментально заканчивается и выглядывает солнце. Складываю зонт, с которого льётся вода. В общем, всю жизнь что-то надеваю на себя, и постоянно во что-то одеваюсь, находясь во власти паронимов русского языка. Заметьте, всюду «дева», то «на», то «о».

Конечно, дама дома, думал я. Что за демон во мне невидимым дымом вьётся? А в том, что на заре человечества букв было мало, причём работали только смысловые консонанты, опоры, столбы слов, иначе говоря, согласные, которые писались

сплошняком, без разбивки на слова. А ещё раньше рисовали различные фигурки, которые произносили отрывисто, как ныне говорят в Китае, в который по проводам тел язык, эвфемизируясь и преображаясь, дошёл от фараонов, от первой палочки на камне, от великого Яхветона и его летописца Моисея. И дама действительно была дома.

Моя крайняя сосредоточенность выражается в невнимании к другим. Если я зациклился на чём-то, то всё прочее меня сильно раздражает. Следовательно, если я всю жизнь сосредоточен на моих литературных вещах, то это невольно привело меня к торжеству одиночества. Только тогда я достигаю максимальной эйфории и самоотдачи в творчестве. Люди нетворческие этого понять не могут, поэтому всегда мою сверхсосредоточенность принимали за эгоизм, и всяческими средствами старались мне помешать, или опустить, как им казалось, на землю. Но я упрямо нахожусь в состоянии сосредоточенности на содержании образа.

До чего же содержательны скворцы! Важно и независимо ступают, мгновенно выискивая в траве то, что им нужно. Очень самостоятельные птицы. Посмотришь на одного скворчика, в одиночестве работающего под деревом, и завидуешь ему с его одиночеством. Но вот другой взлетает из-под куста, за ним третий, а следом целая куча, и наш одиночка мигом бросает все свои «творческие» занятия, и мчится сломя голову за остальными. Мощная стая взвивается к облакам, и чёрной тучкой перелетает на другой берег реки, кружит там, выискивая платформу для обработки. Так и человек взлетает из отдельной квартиры и толпится у мавзолея.

Начитавшись на пенсии мемуаров, человек, не имевший дела с литературой, вдруг решается описать свою жизнь. Перед ним чистый лист бумаги. До этого ему казалось, что это осуществить очень просто, ведь свою жизнь он знает прекрасно, и, лежа на диване, не один раз прокручивал всевозможные интересные и малоинтересные события из неё. Он написал заглавие «Моя жизнь». Потом первую строчку, в которой сооб-

щил, что он родился такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года. Потом сообщил о школе и институте. И остановился. Покопался в бумагах, извлёк характеристику из личного дела, обнаружив в ней те же сведения, что он хотел изложить. И понял, что повторяться не стоит. На этом мемуарный порыв его закончился.

И вот я сижу на бульваре и крошу батон голубям. О хлебе насущном думаю, и раздаю хлеб насущный птицам. Да не оскудеет моя рука. Это понимают и проворные воробы, старающиеся ухватить своим маленьким клювом самый большой кусочек и удалиться с ним подальше, но когда они догадываются, что рука дающего не оскудевает, то остаются на площадке с голубями, и уже без суеты склёвывают более мелкие кусочки, потому что я, учитывая их маленькие ротики, крошу всё мельче и мельче, размером с пшеничное зерно, которым Господь нас кормит задаром.

Человеку не только снятся хорошие сны, но и само лицо человека разглаживается, становясь похожим на безмятежное лицо младенца. Сон меняет маску спящего, вернее, убирает маску существа, приспособившегося жить в социуме, в крепчайшей зависимости от других людей. Лицо спящего забыло все свои выражения гнева и недовольства, поскольку в недовольстве и гневе пребывает в сложной и трудной жизни под присмотром телевизора почти всякий. Человек спит. Не будите в нём телевизионного зверя.

На поводу у тихой тени, считаю блики поколений. И так в рифму продолжаю идти. Но прекращаю это делать на безликой башне, убившей строфику старого переулка. И мне надо помнить, что последующие ленивые поколения меня сломают, чтобы на моём месте возвести своё. Пойдут на кладбища разрывать могилы в поисках свидетельств истории, окончательно доковыряют пирамиды, чтобы вытащить какую-нибудь новую «Титифрити» и оттащить её в Пушкинский музей. Слоёный пирог вечности, ничего не говорящий мне, потому что я знаю, что тело есть лишь отработавший ржавый безымянный компьютер.

Как-то принято делить жизнь человека, особенно творческой личности, на две половины. Мол, в молодости он был удачлив, и награждён премиями, а к старости поник, забыт и несчастлив. Может быть, так. Но мне кажется, что в этом случае цель у человека была не творческая, а иная, например, в виде способа достижения материальных благ, и тому подобного. Все великие умы трудились усердно в течение всей жизни, за редкими исключениями. К этим исключениям, скажем, принадлежит Джером Сэлинджер, в молодости взывшийся до ошеломительных высот, и затем бросивший писать, но доживший до 90 лет. И важно ли нам ныне знать, читая «Над пропастью во ржи», сколько годов существовало его тело?!

Наконец, поехали.

Трамвай остановился на остановке «Динамовская улица». Но никакой Динамовской тут нет. Напротив заслонили фаллический вид Крутиц приземистые современные корпуса интуристовской гостиницы. А Динамовская улица, карликовая, метров в сто, идет с другой стороны 3-го Крутицкого переулка, соединяя Воронцовскую улицу с Новоспасским проездом, как раз напротив Новоспасского монастыря, бывшего филиала Таганской тюрьмы, которая стояла возле него ближе к центру.

Начал накрапывать дождь. Капли покатились по стеклу. Трамвай тронулся.

Я подумал о дождике.

Она стояла у окна, водила пальчиком с алым ноготком по запотевшему стеклу, и думала, когда же кончится этот бесконечный дождик, которого она никак не ожидала в предвкушении прогулки на речном трамвайчике от Новоспасского моста до «Ударника», потому что хотела побывать в усыпальнице династии Романовых и после этого на вечернем сеансе посмотреть «Агонию» Климова с Петренко в роли Распутина. Но дождик не думал кончаться, тогда она села с ножками в кресло, открыла «Мастера и Маргариту» и пошла знайным вечером по пустынной аллее к пестро раскрашенной будочке с надписью

«Пиво воды», и внутренним зрением вида, как на Малую Бронную выскочил трамвай из Ермолаевского переулка.

Но 43-й номер остановился у ямы метро «Пролетарская».

В слове «воля» мне слышится и видится вол, причём, волнующийся от полнейшего непонимания происходящего, готовый тут же вступить в бой. Особенно жутковато звучат сочетания: «воля к власти», «сила воли»... Здесь видятся кулаки, мускулы, государственные органы, законы и правопорядок. Всё это для управления толпой, для охраны своей межи в огороде. «Воля» как свобода звучит ещё более или менее приемлемо. Хотя и то, и другое столь же абстрактны, как «доля» и «судьба». Они обретают смысл лишь в дополнениях при тонкой настройке текста, например: воля художника направлена на то, чтобы спрятаться при жизни от воли государства, и после смерти радовать безвольных поэтов своими творениями.

Мне доставляет удовольствие собирать ягоды шиповника на берегу реки. Я беру не слишком зрелые ягоды, которые напоминают маленькие помидорчики, а недозрелые, крепкие, которые приятно похрустывают под моим крючковатым клювом на пути к зернышкам, являющиеся для меня деликатесом. В этих кругленьких румяных шариках очень много зернышек, которые можно назвать и семечками. Семечки подсолнуха я тоже люблю, но не настолько, как семечки шиповника. В сущности, и мой новый рассказ есть шарик шиповника, напичканный семечками букв, невидимыми нитями соединёнными в слова и фразы.

Рассказ ещё не написан, но я его уже читаю, не выходя из вагона. Важен прежде всего метод чтения.

Ко многим книгам написаны предисловия, как добросовестный читатель, открываящий впервые книгу неизвестного мне автора, но которого мне настоятельно советовали прочесть понимающие в литературе люди, я прочитывал её от начала, то есть от титульного листа, до последней страницы, на которой помещаются выходные данные, даже формат издания прочитывал, гарнитуру и кегль шрифта. Это было очень давно,

в юности. Теперь я так книг не читаю. Открою на случайной странице в середине книги, прочту несколько фраз, если потянут, прочту ещё, а если и это увлечёт, перебираюсь на соседние страницы. Такой метод чтения очень экономен, и позволяет с ходу отличить думающего художника от строкогонов и гонорарщика.

Смотрю в окно направо. Огромное здание выросло недавно в начале Волгоградского проспекта серое с черным, как раз для прокуратуры, подумал я. И действительно, в этой архитектурной монстриаде помещается прокуратура. Чтобы знали край, и не падали.

Трамвай пересёк развязку и въехал на Абельмановскую улицу. Зацепился же никчёмный большевик за Москву! Это же Покровский вал, а не Абельман!

Но тут трамвай остановился у кинотеатра «Победа».

Давно заметил, что большинство из тех, кто хоть что-то читает, привлекает в написанном информационная часть текста, то есть сюжет, и только единицы наслаждаются художественными особенностями произведения. Вся жизнь их напитывается поэтическим смыслом, возвышающим до наслаждения небесной сущностью вечности, к какой даже не подбираются любители сиюминутной канцелярской информации. Да и стоит сказать, что художников среди пишущих очень мало. Поэтому меня не удивляет, когда о Чехове, допустим, говорят, что он сиренький, скучный писатель. Исходя из этого можно сделать вывод, что люди не видят красоты мира, в который они пришли для того, как они это понимают, чтобы бороться за кусок хлеба. А о лилиях, которые ни жнут, ни прядут даже не вспоминают.

Вот и женский Покровский монастырь на углу Таганской улицы и Покровского вала.

Всё имеет своё название и свой код.

Пока женщины плотной толпой выходили из трамвая и садились в него, я задумался о коде.

Посмотрел цифровой код фотографии. Каскад букв, символов, цифр, следующих беспрерывной цепочкой, как текст не-

расшифрованной грамоты. Но именно этот фейерверк знаков создает ту самую фотографию, на которую я смотрю. Так везде и всюду сначала идёт Слово, а уж потом материя. Мир не как воля и представление, а как создающее жизнь Слово. К примеру, Периодическая таблица элементов вытащит вам всю материю. Понять это с ходу, практически, невозможно. Нужно перейти поле, которое называется жизнью, чтобы уяснить, что сам я создан Словом, всевластным, единодержавным.

Тем временем трамвай въехал на Рогожский вал и сразу сошёл с него на Малую Андроньевскую улицу, где и сделал остановку. В трамвай вошел господин из 50-х годов в шляпе.

Моё детство проходило среди шляп. В холодное время года послевоенная Москва наводнялась мужскими широкополыми шляпами. И сейчас, просматривая фотографии и хронику той поры, вижу мужчин в неизменных шляпах. Певец Лемешев в шляпе. Писатель Бунин в шляпе. Футболист Бобров в шляпе. Лицо в тени шляпы. В театрах в гардероб сдавали шляпы и пальто. Человек средних лет при виде знакомого поднимает руку к шляпе, сжимает пальцами переднюю часть её котелка, приподнимая её. Пожилой человек лишь прикладывает пальцы к полям шляпы в знак приветствия.

В окно прочёл название следующей улицы, в которую налево свернул трамвай: «Трудовая». Вот уж вопрос на засыпку: где находится в Москве Трудовая улица?!

Мне достаточно лишь тени мысли, чтобы я написал целый трактат. Ведь я - создатель миров моих! Для этого поездки на трамвае отлично способствуют.

То, что происходит со мной, происходит со всем миром, который вдруг впадает в дикий страх оттого, что видит себя в небе на маленьком шарике, которым он пытается управлять. Отрекаясь от себя, принижая себя человек передаёт все свойства миру некой потусторонней силы, которая кроме страха внушить человеку ничего не может. Вот он, маленький, и катается среди звёзд, ожидая не только своей кончины, но и кончины всего мира, не понимая, что центр мира в нём и в зачатии нового инди-

43-й трамвай

вида. Скажу жёстче: центр мира в зачатии, то есть в Боге. Мне с этими катающимися не по пути, поскольку я есть центр мира, я создаю миры посредством инструмента Господа - Слова.

С Трудовой, очень короткой, как и Динамовская, 43-й трамвай свернул направо на Большую Андроньевскую улицу, прямо против дома-кишки, который убил всю эту когда-то милую окраинную улицу. Панельный белый дом времен крестьянского социализма бараком тянется полкилометра от Большого Фадельного переулка до Вековой улицы.

В знак протеста я закрыл глаза, чтобы вызвать картинку памяти с другим видом.

Дом, утопающий в сирени. Я ощущаю её аромат, хотя давно сирень отцвела. Сад в переливах соловьёв. Я отчётливо слышу их металлические звуки, хотя они уже отпели. Дуб, отмечающий столетье. Ему уже, наверно, двести, потому что со столетьем прошло ещё одно столетье. Слышны шаги, но нет людей. Да и как этим людям здесь быть, поскольку все они были рождения 50-60-х годов 18 века. А я иду, как стрелки циферблата, по кругу жизни, где цветёт сирень, и соловьи с восторгом отмечают столетье дуба.

Сколько раз я проходил по этим улицам и переулкам, не помню, но иду по ним свободно, почти на автопилоте, срезаю углы проходными дворами, нахожу выходы из тупиков через лазы в заборах, через потаённые калитки. По мере продвижения день мой расширяется, впечатления накапливаются, приобретая иную окраску, нежели прежде, даже если я по этим местам прошёл в сотый раз, и потом они самым естественным образом без всякой подготовки ложатся в тот или иной мой рассказ, как будто были специально подготовлены в записной книжке, но которой у меня нет и я никогда не фиксирую сиюминутные впечатления на бумаге, поскольку доверяю своей памяти и интуиции, которые в нужный момент выдают на-гора то, что требуется для этого участка текста.

Колеса стучали, в вагоне молчали, меня волновали звоньки встречных трамваев.

В степи мальчик в красной рубашке, как цветущий мак, тянется к небу, огромному, во весь горизонт, как море, на которое смотрю я с мыса, образующего бухту, в которую заходят маленькие бумажные кораблики, сложенные из тетрадного листа в линейку, для прописей, на уроке чистописания, приучающего к красоте линий и завитков, таких же красивых, как красные маки среди переливающегося серебряного ковра ковыля, над которым я вдруг зависаю, отрываюсь от гряды, поддерживаемый и гонимый воздушными потоками, ощущивший силу крыльев своего воображения.

Алой ящерицей спустился с небес встречный трамвай.

Вижу гладь реки, и отражённое в ней пламенное квадратное солнце. Так жизнь человека горит, сгорает и падает. А с другой стороны одного и того же горизонта новая жизнь человека занимается бледным огнём. А с левого края опять западает. Жизнь исчезает. А с правого края опять возникает с петушиным криком. Подбросим страсти в огонь. Дадим 100 оборотов вокруг печки. Растанливает печь закат. Птицы замолкли. Большой и белый теплоход пошёл под мост из города. Раскаленный огонь в печи всё падает, западает за дома, но не может упасть. Коротки ночи в середине лета. Небо с востока светлеет, как снег, выпавший в жаркую ночь в Москве.

Про себя сижу, гляжу в окно, и перебираю все улицы, по которым едет 43-й трамвай: Угрешская ул. - Южнопортовая ул. - Шарикоподшипниковская ул. - ул. Симоновский вал - 3-й Крутицкий переулок - Абельмановская ул. - ул. Рогожский Вал - Малая Андроньевская ул. - Трудовая ул. - Большая Андроньевская ул. - Андроньевский пр-д. - Волочаевская ул. - Красноказарменная ул. - Авиамоторная ул. - Солдатская ул. - ул. Госпитальный Вал - Семёновский пр-д. - пр-т. Будённого - Измайлловское ш. - ул. Измайлловский Вал - Малая Семёновская ул. (только к м. Семёновская) - Семёновский переулок (только к м. Семёновская) - Измайлловская ул. (только к м. Семёновская)

Предположим, твои друзья пришли к власти. И что же? А вот то же, что они тебя на пушечный выстрел к себе не подпу-

стят, хотя в молодости ты с ними пил портвейн «777» из горла в подворотне. Закон перерождения временного человека во временных обстоятельствах по мере продвижения по иерархической лестнице централизованного государства непреложен. Особенно опасны на вершине власти не те, с которыми ты выпивал в подворотне, а тот, кто в этой подворотне родился и воспитался, и в период смуты захватил власть – этот просто уничтожает всех его знавших. Остается выбрать путь художника и не знать ни с теми, ни с другими.

Ни с того ни с сего лет двадцать пять назад сын известного конструктора метнулся в Испанию. Сам он конструктором не стал, даже института не окончил, а сразу после школы пошел зашибать деньги автослесарем. Значит, метнулся в Испанию, здесь развёлся, сын подрос и остался с матерью. И вот он вернулся назад. Опять полез под машины. Ну, в общем, каждый знает подобных персонажей. То ли ему деньги всегда нужны, то ли еще что-то. Но на месте он сидеть не может. Хотя, вроде, сейчас он уgomонился, занялся подготовкой к покою, старую отцовскую дачу сломал и начал на её месте возводить бревенчатый дом, завёл какую-то по счёту жену. «Я бы сейчас в Штаты махнул, – говорит, – но там нет русской печи, не полежишь как следует». Глядя на него, я подумал, что лежал бы ты лучше с детства на печи, если она стала целью твоей жизни.

Я не просто иду по переулку, я заглядываю в каждую подворотню, захожу в тесные старые дворы, где стены ободраны, с обвалившейся штукатуркой, и где пахнет столетиями. В щелях между невысокими домами встроены какие-то сараи, или гаражи, в которых вместо машин хранятся какие-то утратившие смысл и назначение вещи, а замки на этих строениях производства завода «Красный металлист» 1934 года. Мало того, на крышах, на карнизах, прямо в стенах растут маленькие деревья и кустики. Здесь я сам становлюсь частью природы, которая съедает зеленью и съест со временем всех и вся.

Трамвай звякнул, я вспомнил:

юрий кувалдин

Нет, не спрятаться мне от великой муры
За извозчичною спину - Москву,
Я трамвайная вишненка страшной поры
И не знаю, зачем я живу.

Мы с тобою поедем на "А" и на "Б"
Посмотреть, кто скорее умрёт,
А она то сжимается, как воробей,
То растёт, как воздушный пирог.

И едва успевает грозить из угла -
Ты как хочешь, а я не рискну!
У кого под перчаткой не хватит тепла,
Чтоб объездить всю курву Москву.

Но есть у Мандельштама и такие трамвайные стихи:

ДВА ТРАМВАЯ
Клик и Трам

Жили в парке два трамвая:
Клик и Трам.
Выходили они вместе
По утрам.

Улица-красавица, всем трамваям мать,
Любит электричеством весело моргать.
Улица-красавица, всем трамваям мать,
Выслала метельщиков рельсы подметать.

От стука и звона у каждого стыка
На рельсах болела площадка у Клика.
Под вечер слипались его фонари:
Забыл он свой номер - не пятый, не третий...
Смеются над Кликом извозчик и дети:
- Вот сонный трамвай, посмотри!

- Скажи мне, кондуктор, скажи мне, вожатый,
Где брат мой двоюродный Трам?

43-й трамвай

Его я всегда узнаю по глазам,
По красной площадке и спинке горбатой.

Начиналась улица у пяти углов,
А кончалась улица у больших садов.
Вся она истоптана крепко лошадьми,
Вся она исхожена дочерна людьми.
Рельсы серебристые выслала вперед.
Клика долго не было: что он не идет?

Кто там смотрит фонарями в темноту?
Это Клик остановился на мосту,
И слезятся разноцветные огни:
- Эй, вожатый, я устал, домой гони!

А Трам швырк-шварк -
Рассыпает фейерверк;
А Трам не хочет в парк,
Громыхает громче всех.

На вокзальной башне светят
Круглолицые часы,
Ходят стрелки по тарелке,
Словно черные усы.

Здесь трамваи словно гуси
Поворачиваются.
Трам с товарищами вместе
Околачивается.

- Вот летит автомобиль-грузовик -
Мне не страшно. Я трамвай. Я привык.
Но скажите, где мой брат, где мой Клик?
- Мы не знаем ничего,
Не видали мы его.

- Я спрошу у лошадей, лошадей,
Проходил ли здесь трамвай-ротозей,
Сразу видно - молодой, всех глупей.

юрий кувалдин

- Мы не знаем ничего,
Не видали мы его.

- Ты скажи, семиэтажный
Каменный глазастый дом,
Всеми окнами ты видишь
На три улицы кругом,
Не слыхал ли ты о Клике,
О трамвае молодом?

Дом ответил очень зло:
- Много здесь таких прошло.

- Вы, друзья-автомобили,
Очень вежливый народ
И всегда-всегда трамваи
Пропускаете вперед,
Расскажите мне о Клике,
О трамвае-горемыке,
О двоюродном моем
С бледно-розовым огнем.

- Видели, видели и не обидели.
Стоит на площади - и всех глупей:
Один глаз розовый, другой темней.

- Возьми мою руку, вожатый, возьми,
Поедем к нему поскорее;
С чужими он там говорит лошадьми,
Моложе он всех и глупее.
Поедем к нему и найдем его там.

И Клика находит на площади Трам.

И сказал трамвай трамваю:
- По тебе я, Клик, скучаю,
Я услышать очень рад,
Как звонки твои звенят.
Где же розовый твой глаз? Он ослеп.

43-й трамвай

Я возьму тебя сейчас на прицеп:
Ты моложе - так ступай на прицеп!

1925

«Серп и молот», Застава Ильича, Сергей Филатов, Марлен Хуциев. Глава администрации первого президента Сергей Филатов родился на Волочаевской улице, куда свернул трамвай после Андрониева монастыря, мимо потерявшего облик, разрушающегося на глазах дворца культуры завода «Серп и молот», и пошел под мост. Кадр от моста дали Кулиджанов с Сегелем в «Доме, в котором я живу». Дом, в котором они разместили своих персонажей, по словам Филатова, был картонным, декоративным, сколоченным на для съёмки на пустыре.

С Волочаевской улицы трамвай поворачивает через Красноказарменную площадь к Лефортовскому мосту.

Там со скрежетом тормозит у Лефортовского парка.

Прямее ему надо было ехать через парк Лефортово. Так нет же! Он пилит по Красноказарменной от входа в парк со стороны Лефортовского моста через Яузу на Авиамоторную, вдоль заборов с колючей проволокой, по Солдатской, и подъезжает с другой стороны парка. Я много раз ходил насквозь по этому парку. На той стороне Яузы кузница для военных заводов училище высшее да ещё техническое. В Лефортово Москва совсем германская, даже германская речь слышится, вагоновожатая по-германски объявляет «Лефортовский мост» - «Лефортово-брюке» («Lefortowo-Brucke»). Почти брюки. Да так оно и есть, две брючины, одна на той стороне Яузы, другая на этой.

Итак, германская слобода говорит на германском языке и дома возводит по-германски.

А Лефорт, меж тем, был швейцарец, и из известного места матери своей на свет божий вылез в городе Женеве.

Всё время он мне говорит, что боится смерти. Как только перестает чем-нибудь заниматься, так сразу начинает бояться смерти. Но если бы он пораскинул мозгами, то сообразил бы,

что о ней он сам не узнает. Пока же живёт, должен понять, что все, рождённые в 19 веке, умерли. Все до одного, и раб, и царь. Все центральные телевидения более ранних веков тоже скончались. Ведь каждый человек есть центральное телевидение: объективы глаз, микрофоны ушей, дикторский голос рта и прочее обрабатывается в его мозгу, а не у дяди Вани. И даже больше того: осязает и различает вкус, чувствует запахи роз и прочего, чего пока телевизор не передаёт. Так что не бойся смерти, поскольку ты создан по образу и подобию телевизора, которые штампуются каждую секунду в сексуальном экстазе и в поете лица своего на электроне Земля, вращающемся вокруг атома Солнца, и каждый новый есть ты, только сам об этом не догадываешься, ибо всё это обрабатывается в мозгу дяди Вани.

Жёлтые казармы, юные солдаты, вчера, сегодня, завтра, век назад и век вперёд.

Как-то не обращал внимания на пуговицы, а тут стал надевать рубашку и вдруг обнаружил, что вертикальная планка во всю длину от шеи донизу, на которой обычно расположены пуговицы, пуста, без пуговиц. На другой планке, предназначеннной для петлиц, или прорезей для пуговиц, петлицы вроде бы присутствовали, но они были лишь намечены и обмётаны нитками, но самого отверстия (прорези, петли, петлицы) не было. В недоумении опустился в кресло, более внимательно рассматривая рубашку. Решил проверить пуговицы и петлицы на рукавах, которые мне показались очень длинными. И тут я догадался, что мне выдали смирительную рубашку.

А вот и остановка «Лефортовский вал». Налево пойдёшь по этому валу и на углу с Энергетической улицей найдёшь смирительную рубашку для тех, кто любит вступать в споры с несменяемой властью временщиков - Лефортовскую тюрьму. Впрочем, удобнее прокатиться дальше на трамвае, чтобы тюрьма была ближе, и выйти на Авиамоторной улице на остановке «Кинотеатр «Спутник». Здесь другой конец Лефортовского вала, соединяющего Красноказарменную улицу с Авиамоторной. Круглый штакетник с колючей проволокой военного завода

плавно перетечёт в ещё более устрашающий забор Лефортовской тюрьмы, смирительная рубашка стен которой набрасывалась на «наследного принца» Василия Сталина и « сотрясателя основ» Александра Солженицына.

Сталинская Москва в Лефортово проступает в первозданном виде.

Теперь скажу высоким слогом следующее. На берегах великой реки Яузы стоят два могучих тюремных замка: Матросская тишина и Лефортово, оттого она и Великая!

Действительность превосходит анекдот.

Есть в Москве три трамвайные остановки, идущие подряд:

1. Солдатская
2. Госпитальная
3. Кладбище

Это всё на 43-м маршруте.

Нереальность настоящего состоит в том, что оно всё время становится прошлым, а в будущее мы идём спиной и, причём, с закрытыми глазами. И ежеминутно отпеваем это настоящее. Настоящее настолько покрыто мраком, что просто не знаешь куда спрятаться от него, не находишь себе места, всё время тянет куда-то, поскольку впадаешь, как говорят простые люди, в тоску. Выскочишь на улицу, тянет домой. Невозможно сидеть дома, всё в нём осточертело, бежишь в лес, а там вообще мрак жизни, всё как под копирку каждый день, берёзки да осинки. За что бы зацепиться, чтобы с цепи не срываться? За отпевание.

Трамвай железный, рельсы железные, контактный провод железный.

Будет что вспомнить, говорили в 20 лет, поднимали бокалы, рюмки, а кто и просто стаканы! Отдохнули на море, в горах, за Полярным кругом, в джунглях! Будет что вспомнить, говорили в 30 лет, осушая то же из тех же сосудов! Изъездили Корею и Карелию, Венецию и Венесуэлу! Будет что вспомнить, говорили в 50 лет, но уже без некоторых участников, выпавших из жизни, о существовании которых забыли, как будто их и никогда не было! Полежали на пляжах Таиланда и Бразилии! Что же

ещё вспомнить? - думает один оставшийся в 90 лет. Ничего не помню. В памяти остался только граненый стакан.

Всё дело в форме, а не в содержании. Ибо форма и рождает содержание. Так что содержание всегда и всюду вторично по отношению к форме. Каждая буква имеет форму. Графическую. Фонетическую. Буквы, сливаясь в слова, образуют более сложную форму. Слова, соединяясь в цепочку текста, рождают более сложную форму. Вот форма из трёх букв: «Явь». Три буквы вытягивают целую цепь ассоциаций и, скажем, картину «Явление Христа народу». Никому никогда не показывался, а тут Явился! Явь! И ты никогда и никому не показывай свою Явь. Потому что все и так знают, что это такое, и кто это такой. К тому же помни: тайное станет Явным. Я же к этой сентенции добавляю свою: Явное станет тайным.

Tak zapishte vsyo latinsey, и вы тогда меня роутуote. Возвращение в латынь, где что пишется, так и читается. Английский, а не English. «А» - это А, но не «Эй». В чём же дело? Почему на островах стали коверкать латынь? Ответ ясен, как божий день: с целью укрепления обороны и конспирации, дабы никто не понял написанное и произносимое. С той же целью на западных окраинах Орды, в улусе Москов (Mosque - мечеть), принудительно внедряли кириллицу. А самый цивилизованный народ Европы из-за непонятности говора стали обзывать «немцами» - немыми. Отныне к употреблению слово «немцы» запрещается, пусть будут они германцами (херман), а язык - германским. Придется переучивать всех подряд, начиная с англичан, чтобы своё «Sale» читали как Сале, или, точнее, Сало (Киев и Лондон - одна страна).

До «Семёновской» не поехал. После Солдатской и Госпитальной вышел у кладбища, покурил под деревом, и пошел на кладбище к доктору Гаазу.

ПОДЗРЕНИЯ

Перед Зуевым в метро на эскалатор тяжко ступила какая-то высоченная баба в плащевой вылинявшей зелёной куртке и в длинной, до пола, зелёной в тёмную клетчатку юбке, так что Зуев тут же вздрогнул от ужаса предчувствия. На голове этой страхолюдины был серый котелок шляпы, из-под которой выбивались седые волосы. Она склонялась к впереди стоящему мужчине и что-то ему настоятельно втолковывала. Из репродукторов эскалатора звучали «Подмосковные вечера», было довольно, как обычно в метро, шумно, и что-либо разобрать из того, что говорила линялая куртка было невозможно.

Неужели она?

Неужели?

Лет сорок прошло, а то и больше.

В нервном напряжении Зуев доехал доверху, ускорил шаг в мраморном коридоре перехода, обогнал на несколько метров каланчу, оглянулся и затрепетал. Зубы! Её зубы! Она!

Она возвышалась над толпой, как новогодняя ёлка, толпа была подобна чёрному потоку, а из него торчала плывущая макушка не просто ёлки, а самой настоящей ели. Кто-нибудь мельком взглядывал на неё и в полном недоумении и смущения отводил глаза. Так с неприязнью посматривают на небритьих грязных нищих, сидящих под ногами у прохожих.

С нею шёл человек, редкие и крупные зубы которого абсолютно совпадали с зубастой Федулеевой, но это не главное, архитектура лица, геометрия, диагонали и перпендикуляры его совпадали как две капли воды с физиономией Зуева, который как бы в зеркале увидел себя молодого. Зуев вздрогнул и покраснел. Отрезано. Хотя это шёл, Зуев-то твёрдо тут же смекнул, и другого быть не могло, с бабой, с Федулеевой, это она, шёл его сын, это было ясно, как во сне, но никто об этом не знал, ни дочь, ни жена, ни тем более остальные, ни Бог, ни царь, и ни герой. Никто.

Сколько хватило скорости, Зуев помчался вперед, сбежал по ступенькам, и нырнул в провал арки к подошедшему поезду.

И всё время он звонит, этот телефон, именно этот, а не тот. Хотя и тот на работе на столе всё время называет. Зуев только успевает поднимать трубку. Зварыч звонит, здорово, стариk, буду, в Перово, доставим, будь спок!

И опять звонит.

Спать некогда, но вот что удивительно, и во сне звонит телефон, и Зуев тут как тут, среди деревьев сидит на бульваре, в одной майке, и с телефоном, шнур от которого тянется через весь бульвар, а на шнуре мигают мириады малюсеньких лампочек, понятно, что это всё дело во сне происходит, но трубку Зуев срывает и говорит, вернее сначала слушает, там Наумова говорит, потом он говорит, она снова говорит, и он соглашается идти, потому что Шницер записал, на овощную базу, картошку по пакетам распихивать, конечно, идёт Зуев в майке по бульвару в метро, чтобы ехать на овощную базу.

И едет, уже в джинсах и ковбойке с пальмами, в свой НИИ. Тебе же на базу сказано ехать. Но база уже прошла. Зуев стоит у широкого окна института в коридоре, покуривает, болтает со Скворцовым, который излагает свои тёмные мысли, потому что уже поддал, на японском языке. Скворцов японист. Но дело не в Скворцове.

В это время в женский туалет, а двери туалетов с тяжелыми дубовыми дверями за спиной, напротив широкого окна коридора, шествует Валентина Федулееva, именно шествует, потому что у неё огромный живот. И она им направо и налево хвалит-ся. Это сразу видно. Вот. Почему у Федулеевой огромен живот? Правильно.

Она беременна.

От кого?

От Зуева!

Но он делает непринуждённый вид, что не знает этого. Федулееva тоже не обращает на него внимания. Коллеги. Работают вместе. Правда, столы в разных комнатах стоят. И тут зво-

подозрения

нит телефон. Скворцов по-японски отвечает, что они вечером едут к Зварычу на новоселье. А Зварыч в это время сам подходит к ним, маленький, с большой головой и толстыми губами, к которым всегда что-то прилипает. Сейчас это веточка укропа. Зварыч идёт из столовой.

А Федулеева со своим невероятным животом уже выходит из туалета.

Восемь месяцев назад она была без живота. Но вот ведь какое дело. Ей срочно потребовался живот. А как его накачать, когда Федулеева некрасива, просто страшная, и к ней никто не клеится? Она бы, конечно, так бы и ходила без живота, хороший научный сотрудник, всю жизнь учится, кандидатскую недавно защитила, так бы и жила с кандидатской, но вот задумала она после кандидатской накачать свой живот.

Жила она до этого тихо в синих своих чулках. Все женщины института как женщины, а эта в синих чулках ходит. Ноги кривые и тонкие, да к тому же Федулеева выше всех мужчин в институте, но в баскетбол не играла никогда. Тощая, с тяжелой нижней челюстью и с огромными редкими, со щелями между ними, зубами. Вот идет эта баба-яга по паркету коридора в синих чулках и в туфлях на резине без каблуков, в которых ходят на работу плотники и слесари, а видишь только зубы её хищные, как будто зубы идут сами по себе, потому что у неё рот никогда не закрывается. Ну, что ж. Какая есть. Она же не виновата в том, что в своё время такой из живота матери вылезла прямо взрослой в НИИ с кандидатской диссертацией.

Любимое детище сотрудников НИИ - бумага. По стенам всех трёх комнат отдела стояли застекленные шкафы до отказу набитые бумажной продукцией сотрудников. Сердцевина деятельности отдела заключалась в заполнении знаками чистых страниц бумаги. Бумагу получали на складе килограммами каждый месяц. Для этой цели назначался ответственный сотрудник, и им Зуев бывал пару раз в год, и ему выделялась тележка, с которой он опускался на грузовом лифте, с решетчатой дверью, в подвал, где располагался склад, там на весах с гирями отвешивались по

выписанным и подписанным директором и заместителем директора НИИ по административно-хозяйственной работе требованиям килограммы белейшей бумаги, другую, низкого качества, жёлтую, институт считал ниже достоинства.

Зуев владел необыкновенной скорописью, рука молниеносно выписывали овалы и углы, черточки и закорючки, строчки как бы сами собой бежали по бумаге, но тут возникала некоторая сложность для машинистки, которая с трудом разбирала полёты строчек Зуева, и ему приходилось буквально стоять над душой машинистки, а то и просто диктовать свои научные экзерсисы. Так появлялся машинописный вариант его деятельности, а рукописный шёл не просто в корзину, это было бы не рачительно, а складывался в коридоре в особый контейнер, который, при наполнении, вывозился из института на приемный пункт макулатуры.

- Зуев, ты у кого работаешь?
- У Толстого...
- Это на шестом этаже?
- Да.

Приятель из ЦК узнал в столовой своего школьного товарища.

Зуев взял заливное из осетрины, свиную-отбивную, кофе и свежую клубнику в сметане, за всё уплатив 74 копейки. НИИ принадлежал ЦК и кормил своих учёных за треть цены, а то просто за символическую плату.

Завотделом Толстой, в золотых очках, сидел в большой комнате, даже можно сказать зале, на некотором возвышении, и из-за своего двухтумбового массивного письменного стола мог озирать всех сотрудников, сидящих рядами за своими столами, размером значительно меньше начальнического стола, и все усердно исполняли роли неустанно работающих сотрудников. Тишина в этой комнате стояла такая, что было слышно, как сам Толстой скребет своим золотым пером чернильной самописки «паркер» очередной труд. Он иногда мог так просидеть часа четыре, не отрываясь от писания. Тогда вся комната чуть ли не сходила с ума, потому что Толстой не терпел, чтобы кто-

то выходил из комнаты во время его напряжённой работы. Потом Толстой брал свой большой жёлтый кожаный портфель с золотыми двумя застежками и покидал рабочее место до конца дня. Тут же все вскакивали и мчались кто-куда, кто сразу домой, кто в столовую, кто в курилку, кто погонять кофейку в буфете. Лишь одна Федулеева спокойно пересиживала не только самого Толстого, но и всех прочих коллег, ровно до 18-00, когда рабочий день НИИ официально заканчивался.

Слава богу, Зуев сидел в другой комнате и старался меньше попадаться на глаза Толстому. Между собой они посмеивались над Толстым, мол, ты такой же Толстой, как Зуев - Достоевский. Откуда только развелось столько этих Толстых? Какие-то Варвары, Тамары, Зинаиды, Татьяны, Фёклы, Евпраксины... И все - Толстые. Да и сам Толстой, главный... А кто у нас главный Толстой? Вроде генерального секретаря ЦК? Конечно, тот, который совокуплялся ежедневно со своей Берс, и не только с ней, произведя бесчисленной потомство, от которого потом, завязав глаза, сбежал, притворившись стариком. Уж этот Толстой был тот ещё артист. С 50 лет стал косить под старика. Бородищу отпустил, в рубаху крестьянскую обрядился. Этот театр просматривается и во всех его писаниях, всюду фальш, всюду неискренность, всюду взирает на мир из-за своего письменного стола. Всё про Бога что-то писал, не зная Кто это Такой, хотя Бог и совокуплялся с Берс, и детей делал, и всех людей во все времена создал, потому что Бог, скажем в замаскированном виде, Херос, от которого и идут все слова мира, в том числе, и фамилии, потому что имя Бог - Х - это по-русски ясно, но Хер - уже звучит помягче, можно и произносить вслух, вроде города Херсон, или поэта Хераскова... А из Хероса так Толстой вышел: Херос, Терос, Телос, Толос, Толс, и ещё раз прибавим имя Бога в замаскированном виде, где вместо «х» будет «т», то есть - той, где гласные имеют второстепенное значение, ибо Яхуйтон-фараон и его жрец египтянин Моисей писали одними согласными. Итак совокупляем вместе и получаем «Толстой». Это тело, чистое при рождении, загрузилось буквами и стало буквы писать под видоизме-

нённым именем Господа «Толстой», потому что платили в том веке за буквы золотыми рублями, и среди промышленного изготавления букв Толстой был одним из богатейших людей. Из этого вытекает, что родства физиологического не существует, поэтому все эти размножившееся тела под маркировкой «Толстой» или «Толстая» ничем себя не подкрепляют, кроме как примазыванием к славе одного Толстого. Других «Толстых» Зуев не учитывает, предлагая всем прочим Толстым переименоваться, как переименовываются персонажи романа гениального Андрея Платонова «Чевенгур», который ходил в списках по рукам сотрудников НИИ и производил ошеломляющее впечатление, и это впечатление ещё более усиливалось тем соображением, что за такое чтение и распространение могут посадить.

Печатный текст Зуева поступал к Толстому, который складывал, поблескивая золотыми очками, солидный том из прочих работ сотрудников, проходился затем насквозь красным карандашом по всему тому, который уже поступал на окончательную перепечатку не к машинистке отдела, а в центральное машбюро института, в котором трудилось тринадцать высококвалифицированных машинисток.

Окончательный вариант трудов отдела переплетался в конце года, скреплялся подписями членов ученого совета, штампами и печатями, и ставился на полку нового шкафа, для которого с большой сноровкой находили место уже не в коридоре, заставленном от и до, а между этажами на широкой лестничной клетке.

И опять зазвонил телефон, Наумова, жена вскочила с постели. В молодые годы Наумова была женой Шницера, того самого парторга, который отряжал всех по очереди на упаковку картошки на овощную базы. От Шницера у неё была старшая дочь, а когда она с ним развелась, то сошлась сначала, а потом и расписалась с Зуевым. Какое-то время они работали в одном НИИ, потом нашли себе другие тёплые места. Зуев преподавал теперь, а Наумова была директором одной консалтинговой компании.

подозрения

Но Наумова так и не узнала, что Зуев накачал живот Федулевой, хотя насос у него был приличный. Вообще столько лет с той поры прошло, что об этом и сам Зуев не вспоминал. Зуев мысленно восхищался тонконогой Федулевой за её гробовое молчание в течение всей жизни.

А Федулева однажды катила коляску с маленьkim Боренькой с тыла своего семнадцатиэтажного дома, и вдруг из окна десятого этажа услышала вопль своей соседки-наркоманки:

- С кем наебла ребёночка-то, Валька?

Но Федулева даже бровью не повела, и шагу не прибавила. Как катила неспешно коляску с сыном, так и продолжала катить.

Со Скворцовым стояли напротив туалетов, где обычно курили, и подошел Зварыч, постоял, послушал, включился в какую-то болтовню, а потом втроём свалили с работы, у метро зашли в магазин, взяли красного и водки, и поехали, предварительно в подворотне махнув на троих бутылку красного, к Зварычу. Вот только было ли тогда новоселье, или просто так поехали? Суть не в этом. В общем, приехали. Скворцов изъяснялся после нескольких рюмок водки исключительно на японском языке, почти стонал, закатив глаза в потолок, размахивая руками:

Вага ио ва
Мияко но тацуими
Сика дзо суму
Ё о Удзияма то
Хито ва иу нари

Это он имел в виду примерно следующее, сам Скворцов и прокричал это следом:

В моей избушке,
к востоку от столицы,
?я скрыт от мира;
«Холмом уединенья»
прозвали это место.

А спустя десять минут, продолжая что-то болтать, уронил голову на стол в тарелку с нетронутым цыпленком-табака, сбив при этом рюмку на пол, но она не разбилась, и мгновенно отключился.

Конечно, тут отключишься, наработались за день!

Его отнесли за руки за ноги в маленькую комнату опочивать.

Тут звонок в дверь.

Прямо во время укладки на диван Скворцова. Уложили, а жена Зварыча уже дверь открывает, а на пороге стоит Федулева. Без предупреждения. Ну, Зварыч! Заманил. Хотя в момент появления в его квартире Федулевой ни о чём Зуев, естественно, не догадывался. Насторожило Зуева лишь то обстоятельство, что Федулева была вся в чёрном. Даже обычные синие чулки поменяла на чёрные. Сели за стол, жена Зварыча подняла рюмку и сказала, что чокаться не будут, а помянуть мать Федулевой.

Зуев сжался, потому что не знал, как себя вести. Ни о какой смерти матери Федулевой в институте не было и слова. И Федулева молчала. Зварыч вообще - могила! Зуев решил после другой рюмки сваливать с этих поминок. Когда же он встал, жена Зварыча, невысокая плотная бабёнка крестьянского вида, повела его в прихожую пошептаться, мол, так и так, дело необычное, даже можно сказать, интимное, при этом слове Зуев совсем растерялся, но мысли пошли в том направлении, куда их склоняла жена Зварыча: надо сделать ребёнка Федулевой, чтобы она продолжила потомство в память об умершей матери, кроме которой у неё в жизни никого не осталось.

Так напрямую о продолжении рода с Зуевым ещё никто в жизни не говорил, да и он до этого никогда о созидании человечества не думал, а ведь каждого человека произвели таким образом, о котором все знают, но упрямо молчат, даже запретив разглагольствовать на эту тему.

Есть такие невидимые лица, что даже если присматриваешься к ним, то как бы не видишь. Они вроде бы есть, вот си-

подозрения

дит такое лицо в метро напротив тебя, а ты его не видишь, оно есть, но его в то же время нет. То ли оно стёрто, то ли абсолютно стандартно, как в роте лицо какого-нибудь солдатика, идет строй, мелькают лица, но все кажутся одинаковыми, ни на ком внимание не останавливается, штамповка, поток, как под копирку, как в роддоме партия новорожденных за этот день. Сидит напротив в метро, и одновременно не сидит, место свободно, но вот двери вагона открываются, врывается толпа, и опять напротив тебя водружается чьё-то невидимое лицо, по вагону разносится, что двери осторожно закрываются, следующая станция дворец советов, но на самом деле ни двери не закрываются, ни станции такой, дворец советов, не существует, как не существует этого лица, помести которое на групповую фотографию, так не заметишь это лицо на ней, нет его на фотографии, но он сам ткнёт пальцем в карточку, выцветшую от времени, и скажет, что это он во втором ряду третий слева, и ты смотришь на этого третьего слева, и не видишь его, был ли этот человек в жизни, или не было его, определить с точностью невозможно, как невозможно вспомнить, кто сегодня в метро сидел напротив тебя, и не просто сидел, а даже несколько раз пытался заглянуть в твои глаза, поймать твой взгляд, а тебе его взгляд был безразличен, потому что ни этого лица, ни этого взгляда ты не видел, как невозможно в толчее жизни разглядеть Зуева, человека как бы существующего, но не имеющего примет, никак не отпечатавшегося нигде, человека без лица, но имеющего лицо, которое невозможно обрисовать, невозможно дать какие-нибудь приметы, потому что рисовать нечего, нет примет, потому что нет лица, стёртый Зуев.

Зуев вернулся к столу, стараясь не смотреть на страшную дылду Федулееву, возжелавшую создать репродукцию, вступить в репродуцирование, и сильно набрался.

Федулеева вырастала, а в душе оставалась маленькой девочкой, и это обстоятельство её очень сильно смущало. Без мамы, казалось, она и шагу ступить не могла. Когда получала «пятерку» за ответ, а училась Федулеева так хорошо, что учеб-

ники как бы жили в её голове сами по себе, без бумажного варианта, она всё выучивала так, как было написано в учебнике, и чувствовала, как радуется мама за эту «пятёрку», тут же, в классе. Как же Федулеевой везёт, и она говорит: «Мне везёт, мама!» - «Ты умница у меня», - отвечает мама, а Федулеева обнимает её, целует, и говорит: «Я так увлекаюсь уроками, мама, что становлюсь такой большой, что, думаю, что всё на свете знаю!» А мама говорит: «Ты бы погуляла, доченька», а Федулеева отвечает: «Когда же гулять мне, мама? Я так всегда занята уроками, что гулять мне не хочется!»

- Но ведь детям нужен воздух, - говорит мама.

- Я не хочу быть без тебя.

Прозрачная ваза, наполненная водой, с высоким узким горлом, над которым склоняется головка увядющей тёмной розы, стоит на подоконнике в луче солнечного света, который извлекает из стекла искрящийся фонтанчик.

Мама вздыхает.

- Что ты, мама? - спрашивает Федулеева. - Тебе нездоровится?

Мама плачет.

- Не плачь, мама... Всё будет хорошо...

Мама больна.

- Что мама?

На блюдце слезятся кружочки лимона, один из которых тонкими неуверенными пальцами берёт мама и кладёт себе на непослушный язык, чтобы оживить его. Мама хочет что-то сказать, но вместо этого изо рта её идёт тихий стон.

Федулеевой было страшно и непонятно, как это можно болтать о чём-то, когда умерла мама.

Федулеева стоит на кладбище у холмика с крестом, наскоро сколоченным и сунутым в глину, где лежит её мама.

Во тьме с ночником жена Зварыча указала Зуеву на белые простыни, куда он и упал, сразу провалившись в небытие.

Когда Наумова, после развода со Шницером, и отправив дочку к бабушке, привезла его к себе и положила на себя, и Зу-

ев, отвердев и зайдя куда надо по-хозяйски, воскликнул, как замечательна пещерка твоя, то Наумова хихикнула, мол, у всех всё одинаково. И после того, чтобы сперматозоиды не пошли куда надо, схватила на глазах у Зуева клизму, набрала в неё раствор марганцовки, и запустила мощную струю туда, откуда только что выскочил финишировавший Зуев.

Теперь же рука Зуева скользнула по животу Федулеевой, которая неизвестно когда плюхнулась голая рядом и лежала теперь почти неподвижно, а пальцы Зуева вошли в лесочек и тут, сверкнула молния и железом по мозгам ударил гром, его пальцы наткнулись на что-то прямое и затвердевшее, херос, ужаснулся Зуев, потрогал его, услышав шепоток Федулеевой, ниже, чтобы шёл ниже, да, у Федулеевой был почти мужской огромный член, только не полноценный, а клиторически сымитированный ошибкой проектировщика, и когда Зуев нашёл то, что нужно мужчине, вошёл своим фаллосом в отверстие Федулеевой, её член упёрся Зуеву в пупок, раззадорив Зуева не на шутку, и он с энергией молотобойца, владея в совершенстве своим отбойным молотком, принял что есть мочи долбить туннель Федулеевой, дабы дать ей невиданное счастье оргазма в зачатии, зачатия с оргазмом, ай да небывальщина, ай да сады семирамиды!

Зуев слышал нервный голос своей жены, Наумовой, расспрашивающий звонившую, кто она такая, и зачем ей нужен муж. Потом позвала Зуева к трубке, съязвив о какой-то новой подозреваемой, назвав её «очередной». Звонила секретарша уточнить, с какой страницы начинать перепечатку новой методики, разработанной профессором Зуевым. Пока он объяснял, что надо делать сначала, а что потом, жена сидела на краю широкой кровати и неотрывно смотрела на него.

Зуев лёг и сразу заснул. Но проспал недолго, потому что жена молотила пол деревянными каблуками так громко, что,казалось, она всё ещё молодая, хотя ей было 68 лет, и всё работала, и пенсию без московской надбавки получала, и что это не женщина ходит, а кто-то специально забивает гвозди, чтобы насолить Зуеву.

юрий кувалдин

Спустя четверть часа Зуев перевернулся на другой бок, когда хлопнула входная дверь, ушла жена на работу, зевнул, надумав как следует высстаться, поскольку вчера в отделе просидели допоздна, а сегодня взял библиотечный день. Только он сошмкнул веки в сладком ожидании морфея, как зазвонил этот проклятый телефон. А Зуеву-то уже не двадцать семь, а семьдесят два, но в мозгах сидят не просто 27, а и пятнадцати лет не даш! Вот в чём дело.

Наумова бежит сначала в парикмахерскую, потом на станции метро видит шагающего Зуева, он же сказал, что у него библиотечный день, что он весь день будет дома, прячется от него за колонну, чтобы не заметил, как она застукала его. Поехал к бляди какой-нибудь, думает она.

А Зуев едет к коллеге Зварычу помочь ему грузить вещи. Тот переезжает на новую квартиру. Но вместо новой квартиры сидит лоб в лоб с Федулевой и пьёт водку, мешая её с портвейном и вермутом. Хорош, ничего не скажешь! Сколько лет в это время Зуеву? Он и сам не знает, хотя одной дочери уже 43, а другой 39, и у обеих по студенческой внучке.

В это время Наумову, жену Зуева, закрывает в кабинете восьмидесятилетний президент компании, рыжебородый припиздень, и плавно укачивает её во всяческих немыслимых позах до судорог, и в процессе этого всемирно-исторического удовольствия Наумова всё время представляет, как Зуев в экстазе натягивает какую-то сисястую блядь. У неё смешение оргазма с ненавистью к мужу.

НОВОЕ НЕБО

Взял бутылку, ёлку и лампочки, вышел из подъезда, закурил, подумал, и пошел к Москве-реке, от меня рукой подать, очень широкой в этом месте, прилёг на берегу на снег и устался в звёздное небо.

Смотрю на новое небо, потому что у нас с каждым 1 января всё новое, и думаю.

Не смотрю по сторонам просто так, я всюду вижу слова. Смотрю на небо - вижу слово «небо», смотрю на голубя, сидящего на карнизе - вижу слова «голубь» и «карниз». Иначе говоря, писатель есть такой человек, который видимое превращает в слова, потом эти слова прокручивает в стиральной машине операционного устройства под названием «мозг», просушивает на верёвках текста, гладит утюгом горячего вдохновения, чтобы получилось нечто, обозначаемое словом «рассказ» (или «роман», кому как угодно).

Смотрю на зимнее небо нового поворота и думаю.

Матерный, канцелярский, мадридский, рабский, матросский, сеульский, театральный, берлинский, судебный, журналистский, нью-йоркский, шахматный, каирский, сакральный, футбольный, элитарный, казанский, полицейский, парижский, иерусалимский, московский, юридический, рижский, художественный, царский, херсонский, литературный, фараонский, королевский, компьютерный, варшавский, имперский, пекинский, блатной и т.п. и т.д. - коммуникативные знаковые разновидности, на глазах сливающиеся в один язык человечества.

Иным часом при углублении в себя у меня рождается мысль, что жизнь представляет собой литературное произведение, закрывающее покрывалом всё безумие мелькающей и исчезающей по законам таблицы Менделеева так называемой реальной жизни, и я принимаю эти свои догадки как аксиому, но лишь для меня самого, поскольку люди не выпрыгивают из своих тел и своего времени, твёрдо веря в то, что они и есть

единственное и возможное олицетворение жизни, поскольку никогда не согласятся с моими рассуждениями, что действительность недействительна, и что жизнь осуществляется только в тексте.

Человек даже не замечает, как огораживает сам себя. Он идёт в толпе метро в собственной огородке, не замечая никого вокруг, и даже не здороваются, как говорил Шукшин, первое время в Москве здоровавшийся с каждым встречным, но потом привык и перестал. В который уже раз вижу, как меняют металлическое ограждение газонов у дома, раз в пятый, наверное, за пять лет. К подъезду низенький заборчик не подвели, довольствовавшись лицевой частью со стороны дороги. У подъезда на стуле, который выносит с собой, ибо скамеек здесь нет, чтобы не привлекать посторонних, сидит старушка и с сожалением спрашивает: «А что это нас не огородили?»

Смотрю на прощальное и встречное одновременно небо старины и новизны между 2015 и 2016 годами и думаю.

Тут по радио заиграли 3-ю симфонию Брамса.

И под неё, Господи, так это незаметно приблизился ко мне Григорий Блехман, чьё 70-летие мы отметили в уходящем году! Да не один подошёл, а с Блоком! С Александром Александровичем! Ну, на троих у нас дело пошло веселее.

- Григорий Исаакович, а Блок сам разговаривать может? - спрашиваю я, не в состоянии отвести взгляда от совершенно белого носа Блока, от его белых глаз, от его белого лба, от его белых губ, от всего белее белого лица, и не только от лица, от всего его белого, снежного.

- Конечно может, - отвечает Блехман и, обращаясь к Александру Александровичу, просит: - Прочтите наше.

Что-то заскрипело, загудело, как будто заработала музыкальная машина, и глухим замедленным голосом с басовыми интонациями Блок, снежно улыбнувшись, заговорил:

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном - туман.

новое небо

Где твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.
Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ - победно и влюбленно -
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Чёрный, тихий, как сова, мотор,
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бойочных часов -
Бой часов: "Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..."

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа - тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В пышной спальне холодно и странно,
В пышной спальне - ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! - Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

У написанного разное время. Произведение, читаемое современниками, совсем не то, которое прочтут лет сто спустя. У книги и у читателя время не совпадает. Книга скользит по времени, оставляя читателей далеко позади, встречая новых. Вот почему в старых книгах мы видим намного больше, чем видели в них современники. А некоторые книги читаются вслух в Храмах Книги, потому что они совсем потеряли счёт времени, как бы доказывая очевидную истину, что времени вовсе не существует. Оно есть только у современников автора, привязанных к реальностям и условностям только своего времени. У художников время отсутствует, потому что они говорят иносказательно, говорят притчами.

Доходит до моего слуха, что меня ругает такой-то. Ну, и пусть ругает. Потом я слышу, что другой меня сильно хвалит. Ну, пусть хвалит. Третий сообщает, что меня умышленно замалчивают недобитые совки, сложившие совесть за зарплату, потому что если они не будут получать зарплату, то литература погибнет. Ну, и пусть замалчивают. Главное, не углубляться в домыслы, почему тот меня ругает, другой хвалит, а третий замалчивают. Всё это лишь свидетельствует о степени моей известности и значимости. Год от года этот ком мнений постоянно нарастает, сливаются в единый голос, в сплошной гул. И я буду рад, когда через 500 лет скажут, что за свет теперь будет платить не Пушкин, а Кувалдин.

Что со мной случается? А то, что всё вокруг случайно. Сошлись случайно, следовательно, я есть случайный в этом слу-

чайном мире. Всё, оказывается, зависит от случая сочленения Его и Её. Некоторые стараются от случайности уйти в пресловутую закономерность, которую выводят задом наперёд, сплетая свои случившиеся уже в прошлом случайности в некую правильную или неправильную судьбу. Но судьба - итог случайностей, а не будущее. Пей чай и слушай, и будет тебе слухай. Так что не стоит сопротивляться слухаю, его сладкому обаянию, помня постоянно при этом, что ты сам слукаен.

Москвичи запасаются дровами. Нет газа. Нет электричества. Нет воды. Нет бензина. Нефть кончилась. Машины стоят на приколе. И печей нет. Квартиры не приспособлены для печного отопления. Греются у костров во дворе. Подбрасывают дрова в костёр, чтобы не гас. Варят пищу на костре, чтобы не околеть с голоду. Но и дрова скоро кончились. Сжигают всё, что горит. Подумали москвичи, подумали, не знают, что делать. Потом интуитивно потянулись огромными колоннами с детьми, собаками и кошками на Юг, кто в Сирию, кто в Израиль, кто в Египет. Вход в Египет. Там, сказали, печи не нужны, там необходимы холодильники.

Очнувшись вечером надо мной декабрьская луна, причём отучилась тучами, но они её не скрывали, а только краешками касались, как бы боясь заслонить от моего взгляда, а я стоял на высоком холме над замёрзшей рекой, вдоль которой зажглись белым светом фонари, делая снег ещё белее, но это не мешало ярче яркого светить луне, чудо читалось в заоблачном лице, лучи от него серебрились венчиком, лучшее чувствует счастья участие, иначе часы очищенья напрасно потрачены, точно в отчаянье плачет отличница, предновогодняя луна, ученица земного объятия, врачует вечера.

Смотрю на луну во всех отношениях новую и совершенно непринуждённо думаю.

Пассажиров привлекает внимание вошедшая почти полуобнажённая парочка, обнимающаяся и целующаяся. Все оголённые места и на мужчине и на женщине испещрены синими наколками, как будто их только что выпустили из тюрьмы. А

они себя чувствуют актёрами, и всячески подчёркивают свою игру в пьесе из жизни московского дна. Не жизнь, а сплошные театральные эффекты! А вот по вагону идет совсем юная девушка с огромным животом, и без всякого стеснения, как будто только что вышла из одной кулисы и идёт по сцене к другой, жалобно просит помочь на содержание её будущего ребенка. Сочувствующих в вагоне не оказывается.

Смотрю на старое, как мир, небо и думаю, что оно новое.

Первые свои произведения я писал чернилами перьевой ручкой. Довольно часто из-за того, что я хотел быстро фиксировать свои мысли, коих у меня к 10 годам скопилось уже достаточно, с кончика металлического пера соскачивали кляксы. Какое архаическое и ласкающее слух слово «клякс»! Это всего лишь калька с германского слова «klecks» - капля (пятно). А ведь в ту пору оно было в большом ходу у нас в школе, больше похожей на армейское подразделение, поскольку мальчики носили солдатскую форму, только серого цвета, и фуражки с фибровым козырьком. Так вот у меня на гимнастерке и на брюках появлялись такие же чернильные пятна - кляксы, уже в ту пору говорившие о моем пристрастии к писательству.

Смотрю на новогоднее небо и думаю об архаическом российском Рождестве, встроившемся задом наперёд в придуманный календарь, чтобы было только поперёк цивилизованной Европы.

Не понимаю, как люди узнают человека, которого не видели 20 лет. Они о нём никогда не думали, не вспоминали, потому что давным-давно учились или работали где-то вместе. Но где? Этот вопрос не существует. Важно другое, как это знакомое лицо именовалось. Да и он проходит мимо, едва замешкавшись, в глазах сверкнула искра. Тоже узнал, но не понял, кого узнал. Я это говорю к тому, что частенько сталкиваюсь в метро или на улице с подобными лицами. И они вроде меня узнают, и я их узнаю. При этом ни подходить к ним, ни выяснять подробности давнего знакомства не возникает никакого желания.

В изоляции можно перенести многое, но не отсутствие курева. Если нечего курить, то становится жутко, как будто сигарета заменяет тебе всё: и книгу, и собеседника, и собственные мысли, и даже еду. Курение обладает свойствами дела, которым ты занят и без которого жить не можешь. Для пишущего человека курение концентрирует внимание и в какой-то мере само по себе вызывает к жизни необходимые картины, в которых совершенно произвольно начинают жить не знакомые тебе до этой минуты люди. Курение подобно театральному занавесу: как только закуришь, он открывается и персонажи начинают говорить. Вместо занавеса открывается кормушка камеры, надзиратель сует пару сигарет.

Смотрю, не отрывая глаз, на небо вечности и думаю о вечном, бесконечном, первом встречном.

Мастер Трифонов в малом вечное понимая краску как угол зрения чертит линию яви явления для дали дальней не своего поколения там в отблесках перпендикулярных точно вороны взмах крыла капли воздуха нашего времени мысль свою явят в иных небесах

Художник Александр Трифонов родился 8 сентября 1975 года в Москве.

В жизни всё так быстротечно, что не успеешь насладиться молодостью любви, как уже подступила старость. Совершенно иначе дело обстоит в художественной литературе: дочитал книгу до конца, и вновь перешёл к началу. Ты молод, полон надежд, и первая любовь бежит на тебя, как на ловца зверь. Тут задержал дыхание, и несколько раз перечитываешь сладкие строки. Не оттого ль в храмах читают тысячелетиями одни и же тексты?! Выводы не делаю. Они в Книге.

Смотрю пульсирующим сердцем на новое небо и думаю глазами художника, зная, что писателю думать вредно, потому что это сильно мешает смешивать краски и красить холсты, как любил говорить художник московский дворов Коля Недбайло.

Всё качается из стороны в сторону, и даже снизу вверх, и туда и обратно, качается, поблескивая золотом грузного маят-

ника, качается небо, то уходящее в черноту, то вспыхивающее пожаром света, качается жизнь, возникающая из ничего и кончающаяся ничем, качается на волнах лодка без людей, качается насос, качающий из-под земли черную мазь для сжигания в машинах, качающихся из стороны в сторону над пропастью вечности, качается хорошее, превращающееся на глазах в плохое, качается голубь на проводах, качаются любящие, воспроизводящие качание следующих поколений, качающихся от плюса к минусу, высекая электричество любви.

Смотрю на новое небо и думаю.

Стоит в пивной хорошо одетый гражданин, тяжело дышит и бесконечно упивается в своих бессвязных монологах своим величием, до недавнего времени присущим ему. Не подойдешь! Впереди чёрная машина охраны, сзади машина охраны, с ним рядом в мягком кресле личный телохранитель. И всё время выспрашивает у собутыльников, помнят ли они, кто он такой? Тело вроде бы то же, но чего-то этому телу не хватает. И глаза на месте, и нос, только сильно покрасневший, и высокий лоб с залысинами. Всё на месте. А каким боком разглядеть в нём должность?!

Смотрю всю жизнь на небо и никак не могу насмотреться, поэтому, как только посмотрю туда, всё время начинаю думать, хотя это и вредно.

Навязчиво бродит в голове это слово - «мельница». Бесконечное вращение жизненного колеса, перемалывающего всё на свете, наводит на мысль о муке как муке. В муках меются зерна тел на мельнице вечности. Перемолоть даже камни способно колесо на земной оси. Но совершается превращение твёрдого в пыль незаметно. Вдохновляюще звучит фраза: «Жизнь хорошего помола!» Медленно пересыпаю в ладонях речной песок - это и есть мука из тел наших предшественников.

Слепой пел гекзаметром без запинки: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос...» А мы не слушаем, но в одиночестве без певца, он нам здесь не нужен, по написанно-

му читаем его текст. Недоразумение. Устное пение исчезает. Устную речь нужно записать. Но как мог слепой писать? Таких недоразумений много. Рассуждают о романе и говорят, что смотрел его по телевизору. Разве по телевизору показывали текст романа? Слепой не увидит картинку. Неграмотный не напишет совершенный ритмический текст. Кто-то стоит за кадром. Главный. Как сценарист, или как Феллини.

Смотрю на прощальное и встречное одновременно небо между старым 2015 и новым 2016 годами и думаю.

Тут подходит от моста ко мне в ватнике и валенках Александр Городницкий.

- Споём? - спрашивает Городницкий.

- Споём! - после стопки водки воодушевляюсь я.

Тихо по веткам шуршит снегопад.
Сучья трещат на огне.
В эти часы, когда все еще спят,
Что вспоминается мне?
Неба забытая просинь,
Давние письма домой...
В царстве чахоточных сосен
Быстро сменяется осень
Долгой полярной зимой...

Известная песня известного Александра Моисеевича.

Известность - это то, к чему липнут пчёлы. Они вылетают из ульев метро и несутся туда, куда указывает известное название. Я не хожу по известным названиям. Я иду туда, куда никто не знает даже как пройти. Некоторые люди там ходят, но по делу. Бездельник один я. Стою на крутом изгибе переулка у двухэтажного домика. Я знаю название не только этого переулка, я знаю названия почти всех улиц и переулков Москвы. Но названия этого милого переулка, сплошь состоящего из ладных, пригнанных друг к другу домиков, где бла-женно и одиноко стою, покуривая, прислушиваясь к шороху листвы от легкого ветерка под ногами, пригретый осенним

солнышком, я не скажу и никому никогда не укажу сюда до-
рогу.

Ну, что делать, если сам Херасков покровительствовал рас-
саднику наук. Хорошо сказал Батюшков в 1816 году, и, спустя
годы, сошел с ума. Херасков, Россияда, рассадник. Страхуйте
от русского сада. Пришёл Грибоедов, чтобы с горя написать
про ум. Николай же Васильевич Хохол, на русской земле как
Гоголь, вообще подробнейшим образом довел до нашего све-
дения «Записки сумасшедшего». В «Идиоте» не только «иди-
от» с ума сошел, но и Настасья Филипповна, и все с ума посхо-
дили (не смог я даже пересчитать бесконечное повторение в
романе господина Достоевского сочетания «с ума» - сошёл,
сошла, сошли и прочее). А уж Чехов довершил диагностирова-
ние и лечение в «Палате № 6».

Бляха-муха! Ни одной души на берегу великой заснежен-
ной Москвы-реки. Городницкий, как снег, испарился. Прило-
жился к бутылке, зажёг лампочки на ёлке.

Андрей Синявский в "Прогулках с Пушкиным" приходит к
парадоксальной мысли, что Пушкин был абсолютно пуст. Такое
высказывание тончайшего критика многих специалистов по
Пушкину, да и рядовых читателей, ошеломило. Как, Пушкин - и
пуст?! А дело в том, что все мы рождаемся пустыми, как барабаны,
и с первыми впечатлениями, выраженными словами, на-
чинаем формироваться как личности. Синявский интуитивно
почувствовал это через невероятную восприимчивость Пушки-
на к созданным до него литературным шедеврам.

И всё-таки самое лучшее встречать, зажигать и выпивать
одному. Тут уж себе волю, и оказывается, в тебе столько пони-
хино, что диву даешься, успеваешь только записывать сне-
гом по новому небу!

Как-то лежал на лесной поляне полдня в тени сосны, пере-
листал страницы умной книги, и до того вчитывался, что был
не на поляне, а в буквах книги.

Высшее наслаждение тайной жизни - быть не там, где ты
есть, а в параллельном литературном мире. Но это не главное.

Сущность полянного чтения в том, что ни одна душа не побес-
покоила меня, и даже не появилась на горизонте. Шорох тра-
вы и далекий редкий стук дятла лишь доносились до моего
слуха.

Смотрю на небо и снова думаю, потому что не могу не ду-
мать, голова кипит, как котёл с компотом из сухофруктов, кото-
рый мы пили в пятнадцатые годы.

Как только увижу тропинку, сразу сворачиваю на неё с ас-
фальта, потому что тропинка прямее квадратной геометрии
улицы, на которой стоят небоскрёбы в длину, чтобы обойти ко-
торые по периметру часа не хватит, тропинка виляет, но выво-
дит кратчайшим путём туда, куда мне нужно. Это потом догада-
ются, что тропинка удобнее угловатых горизонталей и перпен-
дикуляров планировки новых районов, и заасфальтируют тро-
пинку, чтобы народу ходить было удобнее. Так и в творчестве
ты идёшь бессознательно по нехоженым путям, прокладывая
свою тропинку, которая спустя столетия станет многолюдным
проспектом почитателей твоего таланта. Проложи свою тро-
пинку!

Смотрю на новое в своей первобытной красе небо и думаю,
как жрец фараона Яхве Моисей думал о своём новом в незыб-
лемости истин небе.

Бывают осенние сухие вечера, когда прозрачное небо на
глазах из голубого, с легкими облаками, становится синим, и
темнея до бархатистого ультрамарина, даёт возможность ста-
рым московским улицам с новыми очень широкими тротуара-
ми, выложенными основательными мраморными плитами, пре-
вращаться в сценическую площадку, подсвеченную рампой
нижних огней витрин, ярусами гирлянд окон вторых и третьих
этажей, рифмующихся с матовой лепниной карнизов и свечка-
ми фонарей, сходящихся в одну точку в перспективе.

Имение находилось в красивом месте над рекой. В этом
имении жил он. Она тоже с ним жила. Мы частенько удивля-
лись, не понимая, кто они такие, чтобы иметь такое имение.
Тем не менее, простодушно завидовали им, пригретым солнцем

случая на высоких местах иерархической лестницы. Потом они куда-то пропали, а через пару лет на их место в имении въехали другие он и она. Он сменил того, который сначала занимал это имение. Теперь и по телевизору показывают его, а не того, который до него занимал его место.

Смотрю на небо настоящего и думаю о небе вечности, которое во мне и я в нём.

Всегда с волнительным интересом читаю записи Абрама Кормана. Он очень тактично проникает за предмет, за внешние свойства людей, в самую потаённую сущность человека - в психику, в тончайшие движения души, куда способны проникнуть лишь мастера литературы. Шкатулочка с пуговицами в Харькове. И я в юности зачитывался «Жаном-Кристофором» Ромена Роллана. Через почерк чувствуешь человека, в этих буквах остаётся душа. Почерк есть стиль писателя, и не имеет значения пером по бумаге он создаётся, как писал Гоголь, стоя за кабинкой, или выстукивается на пишущей машинке, как это делал Набоков, ибо пишут не рукой, не машинкой, не, тем более, компьютером, а головой. Вот голова у Абрама Кормана - писательская.

Смотрю на новое небо и думаю вот о чём. О чём же, Кувалдин, ты думаешь в снегу у мигающей огоньками елки на заснеженном берегу Москвы-реки?

В тебе сидит одно гнетущее переживание и целый день крутит тебя, не позволяет иным мыслям перекрыть его. А нужна пауза, и не нужно стараться быстро переключиться на иной лад. Всё равно не получится, поскольку в душе действуют какие-то неуловимые силы концентрации на одном и том же переживании. Потом, спустя время, чувствуешь, как боль переживания отпускает. Весь этот период переживания ты сдерживал себя, не выпускал боль наружу, и проехал её без ущерба для окружающих. В этом твоя сила. Ты был в себе всё это время, ты молчал.

День, как звено цепи, натянутой в склепе жизни без окна в пещере сна, но ты ищешь окно на голой стене, чтобы его от-

крыть, которого нет, потому что оно должно быть, ведь без веры в окно нельзя увидеть висящие головою вниз над рекой в отражении неба хризантемы, зеркальным хлороформом усыпившие прошлое.

Долго смотрел на реку, пытаясь найти на воде название этой реки, но на воде ничего не было написано. А город как называется? Так же, как и река. Понятно. И пошёл по безымянной длинной улице, на которой дома обозначены лишь цифрами, чтобы на табличках прочитать название этой улицы, но не нашёл. Мимо проходили люди, в лица которых я вглядывался, стараясь узнать их имена. Но, как ни вглядывался в глаза и лбы, имён не узнал. Опять пришёл к реке, долго шёл по берегу, стараясь найти табличку с названием.

Московские редкости. Это к слову, что в Москве всё есть. Бескрайнее залитое осенним солнцем зелёное поле ипподрома. Вдали на дорожке девушка гарцевала на чёрном коне. Не с фасадной колоннады я в юности подходил, а задами и огордами, как ходят только москвичи, знающие все проулки и переулки, с улицы Горького подземным переходом под вокзалом на Нижнюю улицу, затем сворачивал направо на Верхнюю, с неё молодым жеребёнком перескакивал на Скаковую, каковая неизменно переходила в Беговую аллею, с которой сквозь штакетник железного забора открывалась вся эта неимоверная лошадиная страна. С удовольствием перечитывал старенький потёртую в бумажной обложке книжицу Дмитрия Урнова «По словам лошади», 1964 года издания.

Смотрю на бездонное новое небо и бездонно и бесконечно думаю.

Начинающим авторам, или неуверенным в себе людям, или сомневающимся в своих способностях всегда и прежде всего советую зайти в книжный магазин и просто окунуть взглядом тысячи книг, чтобы отрезветь, и никогда больше не писать. Литература есть дело интеллектуальное, предполагающее наличие философского художественного ума у автора, который стартует только после того, как впитает в себя хотя бы часть

вершин мировой классической литературы. Только после этого можно что-то сделать в литературе (где всё уже сделано), продвинуться хотя бы на миллиметр вперёд, сказав свое оригинальное Слово.

Подумал и понял, что литературу во многом делают Юрии. Вот Юрии навскидку и близкие сердцу моему и со мной: измаявшийся Юрий Домбровский («Факультет ненужных вещей»), раздвоенный Юрий Нагибин («Дневник»), одинокий Юрий Казаков («Трали-вали»), энциклопедичный Юрий Тынянов («Смерть Вазир-Мухтара»), мужающий Юрий Коваль («Супер-Выер»), неудобный Юрий Милославский («Укреплённые города»), пугающий Юрий Мамлеев («Шатуны»), праздничный Юрий Олеша («Ни дня без строчки») и сам по себе Юрий Кувалдин («Так говорил Заратустра»).

Великие речи тихи, потому что свободно текут по реке текста, не призывая немедленно их громогласно проталкивать в зал прилюдно, им достаточно того, что их про себя прочтут потомки. Мелкие речи гремят иерихонски со всех трибун и из всех телевизоров сразу. Бесцельный человек - не человек, а засохшее дерево, вроде бы он есть, но на самом деле его нет. Сердце вроде бы стучит, но будильник тоже стучит. Пошёл взглянуть на засохшее дерево, но его уже нет, только опилки вокруг пня по траве желтеют.

Острым лезвием ножа нарезаю тонкие дольки лимона, раскладываю веером по небольшой плоской тарелке с золотым ободком. Прозрачные колёсики со спицами, готовые покатиться велосипедиками. Притормаживаю их из чайной серебряной ложечки сахарным песком. На расстоянии ощущаю кислую сладость и вижу, как белые хрусталики становятся детскими слезинками, искрящимися в солнечном свете окна.

Смотрю на небо и думаю.

Душа его неисповедима. Он смотрит на мир снисходительно, мол, я всё про всех знаю. Но душа слагается из слов, а не из взглядов, сложенных на груди рук и отставленной ноги победителя. Слова, конечно, он всякие при жизни говорил, и да-

же их печатали в книгах. Но какой-то неуловимый рок определяет, чему сохраняться в веках, а что тут же следом за гробом автора сбрасывать с телеги времени. Вот это самое неопределенное «время» и отберёт, кого надо, без участия заинтересованных лиц и, главное, автор об этом не узнает. В этом могущество литературы.

Откликнусь ли на зов, если из подпола оргия жизни зовёт на пир любви, на этот бесконечный грех, дабы сменить эфемерные чары на пользу создания ребенка, и с ним перелететь в собственное детство, как тучка скользит с места на место, как корабли в морях ночей по звёздам ищут путь, раскачиваясь на змеиных валах мирового омута, когда будоражат душу призраки, не знаю, откликаться ли на этот зов, бросая себя в круговорот тел в природе без последней молитвы?!

Ты видишь нечто, ещё не зная что, и начинаешь выявлять это нечто, подыскивая для него слова. Вот ежедневная работа писателя - подыскивать слова. Ты уже не в состоянии расслабиться и болтать без всякой задней мысли о чём угодно, как это позволяют себе обычные люди. Ты всё время начеку, постоянно проверяешь себя на соответствие переводчика устной речи в письменную. Это две независимые языковые культуры. Устная речь обедняется, адекватно перенесенная на бумагу. А письменная речь, воспроизведимая устно, частенько кажется выспренной. Вот поэтому и приходится подыскивать слова, чтобы достичь естества и новизны в записанных словах.

Смотрю на небо и думаю.

Один в переулках брошу без тебя. На окнах цветы герани алеют. Водопроводные трубы блестят серебром. Голуби качаются на проводах. Одни за другими люди выходят из-под земли. Над лестницей входа в метро строят наконец-то крышу. Нескучаемыми шеренгами идут по мосту через реку машины. Не поймешь, где вода, а где движется река машин. На газонах началась вторая жизнь жёлтых одуванчиков. Бабье лето кончилось. Снег, не долетая до асфальта, тает в воздухе, ещё теплом под ногами. Началось лето мужицкое.

Человека всегда нужно поддержать. Человека нужно поддержать в радости. Человека нужно поддержать в горе. Лучшая поддержка человеку, сказать самому себе, помолчи. Когда молчат и не откликаются, и не лезут в душу, это и есть лучшая поддержка. Каждый человек не может вырваться из своего тела. Носит себя в футляре тела всю жизнь. Он сидит в себе одиноко и так же одиноко переживает горе и восторгается счастьем. Что проку оттого, что другие одинокие, такие же как и ты, скажут тебе: сочувствуешь?

Надо ждать, ничего не делая, или делать, ничего не ожидая? Тут дорогу подсказывает само совмещение слов: надо ждать, то есть надежда! Но, с другой стороны, можно подправить конструкцию букв в слове «надежда» так, что и в надежде будет дело, не просто сидеть сложа руки и надеяться на все возможные земные блага, а в силу способностей «деяться», совершать деяния. Конечно, здесь приплетаются паронимы «кодеть» и «надеть», и совпадения «одежда» с «надёжностью», и в этом прелесть работы с буквами. Иными словами, «надежда» содержит в себе и дело и ожидание его завершения, чтобы начать новое дело.

То, что не названо словом, того не существует. Безымянное тело не есть тело, потому что даже как тело оно не существует без названия «тело». Почему природа безымянна? Потому что при родах не имела названья. Что-то рождалось, что-то крутилось, что-то бегало миллиарды оборотов Земли вокруг Солнца. То было время сокрытия, тайны. Сами собой как бы появлялись. Потом наступило время первой палочки на камне, иероглифы, буквы. Пошла разгадка тайны. Оказывается, тайна является лишь нашим незнанием. Знанье приходит через названья. Когда туман невежества рассеется, выяснится, что сама природа создана по написанному Слову (проекту).

Смотрю на небо и выпиваю.

Поднимем настроение! Выпьем? Красненького! Или сразу долбанем бутылку на двоих? Нет, пройдем строевым шагом мимо гастронома с песней! Согласен, ведь настроение можно

поднять только в строю, в парадной колонне из ста шеренг по десять человек в каждой. И с левой ноги, правое плечо вперёд, на одного линейного дистанция, шагом марш! Запевай! Поправилось настроение? Очень. А ты говоришь, выпьем. Надо уметь поднимать себе настроение всухую.

Смотрю на небо и новую поднимаю.

Какие-то очевидные истины всё время маячат перед глазами, придерживаясь которых пройдешь поле жизни без потрясений. Если все опасности исходят от людей, то следует постараться максимально ограничить их круг, а к тем, которые всё же остаются в луче твоего внимания, относиться предельно снисходительно. Только в этом случает твоё поле жизни станет творческим, на нем произрастут прекрасные цветы твоих произведений. В противном случае люди сядут тебе на голову.

Смотрю на небо и закуриваю.

Я тебя никогда не забуду. Ты меня никогда не забудешь. Ты всё же меня позабудешь, но я-то не забуду тебя. Ты меня на рассвете забудешь. Забывать необутая будешь. Но уж я-то никогда тебя не забуду. Говорит так, как будто он уже побывал из 20 своих лет в 120, и вернулся обратно, обнаружив её там 100-летнюю возле себя. Он меня никогда не забудет. Она меня никогда не забудет. Ты меня, я тебя, она меня, он её, они всех, и все их - никогда не забудут. Я больше так поступать не буду. Дневник на стол, вызову родителей в школу, потому что ты меня забыл, встань в угол, потому что ты меня забыла!

Когда в насмешку тут и там себя во всех я вижу сам, соединяя всех в себе, я равным становлюсь судьбе всего во всём, вот фокус в чём, не отпрёшь меня ключом, люблю я быть самим собой, являясь общею судьбой, я отдан пламенным мечтам - себя я вижу тут и там, поскольку создаю всё сам.

К счастью ведёт уверенной дорогой отказ от всяческих излишеств. Все радости - призрачны, и приводят лишь к страданиям. Отказ от праздника жизни дарует тебе спокойствие и свободу. Поел кашки, посидел дома у огонька, и остался цел и невредим. Великое искусство сохранять себя. Вот поэтому

писательство есть самое безопасное дело в жизни. При условии, что при жизни ты никому написанное не показываешь. Это счастье - знать, что у тебя гора написанного на высшем уровне, но ты держишь всё это втайне. Конечно, лучше было бы рискнуть, показать. Но ведь известно, что лучшее - враг хорошего.

Когда листва облетела и деревья с кустарниками стоят голые, хорошо обламывать ветки, нависающие над узким тротуаром, к тому же отгороженному металлическими столбиками от проезжей части, по которой сплошным потоком бегут автомобили, так что тебе некуда увернуться, те самые ветки, которые жалко было обламывать летом, и под которыми постоянно приходилось тормозить, дабы не выколоть глаза, и нагибаться, затрудняя себе путь, а сейчас после ночных заморозков все мешающие ходьбе ветки отламываются с хрустом, как сосульки, легко и непринужденно, вот иду и обламываю, иду и расчищаю путь людям, чтобы ходили они с поднятой головой и никому не кланялись.

Вспомнил:

Жизнь - без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами - сумрак неминучий,
Иль ясность Божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы.
Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай...

Конец прав, потому что начала нет. Один говорит, что жизнь началась. Было то, и было это, а ещё другое было, но без конца и без начала. Другой говорит о нём. Начало говорит, что его не было. Один показал в конце начало. Жизнь говорит, что её не было. Один говорит, что прав он. Не было жизни, откуда взяться началу? Конец говорит, что опоздал к началу. Но зачем смотреть жизнь с начала? С конца она приобретает осмыщенную закономерность. Другой говорит, что жизнь кончилась. Он

говорит о другом. Жизнь не имеет конца. Конец не имеет начала. Другой говорит, что прав он. Другая жизнь не началась, потому что у неё не было ещё конца.

Вот загораются на стыке неба и земли очень далёкие огоньки, манящие к себе загадочным блеском, то ли это окна домов, то ли первые звезды, не могу разглядеть издалека с холма, на который я поднялся от конечной станции метро, увидев перед собой бескрайнюю панораму необжитой местности, по которой нога человека ещё не ступала, девственной природной местности, которую ещё можно разглядеть, если поторопиться, потому что смеркается очень быстро, и далёкие огоньки с каждой минутой становятся всё ярче.

В детстве, помню, были частые пересадки из метро на трамвай, потом на автобус, когда с родителями добирались в гости из центра на окраину. Москва кончалась на окружной линии железной дороги, из которой теперь делают большое кольцо метро. «Колизей» на Чистых прудах, где теперь театр «Современник», считался далёким от «Славянского базара». Предпочитали соседний «Метрополь», где было несколько залов, «Стереокино», здание которого когда-то сломали, а теперь там новое крыло бывшей гостиницы «Москва». Постепенно ареал расширялся, с ребятами ходили в «Форум», который сиротливо вот уже много лет стоит в ремонтной сетке на Садовом кольце, в «Буревестнике» на Серпуховке, в «Авангарде» на Калужской площади. Этим я хочу сказать, что центр Москвы очень маленький и мы везде и всюду компанией передвигались пешком.

Смотрю на небо и думаю.

Металлический скрип звёзд, узел зыби зрачков которых, как пересыпаемый песок в сообщающихся стеклянных колбах, ворожба с возвращением холодным утром, когда тепло начинается подо льдом, а на поверхности вычерчен силуэт розы, коромыслом склонившейся к линии света, призраком утром явившейся к разлучённым, лёгкой тенью скользнув в маске страсти, напоминающей бездонную ночь, напевающую песенку маленькой птички, сидящей на вороте колодца.

Великое умение снисходительно относиться к людям, которые всю жизнь так или иначе мешают тебе, приходит с годами, когда натренируешься не злиться на них, как не злишься на фонари или деревья. Как и всему другому, умению быть снисходительным нужно учиться с молодости. Занятие это утомительное, причём оно требует большого перенапряжения психики. Чтобы снять это напряжение, ты постепенно ограничиваешь круг общения. Потом отключаешь телефоны, ведь деревья и фонари не будут тебе звонить. Потом перестаешь встречаться с назойливыми товарищами. Потом как бы выпадаешь из жизни, чтобы в уединении написать что-либо, хотя бы эти строки.

Смотрю на небо и добавляю.

И нарядные бабочки, и беспечные мотыльки, и с окраской тигров пчёлы, и стремительные в немыслимых виражах мухи, и сверлящие невидимые стены своими свёрлышками писка комары, и зависающие вертолётами над солнышками кувшинок в тине пруда стрекозы, и кружащиеся под фонарём мельчайшие мошки, и тяжёлыми самолётами приближающиеся к распахнутому в сад окну майские жуки - все они вдохновляли моё детское сердце, и я беспечно парил на крылышках своих первых летающих буквок.

Меня поразил поэт, вырвавшийся на эстраду к микрофону. Чем? А вот чем. На первых порах я не мог разобрать ни слова, поскольку тот завывал в каком-то отупелом экстазе, к тому же, как я сразу понял, он совершенно не работал над своим речевым аппаратом, оттого дикция у него была отвратительная, вернее сказать, дикция просто отсутствовала, изо рта вылетал свист на шипящих и шипение на свистящих, естественно, вместо звука «Р» в зал летело размазанное «Л», а там, где надобно было высветить это «Л», возникало ватное «В». Так поэт шипел, свистел, лалакал и вавакал, пока я всё же не вник в суть его стихов, а когда вник, сразу поник от отсутствия смысла, поскольку говорилось, что березка похожа на девушку, а в избушке мать-старушка смотрит теперь телевизор.

Смотрю на новое небо и без передыху думаю.

Трамвай не открыл дверь на остановке, ибо выходит никто не собирался, тронулся на зелёный свет и свернул налево. Кроме меня в вагоне была очень модно одетая, с брошами и кольцами, надменного вида дама. Как только трамвай тронулся, она сорвалась с места и кинулась к открытой двери вагоновожатой с истерическим визгом, что ей тут нужно было выходить. Приличие исчезло, дав волю истерики этой бабы. Пустой трамвай оглушительно резонировал скандалом до боли в ушах. Круглолицая вагоновожатая stoически молчала. Когда я высакивал из вагона, чтобы не оглохнуть, до меня долетали лающие угрозы этой лахудры сгноить вагоновожатую в тюрьме или немедленно расправиться на месте без суда и следствия.

Проходим в переулке мимо серого дома начала прошлого века. Вот здесь он и жил. Почему жил? Я видел его вчера в булочной на углу. Да, нет, ты ошибся, он уже как лет пять назад умер. Ему парижский журнал отдали, он здесь его выпускал. Понятно. Я и не знал, что он умер. А я знал, он для меня как живой. В булочной, говоришь, видел? Может быть. Я тоже видел Христа на Москве-реке. Идёт себе босиком по воде и не тонет!

Он сидит чуть согнувшись, подносит руку ко лбу и молчит. До этого собеседник закончил чтение стихотворения. Своего? Известного поэта? После молчания тот, что сидит в позе мыслителя, выразительно произносит: «Что мы знаем о поэтах?» И вновь умолкает. Собеседник тоже молчит, как будто не он читал стихотворение, а кто-то за него другой. Достаточно одного хорошего стихотворения, чтобы установилась многозначительность. Вот почему я не хожу на вечера стихослагателей, которые доводят зал до бешеної ненависти к себе бесконечным чтением своих виршей с листочков, которые один за другим вытаскивают из толстой стопы, девальвируя поэзию до нуля. Хороший поэт, даже если попадает на вечер, читает вслух по памяти только одно своё стихотворение.

Смотрю на небо и думаю, сколько можно думать под открытым небом?!

Личность сама с собой находит занятия в собственных мыслях и художественном воплощении их. Практический человек, без полёта в душе, нигде не может ухватиться за красоту вечности, или хотя бы немножко понять её, пусть он беспрерывно бегает по театрам и выставкам, потому что всё время думает о доходах и расходах, следовательно, сам никак не закрепляется в вечности, потому что деньги не только не пахнут, но даже не имеют ни имени, ни фамилии.

После выступивших поэтов Занозина, Стрункина, Кордебалетова, Отважникова, Горехлебовой, Столбовой, Чашкиной, до микрофона дорвался Червячков, который, завывая и грозя кому-то кулаком, скандировал полтора часа поэму: «Аляска наша». Зал громыхал поддержкой и одобрением. Затем выступил Мухоморов, который продемонстрировал оригинальную рифму в нетленной паре «галка-палка», где вместо «палки», «галку» рифмовал со «скалкой». После него Горехлебова делилась воспоминаниями о поэте Самоварове, который регулярно избивал её, и захлёбывалась в восклицаниях от своей любви к его поэме «Изба у берёзы». Потом взял слово критик Самобранкин. Он перечислил 248 поэтов, которые ему особенно нравятся, и напоследок пожелал всем писать так же пламенно и доходчиво, как пишет Червячков в поэме «Аляска наша».

Смотрю на новое небо и собираю разрозненные слова в мысли, потому что без слов мыслей не бывает.

Слово останавливает на самом себе и я не вижу материи. Я перестаю за словом «материализм», которым буквально изувечивали весь 20-й век, видеть саму материю, потому что в слове «материя» я, прежде всего, вижу слово «матер», от которого идёт «матерщина», приводящая к великой законспирированной сущности Бога, который ни при каком условии не может быть материальным, поскольку он есть Слово, которое везде и всюду первично, и способно создавать всё что угодно в любом из возможных и невозможных миров. О, великий Яхве! (имя подлинное закрыто этим эвфемизмом), - я это восклицаю, глядя на колокольню Ивана Великого.

Что сказал Каин Авелю? Не знаете? И я тоже не помню. А что ответил Авель Каину? Не помните? И я тоже не знаю. А вообще, о чём они говорили? И говорили ли они когда-нибудь? И кто первым начал спор, Авель или Каин? И потом, нужно ли было Каину что-либо говорить Авелю? И если Каин ничего не говорил, то зачем нужно было Авелю что-то отвечать ему? Нужели родители Каина и Авеля не могли их воспитать в правильном русле, объяснив, что никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах не нужно вступать в спор, потому что в споре рождается нестина: в споре рождаются враги?

У дверей вагона метро подпирал потолок высоченный широкоплечий мужчина с волнистыми длинными, тронутыми сединой волосами. Возле него готовилась выходить щупленькая маленькая женщина, едва достававшая этому гиганту до пояса, хотя и на высоких каблуках. Когда дверь на станции открылась, великан склонился так, будто собирался нырять с вышки, но все равно плечами задел притолоку двери, при этом он уже держал своей могучей рукой совершенно кукольную ручку, как я догадался, своей подружки.

Сильная вещь - влечение. Влечёт, и ничего не поделаешь. Управляется влечение не рассудком, и вообще не тобой. Если бы влечение было подвластно тебе, то и людей на свете бы не было. Все бы серьёзно для работы, для обороны с производством чугуна и стали отвлекались. Но ведь не отвлекаются. Влечёт с неукротимой силой во все времена при всех обстоятельствах. Отвлечься от влечения после его осуществления удается на короткое время для суеты сует, но опять возникает влечение, чтобы вхватку вступило с ним «от».

Скажу так, чем богаче язык писателя, тем яснее излагаются им оттенки мысли, потому что без оттенков мысль сохнет, а те, кто стремится к прямизне мысли, полагая, что чем короче он скажет, тем будет понятнее, заблуждается, ибо мысли там уже не будет, а останется одно мертвое междометие, или и того не будет, а лишь прозвучит нечленораздельное мычание. Вот из бесчисленных оттенков мысли, которая выражается только и

только словами, и родилось великое искусство, которое животное мычание превращает в развёрнутую живописную картину, равную «Божественной комедии». Равняться в повышении собственного мастерства в литературе есть на кого.

Слышу довольно часто, что за хорошим примером далеко ходить не надо. А я и не намеревался собирать чужие хорошие примеры, поскольку ситуации, время и место никогда не повторяются, и индивидуальные особенности мои будут звучать совершенно иначе, но обязательно согласуясь именно с моим характером, с чувством, с подходом, с настроением. Это называется оригинальностью, которая необходима как в жизни, так и в творчестве.

Громоподобные голоса, сотрясающие до основания зрительный зал, каждое слово произносится как драгоценность, каждый звук внятен и понятен, паузы по пять минут, округлённые до блудеца глаза, пальцы у лба, заламывание рук, падение на колени... Всё не из жизни. И для того, чтобы зритель забыл жизнь, приподнялся над повседневщиной, увидел мир с высоты искусства. И это был театр Станиславского, вызывавшего к правде жизни в тонком соответствии с психологией обычных людей! Театр переживания. Что тут за загадка? Кажется, что Станиславский сам себе противоречит. Но в этом противоречии помимо воли Станиславского родилась неожиданная для него суть, чтобы зритель чувствовал, что он в Храме, где только возвышенное и условное даёт ключ к пониманию обыденных дней наших.

Три буквы «Р». PPP. Что бы это значило? А вот что: Родион Романович Раскольников. Неужели религиозный психотерапевт Достоевский случайно пророкотал эти «Р»? Он же ведь PPP привёл к ПП, двойной букве «П». К Порфирию Петровичу, не имеющему в романе фамилии. А зачем ему фамилия, если и без того ясно, что это Понтий Пилат к которому, как к магниту, тянутся PPP. Родину романом расколоть. Преступник как Христос. Понтий Пилат как спаситель отечества. Тайное общество Нечаева. Публичная казнь у позорного столба. Экзальтирован-

ные патриотические речи во славу несокрушимой Российской империи в «Дневнике писателя».

Кто-то что-то скажет о тебе, и ты уже во власти этого чужого мнения, при этом от хорошего мнения ты воспаряешь, а от плохого падаешь ниц. Всё это относится к магическому свойству слова. Вот здесь и скрыта сущность писательства: уметь управлять словом, а, следовательно, воздействовать на людей. Чем умнее и оригинальнее писатель, тем сильнее воздействуют его произведения на читателей. Стоит лишь добавить, что для самого писателя чужие мнения равны нулю, поскольку, чтобы стать истинным писателем, нужно освободиться от чужих мнений.

В белой раковине сцены военный оркестр играет марш, который начинается с барабанной дроби, будто все зрители сейчас станут маршировать по аллеям парка. Но дробь тут же приглаживают флейты, лакируют кларнеты, возбуждают рожки, и вызывают трепет трубы. Играют марш Радецкого. О, кто не знает плац-концертов, кто не влюблялся в этот марш, тот вообще не знает музыки! Золотом клёнов сентябрь марширует. Гарцуют юноши и дамы во власти вальсов короля.

С чего начинается личность? Сразу нужно сказать о предшествии личности: с отличного изготовления устройства под названием «человек», и особенно с мощной операционной системы, называемой «мозгом». Личность проходит этапы становления с нуля, с чистого листа, до гениальности. При старте (выхода головкой вперёд из лона матери) все устройства, отвечающие знаку качества Господа, находятся в равных условиях. Дальнейшее становление личности зависит от загрузки классическими образцами, и от выгрузки вовне (Книга) своих производных ума посредством Слова, ибо всё есть Слово.

Он бегал весь день, к вечеру утомился, сел на скамейку у подъезда с очумелым взглядом и стал затравленно жаловатьсяся мужикам, пьющим пиво, сколько на него обрушилось несчастий сразу: там его не приняли, потому что не ждали, жену заметил на улице с другим, на работе лишили прогрессивки за регулярные опоздания, в школе отчитали за сына, который ку-

рил в уборной, в метро пристыдили, потому что не уступил места беременной женщине, в другом месте не дали справку, в третьем шикнули, чтобы не говорил громко... Всё это выложил мужикам, которые переглянулись и спросили: «А чего это ты бегаешь в поисках неприятностей?»

Пришлось преодолеть бесконечное число препятствий, быть свидетелем стольких свержений авторитетов и угасаний звёзд, сохранить себя от ударов справа и слева, поэтому вряд ли кто полагал, что он выживет со своей неподъемной творческой чашей уверенности в собственных силах. Но современники об этом не задумывались, им плевать было на него, сделанного из того же, как полагали они, теста, что и они. Тело его исчезло с лица земли незаметно. Современники же ещё более незаметнее разошлись по своим могилам. Прошло время. Новые современники его чаши, а не тела, пили из этой чаши бессмертия, и никак не могли напиться. Чаша была бездонна.

Хочу погрузиться в счастье, но не простое, а особенное счастье, а она сомневалась в своем великом счастье, что ж, пусть жизнь приносит людям счастье, хотя ни злато, ни чины ко счастью не ведут, лучше женщине составить счастье мужа, а ему бы собственное супружеское счастье, тогда уж с каким счастьем прижму я любимую к моему сердцу, но помня при этом - дурная примета пробовать счастья два раза сряду, а она думала, чего бы не сделала для моего счастья, счастья! счастья! пока жизнь не прошла, и с Новым годом, с новым счастьем! - она же хотела только любви и счастья, и восхищалась мною и повторяла, что около меня даже пахнет счастьем.

Если речь не придерживать в берегах правил, то она расползётся до такой расхлябанности, что, написав слово «стокан» (именно через «ко», как любят произносить приверженцы известного напитка в подворотне), читали бы «што хан», при этом делая вопросительную интонацию (?). Если подобное произошло с английским языком, где пишут одно, а читают, коверкая, другое с какими-то уловками открытых и закрытых слогов, с этим бездарным «The», которое неизвестно как кто произносит,

то «Зе», то «Фе», то «Тсе», том языке изуродованной латыни, искусственном языке, о котором Бернард Шоу писал: «Англичане не уважают родной язык и упорно не желают учить детей говорить на нем. Написание слов у них столь чудовищно, что человеку не научиться самому произносить их. Ни один англичанин не откроет рта без того, чтобы не вызвать к себе ненависти или презрения у другого англичанина», то почему бы подобному не произойти с языком родных болот и осин?!

Все люди трудятся, а он ходит и думает. Его труд давно прошел, и в силу немощности он теперь вынужден обдумывать загадочность жизни среди новой рабочей силы, произведённой «в поте лица своего» для последующего явления в родильном доме. Он старый, поэтому думает, а под ногами его бегают малые и не думают, а средние между малыми и старым впряглись в осуществление роста производства и подъема жизненного уровня народа, нарождающегося в связи с бесконечными родами. Вот и ходит слабосильный старик с мыслями об этом бесконечном конвейере нарождающихся, впрягающихся и исчезающих в облаках.

От стыка Яузского бульвара с Покровским через щель Подколокольного переулка вижу за Кремлём стеклянные башни, переливающиеся в солнце серебром и медью. Москва застекляется по всей окружности. Из-за каждого старинного особняка выступают стеклянные коробки, конусы и параллелепипеды. От меня неподалёку под стенами кладбища возвели стеклянный автомобильный торговый центр, больше похожий на огромный аквариум, где рыбками будут машинки. Жизнь идёт за стеклами, в аквариумах, при взгляде из которых и я покажусь кому-то сверкающей в стальном закате килькой.

Всё время хочется проснуться с ощущением чего-то необычного. И в самом деле, просыпаешься в новом дне, очень не похожем на прошлый, потому что он именно новый, а не вчерашний, и даже, замечу, не позавчерашний. Новый день родился чистым листом. Вчера ликовали, горевали, танцевали, играли, работали, гуляли, как будто вчерашний день был вер-

шиной твоего творчества, твоего невероятного вдохновения, когда ты поставил финальную точку на своём «нетленном» произведении... Так это серьёзно и строго. Всё остановлено! Можно лежать и отдыхать! И вдруг перед тобой как ни в чём не бывало является новый день. Зачем?! Ведь так было хорошо на пике остановленного времени!

Прошлое ещё не пришло, стук часов, каблуки стучат за спиной, ветер, стук листового железа на крыше, дождь стучит по навесу подъезда, в подвале стучит отбойный молоток, стучат грузовики при проезде лежачих полицейских, вундеркинд стучит по клавишам фортепиано, кастрюля с кипящей картошкой стучит крышкой, пар, красный трамвай, свет жёлтый в окне, старое кладбище, светофор, цвет золота в лужах, ода почтовой открытке, реставрация поцелуя.

В юности я выходил на сцену клуба милиции и читал наизусть прямо в зал, громко, чтобы сидящие поняли, что это не только меня, но и их касается. Читал с повышенной интонацией. Читал Бертольта Брехта «Посещение изгнанных поэтов»:

Когда - во сне - он вошел в хижину
Изгнанных поэтов, в ту, что рядом с хижиной
Изгнанных теоретиков (оттуда доносились
Смех я споры), Овидий вышел
Навстречу ему и вполголоса сказал на пороге:
"Покуда лучше не садись. Ведь ты еще не умер.
Кто знает,
Не вернешься ли ты еще назад? И все пойдет
по-прежнему, кроме того,
Что сам ты не будешь прежним". Однако подошел
Улыбающийся Бо Цзой-и и заметил, глядя
сочувственно:
"Любой заслуживает кары, кто хотя бы однажды
сказал о несправедливости".
А его друг Ду Фу тихо промолвил: "Понимаешь,
изгнание
Не место, где можно отучиться от высокомерия".
Однако куда более земной,

Совершенно оборванный, Вийон предстал перед ними
и спросил: "Сколько
Выходов в твоем доме?" А Данте отвел его в сторону,
Взял за рукав и пробормотал: "Твои стихи,
Дружище, кишат погрешностями, подумай
О тех, в сравнении с которыми ты - ничто".
Но Вольтер прервал его: "Считай каждый грош,
Не то тебя уморят голодом!"
"И вставляй шуточки!" - воскликнул Гейне.
"Это не помогает, -
Огрызнулся Шекспир. - С приходом Якова
Даже мне запретили писать".
"Если дойдет до суда, -
Бери в адвокаты мошенника! -
посоветовал Еврипид. -
Чтобы знал дыры в сетях закона". Смех
Не успел оборваться, когда из самого темного угла
Послышался голос: "А знает ли кто твои стихи
Наизусть? И те, кто знает,
Уцелеют ли они?" - "Это забытые, -
Тихо сказал Данте, -
Уничтожили не только их тела,
их творения также".
Смех оборвался. Никто не смел даже переглянуться.
Пришелец
Побледнел.

Я сижу у иллюминатора и смотрю на крыло, то скрывающееся в свинцовом облаке, то выныривающего из моря в ослепительный отблеск солнца. Я скользжу по нитке воздуха, втягиваемого в трубу двигателя вентилятором, пролетающего через камеру сгорания, и тут же вылетающего из некрасивого термина «сопло». Я - Емеля, катающийся на печке, ибо всё, что ездит, плавает и летает, работает по принципу двигателя внутреннего сгорания - ДВС. Велосипед, самокат, санки, телега? Их приводит в движение человек, а он... Даже человеческое тело представляет собой ДВС, как и все прочие живущие тела и не тела, включая интернет, Землю и Солнце.

Конечно, раз пел Городницкий, то без Бачурина тут не обойтись. С бугорка заснеженного спускается в вязаной шапочке, и сразу объявляет:

- Ни для кого петь не буду, только для Кувалдина!
  - А где Кувалдин? - спрашиваю я.
  - В книге! Кувалдин живёт не в жизни, а в книге...
  - В тексте, - поправляю я Бачурина.
- Тот смеётся, мгновенно опрокидывает рюмку и говорит:
- В нотах!
- И поёт:

Кружится снег, но еще, наверно, будет весна.
Поезд ушёл, на другой билетов нет.
Что ж, ангел мой, для любви жизнь бывает тесна,
Но не спеша наша песенка с тобой,
Есть еще один куплет.

Всё про любовь, только всё, что про любовь - не про нас...

Мир возник с первой буквой. До буквы мира не было. Кто-то скажет, что мир был и до букв, но станет доказывать это только при помощи букв, сплетённых в слова. Все астрономии, физики, энциклопедии написаны буквами (знаками) - уберите буквы (знаки) останутся чистые страницы, да и те исчезнут. Кто-то скажет, что он и без букв докажет существование мира до возникновения букв. Покажет картинку, но она без слов нема. Представьте, что удаляются все слова из кино-фото-интернета, тогда попросту всё гаснет, ибо всё что есть в мире - это всё создано из букв. Электрическая лампочка потому горит, что ею управляет буква.

Насладившись холодной водкой, я встал и, переливаясь лампочками ёлочной гирлянды, пошел не спеша от Москвы-реки к подъезду.

ДВОЙНИК

- Ну, так как же по-вашему, Федор Михайлович, понимать национальность?

Достоевский не старый, моложе меня на 25 лет, ему в 1866 году в октябре (он же там живёт по "старому стилю") исполнится 45 лет, а мне в ноябре будет 70.

Почему я задал этот вопрос Достоевскому, когда мы с ним морозным днём, безлюдным днём, солнечным днём 5 января 2016 года вступили на улицу Летнюю? Да потому что Достоевский почти не понимал, что такое национальность, хотя в компьютерах уже разбирался и, сидя на втором этаже сиротского приюта, здесь, на Летней улице, довольно бегло писал на клaviатуре компьютера роман.

- Я теперь пишу только рассказы, - сказал я, предлагая Достоевскому сигарету.

- Благодарю, - сказал он и прикурил, когда я чиркнул на морозе спичкой. - Но на рассказах не проживёшь!

Я остановился, недоумённо разглядывая снежинки на его черной на ватине куртке.

- Вы всё ещё считаете литературу профессией, средством для заработка?

- А как же! - возбудился Достоевский. - То, что произведено и за что люди платят деньги как за товар, то и есть профессия...

- Вам-то зачем деньги, вы ведь теперь бестелесны, хотя и шапке и в брюках, как и я, и, по большому счёту, вы и есть я. Вот я иду и вижу вас рядом со мной на Летней улице. А вы меня не видите, потому что не идёте!

- Как это так "не иду"! - обиделся Достоевский. - Вот оранжерея на углу Ейской улицы, а вот и двухэтажный жёлтый дом в котором я писал по вашей рекомендации "Преступление и наказание". Читайте табличку.

Было четыре часа дня, но чувствовались сумерки. Солнце заваливалось за дома позапрошлого века. Небо темнело, становясь густо-синим.

Таблицу я эту знал, потому что её поставили по моему ходатайству, когда я тут лет пятнадцать назад возмущался по поводу автошколы в кабинете Достоевского и дал ход бумаге по влиятельной вертикали.

Впрочем, я же спросил Достоевского о понимании национального.

Как и прочие авторы прошлого, да и большинство нынешних считают национальность врожденным качеством, говорят о национальных генах, и о национальной крови. Для таких патриотов и таблица умножения является национальной гордостью. Я всегда всех и всюду разочаровываю - национальность можно изменить в любую сторону, её нет, как нет имени, фамилии и отчества. Они есть, но их нет.

После всяческих столкновений с невежеством и сумраком жизни слушаю волшебного Густава Малера, который превосходно понимал высокое этическое значение музыки. Это музыка, проникающая в свет, дробящийся в двойных зеркалах сознания, превращающих реальность в искусство, предназначеннное для великого взлёта над собственной сущностью. Так взлетал Федор Достоевский. А Густав Малер проник в самые сокровенные тайники моего сознания, помогая мне приближаться к самым высоким мировым идеалам. Когда ты сам возвышаешься над собой, то проникаешься вибрациями Густава Малера в его Первой симфонии, "Песнях странствующего подмастерья", "Песнях об умерших детях", в грандиозной "Песне о земле"... Но рядом с природой всегда возникал человек. Малер стремился в каждом видеть Человека, а наталкивался на дурака или на подлеца - от этого его столь неуотолимая ненависть к злу. Недаром в разговоре с Арнольдом Шёнбергом о его учениках Малер раздраженно вскричал: "Заставьте этих людей прочесть Достоевского! Это важнее, чем контрапункт". Путь Малера к Достоевскому - сложный

путь сомнений, доверчивости к ближнему и разочарований в нем. Это путь человека, говорящего о себе словами Достоевского: "Как я могу быть счастливым, если на земле есть хоть одно страдающее существо".

Елейное настроение возникает после 60-ти лет, но Федор Достоевский в эту пору не вступил. Любую тему можно подавать с отрицательным отношением, с положительным окрасом, и вполне нейтрально. Представляю себе Владимира Соловьева с мобильником в метро. Представляю себе Федора Достоевского у компьютера. Владимир Соловьев в трех речах о Достоевском не занимался ни его личной жизнью, ни литературной критикой его произведений. Владимир Соловьев имел в виду только один вопрос: чему служил Достоевский, какая идея вдохновляла всю его деятельность? Наверно, та, которую выразил на одной из своих ранних выставок художник Александр Трифонов - "Конец идеологий". Федор Достоевский так страдал, как казалось ему, за идею, что прикончил эту идею раз и навсегда. Дело не в идеях, как полагал философ Владимир Соловьев, дело в тексте, говорит писатель Юрий Кувалдин, ставящий Слово над физиологией. Главное в творчестве Федора Достоевского - Слово, которое он размножал от имени Бога, запрещенного к произношению, поэтому требующего бесчисленных маскировочных производных, эвфемизмов, все языки мира есть лишь эвфемизмы, и таким образом, обеспечивая бессмертие своей душе. Писательство есть всего-навсего умение ежедневно и художественно ставить слово к слову, чтобы получалась книга, в которой все написано перпендикулярно правилам хорошего тона. Примерная методика творчества Федора Достоевского, которому, наконец-то, открыли великолепную станцию метро, как я предрекал в 1975 году в "Улице Мандельштама", на Божедомке под стенами Театра Армии, заключается в следующем. Если все коррумпировались и чемоданами таскают откаты, то нужно деньги бросать в камин. Если все взрывают друг друга, то нужно уходить в монастырь. Если все уходят в монастырь, то нужно взрывать церкви...

- Я по совету Верочки, сестры моей, тут пару месяцев совершил "преступления" и получал "наказания", - рассмеялся Достоевский. - Муж её нанимал тут деревянную дачу, очень в архитектурном отношении привлекательную, как в Швейцарии...

- Жаль, что не сохранилась, - посетовал я, глядя на высовывающиеся за парком 17-ти этажные дома...

Мы стояли у дома 2 по Летней улице, на втором этаже которого и жил летом 1866 года Фёдор Михайлович.

Достоевский с грустью в своих голубых глазах посмотрел на меня. Да, у Достоевского были голубые глаза, как и у меня. Некоторые при беглом взгляде в помещении принимают их за серые, но мне-то лучше знать, какие у меня глаза. Такие же, как у Достоевского, а у него, как у Кувалдина.

- Купцы тут дачный рай устроили... - сказал Достоевский. - Люблино им принадлежало, купцам 1-й гильдии, Голофтееву и Рахманину... Но на даче Ивановых, сестра моя была по мужу "Ивановой", там было шумно, много молодежи, и я взял пару комнат вот в этом почти пустовавшем каменном доме на втором этаже...

- Теперь до вашей дачи, Фёдор Михайлович, мне рукой подать, - сказал я. - На метро от "Борисово" до "Волжской" 10 минут, ну и ходу минут 10.

- Надо же! - тихо восхитился Достоевский. - Мне тоже метро нравится, особенно моя станция - "Достоевская".

- У меня два Достоевских на пути: "Волжская" и "Достоевская", - сказал я.

- А я сюда на лошадях добирался, - сказал Достоевский.

- Я где-то писал, что вы по железной дороге с Нижегородского вокзала на Рогожском валу приезжали...

- Раз написали, стало быть, приезжал. Но на лошадях мне было просторнее и неспешнее. Тук-тук-тук стучат копыта, а у меня в глазах лезвие топора мелькает... Сижу, бывало, ночью при свече и слышу гудки паровозов со станции "Люблино", очень приятные гудки. Съезжу к Каткову, испорчу настроение, тот всё какие-то замечания мне выставлял, мол, про Сонечку

Мармеладову не так я что-то сказал, в переживаниях нанимаю извозчика, выезжаю через Покровскую заставу на село Карапчарово и, миновав его, сворачиваю направо на Люблино, рядом с Кузьминками...

- Я от вашей дачи на Летней улице пешком через парк Кузьминки к метро "Кузьминки" хожу...

- Да и я большой любитель прогуляться, - сказал Достоевский. - Ходил отсюда в Москву пешком. До Рогожской заставы шёл без отдыха, а уж там посижу, посчитаю покойников, привозимых на Рогожское кладбище... Эпидемия холеры была тогда... - голос у Достоевского был приглушённый, говорил он неспешно, с паузами размышлений.

Если ты меня забудешь,
Не забуду я тебя;
В жизни может всё случиться,
Не забудь и ты меня!

- И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суeta охватила его вдруг, вместо сна и отупения, - заговорил Кувалдин. - Приготовлений, впрочем, было немного. Он напрягал все усилия, чтобы всё сообразить и ничего не забыть; а сердце всё билось, стукало так, что ему дышать стало тяжело. Во-первых, надо было петлю сделать и к пальто привить - дело минуты. Он полез под подушку и отыскал в напиханном под нее белье одну, совершенно развалившуюся, старую, немытую свою рубашку. Из лохмотьев ее он выдрал тесьму, в вершок шириной и вершков в восемь длиной. Эту тесьму сложил он вдвое, снял с себя свое широкое, крепкое, из какой-то толстой бумажной материи летнее пальто (единственное его верхнее платье) и стал пришивать оба конца тесьмы под левую мышку изнутри. Руки его тряслись пришивая, но он одолел и так, что снаружи ничего не было видно, когда он опять надел пальто. Иголка и нитки были у него уже давно подготовлены и лежали в столике, в бумажке. Что же касается петли, то

это была очень ловкая его собственная выдумка: петля назначалась для топора. Нельзя же было по улице нести топор в руках. А если под пальто спрятать, то все-таки надо было рукой придерживать, что было бы приметно. Теперь же, с петлей, стоит только вложить в нее лезвие топора, и он будет висеть спокойно, под мышкой изнутри, всю дорогу. Запустив же руку в боковой карман пальто, он мог и конец топорной ручки придерживать, чтоб она не болталась; а так как пальто было очень широкое, настоящий мешок, то и не могло быть приметно снаружи, что он что-то рукой, через карман, придерживает. Эту петлю он тоже уже две недели назад придумал...

Достоевский с воспалённым и удивлённым вниманием выслушал Кувалдина, помолчал немного, концентрированно глядя под ноги на снег, затем впился синими очами в Кувалдина и торопливо стал выпаливать:

- Она держала топорик, озиралась по сторонам, ходила с ним из комнаты в комнату и на кухню, заглядывала в ванную, и все не находила ему места. Не идти же с матерчатой сумкой, ручка будет высовываться, как из пакета высовывалась на Палашевском рынке, но на рынке могут и вилы высовываться, на то он и рынок, чтобы там все высовывалось. В кожаные сумки он, подлец, не лез; укоротить бы ручку, или, как ее называют в народе, топорище; топор насаживается на топорище - топор тяжелый, металлический, а топорище изогнутое из дерева. Здесь же все тяжелое, холодное, хладнокровное.

Предвестие авангарда. А что, если просто завернуть в бумагу, сверточек эдакий сообразить, на веревочке? Спросят, а что там у вас, гражданочка? И Мила ответит, что несет к Струкову топор. В свою очередь у нее спросят: зачем она несет топор к президенту концерна? Мила ответит, что идет замочить ренегата. Это уж сущая чепуха получается. Отложив на время топор, Мила принялась одеваться. И когда открыла шкаф, то идея пришла сама собой: надеть черный кожаный пиджак и черную же кожаную юбку. И все. А топор, как положено, под пиджак спрятать.

Мила сняла с плечиков пиджак, взяла швейную коробку, села в кресло и принялась пришивать петлю из тройного шелкового шнурка к подкладке, с левой стороны груди; сначала топор примерила - весь закрывается полой пиджака, а когда придется присаживаться, то ручка-топорище проходит по бедру до сиденья стула. Он подвешивается близко к плечу, у подмышки. Мила прочно пристегала суровой ниткой петлю, вставила топорище в нее, просунула до самого топора и надела пиджак. Великолепно, хоть бы что, как будто ничего у нее и нет под дорогим, похрустывающим, как новая денежная купюра, пиджаком.

Еще без юбки, в шелковой комбинации и в пиджаке она покрутилась перед большим зеркалом: абсолютно незаметно. Главное, не волноваться, спокойно войти, осмотреть лоб и ударить по нему острием со всего маха, чтобы хруст до Красной площади донесся, как начало замочки всех этих перерожденцев, купленных за 1 (один) сникерс!..

- Ах! - вскричали оба писателя.

Писатель Юрий Кувалдин каждый день что-нибудь читает из Достоевского на ночь. Это помимо всего прочего. Обязательно. Каждый день. В течение 60 лет. Много Достоевского Федора прочитал писатель Юрий Кувалдин за всю свою жизнь. Но я такой один. Другие деньги за чтение и переписывание из пустого в порожнее получают.

Нам казалось, ослепленным перестройкой и кончиной ССР, что и эти дельцы исчезнут. Ан нет. Двадцать лет коротали время, бедствовали, но теперь опять сплотились под знаменем примитивной реставрации, засветились со всех сторон. Не размыкают круг достоевсковеды. Не в контексте литературы, а в контексте денег (премий, рейтингов, гонораров, стипендий, грантов).

Федора Достоевского похоронили 1 февраля 1881 года в Александро-Невской лавре, место для могилы в которой писателю выделили бесплатно, потому что монахи сочли за честь, что тело защитника православия будет покояться здесь.

Журнал Юрий Кувалдина "Наша улица" с памятником Федору Достоевскому у здания бывшей Мариинской больницы работы скульптора Сергея Меркурова.

Помню, зимой я ходил по комнатам музея Достоевского на улице Достоевского, прежней Божедомке, в больнице для бедных, в которой родился Федор Михайлович, и где служил лекарем его отец, Михаил Андреевич Достоевский, убитый крестьянами в своей деревне Чермашне Каширского уезда Тульской губернии, и ставший прототипом Федора Павловича Карамазова. Я писал повесть "Поле битвы - Достоевский. В углу стояла лошадка-качалка. Из маленькой комнаты вышел Достоевский. И мы разговорились. Это вошло в повесть. Достоевский вдруг вспомнил и патетично прочитал:

Стамбул гяуры нынче славят...

- Славим мы свой несостоявшийся Царьград! - продолжил Достоевский с горящим взором. - Взяли бы Царьград и был бы он столицей России! В тепле бы жили, без батарей. Гяуры - это мы, православные. Так иноверцев называют мусульмане. И больше это относится к вам, Юрий. - Достоевский просверлил меня взглядом. - Гай Юрий Кувалдин! Гаюрий, гяур!

Дальше он не продолжил. Мы говорили о литературе, которая, главным образом, художественная проза в высшей степени несет в себе нечто грандиозное, большее, чем сама жизнь. Само течение повести, которую я напечатал в "Дружбе народов", есть искусство прозы. Суть и значение этого искусства понимается в движении. При непрерывном развертывании текста за каждым словом невольно открывается тайный смысл.

Я выбросил руку вверх и звонко закончил:

А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Кто спит? Все спят? Кроме Кувалдина Гая Юрия.

Все герои Достоевского всегда кому-нибудь должны или собираются просить в долг. Такова уж социальная участь человека, закованного денежным оборотом. Через него должны обрачиваться деньги. Натурально он жить уже не может: пить из речки, есть грибы и ягоды, загорать у моря. Это и убивает в каждом новом человеке художника. Художник не включает себя в товарно-денежный оборот, а живет тем, что Бог пошлет. "Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйственной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться..."

Внимательно глядываясь в Достоевского, видишь там упрощенного и тяжеловесного Островского с его постоянными деньгами и купцами.

- Если жизнь предрешена, исход ясен, изменить движение тела во времени невозможно, то самое простое решение для успокоения души, по мнению большинства, вообще не говорить об этом, забыть, и знать, что нет конца, смерти больше нет для тебя, на том и остановись и живи, как вечный двигатель, или вообще, как советуют некоторые, молчи, впадай в нирвану, лови блаженство, будь цветком, и исчезни так же легко, как этот цветок, ибо всё равно на твоём месте появится такой же цветок, но всё же у "отключившихся" время от времени возникает зависть к тем цветам, которые становятся бессмертными и после собственной смерти - как бы размышая вслух, проговорил Достоевский.

- И как же вы, Фёдор Михайлович, полагаете, бессмертье есть или его нет? - спросил Кувалдин.

- Конечно есть, потому что оно находится вне тела человека. Человек создан как машинка временного пользования. Всё, что он запишет, то и есть бессмертие. Центр управления находится в каждом человеке, глаза транслируют в мозг картинку, считывают тексты книг, одним словом, загружаются. Каждой созданной до него Книгой человеческое устройство загрузилось, под книгой я подразумеваю всю неизменную божественную программу созданную человечеством за все времена и во всех пространствах, такая и личность выходит. Но 99 процентов даже крохи в свой компьютер не загружают, живут животной жизнью. Ибо по наследству ничего не переходит, ни буквы, ни талант, ни картинки, ни национальность... Я родился в "Славянском базаре" и назвали меня Юрий. Потом, вырастая, я стал свою душу показывать всем буквами и постепенно стал "Юрием Кувалдиным", - сказал Достоевский.

- Я тоже был чист в утробе матушки, царство ей небесное, в 37 годов померла, а меня нарекли "Федей". И я стал развиваться как Федя. Потом начал создавать вне себя, на бумаге буквами свою душу, становясь постепенно "Фёдором Достевским", - сказал Кувалдин.

- Да, Юрий Александрович, все мы под копирку созданы... Вернее, не так. Давеча я подумал, что тела выпускаются Господом в бесконечном количестве, как компьютеры на заводе... Все одинаковые... ну, с какими-то различиями, скажем, глаза у одних чёрные, у других голубые, носы разной формы... В общем, формы лепятся с некоторыми различиями, но в одной и той же комплексации: глаза, уши, ноги, руки и прочие внешности и внутренности устройства... И главное, из лона матери вылезают с уже готовым чистым диском и операционной системой, пустой, как чистый лист бумаги, пред которым вы сейчас сидите... А что вы пишете нынче? - после рассуждений о божественной копиистике тел спросил Достоевский.

- Я всё больше, Фёдор Михайлович, о Разумихине сейчас размышляю. И дался мне этот Разумихин! Не знаю, болтается он по роману неприкаянным. Я его сюю туда и сюда, а все

говорят только о Раскольникове, как о живом... - сказал Кувалдин.

- Это вы верно подметили, Юрий Александрович. Читаю я ваше "Преступление и наказание" и не вижу Разумихина, какой-то он ходульный у вас выходит. Хотя и на букву "Р"...

- Ох, Фёдор Михайлович, обожаю я букву "Р"... Рождение, Рождество, Родина... - сказал я.

- Я сейчас сам за романом новым моим сижу, за "Родиной", - сказал Достоевский. - У меня там правоверная старуха с кафедры Истории КПСС с ума сошла от свободного рождения новых государств: Латвии, Украины, Грузии... И чтобы их опять втолкнуть в Родину, пришивает петельку под пальто, и топорище просовывает в неё, и идёт мочить, как она говорит, всех изменников "единой общности советских народов"... - разоткровенничался Достоевский.

- Проблема заключается для творческого человека в неотфиксированности бытия, в таком состоянии, когда все варится, образно говоря, в одной кастрюле, такой виртуальный компот, такая всеобщая игра, где подключающиеся к этой игре (родившиеся) и выбывающие из игры (покойники) почти не замечаются. Возьми стакан воды и выплесни ее на пол. Как разольется так и разольется. Жизнь организуется только в тексте, который и становится в конечном итоге жизнью, - сказал Кувалдин.

- Писатель Юрий Кувалдин много раз в жизни наблюдал, как окружающие куда-то постоянно спешили, бежали, прыгали с места на место, и в итоге бесследно исчезали с горизонта. Я много раз повторял простую мысль: писатель отличается от бегущих и страждущих одним главным качеством - писатель сидит на одном месте и пишет. Одиночество для писателя Юрия Кувалдина великое наслаждение, когда он живет в мирах своих текстов. Для бегающих одиночество - ужас, поэтому они все время кому-то звонят, дергают друг друга, по улицам ходят, болтая в мобильник, вдавленный в ухо. Для писателя одиночество - счастье. Своя вавилонская башня - строю как хочу, - сказал Достоевский.

Вспомнил Эдика Дробицкого. Он принял в своё время художника Александра Трифонова в Союз художников. Саша где-то писал: "Игорь Снегур является организатором и духовным руководителем знаменитой "двадцатки" художников на Малой Грузинской. Среди них был и замечательный художник Эдуард Дробицкий, царство ему небесное, бывавший и выступавший на моих выставках, полюбивший мои холсты и принявший меня в свой Творческий Союз художников России".

Эдуард Николаевич Дробицкий (24 марта 1941 - 19 сентября 2007) - вице-президент Российской академии художеств, президент Творческого союза художников России, народный художник РФ, лауреат Государственных и международных премий.

На рубеже 1950-60-х годов Эдуард Дробицкий стал одним из лидеров отечественного андеграунда. В самые "застойные" времена он был избран председателем Московского комитета художников-графиков на Малой Грузинской и фактически создал творческую организацию, которая вывела из подполья неофициальное искусство. За десятилетия творческой работы он создал множество живописных и графических полотен, плакатов, проиллюстрировал свыше 100 книг, был художником-постановщиком более 200 спектаклей и фильмов. Дробицкий имеет 5 Гран-при, полученных на международных выставках, где соревнуются лучшие художники мира.

Эдуард Дробицкий просил меня никогда его не называть по отчеству, а просто - Эдиком. Да, Эдуард Николаевич даже на пороге смерти был молодым и экспрессивным. Эта экспрессия пронизывает все его работы. На холсте Дробицкого огромный лоб Достоевского вмещает топор Раскольникова.

Прохожие шли и останавливались, увидев перед собою небывалое зрелище - быстрый поезд экипажей, окруженных со всех сторон скачущими жандармами с саблями наголо! Люди шли с рынков; над крышами домов поднимались повсюду клубы густого дыма только что затопленных печей, колеса экипажей скрипели по снегу. Мне слышалось множест-

во голосов. Действующие лица у Достоевского развиваются совершенно самостоятельно и высказываются (а в их "высказываниях" заключается соль романов, один монолог Ивана Карамазова чего стоит!) независимо от автора, согласно логике того основного жизненного принципа, который является доминантой данного характера. Достоевский как бы дает каждому из них абсолютную автономию, и в результате столкновения этих автономных лиц, словно независимых от самого автора, появляется вся ткань романа. Хотя сам Достоевский, подчас, забывает о своих персонажах и пускается в длинный авторский монолог.

Сколько длилась история, на всём её протяжении люди стремились к созданию вечного двигателя, не понимая и не догадываясь, что вечный двигатель давно создан - это Слово. Оно бессмертно и нетленно. Слово вскрывает и открывает всё на свете. Но 99,9 процента людей не видят Слово, а через него пролетают прямо к предмету. Физик спорит со мной о том, что первичны его атомы, кварки и прочие "блохи" материального, исчезающего постоянно мира. Я физику, глядя в глаза, говорю: вся ваша физика бренна перед словом. Только через Слово вы идёте к своим "блошкам". Читайте, как я словом запрягу физику в карету бессмертия: "Аналогично этому столкновение нейтрино с нейтроном может дать электрон и протон, поскольку последняя реакция вызвана тем же самым взаимодействием, что и предыдущая". Видите слова? Они вначале! Через них вы попадаете на объект исследования даже тогда, когда вам кажется, что сначала вы этот объект видите. Слово стоит даже впереди глаза, впереди изображения. Фёдор Достоевский и бродяга, что ударил писателя по лицу на улице за то, что Достоевский не дал ему рубля, очень давно умерли, ушли в землю, распались на электроны и нейтрино. Но почему Достоевский живее живых, а бродяга бесследно исчез с лица земли? Ответ прост. Потому что сохранил свою душу в Слове.

Деревянный камень и железный лоб, чтоб прохватил тебя озnob. Лев Толстой пишет "Детство" пустотами, поскольку в

пустоте летает муха, а за ней с газетой бежит Карл Иванович. Пресловутое содержание не имеет смысла. Смысл имеет только пустота. Обыватель говорит короткими "смыслами" и исчезает бесследно. Федор Достоевский пишет километрами пустоты и остается памятником метафизики. Пустоты - это расстояние от одной звезды до другой. Этот краткий курс из писателя Юрия Кувалдина лежит - по крайней мере, в замысле и интенции - в чисто эстетической сфере. Писатель Юрий Кувалдин оставляет за рамками настоящего рассмотрения, может быть, самое важное - в общекультурологическом смысле - достижение России XX века: социокультурный эксперимент по имени "русский коммунизм" (1917-1991 гг.), но пока эта рана "на теле русского народа" кровоточит, тяжело, если вообще не невозможно русскому человеку обсуждать "русскую революцию" в имморальном, безотносительном к этике, пространстве.

Ни одного мига нельзя было терять более. Он вынул топор совсем, взмахнул его обеими руками, едва себя чувствуя, и почти без усилия, почти машинально, опустил на голову обухом. Силы его тут как бы не было. Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила.

Старуха, как и всегда, была простоволосая. Светлые с прядью, жиidenькие волосы ее, по обыкновению жирно смазанные маслом, были заплетены в крысиную косичку и подобраны под осколок роговой гребенки, торчавшей на ее затылке. Удар пришелся в самое темя, чему способствовал ее малый рост. Она вскрикнула, но очень слабо, и вдруг вся осела к полу, хотя и успела еще поднять обе руки к голове. В одной руке еще продолжала держать "заклад". Тут он изо всей силы ударил раз и другой, всё обухом и всё по темени. Кровь хлынула, как из опрокинутого стакана, и тело повалилось навзничь. Он отступил, дал упасть и тотчас же нагнулся к ее лицу; она была уже мертвая. Глаза были вытаращены, как будто хотели выпрыгнуть, а лоб и всё лицо были сморщены и искажены судорогой...

И тут произошла странная вещь. Милу охватила внезапная тоска. Ни с того ни с сего. Как бы черная рука протянулась и

сжала ее сердце. Мысли, бывшие в ее голове, потянулись медленным потоком, каким-то тягучим, как сметана, причем ни точек, ни запятых уже не было. Не успела Мила подумать об отсутствии точек и запятых, как воздух перед ней сгустился совершенно явственно и из воздуха соткался бородатый человек как две капли воды похожий на Федора Родионовича Достоевского без супруги не приду Щавелева Раскольников повернулся и пошел прочь в конец липовой аллеи бьюсь об заклад что придешь крикнула ему вдогонку Мила и оглянулась на точки с запятыми и абзацами.

На стуле возле каминя сидел Достоевский, покашливал и смотрел болезненным взглядом на Милу. Вдруг он вздрогнул, может быть, спасенный вновь от обморока, потому что весь XIX век падал в обмороки, а в XX веке никто не желает падать в обмороки. Итак, Достоевский вздрогнул, спасенный от обморока одним диким и безобразным видением. Булгаков почувствовал, выходя из угла и заменяя Достоевского, потому что человек никогда не появляется и не исчезает, человек вечен, играя разные роли, стирая память. Вот Булгаков почувствовал, что кто-то стал возле него, справа, рядом. Он взглянул - и увидел, как шаркающей кавалерийской походкой под своды Колонного зала Дома Союзов вошел Достоевский в роли Пилата.

Известно всей московской читающей публике, что больше всего на свете Достоевский ненавидел запах розового масла, и все предвещало нехороший день, потому что розовым маслом пропах весь Колонный зал, когда в нем был выставлен гроб с телом Иосифа Ильича Сталина. Стальная Лена или просто Ленивая Сталь. Булгаков протянул руку, ни на кого не глядя, и секретарь тотчас же вложил в нее кусок пергамента.

- Приведите его, - сказал Булгаков-Достоевский.

Через некоторое время по ступенькам, ведущим на Мавзолей, двое солдат в форме НКВД привели и поставили на балконе молодого человека в широкополой черной шляпе - Раскольникова.

- И что же вы раскалывали? - спросил Булгаков-Достоевский, по-ленински прищуриваясь.

- Сознание я раскалываю, господа-товарищи-баре, - спокойно, даже хладнокровно сказал Раскольников.

Руки Раскольникова были связаны за спиной, русые вьющиеся волосы растрепаны, а под глазами были синие круги от бессонницы.

Прокуратор Булгаков-Достоевский внезапно полысал и превратился в Порфирия Петровича, как две капли воды похожего на Ленина.

- Развяжите ему руки, - сказал Порфирий Петрович, он же Понтий Пилат, одним словом - ПП...

Зима даёт простор изображению, деревья оголив, за ними виден старомосковской улицы излом, чего не замечаешь буйным летом, листвою закрывающим обзор. Вот человек чернеет за оградой. Он памятник? Быть может, да. Он дышит, но без движений в снеге и тоске. Я подхожу. Читаю: "Достоевский". И сам себя боюсь. И убегаю по Божедомке к площади Борьбы. Оглядываюсь. Чёрный Достоевский идёт за мной с холодным топором. Трамвай стучит по рельсам и по нервам. Звенит стаканчик в бронзовой руке, приехавшего с Курского вокзала бродяги Ерофеева. Ко мне они подходят, холодом сжигая. От фонарей три тени на снегу. И рушится с фасада штукатурка. Кувалдин, Достоевский, Ерофеев. Огонь мятежный светится в глазах. Высоковольтный ток бежит по жилам, и катится по всей Москве широкой, включая электричество в умах.

Мне нравятся авторские многочисленные подходы к одному и тому же персонажу, эпизоду, мизансцене. Отличительной чертой в этом отношении у Федора Достоевского является двойной подход к одному и тому же месту. Сначала Достоевский пересказывает то, что потом показывает в развернутом виде. Это кажется просто неумением строить произведение. В сущности, так оно и есть. Ну зачем, скажите, сначала пересказывать характеристику Федора Павловича, а потом показывать, раскладывать всё то же самое по эпизодам. То есть можно

сказать, Достоевский сначала как критик пересказывает краткое содержание эпизода, а потом тот же самый эпизод подробно в режиме онлайн показывает. Конечно, показ действует не-отразимо, ты живешь жизнью героев и переживаешь точно так же, как и они. Вот отсюда вышел Антон Чехов, который никогда ничего не предсказывал, не пересказывал, не комментировал, то есть отбросил первого Достоевского, а это почти две третьих романов Достоевского, а только исключительно показывал, без всяких авторских комментариев. Сила - в примере. Из Чехова самым естественным образом вышел Акутагава, то есть соединил в своем творчестве Чехова с показом и Достоевского с его многословным утраченным комментаторством. Изредка у Акутагавы проступает через Чехова Достоевский, например, в знаменитом рассказе "Ворота Расемон":

"Автор написал выше: "Слуга пережидал дождь". Но если бы даже дождь и перестал, слуге, собственно, некуда было идти. Будь то обычное время, он, разумеется, должен был бы вернуться к хозяину. Однако этот хозяин несколько дней назад уволил его. Как уже говорилось, в то время Киото запустел необычайно..."

Самое Достоевское здесь: "Автор выше написал". Эта фраза говорит о религиозном понимании текста Акутагавой вслед Достоевскому и Чехову. Каждый человек есть Бог. Только он боится это понять, быть Богом и сказать об этом всем. Близок к этому невозможному для человека пониманию Юрий Арабов, пронзивший меня сценарием лучшего фильма, который я когда-либо видел, "Господин оформитель", и соединяющий Чехова с Достоевским в своей прозе, к примеру, в экзистенциальном романе "Биг-бит" с Чеховской последней фразой: "Луч, задержавшись у границы мироздания, побежал дальше, так, что даже Эйнштейн не мог бы его догнать". Помните "небо в алмазах"?

Текст создан для индивидуального погружения сочувствующей души. Искусство занимается недозволенным. Коротко говоря, я сам занимаюсь тем, о чем не говорят вслух. Моя "Родина", мои "Юбки" - это то, что есть Бог, чем он занимается и где

его искать. Бог, который, как гвоздь, вкоточен в каждую букву, в каждое слово, не говоря уж о фразах и языках. Языки - это видимость, это всего лишь несогласованные ветви одного имени Бога, которое страшно и величаво, как колокольня Ивана Великого, которая всегда стоит и будет стоять. Я вспомнил в связи с этим тот момент, что в обрисовке людей "петербургских углов", в портретировании целой галереи мелких типов Федор Достоевский опирался на пушкинского "Станционного смотрителя", как художник Александр Трифонов опирается на творчество Казимира Малевича, а писатель Юрий Кувалдин опирается на творчество первых жрецов фараона, знаками отделивших животный мир от божественного, метафизического. Тема "маленького человека" и его трагедии нашла у Достоевского новые повороты. Войдя в кружок Белинского, где познакомился с Иваном Тургеневым, Достоевский "страстно принял все учение" критика, включая его социалистические идеи. Как-то на вечере за чаем с ромом у Белинского он читал главы повести "Двойник" (1846), в которой впервые пошел по стезе шизофрении, которая у меня в "Родине" доминантная, дал страшный анализ расколотого сознания, предвещающий его великие романы. Повесть, сначала заинтересовавшая Белинского, потом его разочаровала, и вскоре наступило охлаждение в отношениях Достоевского с критиком, как и со всем его окружением, включая Некрасова и Тургенева, высмеивавших болезненную мнительность Достоевского. Они не доросли до того, до чего дорос Федор Достоевский и перерос писатель Юрий Кувалдин. Я представляю себе вечер моего чтения вслух собравшимся моего романа "Родина". Буду читать без отдыха 24 часа! Я написал "представляю", но я этого представить не могу. Толстого отрешили, а меня бы четвертовали. Священник Александр Мень говорил мне, что даже высокие чины церкви не знают Бога, не знают его имени, не знаю происхождения языка.

- Вот тут у этих дверей конного двора я стоял... Обдумывал букву "Р". Сплошная Россия с топором... А двери-то хорошо сохранились... Да-с, хорошо, - сказал Кувалдин.

- Россия - это Родион Романович Раскольников? - поинтересовался Достоевский, глядя на белую дверь с арочной притолокой конного двора усадьбы Люблино.

- В "Р" это всё и вкладывал... Порфирий Петрович, Родион Романович... Россия бьёт по чём зря соседей, а сама никак не получит наказание, - сказал Кувалдин.

- Мощная метафора: Россия-Раскольников!

- Мне ж 45 годов скоро, 30 октября нынешнего 1866 года. Надо поспеть и туда, и сюда, с "Преступлением" и с "Игроком"...

- Так вы родились 30 октября? - уточнил Достоевский.

- Именно так-с, 30 октября, - сказал Кувалдин.

- А у нас стили поменяли и определили ваше рождение 11 ноября, ближе ко мне, - сказал Достоевский. - Я 19 ноября рождён.

- Как поменяли?! - удивился Кувалдин.

- По Европе сверили даты, - сказал Достоевский.

- Но я же не рождался 11 ноября! Записано ведь - 30 октября!

В "Славянском базаре" на Никольской жил Достоевский. На Божедомке жил Кувалдин. На Малой Дмитровке во многих местах жил Чехов, и ещё в "комоде" на Кудринской. Кувалдин написал "Поле битвы - Достоевский". "Тут горячая идея правила всем существом, тут начинался зуд, жажда, бред, тут чесались руки, такая уж жгучая в свое время идея повела на расстрел, замененный в последнюю минуту десятилетней каторгой. Втянулся в писательство, как в наркоманию, и с невиданной горячностью, с шизофренической одержимостью гнал и гнал объемы. Да, это я с убежденностью говорю, что Достоевский страшно раздувал свои вещи ради заработка. Жизнь Достоевского пестрит фактами, свидетельствующими в пользу этого листогонства. У него горят глаза в ожидании хорошей полистной оплаты. Точно так же сияют у него глаза при увлеченной игре на рулетке! Ожидание фантастического выигрыша! И роман "Игрок" первоначально назывался "Рулетенбург". Кстати,

название "Игрок" дал этому роману издатель Стелловский. Достоевский несет роман этому "кровопийце", не застает его и по рекомендации мирового судьи Фреймана передает роман приставу части, где проживает Стелловский. Контракт же нужно выполнить! И выполнил! В срок принес", - а "Чайку" превратил в "Ворону". "Занавес, на котором была изображена ворона, открылся. В зале скрипнуло кресло. Солнце только что зашло, но было еще светло. В углу у забора Миша жарил шашлык, и острый запах разливался по всему парку. Парк принадлежал когда-то советскому писателю Н., а теперь был продан владельцу инвестиционного фонда Абдуллаеву, который за полгода возвел на месте старого дома трехэтажный коттедж по американскому проекту, с застекленной, как витрина супермаркета, террасой, с которой открывался роскошный вид на реку". Переплетения, сближения, расхождения, мотивации, интерпретации, удаления, расстояния, время, место, действие.

Сидели мы тут с Андреем Яхонтовым, говорили о Михаиле Бахтине. Я вспомнил, что он у меня незримо действует в повести "Поле биты - Достоевский". Вот таким образом. При беглом взгляде на романы Достоевского напрашивается мысль - сократить! Это говорит о сырости материала, о необработанности, о слабом владении материалом. Он выдает не готовые детали для сборки сложной машины романа, а необточные болванки, которые годятся разве что в переплавку! Но переплавкой он не занимался, некогда было, деньги нужны! Как будто они только ему нужны. Чехову тоже деньги были нужны, а как он исполнял технологические операции по изготовлению деталей! А? Спрашиваю, как? Виртуозно! Никакого текста у Чехова нет! Ты - за текстом, в живой картине, написанной великколепным художником! И при всем желании Чехова сократить нельзя. Эта мысль даже в голову не приходит при чтении Чехова, потому что ты не в слове, а за словом, повторюсь, в той реальности, которую нам Чехов - непревзойденный, гениальнейший художник - создает! У Достоевского же все мертвое, сплошные выкидыши, вязнешь в словах-паразитах, видишь фразу, текст. Что же

находили в нем все эти баухины? О, тут все ясно, как белым днем: наличие противника! А ныне противника нет, он рухнул, исчез, растворился! Поэтому художники остались такие, как Чехов, а борцы с кем-то и с чем-то умерли! Всякие там "ГУЛА-Ги", "Бесы" - дань времени и ныне могут представлять лишь научный интерес. Очень прискорбно. Достоевского читать - это читать Канта, Шопенгауэра, Хайдеггера... Он с ними, он их. Он по ошибке попался в сети художественной прозы. Вряд ли я встречу в жизни человека, который бы от корки до корки прочитал все его вещи. Сам я это сделал по мере выхода полного собрания, но с таким усилием воли, которого мне хватает, разве чтобы заниматься научной работой. Поэтому смело говорю - Достоевский - непрочитанный писатель. Его не знают и, больше того, знать не хотят обычные читатели, достаточно подготовленные для понимания серьезной литературы. Он лишь на устах у нас, горстки специалистов, которых, увы, в наше время становится все меньше и меньше. Тут еще работает фактор закрытости, замалчивания произведений Достоевского в советское время. Ныне он открыт, доступен. А тяги к нему нет. И у меня кончилась к нему тяга. Особенно Достоевский вреден как образец для подражания современным молодым авторам. Они тоже не знают Станиславского, они не знают Чехова, они не знают принципа упразднения. И шпарят от первого лица, чтобы посложнее было, чтобы сам черт в их текстах не разобрался, чтобы оригинальнее было, чтобы сразу заметили критики. Слава Богу, теперь государственная кормушка захлопнулась, кормиться литературой в наше время невозможно. В настоящей литературе. В попсе можно. Сколотить капитал в стиле Чайза (скрестите Чайза с Бердяевым - будет Достоевский). В Достоевском нет загадки, как в Чехове, вот что печально. Он весь - сплошная отгадка. Он и ставит вопросы и отвечает на них!

Я не знаю, где здесь я, а где персонаж. Я есть персонаж. Авторы гуляют по тексту.

Писать нужно сразу, как только ты можешь взять ручку, подойти к компьютеру, к пишущей машинке и прочее, не отходя

от кассы. Так и пиши мгновенно: ля-ля-тополя, тополя-ля-ля... Шаткость не приносит никакого результата. Я знал многих моих сверстников, все время собиравшихся что-то написать. Собирающиеся не становятся писателями. Писателями становятся те, которые сразу пишут из одной любви к буквам и словам. Они пишут удовольствия для: ля-ля-тополя, тополя-ля-ля... Так писал Николай Васильевич Гоголь. Он смысла написанного не понимал. Умные вообще писать не умеют. Ум пугает их. Что из этого получится? Не думай, пиши. Художнику Александру Трифонову я с колыбели объяснял: не думай, делай картину. Потом думать будем. Так и пошло, и пошло. Так и у меня дело обстояло. Здравствуй, говорю я сам себе в лице писателя Юрия Кувалдина, начитавшегося "Двойника" Федора Михайловича Достоевского, от которого Виссарион Белинский дыбом встал в волосах Николая Некрасова: кончился писатель Достоевский! А это они кончились со своим реализмом. А Феденька стал подбираться к рецептуализму, но не осилил сию премудрость. Она осталась писателю Юрию Кувалдину, которой возгласил: всё - отменить - рецептуализм - искусство третьего тысячелетия! Само в себе и из себя при себе и без свидетелей: ля-ля-тополя и в другую сторону: тополя-ля-ля... Под вкусы редакторов и книгопродавцев не пишем! Помню, придет ко мне кто-нибудь из таких умников и начинает долго и нудно, раскуривая для солидности трубку, отпустив бороду под Толстого, говорить о том, что он напишет, да еще мною уже написанное критикует, говорит, что он написал бы лучше. Проходили 50-е, 60-е, 70-е... годы, но не только ничего ими не было написано, но и сами они исчезли бесследно.

- И злятся критики на вас, Юрий Александрович? - спросил Достоевский.

- А то! - любимым возгласом ответствовал Кувалдин, закурил и продолжил: - Ну вот критик Карен Степанян понимает, что о Достоевском можно писать километры, как писал километрами сам Достоевский. Это дело автора, как ему писать. Не надо навязывать ему свою волю. Не нравится, пиши сам и свое. Не

можешь километрами, пиши сантиметрами. В книге Карена Степаняна "Сознать и сказать" самый существенный момент на взгляд писателя Юрий Кувалдина заключен в проблематике первого и третьего лица. Или разговор о достоверности. Погдавляющее большинство моих вещей написаны от третьего лица. Третье лицо - это основа художественности, и момент со-здания другого человека. "Я" - слабовато для вечности. "Я" годны для мемуаров - слабенького жанра, по мнению Антона Чехова; туда же он относил и романы в письмах. Он пошел. А не я пошел. Глава "К истории повествовательных форм" напи-сана Кареном Ашотовичем Степаняном гениально, и могла бы стать основой самостоятельной книги. Кто есть "Я", и кто есть "Он"? Был ли Достоевский Достоевским? Не был ли он Родио-ном Романовичем? Замена имени меняет существо личности. Сам Карен Степанян режет слух Арменией на русской почве. Зачем он это делает? Зачем раздражает Шафаревича? На рус-ской почве он мог бы быть Григорием Степановым. И он бы не ходил по садам российской словесности с красной тряпкой "родства и национальности", которые половым путем не пере-даются, а работал бы спокойно, не выделяясь именем и фами-лией из чужого рода племени. Прибиты к фамилии словно гвоздями. Нет, чтоб переназваться в красивую какую-нибудь соответствующую среде обитания фамилию, например в Коз-ловых, Быковых, или в Барановых... Нет, ходят-бродят с при-битой в иных краях фамилией! Вон, есть же достоевсковеды Игорь Волгин, Людмила Сараксина... Правда, Георгий Фрид-лендер подкачал, а то и назло ходил так, ему бы Федоровым или Фердыщенко нужно было быть... Но это явление времен-ное. Сотрутся языки и границы. Войны идут из-за слов. Не хо-тят переназываться. Был язык один у Бога, и будет один язык в мире. А взаимопроникновение языков мы наблюдаем каж-дый день. Не тираж ли Бога затеял сам Бог, не размножает ли он одно и то же? Я есть Яхве. Он есть Яхве. Федор Достоевский сам бы мог быть Федором (Василием, Николаем, Петром...) Не-чаевым. Или Котельницким... Мать Достоевского, Мария Неча-

ева, москвичка, происходила из очень культурной семьи Котельнициких. Ее дядя, Василий Котельницикий, был профессором московского университета, поэтому надо думать, что одаренность Достоевского происходит от материнской линии, а психопатия и логорея от батюшки Михаила Андреевича, лекаря, убитого крестьянами... Тело - это одно, а Слово - совершенно другое, понукающее телом. Он же Козлов, он же Штюббе, он же Левенталь, он же Саркасан, он же Яшвили, он же Хубень Муй, он же Чурбаков... Так кто же вы на самом деле? Агент КГБ или ФБР? Советское кино про шпионов приоткрывало завесу свободного падения тела, теряющего связь со словом. И становишься без имени рабом Божьим. Достоевский Точка Ру

- И спрavedливо! - согласился Достоевский. - Я тоже в третьем лице живу. Достоевский сейчас попросит у Кувалдина сигарету, а затем предложит выпить по сто грамм...

Друзья двинулись к магазину "Магнит", что на Люблинской улице, по аллее парка.

- Красивая липовая аллея в парке Люблино, - сказал Достоевский.

- Очень красивая, - согласился Кувалдин.

В порядке действенного использования теории рецептуализма, контекст не может быть понятен, поскольку тело для всех дано одно, а названия разные. Дорогой Кант первым увидел это различие, после самого возникновения языка с матом. Бог - это материальная часть и тела и языка. Крест по диагонали рождает главный знак Бога - X. Отец, живущий опасными причудами, пишущий "ненаписанную книгу" в русле Ницшевского мировоззрения, а скорее всего высказывающий вслух в беседах с сыном мысли о гипнотической подчиненности человека богам и авторитетам, этот отец - по мысли сына: отбросок общества, потому что только отошедшие от реальных проблем, могут ниспровергать богов и себя называть богами. Отец и называет себя Заратустрой, хотя на вопрос сына: "Где храмы твои, Заратустра?", отвечает: "Мои храмы - колючая проволока, мои верующие - зэки, мои пастыри - конвоиры". Сын же в противоположность отцу

воплощает философию гордости в свою жизнь, поскольку считает всех людей только конкурентами, которых можно обойти и которых он обходит, благодаря беспримерной хитрости, тончайшему изощрению ума, расчетливости, гордости и, конечно, отбрасывая социалистическую мораль. Писатель Юрий Кувалдин продолжает делать текст, в котором он живет, в целостности всех гармонических частей. Герой его повести "Вавилонская башня" - неуемный собиратель и читатель книг врач Шевченко. Он регулярно ходит в "Книжную лавку для интеллектуалов" и покупает там книги, "новые поступления" и тащит их домой, в свою маленькую комнату в коммунальной квартире, на Второй Парковой улице. Комната его напоминает "фундаментальную библиотеку, вернее склад этой библиотеки". Там нет "места для передвижения", кругом одни книги. И даже кровать стоит в нише из книг, в "книжной арке". У него есть вычерченная им на "бумажной простыне" схема, в которую он аккуратными мелкими буквами вносит названия своих новых поступлений и имена авторов, расстилая ее на полу. Схема эта - нечто вроде Вавилонской башни, в форме конуса, с широким основанием и узкой вершиной, строение из книг, где каждая - кирпичик этой башни. В основании лежит Библия, по мнению Шевченки, "плохо написанная книга" с литературным "персонажем по имени Яхве", а дальше идут Платон, Фихте, Спиноза, Конфуций, Гоголь, Гегель, Макиавелли, Достоевский, Ницше, Толстой, Тургенев, Шатобриан, Языков, Тютчев, Ренан, Фома Аквинский, Кувалдин, Чехов, Блок, Астафьев, Сэлинджер... Шевченко живет в мире книг и в своем внутреннем мире и общается с великими. К нему в гости приходит Достоевский, и Шевченко критикует его, как какого-нибудь студента Литинститута. Писатель Юрий Кувалдин истолковывает "вещь в себе" Канта в духе последовательного превращения безъязыкой плоти в текст. Кант - это, прежде всего, текст, книга. Как и Тора, как и Евангелие, как и произведения Юрия Кувалдина, наряду с лучшими писателями: Антоном Чеховым, Юрием Нагибиным, Федором Достоевским, Юрием Домбровским и Андреем Платоновым.

Философия одиночества! По-видимому, такое сочетание слов может вызвать недоумение у специалистов, привыкших понимать философию как игру с определенным набором терминов. Но терминологическая философия умерла, поскольку не знала, что есть Бог и каково его Имя. Настоящая философия, грубо говоря, это писание текстов без руля и без ветрил, и, главное, без демонстрации этих текстов современникам, чтобы они не знали о твоем существовании. Писатель пишет для писателя, сформулировал я, и добавляю - для будущего писателя, как Чехов писал для меня. Тебя никто не знает, поэтому пиши тихо и никому не говори об этом. А в наше время тишина писания сопровождается тишиной окружения, переставшего читать, и тишиной интернета - настоящей писательской тишиной, в которой говорят Ницше, Кант и Достоевский для одного сидящего и пишущего в тишине писателя Юрия Кувалдина.

На ступеньках лестницы выпили, так, по-простому, из горышка, при этом Достоевский предложил тост "за третье лицо", Кувалдин добродушно согласился.

Люди всегда говорят о неглавном, а о главном догадываются в подтексте. Подтекст скрывает любовь в прямом понимании для зачатия... Имя Бога непроизносимо. Мат. Он занят производством человеков и текстов. Вы знаете Кто это и Что?!

Ложь - это взгляд отдельного человека на мнение окружающих. Правда - это общее мнение людей о лжи отдельного человека. На этом фундаменте формируется тип правдоискателя, борца с несправедливостью. Вот почему с началом 90-х годов, в постреволюционный период, перестали писать "советские писатели". Потому что теперь нужно самому и писать, и издавать и распространять свои книги. Для них правда и ложь заключалась в деньгах, и ни в чем ином. А то что Федору Достоевскому ныне не нужен гонорар, они как-то не задумываются. Значит, книги Достоевского издаются и живут для чего-то иного. Для чего? Существует сейчас в России колossalная свобода книгоиздания, издания всего, чего не пожелаешь. Но бор-

цам за справедливость этого не нужно. Им нужна борьба для борьбы. Борьба за должность пастуха. В этом случае я умываю руки. С пастухами мне не по пути. Лучшая страна та, где граждане не знают, кто находится на высших государственных должностях.

Юрий Кувалдин представляет себя, как завещал Гавриил Романович Державин, то царем, то рабом, то другим.

Два в одном, и они всегда борются. У Достоевского припадки. Он их облагораживает в петербургском Христе. И после Мышкина, подставляющего всем и вся другую щеку, эпилепсией награждает Смердякова. Хороший замес! Достоевский наполняет и разрывает. В "Бесах" в гроте Тимирязевского парка у озера (тогда Петровской академии) Нечаев, которому "всё позволено", убивает студента Иванова. Человек есть одновременно убийца и жертва. Достоевский почти подступил к пониманию человека как бесконечному тиражу тела. Тело - это волк, кошка, курица, амёба. В анатомичке любой студент-медик докажет почти идентичность препарированного трупа человека и свиньи. Слово делает из животного по рождению существа - человека. Причем, во всех его разновидностях: от Мышкина и Алёши Карамазова - до Раскольникова и Смердякова. Более совершенная конструкция божественного компьютера. В эросе зачатого существа Слово может превратить в какого угодно человека, пока тот не осознает свою центральность и божественность. А в этом - логос воспитанности и таланта. Интеллигентность. Уйти от мира и писать книгу.

От дворца безвестного барина, содержавшего подневольный театр, лестница спускалась к замёрзшей воде Люблинского пруда.

- Бывало, сяду на ступеньки, подумаю о "Поле битвы - Достоевский", и жить хочется, клейкие весенние листочки целовать, - сказал Достоевский.

- А деньги, пачками - в камин, в пламя! - воскликнул Кувалдин.

Великую апатию наблюдаю у многих стариков, проведших свою жизнь вне творчества. Ведь главное, в чём сходятся все

люди, это повторяемость в течение жизни физиологических действий и чувственных переживаний. Конечно, к старости эти повторения так надоедают, что уже абсолютно неважно, кто выбился в люди, а кто влечит жалкое существование, собирая алюминиевые банки из-под пива. Впереди, и очень близко, - смерть. Иными словами, жизнь последующих поколений складывается по аналогии с предшествующими. Те тоже повторяли и тоже умерли. Вот тут возникает сильное различие, скажем, между Достоевским и теми безвестными миллионами людей, которые жили в его время. Стало быть, если я напишу такие же трансцендентные книги, как Достоевский, то и моя душа сохранится для последующих поколений. И на этих книгах человечество пусть очень медленно, эволюционно, но всё же совершенствуется. Казалось бы, путь указан и ясен: пиши книги, - но только единицы следуют этому правилу, поскольку свидетелями установки памятника себе они не будут. Но Достоевский не был на открытии станции метро "Достоевская". Михаил Булгаков не увидел опубликованным "Мастера и Маргариту", а "Чевенгур" и "Котлован" Андрея Платонова опубликовали через много лет после его кончины. Самосознание индивида не равно самосознанию человечества.

Я как-то сказал, что мы вступили в пору (по возрасту), когда смерти близких, знакомых и известных людей пойдут косяком. И пошли.

Писатель Юрий Кувалдин написал: "Писать нужно было начинать с ясельного возраста. Тогда, может быть, мы и говорили бы, что гений отошел в горние выси в ночь с такого-то на такое-то. Ничего сверхъестественного в смерти нет. Это как любовь, совокупление - совершается регулярно. И каждый индивид проходит эти этапы большого пути. Только одни остаются в веках для всех прочих. А другие чёрт знает чем занимались на этом свете, не оставив никакого следа".

В этом и заключен смысл переложения души в знаки. Жизнь есть только в психике. Остальное - трава. Может быть даже забвения. Удовольствие ежедневного писания ощущает-

ся в надвигающемся неумолимо бессмертии. Рядом со мной и живее всех живых Чехов, Кафка, Достоевский... Стало быть, их душа переливается в мою душу, ибо сказано, что я создан по образу и подобию, следовательно, я - Чехов, и - Достоевский, и - раб, и - Бог. Сказано лучшим поэтом всех веков и стран Осипом Мандельштамом "У вечности ворует всякий, а вечность - как морской песок".

Вспомнил Вайду - "Всё на продажу". Человечество устроено в виде пирамиды (по уровню культуры). В основании - народ. Вверху - художники (не признанные официально при жизни, безденежные служители искусства, вроде Ван Гога, да и сам Христос, предложивший торгашам удалиться из Храма). Что может купить кучка художников? Ничего. А масса - всё. XIX век выставил культуру на продажу (покупатели были только из образованных). С полным видением другого мира, но не закрытого, а открывающегося нам с гробами летающими, с носом гуляющим, с чертами, с Плюшкиными и Ноздревыми, с несущимся в русской тройке Чичиковым! И как они все интересны читателю! Иначе тогда писать было нельзя. Я имею в виду другое. Коммерцию, что ли. Все они: и Пушкин, и Гоголь, и особенно Достоевский знали, что без запредельности книги не продать... Они и искали эту запредельность, эти летающие гробы, этих сумасшедших германнов, этих раскольниковых! Коммерция не позволяла писать уныло. Одни названия чего стоят: "Мертвые души"! "Идиот"! "Бесы"! Сами писали, сами печатали, сами продавали! Достоевский тираж "Бесов" из типографии к себе на квартиру привез. По объявлению приходили за книгой и спрашивали: "Здесь "Черти" продаются?"! Чехов говорил - не Гоголя нужно опускать до народа, а народ поднимать до Гоголя. Но экономика заставила опускать. Отсюда - голливудский ширпотреб, за которым последовали все остальные, желающие получать от искусства только одно - деньги.

Ты хочешь быть писателем? Садись и пиши! Нет, он не сядится, а начинает говорить о том, что он, конечно, сядет и бу-

дет писать, но прежде он хорошенъко обдумает, о чём он будет писать, и значительно лучше меня будет писать. Он только что в журнале прочитал мою повесть, и поэтому говорит, что такто, как я, он спокойно, одной задней левой ногой, напишет, но этого ему мало, он замахнется на создание единственного, неповторимого, нетленного романа, лучше, говорит, "Идиота". Я советую, напиши простенький рассказ. Нет, говорит, это ему не по чину. Говорил он мучительно долго, слушать его не было никаких сил. Объясняю ему, твой текст покажет степень твоего "величия", а не твой монолог. Создай свой текст и можешь удаляться. Писатель - это не говорящее тело, а текст. Достоевский же не садится рядом со мной и не разъясняет монологично, что он хотел сказать тем же "Идиотом". После того, как я сказал, что человек становится тем, кем хочет стать, я разовью мысль о том, что писатель - это не социальная функция, а совершенно автономное существование в одиноком создании своей вселенной. Для того чтобы что-то написать, нужно просто начать писать, постоянно развивая мысль, не останавливаясь на поворотах, которые, якобы, ты не запланировал вначале. Прошло 20 лет. Тот, говоривший, не только романа, но ничего не написал. И исчез куда-то в тумане времени.

Я сразу встал и начал без остановки говорить о системе рецептуализма, как будто я только что родился и передо мной в кепке и в сапогах стоял Андрей Платонов с земляным, изрытым оспой лицом, ватным таким лицом, даже как будто бабьим. Он сильно пил и постоянно похмелялся, чувствуя при этом тошнотворно себя, поэтому переставляя слова с места на место, как будто перед ним во дворе литинститута стоял писатель Юрий Кувалдин, и он все время его переставлял, то сначала напишет Кувалдин Юрий, потом Юрий Кувалдин, и опять снова здорово - Кувалдин Юрий и Юрий Кувалдин, до тех пор, пока прямолинейный, как железная дорога от Москва до Ленинграда, Александр Иванович Герцен не сошел с пьедестала, и так бронзовым не пошел на улицу Горького в Елисеевский магазин за портвейном "777". А писатель-рецептуалист Андрей Платонов

(смех в зале), настоящий мастер, вершина, образец искусства формы... У Платонова в его прозе есть то, чего не было у Достоевского, то, что было только отчасти у Чехова. Чехов пользовался в своей прозе другими приемами. Чехов пользовался абсолютным туманом и недосказанностью. Чехов - импрессионист. Но чем он близок мне, Антон Павлович, так это тем, что он враг сюжета. Вы должны все понять и понимаете, что великие писатели никогда не писали сюжета. Достоевский ради того, чтобы Катков напечатал его и ради того, чтобы его продавали, делал сюжет, но он делал его не для себя, а вот так вот... по чисто коммерческим соображениям. В сюжет он вписывал свою философию. Сюжет был у него поводом для того, чтобы автор раскрывался там как настоящий философ-мыслитель. Потому что русская традиция, великая русская литература - она сродни философии. У нас в чистом виде философии русской не было. И даже если мы читаем Шестова там или Бердяева, кого угодно... а из современных, там, Мамардашвили, то это все очень близко к литературе. Потому что там - литературный язык. И все ссылки, и все истоки философии, весь этот генезис здесь происходит от литературы. Сократ говорил, что непознанная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой. Это прелюдия организации художественного текста свободным художником. Свободный художник - это тот, которому во всех редакциях сказали: ты свободен. Страшновато быть свободным художником. Испугавшись, я стал великим писателем. Дело мое в рецептуальных сложных, даже суггестивных текстах, внушающих метафизическое бессмертие творящей душе.

Другой - это ты, только там свет не включен. Если бы свет был включен во всех экземплярах тиража, то пропала бы муравьиная сущность людей, занимать все ниши, все щели, все верхние полки, все ясли и нары на всем белом свете. А так, без света, он изобретает велосипед, ломится в открытые двери, знакомится с буквarem, нажимает кнопки в лифте и на мобильнике. Забвение - основная черта этого биологического животного, из которого очень редко получается человек. Надо по-

стоянно помнить, что человек, это животное, вылезшее на свет благодаря совокуплению мужской и женской особи, из женского лона. О тех, кого нашли в капусте, речь не веду - они для меня не существуют. Я разъединяю Слово и тело, и в 99, 9 процентах случаев с нами бродят тела, животные. Человек - это Слово. Без тела. Это: Данте, Христос, Яхве, Моисей, Кьеркегор, Достоевский, Кафка... Иными словами, человеком становятся после смерти в Слове. Писателями могут называться только те авторы, которые создают свои миры художественной прозы, не разгуливая по проторенным путям на костылях классиков. Каждое новое тело невольно становится дополнением к уже бывшему, разумному или неразумному, в зависимости от того факта, кто определяет эти категории. Когда ты сам начинаешь говорить о том, о чём, казалось бы, уже всё сказано, тогда начинается открытие еще не бывшего никогда под солнцем.

Смерть дана тебе персонально с самого начала. И все попытки продлить жизнь до бесконечности походят на пьяницу, присосавшегося к бутылке и не желающего отрываться от неё. Повторить! Наивные геронтологи! Нужно вовремя уходить со сцены. Человечество - это проволока во времени, по которой идет ток жизни, где каждый человек атом, взаимозаменяемый. Или, что гораздо понятнее, Бог - оригинал, человек - тираж. Если человеку обеспечить бессмертие (что невозможно в физике, но возможно в метафизике, в Слове, поэтому писатели не умирают, и Достоевский живее всех живых), то у него отпадут все сексуальные функции, способность к репродукциианию себе подробных. А Бог есть любовь, секс, совокупление. Смерть есть секс.

Потом мы с Достоевским стояли на берегу январского пруда.

- Страшная вещь - красота! - с металлом в голосе произнёс Кувалдин.

- Красота спасёт мир в том смысле, что прикроет навсегда имя Господа, от которого все слова мира происходят, потому что все слова есть эвфемизмы, вспышками расходящиеся от запрещённого имени Господа, и все солнца и люди созданы по

Слову Господа, и каждая копия Господа, произведенная в секулярном восторге, может стать Кувалдиным и Достоевским! - воскликнул Достоевский и добавил: - Не по форме, а по сути, не повторяя наши имена, а развивая собственные, которыми их нарекли, новые N и N!

Сын - это то, что ты не знаешь, но можешь с пятимесячного возраста загрузить Достоевским. Человек - это то, чем его загрузил отец в ясельном возрасте. Итак, сын лежит с пустышкой в губах, а ты читаешь ему первую главу романа Федора Достоевского "Преступление и наказание". Читаешь, как Иосиф Бродский читает "Рождественский роман" Евгению Рейну: "В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту. Он благополучно избегнул встречи с своюю хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйственной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться. Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его..." Сын засыпает и очень быстро во сне вырастает до тридцати лет, встает, пишет картину, изображая на ней то, что не может изобразить фотоаппарат: видения Раскольникова по горизонтальному брусу креста.

Родства биологического, физического не существует. Предчувствие неверного соподчинения в родстве высказано Джеромом Сэлинджером в первых же строках в своём бессмертном романе "Над пропастью во ржи":

"Если вам на самом деле хочется услышать эту историю, вы, наверно, прежде всего захотите узнать, где я родился, как провел свое дурацкое детство, что делали мои родители до моего рождения, - словом, всю эту давид-копперфилдовскую муть".

И вот какой-нибудь современный титулярный советник начинает выстраивать свою родословную: "Мой прадедушка был членом ЦК КПСС, а бабушка была завсекцией ГУМа и т.д. и т.п." А ты-то кто? Как кто? - отвечает. - Человек, который, как говорит Сатин со стаканом самогона в руке, звучит гордо!

Ясно, как белым днём, что биологического родства не существует. Как кровь не имеет ни имени, ни фамилии, ни национальности, ни партийности. Поди, сдай кровь на национальность! Абсурд. Но продолжают талдычить про кровное родство. Это поняли еще жрецы фараонов, написавшие, что родство существует только по Слову. Собственно, эта непреложная истина и послужила крушением наследственных династий, а следом за этим и крушением империй. В сущности, каждое новое тело должно получать самостоятельное имя, а не обозначения предшественников. Не должно быть новых Достоевский, Толстых и тем более Чеховых.

Итак, что на сегодняшний день изменилось в определении счастья? Да ничего. Как хотят, так и чувствуют себя счастливыми. Один счастлив, что устроился в подвале под трубой парового отопления, а другой - в Кремле. Лев Толстой писал о счастье. Николай Гоголь писал о счастье. Федор Достоевский писал о счастье. Юрий Кувалдин писал о счастье.

- А вы, Юрий Александрович, и есть на самом деле я, то есть Достоевский? - спросил Достоевский.

- Наконец-то до вас, Фёдор Михайлович, дошло, что я и есть настоящий Достоевский! Человек есть тайна! Её надо разгадать, - сказал Кувалдин.

Достоевский погладил бородку, сказал:

- Мир был, есть и будет однополярным. Каждое человеческое тело, вылезшее... - Достоевский покрутил головой, никого, мол, нет рядом, и успокоившись, что они вдвоём с Кувалдиным, завершил мысль: - ... из... - Достоевский опять приостановился, дабы не произнести точное и кропкое название женского места, и закончил: - матки.

Кувалдин ошеломлённо смотрел на Достоевского.

- Из... матки?!

- А что вы смущаетесь, говорите прямо в лицо каждому от домохозяйки до царя - оттуда! И Словом Господа прикрыты. Все слова, вся знаковая система как бы вверху, а снизу совершаются ежеминутные совокупления, то есть Господь, а имя его знает каждый подзaborник - имя отца и сына, вот Он испускает в матку семя, заранее спланированное в знаках, формулах соединения атомов, электронов, нейтронов и ещё не открытых частиц, которые я бы назвал "кувалдометрами"...

- Да что вы, Фёдор Михайлович! Мне как-то неудобно. Вы уж назовите эти частицы "достоэросами"...

- Ух, как вы распечатали божественность моего имени... Материальное сотворяется Словом. А некоторые недоросли из двухполлярного мира желают бить первыми ближнего кулаком прямо в физиономию, чтобы тот потерял сознание... Но сознующих во все века и во всех пространствах существует тьмы и тьмы, бесконечны сознающие себя тела, которые по разному загружают себя из метафизики, одни таблицу умножения даже не осваивают, другие становятся Шопенгауэрами, Кувалдинами...

- Ну уж вы, Фёдор Михайлович, хватили!

- Ничего не хватил... Пустое ведро как было пустым, так и будет, если в него не налить воды... А мешают наливать воду так называемые государства. Забором обнесут себя и начинают издавать учебники собственного так называемого языка... А язык в мире во все века один, язык Господа и от его славного имени - в просторечии Херос - происходят все слова мира, иначе говоря, все языки мира лишь диалекты одного языка

юрий кувалдин

Господа, а вся мировая лексика - лишь эвфемизмы от имени Господа! Все языки сходятся в один мировой язык, а государства - эти первобытные тормоза процветания людей - исчезнут тихо и незаметно. Процессы эти длительные, тысячелетние, но мы уже видим, как сначала империи свободно и цивилизованно разводятся, а потом плавно перетекают в райское общество на Земле...

- Очень медленно, - согласился Кувалдин.

Люблинский огромный синий пруд стал белым, превратившись в безбрежное снежное поле. Зелёные деревья по склонам берегов вычертись чёрными чёткими контурами на ватмане зимы. Тяжёлое цвета меди январское солнце углубило на закате небо до ультрамарина, отчего снег, светя отражённым светом, стал синим. Чёрная лестница с обрыва уступчатыми зигзагами ступеней спускается к небу, с которого поле видится морской гладью с пылающими золотом заката остворерхими крышами средневековых храмов высоток Москвы на горизонте.

Понимание счастья приходит после первого написанного абзаца, когда так называемая жизнь исчезает за поворотом. Счастье - это жизнь в тексте.

"Наша улица" №195 (2) февраль 2016

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

При разговоре о бессознательном в голове возникает туман. Как это действовать без сознания? Это, по-видимому, относится к другому человеку, поскольку в его центр управления мы проникнуть не можем, а он совершаet какие-то действия без нашего знания. У него есть своё знание, о котором мы не знаем, но хотим знать. Но в конечном итоге всё самое затуманенное бессознательное выражается в словах и не как иначе. И с точки зрения вечности бессознательное есть роман "Преступление и наказание", написанный бессознательным преступником, превратившимся в сознательного Достоевского. Бессознательное - это непрочитанное, и, тем более, ненаписанное. Иными словами, бессознательное не существует.

Полезно перечитывать Станиславского, дабы не сбиться с пути, с которого сбиваются поголовно все, кроме писателей, подобных Достоевскому, Платонову и Кафке. Вот место из "Работы актёра над собой": "Одного лоцмана спросили: "Как вы можете помнить на протяжении длинного пути все изгибы берегов, все мели, рифы?" - "Мне нет дела до них, - ответил лоцман, - я иду по фарватеру". Мало ли соблазнов в жизни! Вот и писатель сидит в тишине и пишет, то есть - ноль внимания на суetu современников. Писатель идёт по фарватеру.

Листья ёлочки кажутся иголочками, а швейные иголочки вышивают поддельные листья лиственницы, по ступенькам маленькой лестницы поднимаются шишечки хвойные, вполне достойные для самостоятельного развития, но не во время шитья, а при повторении жития маленьких иголочек, вышивающих на снежном холсте опавшие листья лиственницы, чтобы не притворялась во все времена года зелёной ёлочкой, на которой шьются настоящие иголочки.

Только в своей тарелке и стараюсь пребывать, поскольку хорошо мне в своей тарелке, но другие тарелки постоянно дают о себе знать, чтобы я побывал в чужой тарелке, а чужих та-

релок так много, что если согласишься с одной чужой тарелкой, так другие тарелки никогда не отстанут, да они и так не отстают, видя меня постоянно сидящим в своей тарелке, в которой я чувствую себя на гребне счастливого вдохновения, но чужие тарелки существуют для того, чтобы сбить тебя с волн, чтобы ты вывалился из своей тарелки и пошёл ко дну чужих тарелок на их презентации, юбилеи, спектакли, кинопоказы и прочая и прочая, ибо интернет, по их мнению, служит только для того, чтобы сгонять народ на их мероприятия.

С 200-летнего расстояния из 1815 года доносится голос Батюшкова: "Ко гробу путь мой весь как солнцем озарен..." Вот и долетел до нас Константин Николаевич. Конечно, мир два столетия назад был значительно моложе. Всяческие невероятные происшествия облекались ореолом домыслов, взращивались в неимоверных размерах ошеломительных слухов, и потом так же незаметно гасли. Впрочем, ныне происходит почти то же самое, хотя мы на два века старше. Но опять эти происшествия возникают, разрастаются и неизменно гаснут. И в 2215 году людей разнесут по кладбищам. Кроме писателей.

Всё время одни нападают, под руководством одного, а другие защищаются, под руководством другого. Когда надоедает защищаться, начинают нападать. Нападающие объединяются вокруг главаря, чтобы победить одного защищающегося, и хоронят своих погибших. И защищающиеся под руководством другого главаря объединяются, чтобы победить нападающих, и несут на кладбище своих родившихся для борьбы. Те, кто не желает нападать, заставляют объединяться с нападающими, иначе посадят в тюрьму. Защищающиеся насилино затягивают не желающих защищаться, иначе посадят в тюрьму. Так появилось государство.

В бессовестности и грубоosti большинства не стоит сомневаться, и не нужно им показывать свои достоинства, пусть они тебя считают сереньkim, таким же, как они. Это позволит тебе заниматься своим творчеством тихо, не привлекая к себе внимания. Пусть это внимание привлекают к себе, обвешенные

орденами и должностями временщики, к телам которых толпе доступа нет, ибо эти гордецы ездят с тройной охраной в бронированных автомобилях и общаются с "любимым народом" только по телевизору.

Вы хотите поговорить по душам с Бачуриным? Пожалуйста, читайте его "Я ваша тень", или слушайте, к примеру, "Дерева". Вы хотите поговорить по душам с Блажеевским? Пожалуйста, читайте его "Лицом к погоне". Вы хотите поговорить по душам с Нагибиным? Вы хотите поговорить по душам со Штейнбергом? Пожалуйста, читайте его "Вторую дорогу"... Или вы хотите пригласить их тела на литературный вечер, цена которому равна нулю, ибо тела никакого отношения к душе не имеют?! Слово для того и придумано, чтобы действовать на расстоянии, а не сталкиваться лбами в буфете.

Когда очень хочется непременно на кого-нибудь кому-нибудь пожаловаться, то следует тут же обратить взгляд на самого себя и, умолкнув, мгновенно отойти в сторону. И жаловаться самому себе, жаловаться до тех пор, пока не опротивеешь сам себе. Почему? Потому что во всём виноват ты сам из-за очень понятной и простой причины собственного появления на свет не по своей воле. Найди себя, отведи в сторонку, и пожалуйся самому себе на самого себя.

В детстве даже не знаешь, что жизнь будет и впереди, как, впрочем, ни капельки не догадываешься, откуда ты в этот мир явился. Все первые всегда новые впечатления как бы проходят перед твоим взором в очень замедленном темпе, в узнавании, в рассматривании, в удивлении, и поэтому день кажется бесконечным. Так что мнение о краткости детства обманчиво. Краткость приходит к нам с возрастом, потому что всё уже почти что знакомо, и его воспринимаешь мельком, следовательно, в старости год становится равным дню ребёнка. Детство - это замедление. Старость - ускорение.

Сначала нужно упасть, но нельзя, потому что нельзя будет подняться. Вот тут при этом "нельзя" хоть стой, хоть падай! Иными словами, для начала нужно всё запретить. Вот только

ты захотел что-то сделать, а зажигается тут же табличка "нельзя", даже подумать об этом "нельзя" нельзя, потому что человек думающий есть наипервейший враг повсеместного внедрения всеобщего "нельзя", и других всевозможных "нельзя", которые подтверждают "нельзя" для правильного применения норм "нельзя". В общем, мы вступили в эпоху тотального "нельзя". Но мы хитры и опытны, мы знаем, что за эпохой "нельзя" следует эпоха "можно".

Пришла стальная осень, сжимающая грудь, пьянящая голову. Если хочешь в тепло, иди в толпу метро, где даже не надо думать, куда тебе идти, мокрая толпа подхватывает тебя и несет к эскалатору, а потом на другой, вниз, и снова, в темпе, к битком набитому туманными тенями вагону, только что подкатившему и открывшему двери, но если ты хочешь избавиться от влажных людей, побыть одному, иди к набережной Москвы-реки, где в этот моросящий свинцовый вечер нет ни души, и лёгкая рябь воды покачивает жёлтые блики фонарей.

В конце ноября 2015 года модно одетая молодая женщина, отправляющаяся в Царьград наш, с неослабевающим вниманием следила в окно самолёта, как он медленно выруливает на взлетную полосу, и как параллельным курсом три огромных чемодана на шасси и с крыльями, набитые одеждой и обувью, чтобы каждый день можно было появляться в новом обличии, взлетали рядом как беспилотники. Женщина уже представляла себя на царьградском нашем пляже, слышала шум царьградского нашего прибоя, а вечером танцевала с обворожительным партнёром в ресторане под джаз без правил "Истамбул Константинополь" наш.

На вечере презентовали альманах "Новый Иванов", изданный на бумаге в количестве 25 экземпляров. Это было, как сейчас помню, в начале зимы. Шёл литературный вечер Иванова-1, на котором выступили: Иванов-2, Иванов-3, Иванов-4, Иванов-5. После них Иванов-1 очень дельно предложил свернуть вечер, потому что в буфете "стынет чай". Иванов-1 был с женой, она тоже сочиняла - Ивановой-1, с нею были дамы из

кружка "комната за сценой": Иванова-2, Иванова-3, Иванова-4, Иванова-5. Герою вечера пришлось сильно попотеть и потолкаться, чтобы выхватить экземпляр для себя. Правда, водки хватило на всех "новых" Ивановых.

Тише едешь - дальше будешь. Любопытная поговорка, говорящая о человеке, обозревающем свою жизнь с птичьего полёта, причём, обозревает он её прямо с трехмесячного возраста, ибо взлетел, помахивая ангельскими ручками, которые и есть крылья, потому что художники почему-то изображают у ангелов сразу и крылья и руки, эдакими вертолётами, нет, руки и есть крылья, и ангел видит всю свою жизнь от нуля и, скажем, чтобы никого не обидеть, до 150 лет. Разбивает 100 творческих лет на дни, это сами посчитайте, сколько будет дней, и в каждом дне есть примерно такой же абзац, который я, тихо проезжая по жизни, написал.

Условно говоря, понимание этой аксиомы приходит с большим опозданием, с постепенно приобретаемым жизненным опытом. Не торопи события. Ведь финал твоего пребывания на этом свете предначертан конвейерным производством тел. А на том свете живут только слова, ожидающие появления из известных женских мест новорожденных, чтобы управлять ими. Так что не торопи события. Посиди на бережку и узнай наконец, как течёт река.

Сразу думать обо всём я просто не в состоянии, но вопреки этому убеждению я сразу думаю обо всём, и сложность этого думанья заключается в том, что я думаю не как-то беспредметно, как объясняют многие люди, полагая, что мысль есть нечто размытое в картинках или в звуках, но моя мысль выстраивается из слов, и только слова вяжут эту мысль, а в неё вклиниваются уже другие готовые фразы, а в эту третья фраза, четвёртая, девятая, и так всегда и во всём, чтобы было понятнее, перед взором моим изнутри мозга на экране бегут строчки, пересекаются, толкаются, и всё это происходит до тех пор, пока я эти строчки в самом произвольном порядке не переношу буквами на бумагу (экран компьютера).

Мера счастья зависит от камеры. В камере и камерная музыка приятна. Правда камерная музыка в камере воспринимается печально, но счастливо. Именно так - в камере с камерной музыкой счастье печально. Счастье повсеместно понимается как радость. Но в камере от камерной музыки никакого счастья нет, а есть лишь с умом понимаемое несчастье. Мера этого состояния хорошо передается камерой, снимающей несчастно счастливого человека в камере по мере его умиротворения.

Крутые ступени почти вертикально ведут вверх. Лица пожилых женщин озарены сосредоточенными улыбками. Бормочу, поднимаясь, строки Вячеслава Иванова из "Света вечернего" (Римский дневник 1944 года): "Осветит узкий свод свеча, мигая; что в снах белело - вот: плита нагая. Спадает лён долой, и цепь сомкнулась: душа с собой, былой, соприкоснулась...". Свет льётся как бы ниоткуда и уходит в никуда. Снег всею холодною сутью отражает осторожно даже свет маленькой свечки. Шатровые купола излучают розовый свет.

Улицы обретают смысл, когда ты прочитаешь таблички с их названием. Направо идёт улица такая-то, налево другая, с именем. В большом городе мы мыслим именами улиц, как, впрочем, и именами людей. Безымянный город с безымянными улицами превращается в лес. У слабенького автора не хватает слов, оттого он и слабенький автор, но когда с ним достаточно доброжелательно начинаешь говорить о лексической недостаточности, он упрямо говорит о том, что постоянно черпает вдохновение в лесу, но леса-то я у него за деревянными словами не вижу, и объясняю автору, что слова на деревьях не растут, они растут в книгах.

По дороге зимней в путь, ведь ему везде была дорога, вперил взор в дорогу, да не той дорогой пошел, известно, что лучшая дорога приводит в кабак, здесь и загородили ему дорогу, чтобы не глядел он жадно на дорогу, тогда он крикнул по дороге, что все дороги занесло, что его дорога пришла в тупик, а дорога возьмет немного, потому что не всякий бы нашел дорогу, и стоял на большой дороге, да к тому же, не замечая доро-

ги, не найдет он деньжат на дорогу, потому что другой человек на дорогу вперед занимает, а этот всю дорогу гуляет, тут никто на свете не знает к нему дороги, вот он и стоит на краю дороги, а ведь говорили, что не гляди с тоской ты на дорогу, ну, туда ему и дорога.

Человек является и исчезает в бесконечном множестве, как листья на деревьях. Медик со скальпелем не различает индивидуальностей, все тела для него сделаны под копирку. Душа же, выраженная в слове, ибо иной формы души нет, индивидуальна, личностна. Живое существо, находящееся само в себе, ощущающее себя, сознающее себя, не есть ещё личность, хотя само себя таковой может считать. При жизни. Эту сноску нужно постоянно помнить. Душа расцветает в слове только после жизни тела, генерировавшего эту душу на чистый лист бумаги. Это объясняется недоверием современников к живущему, к живому, потому что он такой же, как мы, поэтому не может быть гением.

Какого века снег скрывает вечность, куда направлен тёплой жизни свет? Один ответ: повсюду бесконечность, зажатая в кольце текущих лет.

Назвать причину хорошего настроения не могу по одной простой причине: никогда не оцениваю своё хорошее настроение и даже не замечаю того факта, что я в нём нахожусь. Вообще, должен сказать, что думать во время работы над текстом вредно, поскольку всякая дума притормаживает руку, работющую на автопилоте и создающую из слов глубочайшую мысль, которую обнаруживаешь впоследствии. Откровенно признаюсь, что в этом и состоит секрет писательства. Ибо тот, кто много думает в жизни, взвешивая все обстоятельства, никогда ничего не напишет. Ум не даст руке писать.

Смотрю вперёд. Справа и слева лес. Рельсы бегут к горизонту. Я холю и лелею свой любимый паровоз, моё живое существо, не жалею масла. Он скользит по рельсам бесшумно. Лес и лес, набегает и исчезает, влетает и улетает. Неожиданно выныривает из-за горизонта бетонный забор с колючей про-

волокой, тянется полчаса движения, и так же резко исчезает. Рельсы натянуты, как нервы, до обморока. Сутки, вторые, десятые. Справа лес, слева мелькает частокол. Справа снега на болотах, слева болота в сугробах. Снег слепит глаза. Железная дорога. Происхождение мастера.

Я думал, меня понимают. Но с думою этой пора на покой. Никто, никогда не поймёт меня, кроме меня самого, а для этого я из себя самого достаю буквы и раскладываю из них свои записки из жизни. Туманным облаком проходит собеседник. И превращается в меня, ударяя себя ладонью по лбу, как же я раньше не читал самого себя! Войдите, говорю я себе, открывая свою новую книгу с белыми чистыми страницами. Снег.

Всякий человек обороняется в той или иной степени от тебя и не принимает тебя всерьёз. Одни это делают из-за воспитанности вежливо, другие простодушно посылают в известном направлении. Ну, вот просто беда, не с кем о трансцендентном поговорить на улице! Все друг от друга обороняются. Не дай бог в магазине вступить в диалог с кассиршей о понимании искусства Шеллинга. Во-первых, она никогда в жизни книг не открывала, потому что это для неё пустая трата времени, а потом, кто такой Шеллинг, она и слыхом не слыхивала, и знать его не хочет. И вообще, проходи мимо со своим батоном, не задерживай очередь.

Самое удивительное состоит в том, что он никогда не отказывался от всевозможных просьб, даже когда его приглашали грузить мебель, в том числе рояль, приятель по работе переезжал на новую квартиру, на что он с присущим ему подъёмом откликнулся, потому что всегда готов помочь другу, чем вызвал радостный возглас переезжающего, мол, лучше людей, чем ты, никогда не встречал в жизни. Он посещал все дни рождения друзей, все похороны, все свадьбы, все юбилеи, все события без разбору, куда его звали. Вся безымянная стремительная жизнь промелькнула как один день в бескорыстной отзывчивости.

Эка, куда хватил Воланд у Булгакова - жить не пятилетками, а хотя бы лет на так тысячу иметь план! Люди, бегая на ра-

боту ежедневно, частенько не видят результатов общей работы того коллектива, в котором они трудятся. Штукатур штукатурил, и только проходя, спустя годы, мимо дома, где он штукатурил, видит безымянный материальный результат общего труда своего стройтреста. Хуже, когда он видит снос того дома, в котором он штукатурил. Материальное - смертно. Писатель потому и писатель, что из ежедневных занятий с буквами и словами выстраивает здание своей жизни в персонифицированных неумирающих произведениях, ибо Слово есть вечный двигатель.

То, что вся железная Москва в железных заборах, да и железная страна за железным занавесом, знает каждый москвич, а вот то, что в мороз красиво на улице, доходит не до каждого, поэтому нужно о морозной красоте с завидным упорством повторять постоянно. Да, нестерпимо холодно. Но прелесть в том, что нет никого разглядывающих, как я, штакетник железного забора, на котором выступили железные кристаллы льда, даже, точнее, огромные железные морозные узоры в виде железных пушистых снежинок, которые не слетали с неба, а лютый мороз их невидимым железным резцом скульптора выточил на московском железе.

Переход от суety жизни к сохранению себя в вечности происходит очень медленно, и то с единицами, ибо подавляющее большинство считает свою жизнь венцом творения, никак не желая соглашаться с тем очевидным фактом, что они есть продукт неустанной работы божественного конвейера, производящего ежеминутно биологические тела. И только некоторые догадываются, что они и есть боги, созданные по образу и подобию, и живущие не в жизни, а в тексте для того, чтобы сохранить свою душу в Слове и встать на полку вечности рядом с Библией и Достоевским.

Чужая жизнь поёт вдали железом ржавым крышей в небо, крестом в ограде устрашив, стоит стакан, накрытый хлебом, так надсмеивается слепой над лампой, что перегорела, да я и сам, тупым-тупой, припал к земле, чтоб тело пело.

Вот человек средних лет в кожаной куртке на "молнии" стоит передо мною к кассе с тележкой, с набитой доверху бесчисленной ярко упакованной мелочёвкой. Голодный год, что ли? Сзади меня выстраивается очередь, из которой время от времени раздаются упрёки в адрес "набравшего". Он всех сильно задерживает и выводит из себя. Таких не любят, но они с завидным упорством в супермаркетах появляются. Можно подумать, что он первый раз попал в магазин. Что это за человек? И зачем ему столько синих пирамидок, красных круглых коробочек, квадратных плиточек в фольге, жёлтых кубиков, зелёных шаров, шелестящих серебристой фольгой мешочеков и т.д. и т.п. Ныне торгуют зазывной упаковкой. И люди упакованы в отличную одежду. Что скрывается за упаковкой? Что за тайна скрывается в человеке?! Стою за ним и пытаюсь разгадать эту тайну.

Писатель прежде всего видит форму слов без всякой связи с содержанием. Для пояснения вспомним слово Сатина из "На дне" - "сикамбр". Что подвязывает это слово? Вот то-то и оно. Читатель пробегает сквозь слово к привязке. Скажи ему "кирпич", так он видит привязку: обычный красный прямоугольник из обожжённой глины. Интернет это свойство слов вскрыл - по ссылке открывает привязку. Наберите в поисковике форму из букв, сложенных в "кирпич", он вам даст путь от слова "кирпич" к всевозможной содержательности. Умение управлять словами и есть писательство. На самодвижущейся платформе красуются штабеля красной прямоугольной формы, а сверху на них сидит сикамбр.

Необходимо сказать, что говорить при людях не следует, совсем, не говорить, молчать, обходить сторонкой, потупив взор, будто глухонемой, не твой и не мой, говорить нужно только с самим собой, раздавая, удесятеряя себя в различных персонажах, влезая в их шкуры, и говорить при этом так, как хочется персонажу, громогласно, то есть вслух, но про себя, ибо он устно будет излагать свои мысли в письменном виде, то есть слова будут указывать на то, где он молчит, а где говорит,

в этом случае писатель абсолютно независим, невредимо пройдет свой жизненный путь, а читать его будут другие, не родившиеся ещё, потом.

Бессмысленно блуждающих людей смыло с тротуаров дождём. Иду под зонтом в дневных сумерках, так любимых Чеховым, никого не вижу. Куда все подевались? И окна в домах ещё не горят. Тоска жуткая. Птиц не видно, собак не видно, кошек не видно. Машин тоже не видно. Улица влажная мутным зеркалом размыто отражает дома и деревья, голые. Туман с угасанием заоблачного светила сгущается. Показался вдали автобус, прошелестел лужами мимо меня совершенно пустой, как будто шофер автобуса, мой лучший друг, катает сам себя.

Трудно всю жизнь жить весело, поэтому люди живут скучно. Ходят за хлебом, ходят на работу, ходят в театр. Помогает скучать пребывание на работе, помогает скучать дождливое серое небо. Помогает скучать телевизор. Все скучающие тем не менее продолжают жить. Даже не так. Это за них живет кто-то, как сам едет автомобиль, только бензин подливай. Но вот отовсюду доносится: случилось! И все как будто ждали этого, начинается весёлый переполох, от каждого слышатся истерические советы на любой счёт: как сменить правительство, как наказать виновных, как, как, как...

Случается, напишешь не то, что хотел, а это именно всегда так и получается, потому что одно дело - задумывать, а другое дело - записывать, это совершенно разные вещи, вот и не привиши неправильное, а идёшь дальше, в конец тупика, как бы говоря себе этим, что всё написанное обретёт иной смысл, если уметь городить огород из неправильностей, и находить выход из любого тупика, потому что всё в конце концов потом приведет тебя к художественной удаче. Спустя время, перечитывая написанное, вдруг понимаешь, что извлёк глубокий смысл из вроде бы бессмыслицы.

Прежде чем закурить, выдвигаю ящичек, а в нем ровно уложенные деревянные бруски, с коричневыми головками. Мир, сокращенный до коробка спичек. Если многократно увеличить

брусочки до штабелей бруса, то можно из этого бруса сложить дом, что и делают многие дачники, покупая этот брус, от которого сладко пахнет смолой, на рынках строительных материалов, и везут на длинномерных грузовиках к своим райским уголкам с вишнёвым садом. Потом уменьшают брус во много раз до размеров спичек, и строят из них маленькие домики, чтобы жить в них у реки под пенье соловьёв. Чиркаю спичкой, вспыхивает пламя, закуриваю длинную сигарету "кент".

Солнце ходит низко, и тень от дома достаёт до реки, чего не бывает летом, когда солнце стоит вертикально, и тени от дома почти нет. Значит, всё дело в освещенности. Погасили свет, и я не вижу лиц пассажиров, я ничего не вижу, только догадываюсь, что в вагоне находятся люди. Полная тьма в туннеле. Проходит несколько минут. Нет ни света, ни движения. Неизвестность. Все в скрываемом страхе молчат. Объявленный по связи нет. Света нет. Тени нет. Кромешная тьма под землёй. Ничего не написано. Чистый лист бумаги.

НА ЛОДКЕ

Стихи Василий Лебедев-Кумач
Музыка Василий Соловьев-Седой

С той поры, как мы увиделись с тобой,
В сердце радость и надежду я ношу.
По-другому и живу я и дышу
С той поры, как мы увиделись с тобой.

Милый друг, наконец-то мы вместе.
Ты плыви, наша лодка, плыви.
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви.

Точно звёзды, светят ясные глаза,
Отражается в них вечер золотой.
Над прозрачною и тёплою водой,
Точно звёзды, светят ясные глаза.

бессознательное

Милый друг, наконец-то мы вместе.
Ты плыви, наша лодка, плыви.
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви.

Не могу я наглядеться на тебя,
Как мы жили друг без друга - не пойму.
Не пойму я, отчего и почему,
Не могу я наглядеться на тебя.

Милый друг, наконец-то мы вместе.
Ты плыви, наша лодка, плыви.
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви.

Муза напевно разрушила звонкую Трою, чтобы с тех пор в рифму пел не умеющий писать и читать Гомер, ибо был слеп. Скажет ли кто в наши дни о подобном явленыи столь же пространно и песенно, столь же легко и печально?! Троя троится в глазах триединством троянских троений, Троицей став через время в берёзовых рощах, дабы блуждали в них зрячие отроки вечно, не прочитав ни одной растроившейся книги.

В старом московском дворе в пятидесятые годы любили играть в лото. Участники игры раскладывали перед собой карты с квадратиками с цифрами. Кричащий из мешочка доставал аппетитные бочечки и называл цифру, рельефно находящуюся на торцах, но многие бочонки имели своё шутливое название, например, "Туда-сюда". Вот я и докатился до этого бочонка. "69" - туда-сюда, как ни крути. Такое же происходит с цифрой "96", но счёт в лото идёт только до "90".

От ямы до ямы. От верстового столба до другого. От центра к окраине. От окраины к центру. От вокзала к вокзалу. От победы к поражению. От пораженья к победе. От завтрака до обеда. От обеда до забора. Перегонь, переезды, перевременение. От года к году. От века к веку. От страны к стране. От хорея к ямбу. От анапеста к амфибрахию. От праздника к празднику. От веселья к горести. От минора к мажору. От дня рожде-

ния до дня рождения. От ёлки к ёлке. От хлопушек к хлопушкам. От застолий к застольям. От даты к дате.

Совершается подвиг - она рожает. Идёт процесс появления на свет нового аппарата со своим телерадиоцентром. Процесс длится, а Марель Пруст уже есть. Надо потужиться! А Достоевский уже написан. Ну, мамаша, ещё немного! А Пушкин уже переписал Байрона! И уже был Бирон, которого потом можно читать, с английским искажением букв, как Байрон. Они, что, Бирон и Байрон, родственники? Да, что вы, биологического родства не существует. Наконец кричащее существо мужеского полу вылезло окончательно, отрезана пуповина, макнули в воду, закричало! Вместо материнской груди, сразу дайте ему "*Die Leiden des jungen Werther*"!

В пору незрелой молодости распутье всевозможных устремлений пугающе огромно, поэтому постоянно терзаешься в догадках, какому устремлению следует подчиниться, отбросив все прочие соблазнительные пути, и, разумеется, как-то интуитивно побеждает устремление к бессмертию, ибо жить хочется, жить всегда, и ощущение вечности даёт только художественная литература (устремленность к добыванию хлеба насущного не рассматриваю), иначе говоря, чтобы соединить ускользающее мгновение с бесконечностью нужно безоглядно устремиться в юности к волшебству писательства.

Непременным условием хорошего настроения считаю умение увидеть положительные черты даже в самом плохом явлении, или - что более весомо - ни устно, ни письменно не откликаться на "язвы нашего времени". Уверен, что и твоё настроение, и настроение окружающих заметно улучшится. А "язвы" и активные носители их (они и рады, что их имена на устах у всех) без рекламы исчезнут, поскольку то, что не записано, не существует.

Сила гения так затягивает некоторых людей, что они становятся слугами этих избранников, пишут о них горы "трудов", поэтому я частенько говорю этим слугам, пишите сами своё, не идите по чужому следу, не вышивайте по чужой канве, созда-

вайте свою вселенную в Слове, нет, они меня не понимают, поскольку авторитет гения убийственно на них действует, да и доход приносит, особенно в юбилейные года гения, говорят, куда им до него, он вон какой, а я никакой, и понять никак не хотят, что и гений был никакой, когда вылезал на свет Божий из известного женского места, так нет же, им кажется, что оттуда он вылезал сразу сидящим в кресле бронзовым Гоголем, памятником.

Плашмя на стеллаже лежат толстенные альбомы по искусству, из них выглядывает сложенная пополам и положенная как бы под пресс газета. Что она там делает? Приподнимаю стопку, вытаскиваю газету, разворачиваю и вижу спрессованный огромный красный кленовый лист. Когда я его положил на засушку, как в детстве? Не помню, но лист обжигает осенним солнечным огнём, под который я слышу свои шаги по шуршащим сухим опавшим листьям, усыпавшим поляну.

У малого бизнеса состояние бедствия, а то и агонии, налицо. Заклеивают все стены, столбы, подъезды, двери, лифты предложениями вставлять окна, чинить компьютеры, стричься-бриться в парикмахерских, вставлять каждый день зубы, проверять себя на анализы, совершать бесплатные путешествия в Магадан и Воркуту, избавляться от курения и пьянства. Инерция приёмов предпринимателей поражает: то, что действовало 20 лет назад, то пытаются применять и сейчас: навязывают. Но насиливо мил не будешь. Лучший бизнес тот, к которому сами тянутся люди. Поэтому и хороший писатель не тот, который всем себя навязывает, а тот, к которому люди, как к хлебу, сами тянутся.

Тротуары в Москве влажны, как будто их только что полили водой из шланга, мостовые в Москве влажны, как будто только что проехали поливальные машины, поэтому кажется, что на улице тепло, а между тем градусник показывает довольно приличный минус, и вся влажность от разных рассыпанных химиков только для того, чтобы люди не падали, а машины не скользили, врезаясь друг в друга, поэтому свора-

чиваю на белую тропинку, и долго иду по ней подальше от домов, дабы удостовериться в зиме и в морозе, и мне сочувствует снег: "зима, зима", - поскрипывая под ногами, а впереди - белое с оглушительной тишиной бескрайнее поле пруда, и ни единой души.

Когда максимально сидишь в себе со своими мыслями, то вне себя, глядя на себя тут же во время размышлений со стороны, выглядишь очень рассеянным, точно таким же, как рассеивается солнечный свет в морозный день через четко очерченные на голубом небе сизые облака дыма, выходящего из высоких труб теплоэлектроцентрали, когда можно смотреть против солнца, даже на само солнце, бледно проступающее сквозь вуаль занавеса круглым пятном театрального софита, и продолжать размышления, находясь глубоко в самом себе.

Летняя улица в снегу. Смотрю в окошки второго этажа, самого последнего, потому что выше не построили в позапрошлом веке. Из одного окошка выглядывает бородатая голова. Я начинаю играть Тень отца Гамлета, так незаметнее становлюсь, понимая, что неприлично заглядывать в окна. И сам себе кажусь великаном из-за положения окон второго этажа на уровне моих глаз. Бородатая голова Достоевского садится за стол и пишет о том, как сестра Вера Михайловна полезла в карман за ключами, чтобы отпереть верхний ящик комода.

Каждый великий писатель оказывается живым в глазах других, потому что глаза всех без исключения людей живших когда-то на свете, живущих сейчас и будущих жить и есть ты в глазах других, которые вездесущи, всезнаемы, эротичны и демократичны, они под копирку создают солнца и планеты, атомы и электроны, буквы и цифры, себе подобных существ, замыкая вечность в кольцо осмысленности великих художественных произведений, которые и есть душа человека, выраженная только в Слове, но не в твоих глазах, потому что твоё тело исчезло, а в глазах других. Проще говоря, в глазах Бога.

Завершая ежедневно хотя бы фразу, или абзац, или фрагмент, или целый рассказ, коих накапливается у писателя за

жизнь на хорошее собрание сочинений, невольно совершаешь подвиг по укрощению своего тела, дабы оно не бегало туда-сюда, а генерировало временную душу в знаки, которые будут жить сами по себе без твоего тела. Так что суть писательства для деятельного человека, тем более, бизнесмена абсурдна: молча сидит и пишет каждый день и никуда не ходит. Разве станет писателем после этого кто-нибудь ныне?! И мой коронный афоризм: писательство - дело загробное, - наводит на них ужас. Совершенство возникает при завершении жизни, положенной на алтарь литературы.

В простой жизни редко встретишьозвучного твоей душе человека, хотя плаваешь, как рыба в океане, на улицах и в метро среди бесчисленных косяков тел. Другое дело, вспоминаю, в армии. Из сотен солдат вдруг выплывает один с книжкой стихов, согнутой и засунутой под погон, куда мы засовывали пилотки, что считалось шиком, чтобы идти с открытой головой. Вообще, в местах, откуда нельзя уйти по своей воле, люди сразу разбиваются по интересам. Так я выплыл из болотной толпы, а форма в армии, известно, болотного цвета, с книжкой Бодлера "Цветы зла", и на неё слетелись несколько ребят из Питера, Риги и, разумеется, несколько москвичей с высшим образованием.

Возбуждение возникает от намерения решить какую-то задачу. Ты не хочешь волноваться, полагаясь на спокойствие ума. Но не тут-то было. Ум умом, а нервы нервами. Они как бы подтрунивают над умом, разжигая его ненужными для решения задачи переживаниями. И вот ты продвинулся к цели, достиг её, иными словами, решил задачу. Причём на высшем этапе возбуждения, когда что-то всегда воскликают, типа: "Ай да сукин сын!" и тому подобное. Спустя некоторое время возбуждение постепенно проходит. Оглядываясь назад, видишь, что задача была не столь уж сложна. А в старости, озирая свою жизнь, равнодушно усмехаешься: и чего я возбуждался?!

Маленькая девочка, похожая на воробья, за рулём огромного чёрного джипа с удовольствием стоит в пробках, путается

въехать на Никольскую улицу через Третьяковский проезд, где и на велосипеде не проедешь, но она едет, чтобы все знали, кто она такая, платит за всё: сагу и осагу, бензин и мойку, штрафы за быструю езду, за крытый гараж, за всякие парковки. Воробей не платит за парковку.

Давай-ка выясним, кто первый начал? Не ты, конечно. А кто же стал выяснять? Нет, не я, а ты! Ты же обмылок коммунизма, когда превозносились кулаки, а за мозги сажали. А ты со своими мозгами всегда будешь распят, потому что кулаки сильны по праву рождения, а ты лишь силён в книгах, которые кулаки не читают, им без надобности книги. Жили, живут и будут жить по праву кулаков. Нет, не так, давай всё-таки выясним, кто первый начал. На прощанье скажу, что у кулаков в мозгах ума нет. Это ты первый начал! Нет, ты! Кулакам нужны мозги только для того, чтобы управлять кулаками. Получи!

И ты, и ты оттуда явился в мир для искусства, как птица для полёта. Дитя любви отца и матери, в безумном забытьи создавших тебя, как копию божественного духа. Я научился Вордсворт, и: "Забуду ль час, когда отец, молясь, глядел с холма на шпиль поверх ветвей, где с колокольни музыка лилась в день их венчанья с матерью моей?" Венец венком любви сплетает наши души, производя готовое к полёту красоты тело, временное вместилище песни.

Серое утро. Вечером приезжали Гоголь и Сокольский, жаловались на бездорожье у Днепра и Дона, да ещё возмущались отсутствием станции метро у Гоголя, мол, у Тургенева есть, не говоря о других, а у Гоголя нет. Предложили переименовать "Арбатскую"-звёздочку в "Гоголовскую". На другой день было опять пасмурно. Сходил за сигаретами впустую, всё тот же учёт. В понедельник трава белая от изморози. Ходил за сигаретами, учёт. Хорошо, что пока есть что курить из припасённого. Во вторник снова пасмурно. Мороза не было ночью. В среду был сильный дождь. Под зонтом ходил за сигаретами, учёт, встретил Чехова, он устал, потому что ТреплЁв никак не застрелился.

Только внешнее кругом и вокруг. Иголкой кто-то ткнёт - и сдуваются мгновенно. Шарики красивые. Внешнее в одежде, внешнее в украшениях. Внешность, конечно, привлекает, но до тех пор, пока человек не открывает рот. Это всё равно что новый пустой, не загруженный компьютер. Мне нравится сравнение человека с компьютером. Потому что и человек и компьютер являются продуктами тиража. Индивидуальность возникает от насыщенности загруженным материалом, от его обработки и выдачи собственных произведений. Внешность человека создаёт иллюзию реальности.

Чтобы нарисовать картину, нужно для начала родиться, а затем увидеть мир не таким, каким его видят все, а перевёрнутым, согласно выходу из лона матери, и оказаться в корыте. Я восхищаюсь летающим Марком Шагалом, и он подтверждает моё восхищение записью в дневнике: "Корыто - первое, что увидели мои глаза. Обыкновенное корыто: глубокое, с закругленными краями. Какие продаются на базаре. Я весь в нем умещался".

Лицо белело пудрой, как будто в комнате кто-то включил дневной свет, но было по-прежнему темно. Лицо мгновение назад вплыло, но меня не заметило, только медленно двигалось от двери к окну. От волнения я старался казаться спящим. Но это очень трудное дело - казаться, а не быть. Если бы я был спящим, лицо не склонилось бы к моему лицу, и я бы тогда не представил белого напудренное лицо. И лишь присмотревшись, я стал различать собственное отражение. Я был Пьером на сцене клуба МВД на Дзержинке.

Давай скорее! Не дадут! Кто не даст? Не дадут они. Какие? Такие! При разрушении иерархической пирамиды государства люди, выбитые со своих мест, начальники и подчинённые, вдруг становятся равными, как в бане. В этот момент истинные подвижники успевают без помех по-настоящему поработать (1988-1992) в собственном бизнесе, пока нахлебники не на грязнули. Остальные уравнялись в бане. Они очнулись и не дали. Вот и получается, что новый вождь вышел из бани, и начал,

умно скажу, структурировать общество, для чего одарил по-добных себе чинами и званиями, а себя семью (или сколько их там?), как писал Маркес в "Осени патриарха", солнцами, не звёздами, а подымай выше, именно солнцами на погонах.

Напишем о декабрьском о дожде, когда на сердце весело и грустно, о чувствах, состоящих во вражде, напишем молча, не сказавши устно. Что наша речь? Унылые дожди. Идут-идут и все проходят мимо. Не говори ни слова, подожди, написанного суть неизгладима. Дожди напишут всё о нас с тобой, дожди линуют строчками мгновенья, стучат по временам наперебой. Поют дожди, мне нравится их пенье.

Женщина, довольно миловидная, как будто узнала меня, и через равные промежутки времени даже подмигивала. В вагоне было мало народу, я мог бы пересесть на другое место, но я сидел, перебирая в памяти портрет этой подмигивающей мне женщины, но он там не отыскивался. Я старался от некоторого смущения отводить глаза в сторону, но когда возвращал взгляд на женщину, то сталкивался опять с этим неравнодушным подмигиванием. Наконец, женщина встала на очередной станции, перед выходом из вагона оглянулась и снова подмигнула. Двери за ней закрылись, затем приоткрылись и опять закрылись. Даже двери мне подмигнули!

Война закончилась. Освободили Европу, но на этом история не остановилась. Бараки разваливаются. Старуха постоянно наводит чистоту в коридоре, моет доски пола с хлоркой. Мужики в грязных шинелях без погон пьют на станции у единственного магазина каждый день. Сгорела баня. Нищие сидят в жиже у рынка, на котором кроме квашеной капусты ничего нет. Холод. Идёт снег с дождём. Выбросили в сельпо гречку в помощь пострадавшим от неурожая. На берегу люди у костра в валенках и телогрейках с завидным терпением ждут, когда мороз построит мост через реку, чтобы перейти на ту сторону к родне на похороны.

Спрашивает школьник в трамвае: "Кто такой Гоголь?" Ну, говорю, писатель. Школьник пожимает плечами, показывая

этим, что такого писателя ещё не проходили. А тут сразу хотят быть всем известными, напечатав рассказ в журнале! И терзают каждого встречного-поперечного: "Читал мой рассказ? Я дал прикурить!" Я говорю: "Лучше Гоголя?". Отвечает: "А что мне Гоголь! Он давно умер!" Ещё комичнее дело обстоит с телевизором. Призывают смотреть их программу. Школьник на это, видимо, ответит: "Что мне смотреть это, когда я ещё до Гоголя не дошёл". Так и хочется сказать всем призывающим смотреть и читать их: "Ты сначала помри, а потом посмотрим, будут ли проходить тебя".

Походить по улицам просто так, без всякой загруженности проблемами, как будто приехал сюда в отпуск, иди только что освободился, порассматривать машины, как в детстве мы любили рассматривать иностранные образцы на Манежной площади у "Националя", да и наши машины "ЗИС-110" и "ЗИМы", как правило, чёрного цвета привлекали наше внимание в безмашинной Москве, которая была по сравнению с нынешней, маленькой, в границах окружной железной дороги, по которой ныне хотят пустить поезда метро, поглазеть на мигающие огни-ми витрины, постоять, покурить.

Перед уходящей вниз лентой эскалатора моей станции останавливается пожилой человек, сторонится и, пропуская меня вперёд, спрашивает: "Ну, как метро?" Я тут же отвечаю: "Молчи, в себе таи, не спрашивай, как набухают почки..." - и предлагаю ему первым войти на едущую лестницу. Он мгновенно продолжает: "А вы, часов кремлевские бои - язык пространства..." - и прикладывает руку к шапке с легким поклоном. Я завершаю мысль: "...сжатого до точки", - и первым спускаюсь к подходящему составу.

О Евгении Борисовиче Рейне я могу писать километрами и с удовольствием, потому что дружу с ним более 40 лет и, скажем, весной 1969 года ему было 33 года (он декабрьский 35-го года), а мне 22 (я ноябрьский 46-го). В Рейне меня поражала эрудиция. Иного и быть не могло в компании нашего наставника Аркадия Акимовича Штейнберга, где вдоль и поперёк

прочёсывали западную и восточную, античную и немецкую, современную и любую другую литературы. Рейн и в то время был тяжеловат, даже полноват, бас его звучал оглушающе. Впрочем, металла в голосе Акимыча тоже было с избытком. Когда Рейн читал свои монументальные стихи, я закрывал глаза, и оказывался в соборе со звучащим органом. Открыв глаза, вижу, что наши возрастные цифры поменялись: ему 80, мне почти скоро 70.

Нужна романтика. Снег чтобы над палаткой кружился. Над Серпуховским унылым валом не обязательно. Главное, чтобы снег, снег, снег вальсировал над реками, и по берегам замерзал опять-таки же снег, снег, снег. В 60-годы вдруг все интеллигентные москвичи полезли в горы, бросились в тайгу, мальчики со вторых-третьих курсов обрастили бородами, Высоцкий гремел на гитаре про горную опасную тропу... А опасная тропа у нас всегда одна - ведущая к Кремлю.

В детстве мир выглядит очень условным, знаковым, особенно тогда, когда сам ребёнок показывает нам его на своих рисунках, чем-то схожих с египетскими иероглифами, асимметричными профилями с треугольными глазами. Повзрослев, человек полностью отдаётся реализму, когда всё имеет незыблемую форму: жена - это жена, дети - это дети, машина - это машина. Всё воспринимается с точностью фотоаппарата. В старости мало что остаётся от незыблемого реализма: жена умерла, дети эмигрировали, машина сдана в утильсырьё, страна из одной размножилась, по принципу одноклеточных, на многие страны. Всё возвращается к условному детству, с треугольным глазом, или с "Чёрным квадратом" Малевича. К знаку. К Слову.

Норе: "Нора, тупею в твоём коридоре!". Любке: "Золотые люблю твои зубы!". Ольге: "Пьянею в объятиях Оли". Нюрочеке (На поездку в Серебряный бор): "Твой поцелуй как торжество портвейна!". Начальнице станции: "Воробушек, славный приятель". Ёрш. Дружба. Тамаре: "Ты Офелия, Тамара!" Я стремлюсь к совершенству, но где идеалы? Напутствие. Страсть не терпит рассуждений. В день свадьбы Оксаны. Машеньке... "Я

есть кто?" Секретарше на покупку мобильного телефона. Ксении. Кассирше супермаркета. Вагоновожатой трамвая. Переучень любовниц. Ираиде: "Я отпетый поэт, Ираида!".

Что ты прицепился ко мне и не пишешь сам? Ты отцепись от меня и найди себя. Ты думаешь, что утвердишься среди людей своим телом? Или своей машиной? Или своим домом? Или своим служебным положением? Нет, так утверждают актёры, которые всегда на виду, но они лишь видимость, потому что они говорят не свои слова, исполняют то, что написано другими. Актёры, скажем, XIX века, пустой звук, а писатели - гении бессмертной души. Да что там говорить, когда-то гремевшие актёры МХАТа - ныне известны только театроведам. Конечно, и то хорошо, хоть как-то зацепились за вечность. Поэтому, когда я говорю: найди себя, - нужно не тело искать, а слова, нужно писать. Только литература есть форма сохранения своего таланта навсегда, для всех времён.

Холодный снег в холодной песне умолк морозом о весне. Поэт молчи! Ты интересен, когда находишься во сне. Замёрзло озеро под утро. За белым полем через бор, сияя блеском перламутра, идёт рубить стихи топор. К стеклу приникли чьи-то лица и затвердели, как хрусталь. Прекрасна чистая страница, как льда разглаженная сталь. Поэт, смири свою гордыню, спрячь многословное копье. Ни строчки не пиши! Отныне вместо тебя топор поёт.

Помню, мы притворялись взрослыми, чтобы попасть на последние сеансы, на которые дети до 16 лет не допускались, в кинотеатр "Метрополь", что был за китайгородской стеной моего дома, "Славянского базара", надевали шляпы, а некоторые, у которых уже росла щетина, не сбивали её, так что образовывалось нечто вроде бородки. Позже, в институте уже многие отпускали бороды, под Хемингуэя, курили трубки, и разговаривали через губу, как всё повидавшие в жизни люди. Сейчас довольно часто тоже вижу молодых ребят с бородками, но главным образом, у посланцев гор и азиатских пустынь, но цель у них та же, чтобы признали в них взрослых, правда, в кино те-

перь мало кто стремится, ибо оно доступно на почти любых электронных устройствах.

Две затяжки и шажок, дребезжит моё дыханье, звон посуды на прощанье, тень скользнула за порог, хрустнул снег, я чиркнул спичкой, искра солнечная быстро подхватила огонёк, две затяжки и шажок, чиркнул спичкой, хрустнул снег, тенью дышит человек, две затяжки и шажок, в горле сладостный дымок, тень скользнула за порог, дверь закрылась на замок, хрустнул снег, я чиркнул спичкой, искра солнечная быстро подхватила огонёк, две затяжки и шажок, в горле сладостный дымок освежил моё дыханье, звон посуды на прощанье, тень скользнула за порог, хрустнул снег, я чиркнул спичкой, искра солнечная быстро подхватила огонёк, две затяжки и шажок.

Никогда меня не привлекала информация о политике, о том, кто там за кого голосовал и прочих завлекаловках для трамвайного чтения. Моё чтение связано напрямую с первыми палочками, нанесёнными на камни первыми людьми, которые бессознательно стали подниматься к Богу, чтобы написать "Библию" и "Преступление и наказание", в которых говорится что нет и не было национальностей и государств, а кто каждый день талдычит о своей национальности и патриотизме, тот признаётся добровольно в своём невежестве, и что этих первых палочек на камне ещё не прочитал.

От всего отвлечься, главным образом, от букв, и смотреть только по сторонам, на картинки, впадая в детство, особо останавливая взгляд на цветущих геранях за окном домика в переулке, а под геранью в позе тигра притаившегося рыжего кота, шевелящего усами, а в другом окошке обнаружить доисторический самовар, из кранника которого каплет в китайскую чашку кипяток, а сверху на короне самовара стоит фарфоровый пузатый с розами на боках заварной чайник, на который наблюдался и успокоился, отвлекся от букв, ибо картинки не требуют абсолютно никакой интеллектуальной работы.

Тебя не видят изнутри, тебя видят со стороны. Но тебе всё время хочется рассказать ближнему, что находится у тебя вну-

бессознательное

три. У ближнего тоже свой центр управления, и в нём тоже хранится то, что ты не знаешь. Бумажная книга лежит, но её нельзя открыть кнопкой компьютера. Автор говорит, что у него двадцать бумажных книг. Я набираю в поисковике имя автора, появляются штук 30 однофамильцев, даже полных тёзок. А о его книгах ни слуху ни духу. Предположим, автор исчез с лица земли. Кто будет искать его бумажные книги? Бумажная книга есть сувенирное приложение к всемирно доступной электронной книге. Набираю в поисковой строке: Франц Кафка.

Публикуется впервые

МОЗГ

- Ну, за мозги! - восклицали, сдвигая стаканы в отделе.

Яковлев работал в институте мозга. Отдежурив ночь, сознание его некоторым образом изменилось. Утро едва чувствовалось, напоминая сумеречный вечер. Серая белизна с трудом просачивалась сквозь забрызганное снежным дождём окно, выходящее во двор. Яковлев почти на ощупь дошел до письменного стола, на котором слабо, как ночник, светился экран компьютера, сел на стул, и увидел на экране освещенного бледным светом себя, с обрамлённым сиянием профилем, с неразличимым в тени собственным лицом, надвигающимся на него. Яковлев находился в компьютере и с экрана с интересом наблюдал за собой, идущим в полумраке к письменному столу.

Перед подземным переходом стал размышлять и сразу устал, уставившись на стальные перила спуска в подземный тоннель, к которым в мороз невозможно притронуться без перчаток, не лизнуть ли языком, отталкивали электрическим морозом, видимо, специально делали из нержавейки, да ещё отполированной, чтобы не хватались пассажиры за что не следует, а спускались и поднимались по обледенелым ступенькам, балансируя расставленными руками, как канатоходцы, поскольку яма перехода без крыши, и дождь со снегом образуют наледь, наверно, для того, чтобы Яковлев размышлял и постоянно уставал, без устали.

Когда он миновал наконец подземный переход через Садовое кольцо от Воронцова поля и направился к кольцевой «Курской», то машинально взглянул на свои наручные часы, было 16-37.

Любил фиксировать время и своё состояние.

По Садовому кольцу неслись в обе стороны чёрные, красные, синие, белые, бежевые, жёлтые и прочих цветов нескончаемые потоки иномарок. Да и кругом, куда не бросишь взгляда, всё иномарочное. Огромные дома созданы по одной колодке с

массивными нью-йоркскими зданиями, железные дороги приехали с Запада, не говоря уже о мобильниках, компьютерах и сигаретах «Кент», которые с удовольствием, такие длинненькие, тоненькие, изящные, нарядные, стильные, ароматные, вкусные курил Яковлев. Он и сейчас остановился, извлек белую плоскую пачку, выщелкнул сигарету, чиркнул спичкой, потому что никогда не пользовался зажигалками, закурил и бросил долгий взгляд в даль Земляного вал, в ту сторону, где вал преодолевал по мосту реку Яузу, Высокояузский мост, затем перевёл взгляд в противоположную сторону, докурил, попал с трёх метров окурком в одинокую урну, и продолжил путь.

Стоял довольно приличный денёк для начала февраля, из-за неплотных рваных облаков изредка высекивало солнце, создавая иллюзию весны в начале февраля. И асфальт был по-весеннему почти сух, кое-где перебиваемый лужицами. Яковлев любил рассматривать Москву. Сейчас он взгляделся в абрис Рогожского монастыря.

Остановился.

Прислушался.

Холодно, церковь, болото... Не плачь! Месяц на кладбище светит желанный. Из преисподней долбит древний грач: «Больше не будет весны неустанной». Переиграй свою жизнь поскорей, яблоко счастья, любви половодье! Стоны идут из-под мрачных камней - да упокоится горя отродье. Скрашена мука церковным вином, губы поймали серебряный локон, певчие тянут о том, что уснём у навсегда заколоченных окон. Я или мы, или вы, или ты травкой взойдём на бетонных полянах, рядом репейников вспыхнут цветы кровью отпетых, сердитых и рдяных. Шарик в подшипнике нам прошумит, грач шевельнёт на заборе крылами, в землю врастёт погребальный гранит, слабо подсвеченный неба огнями.

Но только не трубами завода «Серпа и молота».

Яковлев опустил глаза ниже на высывающийся стеклянный фасад Курского вокзала. Толп людей, озабоченно идущих навстречу и попутно, Яковлев как бы не замечал.

Но пришлось всё-таки на встречных внимание обратить.

Прямо на него, пытаясь преградить ему дорогу, так поступают многие, теряющиеся в Москве люди, и Яковлев притормозил, готовый выслушать вопрос, потому что эти люди всегда что-то спрашивают географическое, с вопросом как будто вырисовался перед ним он сам в женском облике.

Такое было первое впечатление.

Вот выходит он сам на себя, как из зеркала, или с фотографии, или с видео. Но, конечно, в несколько видоизменённым видом, видом не на видео, а видом в жизни, хотя теперь Яковлев частенько путал жизнь с видео, а видео с жизнью, потому что и там был вид, и здесь был вид, и операционная система мозга, не сопротивляясь, всё поглощала и представляла в повторах и в самых невероятных комбинациях, причём некоторые куски записи исчезали как бы безвозвратно, и как бы не напрягаться, вспомнить утраченные фрагменты не удавалось, потому что мозг никак не хотел работать под приказы воли, он был волен сам по себе, внутри себя выстраивать картины жизни, из которых иногда получалось нечто невероятное, как вот теперь, когда сам Яковлев из видео выходил на самого себя на задах прямоугольной коробки входа в метро «Чкаловская», в которое ему самому не нужно было входить, потому что он намеревался, как всегда проследовать по тротуару до угла поворота к «Курской» в сером доме, «Курской-радиальной», той линии, по которой он довольно редко ездил, хотя она сразу от «Курского» доставляла пассажиров почти к ГУМу, он шёл направо к «Курской-кольцевой», чтобы через вестибюль пройти в подземный переход под линией железной дороги, идущей параллельно Садовому кольцу к трем вокзалам, а там далее через Савёловский вокзал к Белорусскому.

Как пройти на Арбат? Это какая станция? Каждый день так или иначе приходится сталкиваться с людьми, задающими вопросы. Прежде Яковлев как-то реагировал, даже разъяснял, а теперь проходит молча мимо, либо смиренно молвит: «Не знаю». Люди, задающие вопросы, не утружддают себя элемен-

тарным чтением табличек, указателей, карт, путеводителей, не говоря уж о серьёзном чтении, а от этого - абсолютно не приспособлены к мыслительному процессу. Каждый вопрос тор- мозит движение, отвлекает от собственных мыслей, раздражает.

Из этого переулка в другой, параллельный, он может попасть через проходной двор, достаточно пойти под арку, украшенную пиястрами, но там на мгновение останавливается, потому что двор как бы раздваивается, но москвич смутно помнит, что слева за углом должен быть глухой забор, когда он тут проходил лет десять назад, но какие-то ориентиры выпрываются из полустертых примет, смотрит на серый дом окраин, затесавшийся в старую Москву, и вспоминает, что нужно обойти этот серый дом хрущёвский времен, пройти параллельно ему до упора, и там должна быть лестница слева наверх и, действительно, пройдя за угол в дали двора видит железные перила лестницы, поднимается по ней, входит в другую арку и видит церковь в другом переулке.

Но тут Яковлев, с подведенными жирно бровями и в черной оправе очках, в образе молодой женщины, мозги ещё не туда направят, смотри почаше в книгу по актёрскому мастерству, вот где мозгами шевелить надо активно, чтобы понять, что Яковлев есть - все, а все есть Яковлев, ну, до этого могут додуматься только люди с мозгами, работающие в института мозга в переулке Обуха, в краснокирпичном высоком готическом темре, в бывшем Кривогрузинском переулке, тогда ещё и Воронцова поля не было, а была улица Обуха, выходящая на улицу Чкалова, которой теперь нет, а есть Земляной вал, скажешь кому-нибудь про Земляной вал, он долго соображать будет о его местонахождении, а скажешь, что на Садовом у Курского, так в миг врубается, где был замечательный книжный магазин «Новелла», в сером нью-йоркской архитектуры доме, в котором жил Сахаров, на пару с Солженицынам, нет, Солженицын там не жил, а связка Солженицын-Сахаров, идиома, как раньше в хоккее Сологубов-Трегубов, разрушила нерушимый союз ра-

бочих с крестьянами, крестьяне стали кооператорами, а рабочие пошли в охранники и в омон, хотя и до этого она была Воронцовым полем, но потом вдруг стала улицей Обуха, который лечил Ленина, из-за чего стал известен, а теперь безвестен, а в купеческом двухэтажном доме 12 по Воронцову полю организовал институт гигиенического здоровья, мозг это всё в секунду прокрутил, а тут новое явление пред видеокамерой, аж рябит в глазах, но это ладно ещё, с точно такими же, как у него, синими глазами и прямым почти римским носом, с таким же рисунком губ и подбородка, как будто Яковлев смотрелся в зеркало, в короткой меховой куртке, без головного убора, поскольку её кудрявые и сильно выкрашенные в густо чёрный неестественный цвет вполне заменяли головной убор.

- Где этот... как его... Гороховский переулок?! - взволнованно и требовательно, как будто Яковлев для того только был сюда и послан, чтобы немедленно отвечать на вопросы, спросила она, держа в руке блокнотик, в который заглядывала.

Прежде чем что-то ответить, Яковлев взглянул в её увеличенные стёклами очков синие глаза, в которых чётко выделялись чёрные зрачки, и словно увидел в них себя самого, идущего к метро, чтобы там подземным переходом выйти в Нижний Сусальный переулок.

Невероятно, откуда эта красотка узнала, что он идёт именно в Гороховский переулок, и почему она похожа на него!

Зеркальное отражение случайной выборки?

Как-то один профессор на экзамене простодушно изрёк: «Перестаньте заглядывать украдкой в шпаргалки! Открывайте учебники и спокойно читайте! Мозги человека находятся вне его мозгов!» У готовящихся по билетам к ответу студентов этот каламбур вызвал дружный хохоток. Брошенное небрежно профессором «вне мозгов» сильно задело Яковleva. Как это так мозги вне мозгов? Разумеется, профессор имел в виду ум. Но и ум люди крепко привязывают к мозгу. Открылась другая дорога для Яковleva, который теперь понимал даже себя как временное устройство, как компьютер, появившийся на свет новеньkim, с чи-

стым диском памяти, заполняя который, он постепенно становился именно Яковлевым, со своим миропониманием и стремительным быстродействующим ассоциативным мышлением.

Мозг работает сам по себе, мгновенно обрабатывая неимоверное количество информации, поступающей через видео, ауди, прикосновение, обоняние. А в воздухе уже разливался весенний аромат. Его как бы не было, но он незаметно проступал во всём, даже в распахнутой куртке спросившей.

Яковлев всегда идёт этим путем с работы.

Каким ещё путем прикажете ему идти домой, в свой Гороховский переулок?

Но если наметил и она понравилась, нужно тут же пойти с нею, любезно показать дорогу, а то она сама в этих подземных страшноватых туннелях заблудится, выскочит на платформы Курского вокзала, на который, наверно, она и приехала, а откуда она, интересно приехала, глаза у неё влекущие, и вообще она привлекательная, как будто ветром подгоняемая, есть такие женщины, подгоняемые ветром, они хотят всё решить сразу и чтобы в жизни всегда и всюду было хорошо, а кто этого не хочет, да вряд ли найдется такой человек, который не хочет, чтобы ему всегда было хорошо, а что для этого надо, многие не понимают, но первое, что ищут, чтобы было всё сразу...

- Так как мне пройти в Гороховский переулок?! - с улыбчивом подъёмом спросила она. Голос у неё был ласкающий, бархатистый, с низинками баритональными, очень тёплыми.

Куртка нараспашку, довольно соблазнительная грудь под свитером колыхнулась.

Яковлев опустил глаза, как бы задумавшись, как ей найти Гороховский переулок, а сам осмотрел её ножки в полусапожках, отороченным мехом, без каблуков, ножки красивые в черных сильно зауженных брючках, женщины как-то называют эти облегающие брючки, но ножки в них выглядели еще соблазнительнее.

Узкие брючки на бёдрах и слегка выступающий мягкий животик.

Сам Яковлев невзлюбил эту джинсовую моду носить брюки ниже живота, поэтому почти поголовно все стали ходить с очень заметными животами, что естественно, поскольку стяжки на животе нет, вот и растёт сдобным тестом, нависая над пряжкой ремня, чего Яковлев себе не позволял с тех самых пор, когда от военной кафедры своего меда год служил в войсках, где старшина сразу показал, как затягивать широкий армейский ремень с увесистой латунной бляхой на животе, просто сунув кулак между животом и ремнем Яковleva, а затянутся надо так на талии, чтобы даже палец невозможно было просунуть, так вот, с тех самых пор Яковлев шьёт себе брюки высокой посадки на талию, и кажется, что ремень у него на самой груди, над чем некоторые посмеивались, но потом смолкали, поскольку живота у Яковleva никогда не было, он былстроен и подтянут.

И, конечно, синие глаза, влекущие, воспитательные, восторженные, говорящие о том, что женщина на эмоционально приятном взводе, когда у неё масть идет в руку, когда стоит только попасть в этот Гороховский переулок, как все её проблемы тут же решатся, сразу, одним махом, она успокоится и заживёт счастливо.

Реакция на внешнее заполняет внутренний сосуд пустого человека всяческой чепухой, и носитель этого сосуда, используя операционную систему мозга, выдает вовне ухудшенную чепуху и, глядя на этого человека, думаешь, ну что он воспроизводит чепуху всю жизнь, хотя догадываешься, что он не понимает этого, потому что всю жизнь чепухой допотопной пропаганды и информации питается, не удосужившись хотя бы разок подумать, как создаётся личность.

Яковлев догадался, что она не москвичка, поэтому идёт совершенно не в ту сторону.

Яковлев постоянно попадал в состояние сомнения, и от этого испытывал неловкость.

Можно же прямо указать дорогу спросившей, но не станет ли это облегчением задачи для неё.

Не только мучительную минуту приходится переживать, но и секунду, пусть незаметную, он переживает, преодолевает, чтобы столкнуться с другой мучительной минутой, даже когда никто не мешает, находится в одиночестве, но всегда не спокойно у него на душе, даже когда кажется, что спокойно и ничего не должно тревожить, переживает спокойствие с чувством переживания.

Он уже было хотел сказать, что тут нужно через кольцевую метро подземным переходом в Сусальный переулок, на Казакова, а там направо через малый Демидовский в Гороховский переулок. Но не стал сразу дорогу выкладывать.

- А что там в Гороховском? - спросил он, как будто об этом переулке услышав впервые.

Женщина заглянула в блокнотик.

- Я ищу работу. Я из Ташкента. Я врач...

Яковлев удивлённо вскинул брови.

- Я был в Ташкенте, - сказал он. - В феврале восемьдесят второго...

В полумраке светящиеся колбы позывали в такт неостановимой страсти, сжимающей талию, переходящую в белеющие округлости, чуть подрагивающие в ритмическом соитии, принимающие в свой сад единоверца, воссоздающего, как везде и повсюду, тела, вооруженные чистым операционным устройством, действующим по неисповедимой программе, записанной Словом.

- Ещё, ещё! - чуть ли не рыдая, просила лаборантка.

- О, Ташкент! - возопил Яковлев, орошая весь в цветении сад любви, на что от невиданной жажды наслаждения хватило трёх минут. - Звезда Востока!

- Ой, а я в ноябре того же года родилась! - опять с располагающей улыбкой сказала женщина.

Вот в нескольких словах она как бы всю себя перед незнакомым человеком бессознательно открыла.

А почему, собственно, из Ташкента нужно лететь в Москву?

Ташкент хороший город, и врачам там место найдётся. Стা-

ло быть, женщина поспешно по каким-то причинам убегала от себя, но саму себя, от которой убегала, привезла в Москву, где найдёт сразу всё, о чём мечтала.

Ну, и пусть, пусть она, ещё кто-то, совпадения, минутное дело, цветение, появление, размножение, не имеет значения.

Уже было в его жизни такое, он учёный. Научила гостья столицы, спросив, где тут Черемушкинский рынок, он тогда в Черёмушках жил. И так она ему понравилась, что повёл к себе, и пошла любовь нараспашку, и дошла до такого взлёта, что Яковлев расписался с ней, а спустя полгода, хлопнул дверью и ушёл к родителям из своей кооперативной однокомнатной квартиры, до этого, прия чуть раньше, увидел за столом ухажёра жены в майке, а жена упрекнула Яковлева в том, что надобно звонить, прежде чем приходить, о чём Яковлев не подумал, возвращаясь к себе домой, а, оказывается, для этого необходимо спрашивать разрешение.

Через месяц подвернулась поездка в Штаты для чтения лекций, после возвращения откуда купил хорошую квартиру в Гороховском переулке. Вспомнив советы отца, что жена должна быть простой и любящей, женился на тихой и преданной, с видными формами только для Яковlevа, но беременность у неё пошла не туда, сделали операцию, после которой она уже не могла иметь детей. Однажды Яковлев сильно напился, а утром, едва разлепив болезненно веки, увидел жену с подносом, на котором стояла рюмка водки с рядом лежащим соленым огурчиком. Жена со словами «позавтракай милый», помогла ему прийти в себя, раздевшись и обласкав его всего. Яковлев, зная, что биологического родства не существует, любя жену всеми силами своей умной души, предложил ей взять ребенка из детдома. Так и поступили, взяли полуторагодовалого мальчика, который стал их сыном и ничего не знал, откуда он вылез и кем он создан, просто жил со своими папой и мамой, будучи «Яковлевым». Родство есть только по слову.

Скопилась длинная вереница троллейбусов номер буква «Б», причём, чёрная буква... Здесь, у Курского вокзала у чёр-

ного «Б» конечная остановка. Так что кольцо можно проделать от Курского до Курского. А красная буква «Б» ходит от «Смоленской» до «Смоленской», там у красного конечная остановка. Из красного выходишь к улицам, уходящим в центр, из чёрного - к окраинам. Разноцветные «букашки». Если буква Б - красная, троллейбус едет по внутренней стороне Садового кольца по часовой стрелке, если чёрная - против. ... У одного маршрута все остановки на внутренней стороне кольца, у другого - на внешней. Яковлев сначала хотел посоветовать приезжей сесть на «Б» чёрный и через пару остановок выйти у Старой Басманной на остановке «Площадь Земляной вал», но тут же одёрнул себя. Только через преодоление возможно удовлетворение.

- Вы не туда идёте, - сказал Яковлев, и направил ташкентскую гостью Москвы в Гороховский переулок по самому длинному маршруту, пусть поищет, пусть испытает, не всё сразу в руки, а то с ходу сиделкой надумала пристроиться, попасть в богатую квартиру, известно, что только состоятельные люди нанимают сиделок, нищие сидят при нищих сами, без помощи сиделок, а там у богатых неизвестно, что ей на ум придёт, по Земляному валу, он же Садовое кольцо, до поворота на Старую Басманную, не подсказав, что до этого можно нырнуть через улицу Казакова мимо театра Гоголя, бывшего театра Транспорта, а со Старой Басманной первый переулок направо - Гороховский.

- Ой, спасибо! А то никто тут ничего не знает... - сказала она, повернулась и пошла по адресу.

Проводив взглядом приезжую, чтобы отпустить её наличное расстояние, Яковлев, продолжая анализировать операционную систему своего мозга, пошёл в том же направлении по Земляному валу мимо башенок нелепого лужковского лабаза, миновав который, свернул направо к колоннаде кольцевой станции.

Смотрите-ка, и у этого человека есть глаза, нос, рот, брови, руки и ноги, и всё остальное, как у меня! А я-то думал, что толь-

юрий кувалдин

ко я один такой с глазами, ногами и ушами. По одной колодке сделаны, по одному проекту, как компьютеры (наиболее любимое мною сравнение) в магазине, с чистой памятью и с чистой совестью (пустые), хотя, как и люди, отличаются размерами, цветом и ценой. Кто же из этих компьютеров личность? Тот, кто не дает покоя своему мозгу.

На часах было 16-40.

"Наша улица" №196 (3) март 2016

ВИШНЯ

Остановился на дорожке и стал вглядываться в еще почти голые тонкие ветки вишни. Рядом остановилась старушка в армейском бушлате. Стою и смотрю на ветки, какие они переливчатые, изгибающиеся, как проволока, совершенно безжизненные. Я знаю, что это вишня, потому что в пору плодоношения и мне ежегодно доставалось несколько ягодок. Ну, уж когда вишня созревает, тут каждый прохожий не пройдёт мимо. А теперь я разглядывал микроскопические, расположенные довольно часто миниатюрные зелёные точки, едва проклонувшиеся из этих проволочных ветвей. Старушка с подозрением спросила: "А чевой-то ты здесь выглядываешь?!" Вопрос этот я оставил без ответа.

Повторится воскресенье с настроением, новорожденному - скатертью дорога открывается по храмам и селеньям, сына блудного отец ждёт на пороге, в каждом встречном повторится воскресение, путь колеблется от бара до острога, всюду люди с неопознанным свечением повседневного невидимого Бога.

Люди не любят смотреть друг на друга в метро. Взгляд чужих пристальных глаз тревожит, настораживает, раздражает. Люди начинают крутиться, ёрзать, смотреть по сторонам, разглядывать таблички на стенах вагона, но всё же время от времени бросают взгляд на того, кто смотрит на него, проверяет, смотрит ли тот, или тоже бегает глазами по вагону, чтобы не концентрироваться на ком-то. Сажусь на конечной в абсолютно пустой вагон. Я один. Но сам себе говорю, сейчас какой-нибудь чудак вбежит в вагон и плюхнется как раз напротив меня. Смотрю, вроде никто сейчас не стремится к этому, но вот перед самым закрытием дверей вскакивает толстая женщина с сумкой на колесах, очень уверенно садится как раз напротив меня и хочет ввинтить свой водянистый взгляд прямо в мои зрачки.

Люди видят глазами, а не словами, как писатель. Самые простейшие краски на глазах у всех: синий снег, накрахмаленное облако, кусочки рафинада с окнами - дома, чёрные деревья с красными листьями, лиловые чернила заката... Для видения глазами не требуется никаких усилий. Закрыл глаза - нет ничего, открыл - всё то, что попало в кадр. А потом исчезло. Глаза писателя - это его слова, это его фразы, это его - мир в записанных произведениях.

Не знаю, как кто, а я уже не подхожу к своим книжным стеллажам, к моим книжным завалам, к моим высоченным книжным штабелям, поскольку я просто окружён бумажным товаром, причём, только отличного качества, ибо в течение долгих лет жизни тщательно выбирал книгу, чтобы она удостоилась чести быть принесённой ко мне в дом. Некоторые пожилые писатели говорят мне, что уже не приносят в дом книги, а выносят. Стало быть, у них поднакопилось порядочно второстепенного товара. Дело не в бумаге. Все эти залежи ныне мне восполняет интернет. Потребовалось заглянуть в Библию, в Достоевского, в Бахтина, в Юнга, в Бодлера, в Блажеевского, в Волошина, в Андрея Платонова и т.д., тут же открываю их сочинения на широком экране интернета. Слово, господа, нематериально!

Люди сидят перед телевизором, чтобы поглощать через каждые 10 минут новые марки автомобилей, которые в рекламе мчатся со страшной скоростью по пустым улицам и трассам. Покупайте машины, покупайте машины! Вы рождены, чтобы покупать! Крупно показывается вращающееся колесо. Колесом достать всех и каждого! Выйдя во двор, люди от телевизора не могут пройти и метра из-за столпотворения автомашин, забивших не только всё мало-мальски свободное пространство, но и стоящие друг на друге, некоторые припарковались в вертикальном положении, другие лежат на боку. Едва выбравшись на улицу, люди от телевизора видят жуткую автомобильную гудящую пробку, в три ряда туда, и в три ряда обратно, причём тротуары тоже забиты машинами.

Масштаб жизни человека вряд ли можно определять количеством прожитых лет. Живущий может вместить в себя и вечность, и минуту. Древними сказано, что от старости человек умирает в 100 лет. От этого разгадка содержится в самом слове русского языка - "чело" живёт "век". Но сколько он места займет в вечности? О, там все места заняты: Данте, Пушкин, Булгаков, Фолкнер, Бодлер, Гёте, Достоевский, Марсель Пруст, Кафка, Ницше, Чехов... и далее по списку. Подавляющее большинство людей исчезает с лица земли бесследно, а какой-нибудь гениальный пьяница Есенин, проживший всего 30 лет, расположился в вечности навсегда.

Когда кто-то делает мне замечание, я сразу удаляю этого человека по простой причине его невоспитанности, ибо делать замечания другому человеку, не вглядываясь в себя, неприлично, нескромно, нетактично, невежливо, противоестественно, непристойно, некультурно, вульгарно, тоталитарно, безнравственно, брутально, аморально, порочно, грешно и смешно. Мастер всегда хвалит, пусть даже за какую-нибудь малую удачу, не замечая просчётов, потому что художнику нужна похвала и только похвала, от которой вырастают крылья.

Страшно, холодно, темно, лишь сумрачный Достоевский при свече в страшных своих мыслях надрывает свою психику. Тем и велик Достоевский, что не боится ничего. Достоевский чёरта превосходит, действуя и рассуждая от лица Ивана Карамазова о звериной жестокости человека. Но тут же становится как бы братом Алёшей, защищающим зверей, которые не могут быть так артистически жестоки, чтобы прибивать человека гвоздями к кресту.

Известный человек светится, как одинокая лампочка в ночи, на которую слетается мошкара. Неизвестным этот известный не по душе. Почему он светится, а мы нет?! И чтобы к нему никто не слетался, разбивают лампочку.

И глух был мрак. Вот это наступило время, которое, я думал, никогда не явится. Разве мог я, скажем, в 1963 году думать о том, что когда-то будет 2016 год? Нет. В эту сторону мыслей и

быть не могло. Сейчас же крутятся, вертятся правители и сервильные подданные, а окажется, что в 2918 году не будет не только распланированного ими удержания земель, но и сами земли прикрепятся к другим словам. И произойдёт это неожданно скоро, всего лишь через 900 лет.

Иногда действительно думаешь, что слов в нашем языке не хватает. Неужели каждому пальцу на руке нельзя было дать своё название? Оказывается, нельзя. Безымянный палец. Безымянный человек. Конечно, один палец имеет неотразимое название: "мизинец"! Безымянная женщина сидит напротив меня в метро с кольцом на безымянном пальце. Когда-то она расписалась с мужчиной в районном загсе и целовалась. Конечно, если надето кольцо на безымянный палец, то тут разговор идёт о большой любви. Но какой руки? Правой или левой? Смотрю, у этой женщине оно на левой. Стало быть, разведена.

Помимо смысла в какой-нибудь простецкой фразе существует невидимая магия, всецело овладевающая тобою, возникающая в каких-то очень простых песнях, останавливающая понимание реальности во время литургии, ублажающая при страстном объяснении в любви, успокаивающая при убаюкивающих ребенку словах "баю-баюшки-баю...", - во всём этом действует какая-то возвышенная прекрасная бессмыслица, которую невозможно выразить в чётких понятиях, поэтому такое большое значение хорошиими писателями придаётся интонации.

Еду на перекладных. Подразумеваются лошади. А тут метро. Хитро оно в Москве устроено. Только от окраины к центру, или в обратном направлении. Поперёк ни одной линии. Ну, кольцевая линия. Расстояние в 10 километров по прямой на улице, но прямых поперечных улиц тоже нет: они упираются в линии железных дорог, которые тоже по имперскому принципу идут от окраин прямо к Кремлю, еду по синусоиде с тремя пересадками по четырём линиям! Валерий Золотухин из своего алтайского Быстрого Истока приехал на Казанский вокзал, увидел башню со шпилем и воскликнул: "Прямо в Кремль привезли!".

Люди повсюду говорят, причём достаточно громко, пускают в воздух много слов, а иной раз говорят сразу оба собеседника, что не назовёшь диалогом, поскольку в этом случае в трубу улетают два монолога. И видя и слыши постоянно вокруг говорящих, особенно в грохочущих по рельсам вагонах метро, где люди переходят просто на крик, я поймал себя на том, что перестал понимать подобное человеческое слово, что оно превратилось для меня в простой шум.

Стал замечать за собою, что перестал интересоваться числами. Какое сегодня число? Да какая разница! Эскалатор жизни тащит от бессознательного появления из лона матери к исчезновению тела. Гоголь смело писал: "Год 2000 апреля 43 числа". Вот так! А вы как проскочили 43-е число в 2000 году? Далее Гоголь бьёт ещё резче: "Никакого числа. День без числа". Какой-то неостановимый поток и постоянное вращение, успевай только записывать: "Ходил инкогнито у Кремля. На чёрным членовозе проезжал правитель. Весь город снял шапки. Но я даже не подал никакого вида, что я испанский король".

Чайка мчится на бешеноей скорости прямо в моё окно, но за несколько метров резко взмывает над домом, чтобы через минуту оказаться на прудах. Так и носятся чайки одиночно и косяками целый день от прудов к реке, и ни с кем и ни с чем в своих ювелирных полётах не сталкиваясь. Беспокойная жизнь, туда-сюда. Размах крыльев в два раза превышает размер их тел, желтые перепончатые, как у уток, лапки прижаты, как шасси у самолетов, к телу. Но и отдыхать умеют с чувством. На бреющем полёте заходят над поверхностью воды на посадку, тормозят выпущенными лапками, плюхаются на воду, и могут так блаженствовать сколько угодно, покачиваясь на плавных волнах от проходящих мимо самоходных барж.

У ворот ГУМа подумал, зайти, что ли, в жестяно-скобяную лавку? Но сначала, взглянув на Никольскую башню Кремля, зашёл тут же, на Красной площади, в подвальную керосинную лавку, где в склепе под стеклом мумия лежит, купил пятилит-

ровую бутыль керосину и пару широких льняных лент для фи-тиля. Приду, засвечу керосиновую лампу, зачищу гусиное пе-ро, и напишу новую главу в давно начатый роман. Что за пре-лесть, этот желтоватый керосин! Он похож, как две капли воды, на самогон, настоящий на шалфее. Тут же продавались соле-ния. Я для пробы попросил торговку выловить мне пару огур-чиков. Керосин оказался самогоном. Горел и опьянял. Из Спасской башни на белом коне выехал маршал с гармошкой, спешился, откушал со мной пару стаканов, заиграл на гармош-ке и мы запели: "На побывку едет молодой моряк..."

Писателю не надо никуда ходить, потому что за него ходят его книги. Я постоянно получаю приглашения куда-то идти. За долгую жизнь все эти походы на разные вечера и презентации только портили мне настроение, отрывали от работы. Я пони-маю эстрадных артистов, которым нужен зал и соответственно гонорар, поскольку они живут здесь и сейчас. Но писатель на-чинает жить только после физической смерти в своих книгах, и награды и встречи ему тогда тем более не нужны. Зачем го-норар Достоевскому?!

Иногда трудно понять, из чего складывается очарование прозы, ведь говорится о сущей чепухе, а ты тем не менее плы-вешь в лирическом дурмане.

"- Она танцует, - сказал я. - Занимается балетом. Каждый день часа по два упражнялась, даже в самую жару. Боялась, что у нее ноги испортятся - растолстеют и все такое. Я с ней все время играл в шашки.

- Во что-о-о?

- В шашки.

- Фу ты, дьявол, он играл в шашки!"

Бросаю книжку, иду курить. Хорошо.

Большие безразмерные стихотворные тексты, которые да-же в один присест при всём желании не одолеешь, вроде "Одиссеи", я не отношу, как бы мне этого ни хотелось, к поэзии, а считаю просто-напросто рифмованной сюжетной многопер-сонажной прозой. Хотя в отдельных фрагментах там попадают-

ся и чисто поэтические строки. Поэзия - это краткая бессюжетная музыка души. Любую прозаическую вещь можно зарифмовать, скажем сделать могучую по длине "Войну и мир" рифмованной поэмой. А можно ту же "Войну и мир" сократить до названия.

Холодно, церковь, болото... Не плачь! Месяц на кладбище светит желанный. Из преисподней долбит древний грач: "Больше не будет весны неустанной". Переиграй свою жизнь поскорей, яблоко счастья, любви половодье! Стоны идут из-под мрачных камней - да упокоится горя отродье. Скращена мука церковным вином, губы поймали серебряный локон, певчие тянут о том, что уснём у навсегда заколоченных окон. Я или мы, или вы, или ты травкой взойдём на бетонных полянах, рядом репейников вспыхнут цветы кровью отпетых, сердитых и рдяных. Шарик в подшипнике нам прошумит, грач шевельнёт на заборе крылами, в землю врастёт погребальный гранит, слабо подсвеченный неба огнями.

Любимый предмет для изображения - лужа. Остановлюсь перед ней, и глубоко задумываюсь о бренности сего мира. Обыкновенная лужа на аллее к метро в низине приковывает меня магнитом. Вот пойду по ней, как в детстве, напрямую, наберу полные ботинки воды, буду хлюпать и радоваться воде из лужи. То, что у строителей дорожек, аллей и дорог нет ума, я догадывался давно. Они прокладывают эти пути в сухую погоду, и приёмка осуществляется в такую же прекрасную погоду, которой в Москве наберётся разве что месяца на два. Стоки для воды не предусмотрены даже в проекте! В дожди и в таяние снега дорожки, дороги и аллеи превращаются в каналы с разливами прекрасных луж, кое-где по колено.

Писатель сам формирует себя. Каким он себя сделает, таким и будет воспринят читателями. Это касается философии писателя, его художественного мастерства. Другие люди, которых подавляющее большинство, не читают, а воспринимают писателя по внешности и, главное, кто была его жена, сколько имел детей, с кем общался, пил ли водку или только чай. В

общем, опускают его с небес на землю, говоря, что он такой же, как мы.

Когда появится муха, тогда и будет лето. Муха будет мешать жужжанием воспринимать полноту лета. Но без мухи не будет лета. Если муха вверх лапками затихает между рамами окна, то тепла больше не жди, потому что будет холод без жужжания, без мухи. Холодно без мухи. Солнце светит в окно. Ищу глазами муху и не нахожу. Не открывает тёплый сезон муха, потому что ещё не прилетела, чтобы своим жужжанием раздражать спящего в летнее утро. Что за прелесть муха. Прилетай скорее, муха!

Если тебе предложили выпить стаканчик, угостили, то почему нужно отказываться, когда это происходит на ящиках во дворе на задах продмага, куда заходят обычно видавшие вида посетители, проживающие неподалёку, но, разумеется, неосведомлённый человек, случайно попавший в этот двор, вряд ли удосужится подобного приглашения, поскольку у выпивающих глаз намётанный, и они из сотен прохожих точно выхватят человека, который разбавит их импровизированное "застолье" хорошей песней, а тут я, с удовольствием махнувший стаканчик, запел: "Где ж ты мой сад, вешняя заря? Где ж ты, подруга, яблонька моя? Я знаю, родная, ты ждешь меня, хорошая моя..." .

Прежде всего пишущему нужно уметь писать в заданном объёме. Назначил себе рассказ в 20 тысяч знаков, вот и делай такой. Это позволяет концентрировать мысль, не растекаться мыслью по древу. Особенно это касается поэтов. Короткие стихи в 8 или 12 строк хорошо запоминаются. Форма есть содержание. Чехову Лейкин отводил колонку в сто строк, и Чехов сдавал точно такой объём. В этих ста строчках был виден стиль писателя, говорящий об уверенности в себе, о том, что он оригинал в своих мыслях, и не только выражает их образным художественным языком, но и ощущает их сердцем.

Пишутся километры стихов, некоторые из которых вызывают интерес, но не более. В них есть, казалось бы, всё - логика

рассуждений, некоторые образы, оригинальные метрика и рифмовка, но при всём при том нет главного - нет поэзии. Да к тому же пишут так длинно, что нет мочи преодолеть рифмованную муть. Как эту самую поэзию найти, как за неё уцепиться, как её определить? - сам Бог не ведает! Но вот у поэтов она есть, а у пишущих стихи нет, хоть убейте! Как говорил Мандельштам: "Она еще не родилась, она и музыка и слово, и потому всего живого ненарушенная связь".

Происходит даже одушевление вещей. Бунин из старых преданий напоминает: "Вещи и дела, аще не написании бывают, тъмо покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же яко одушевлении..." А об одушевлении себя человек почти не догадывается. При жизни он бегает со своей душой, как со стаканом с водой. И не зафиксированный словом, бесследно освобождает землю от своего присутствия. Хотя догадаться легко, взять с полки книгу Ивана Бунина. Вот он, вот его душа. А безвестное тело распылилось в пространстве, для другим телам было место, где жить.

Горело желание в крови, но сожалели об этом, возникало сожаление желания, потом желание сожаления, жили и живут, жили и сожалели, что жили, жильцы, одним словом, а ведь желали жить живущим не только живые, но и отжившие своё, их тоже к жизни вызвало желание, а потом сожалели, что отдались желанию, потому что после желания опять живые появляются, жилились быть желанными, не сожалели от жалости к себе, хотя всё время их жалели, а они от этого не испытывали никакого желания, потому что желают желанные, а не те, которые требуют сожаления и не вызывают желания, ибо одно дело желать, а другое - жить без сожаления одним желанием.

Самыми простыми словами Андрей Платонов показывают всю совокупность жизни человека, вот так, как в "Котловане": "Вощев хотел попросить какой-нибудь самой слабой работы, чтобы хватило на пропитание: думать же он будет во внеурочное время; но для просьбы нужно иметь уважение к людям, а Вощев не видел от них чувства к себе". Каждый человек имеет

эту совокупность в разных масштабах от рождения до смерти, но не каждый может высказать это с ясностью не обработанного культурой персонажа Андрея Платонова.

Иду не спеша по дорожке среди мрамора и гранита с парящими ангелами. В душе звучит что-то печально-радостное, вроде симфоний Густава Малера. Иногда подумаешь, сам себе усмехаясь, а живут ли люди под землёй? И ответ сам собой ошеломительно возникает: не только живут, но и едут сейчас в битком набитых вагонах под кладбищем, ибо земля стала вздрагивать с лёгким подземным гулом.

Не напрягать ума почти есть типичное свойство человека. Умная книга для него сущий пустой звук. Чтение не входит в экономику и не приносит дохода. Хотя, если бы он подумал, то признал бы свою голову пустой. Упрощение задачи, поиск лёгкого пути вот альфа и омега опытного человека. Как-то на складе, куда я сдавал тиражи издаваемых мною книг, умный грузчик посоветовал: "Чего ты всё печатаешь книги? Печатай сразу деньги!".

Случайности не наблюдаю случайно. Люди частенько включают в оборот это слово. Всё у них случается случайно, но ничего путного не происходит. У писателя ничего не бывает случайного, потому что все случайности разных мастей и смыслов устраиваются в бесчисленных произведениях, написанных почти что случайно, а потом посмотришь и удивляешься, как закономерно создали случайности закономерные вещи.

Родной двор с улицей детства станет до боли родным, если уехать от него навсегда километров, так это, за тысячи три или десять, в постоянно жаркий климат, где солнце без устали раскаляет песок, где стоят белые каменные домики с видом на пустыню доисторического периода, и оттуда с невероятным умилением вспоминать родной северный двор, заснеженные крыши бараков, давку за водкой в магазине, звон трамваев, и до слёз любимое карканье ворон на обледенелых карнизах.

Никогда не испытываю затруднений с присвоением своему герою или персонажу фамилии. Награждаешь его первой по-

павшейся. Экспромт - это двигатель писателя. Посмотрел во двор и сразу мысль - пусть будет "Дворниковым". Птицы летают - тут косяком идут фамилии: "Грачёв", "Воробьёв", "Уткин", "Голубев", "Синицын" и даже "Попугаев". Так же поступал, я уверен, Достоевский. Жил на Божедомке невдалеке от Миус и Миусского кладбища (ныне - у Савёловского вокзала). Вот и появляется у него персонаж в "Карамазовых" Миусов. Вообще, должен сказать, многие читатели переоценивают ум и талант писателя, ибо не понимают, что думать писателю вредно, что главная его страсть - писать слова, к тому же первые попавшиеся, а в них весь секрет, они сами выстраивают такую мысль, до которой читатели, не умеющие писать, никогда не доедут.

Раньше меня смущали люди, говорящие на улице сами с собой, идущие как бы без цели, но сосредоточенно произносящие довольно занятные фразы, в такт которым жестикуировали. Начал с недавних пор сам себя ловить на подобных уличных выступлениях, говоря этим, что я в себе не один, во мне живут и разговаривают многие люди разных интеллектуальных и психических кондиций, я лишь, в меру своих актерских способностей прямо тут же, на ходу, на улице, не беря в голову настроение окружающих, иду и разговариваю, причём, стараюсь вживаться в роли по системе Станиславского, менять интонацию, экспрессию и даже особенности дикции.

Первое из искушений после невыносимой тишины услышать голос плачущего ребенка. Ты ещё не понимаешь своего положения в пространстве, а уже слышишь новую жизнь. Словно новорожденный, ты медленно упłyваешь крылатой рыбкой в ещё несозданное пространство для света и любви. Ибо какое творение можно ожидать от младенца, хаотично перебирающего розовыми ножками и ручками на прозрачных простынях облаков.

Сижу работаю в своём маленьком кабинете без окон, до слуха доносится стук по железу. Опять начали стучать! Каждый день что-то пилят, строгают, мастерят, сносят стены, сверлят. Причем, слышу от разных людей, что подобное происходит

по всей Москве. Поднимаюсь, иду к окнам и понимаю, в чём дело. На улице стоит сплошная завеса дождя. Вот крупные капли и колотят по металлическому карнизу, словно гвозди забивают. Дождь тоже ведь работник!

Утро, а ты, моя свобода, нетронутый снег, иду, оглядываюсь, только мои следы, я шёл, я человек, я умею ходить, утром, храни души покой, один, мои следы на пушистом снегу, снег хрустит, иду быстрее, снег создаёт ритм, мне музы и природа - мелодия снега, шаги, утро, я умею ходить, прекраснее с тобой, когда я научился ходить, сначала ползал, потом встал, с тобой мечты живее, сделал шаг, другой, развернулся, пошёл задом наперёд, отважней дум полет, двигался спиной вперёд, следы уходили от меня всё дальше, утро, снег, в обратном направлении, перевернул страницу, и песнь моя звучнее, буквы на снегу книги, с тобою я, поэт.

Мать Раскольникова звали Пульхерия. Сына она называла "Родя". Родя сын Пульхерии. Отца Раскольникова в романе нет. Только отчество Раскольникова "Романович" указывает на какого-то Романа. Судя по первому многостраничному письму сыну, насыщенному блестящими синтаксическими конструкциями, с богатой лексикой, с дополнениями и причастными и деепричастными оборотами, с вводными словами, можно сказать, что она пишет лучше Достоевского, и трудно поверить, что Пульхерия в жизни вообще умеет писать. У Достоевского все говорят одним языком, если так можно выразиться, без индивидуальных особенностей.

Серый снег перемешан с землей, горизонта не видно, сплошной туман, и вдруг за ярко освещенным большим стеклом увидел куст цветущих роз, и сразу почувствовал себя и землей, и снегом, и плотным сумрачным небом, и всеми явлениями во всех проявлениях, повсюду есть я, расцветающий розами в чёрных фигурках любых прохожих.

Какая станция после "Театральной" будет на юг? Правильно, "Новокузнецкая". Какая станция будет после "Текстильщиков" на северо-запад? Правильно, "Волгоградский проспект".

Какая станция будет на восток после "Площади Ильича"? Правильно, "Авиамоторная". Какая станция будет после "Динамо" на север? Правильно, "Аэропорт". Какая станция будет по кольцу по часовой стрелке после "Таганской"? Правильно, "Павелецкая". Какая станция на северо-восток будет после "Красносельской"? Правильно, "Сокольники". Какая станция на север будет после "Южной"? Правильно, "Чертановская".

Публикуется впервые

ВОДОКАЧКА

И если бы сейчас у Пантелейева какие-нибудь заинтересованные лица спросили, как пройти к водокачке, он вряд ли бы что-нибудь взятое ответил, потому что сам, блуждая среди старых высоких берёз, с неизменной дрожью в тихом высоком голосе спросил у случайного проезжающего на белой лошади старика в белом кафтане с красным рюзаком за плечами, как пройти к этой водокачке. Там, указал, по-видимому, ехавший неизвестно куда на белой лошади стариок, по бетонным плитам с километр, потом они кончатся, и просёлком, никуда не сворачивая, вот вам и будет водокачка. И с неким подозрением оглядел сорокалетнего с волнистыми светло-русыми волосами Пантелейева.

Так и идёт в своём пугливом одиночестве Пантелейев в указанном направлении. И тут на него, метясь прямо в лоб, со страшным жужжанием понёсся неизвестно откуда взявшийся полосатый, зубастый, глазастый, колючий шмель. Пантелейев сжался до абсолютной невидимости, и вероломный шмель со свистом проскочил как бы сквозь него, но не задевая. Самому Пантелейеву было неизвестно, почему он всю жизнь пребывал в состоянии какой-то хронической напуганности.

Глядя по сторонам, Пантелейев, сохраняя в себе осторожность, двинулся мелкими шагами, на ширину ступни, так что казалось, что он пританцовывает, по бетонным плитам, переступив затем на пыльную просёлочную дорогу.

Здесь его помаленьку стали одолевать комары, бессовестно садились на открытые участки тела и бесстрашно сосали кровь, но тут же почему-то падали и умирали. Пантелейеву не хватало смелости, чтобы даже отмахнуться от этих мелкотравчатых кровососов.

Потом он достаточно долго рассматривал придорожный васильёк. А за ним рожь так и колосится, так и переливается золотом. Красот умильна! Паче всех сильна!

Так, спустя некоторое время, сама собою возникла перед ним краснокирпичная, как старинный замок, с круглым окном над входом водокачка.

Чугунную высокую дверь Пантелейев едва отворил, ибо жизненных сил в нём было недостаточно, чтобы открывать непринуждённо с ходу толстые чугунные, как в бомбоубежище, двери. Полутемный коридор, по стенам которого шли многочисленные разноцветные трубы, толстые и тонкие, привёл Пантелейева к двери полегче, и когда он открыл её, то оказался в светлом просторном холле со множеством дверей. Какую дернуть? Да первую попавшуюся. И дёрнул, и почти вошел. А там голые женщины! Пантелейева чуть не хватил кондратий.

- Пантелейев? - с потолка кто-то спросил.
- Пантелейев, - ответствовал измойждённо Пантелейев.
- Вам в 7-й кабинет.
- Понял...

Он оглядел бесчисленное количество дверей и наконец нашел номер 7.

И оказался не в каком-то там кабинете, а в огромном машинном зале, где медленно вращалось огромное железное колесо с расположенными по кругу ковшами, из которых расплескивалась вода при медленном вращении, происходящем равномерно с полагающимся старым механизмом скрипом, похожим на скрип ворота обычного колодца, когда в него опускается на цепи ведро. «Хлюп-люб-хлюп-люб-хлюп-люб», - шлепала вода, кое-где издавая всасывающие и прочие в своем разнообразии водяные звуки.

Пантелейев всё присматривался к чему-то, но изображения, быстро появляясь, тут же исчезали, как на высоком небе, так и на земле внизу, и что появлялось в водах, то исчезало под землею.

У него в голове всё время терялись мысли, он пытался их выстраивать некими эпизодами, следующими друг за другом, но они, почти бессчетно льющиеся, как вода из кухонного крана, терялись без запечатления в ненадёжной памяти.

- Пантелейев, - раздался откуда-то голос, - разденьтесь по пояс и подойдите к щитку сканера.

«Хлюп-люб-хлюп-люб-хлюп-люб», - шлепала вода.

- А кто это говорит? - испуганно, как обычно, осмелился спросить Пантелейев.

- Да это я, - голос уже оказался за пультом в виде полностью молодого человека в белом парике с буклями с боков и надо лбом. Полы оранжевого кафтана с роскошными эмальевыми, с драгоценными камнями, из слоновой кости пуговицами были не застёгнуты, чтобы богато расшитый перёд голубого камзола, надетого под кафтан, был хорошо виден. На ногах были белые чулки и черные открытые туфли с пряжками. - Однако вижу, - продолжил кафтан, - что с вами один сон глубоки, не согласился; мнить ли, что то вам роки представлять внутренности велели пред очи и то в темноту саму половины ночи.

Пантелейев снял рубашку и майку и подошёл к чёрному щитку сканера.

- Так, хорошо, прижмитесь к щитку грудью и не шевелитесь, руки опустите по швам.

Только Пантелейев прижался плотно к гладкой поверхности, как что-то громко щелкнуло, как выстрел, и чуть выше его взгляда на стене засветился огромный телевизор, но котором возникли внутренности просвещенного отсканированного Пантелейева.

Белый парик подошёл к Пантелейеву.

- Я и без сканирования догадался, - сказал он, - что у вас во всём организме гнилая жёлтая илистая болотная вода.

«Хлюп-люб-хлюп-люб-хлюп-люб», - шлепала вода.

- Как вода, как гнилая?! - с ужасом прошептал Пантелейев и явственнее проскандировал: - Но смотря мою на подлость и на то, что беден и мал, прочих видя верых и годность, что ж их жребий не избрал, вышнего судьбе дивлюся, так глася, в себе стыжуся: Боже! кто я нища тварь? от кого ж и порожденный? пастухом определенный! Как? О! как могу быть Царь?

- А так, - сказал букальный белый парик. - Сейчас я дам на экран отдельно вашу кровеносную систему.

И только на экране возникла система кровообращения Пантелеева, то он чуть не упал без сознания от увиденного. По всем его сосудам, наполненным желтой мутной водой туда-сюда сновали скользкие серо-коричневатые глазастые головасики, подергивая рыбьими хвостиками.

Дальше дело было ещё отвратительнее: в желудке прыгали пятнистые цвета хаки с раздутыми белыми зобиками лягушки, а в легких непринуждённо летали стайками маленькие головасики с крыльями, похожие на воробьев.

- Я и без рентгена понял, что вы с болотной гнилью, потому что всего на свете пугаетесь. Ну, мы это дело поправим. Сольём всю воду из вас. Вы же в курсе, что человек на 90 процентов состоит из воды?

Вместо ответа подавленный и ошеломленный со сверкающими глазами Пантелеев лишь промычал что-то бессвязное, ему захотелось рвануться, бежать вон, но его ноги задеревенели, и как приколоченный к полу гвоздями, он неподвижно стоял на прежнем месте.

- Что же с вами, Пантелеев, случилось?

В школе Пантелеев дрожал от одного взгляда учительницы, а уж когда вызывали к доске, то, не помня себя, почти без дыхания оказывался там, но что странно, отвечал, пусть и негромко, пусть медленно, с паузами, но очень дельно, по существу рассматриваемого вопроса, и буднично получал оценку «отлично». Он очень много читал, особенно Марселя Пруста, а из поэзии любил поэтов Серебряного века.

Да, были в наших школах такие отличники, которых как бы пыльным мешком из-за угла ударили, они спотыкались, от физкультуры освобождались, и особенно боялись девочек.

Ну, тут уж можно сказать, что Пантелеев не просто страшился их, но совершенно терял дар речи, когда какая-нибудь смазливая, да и любая другая, одноклассница к нему подходила, он вял, замыкался, прятал глаза, не входя в суть существования

полов, просто отвергая эту тему, не касаясь её, и под любым предлогом тихо-тихо ускользал от девочки.

В институте было ещё страшнее. Сколько предлогов ему приходилось изобретать, чтобы не оказаться на какой-нибудь вечеринке, или более того, дотронуться до девичьей руки. Он был мужчиной без потенции. В конце концов, студенты признали его обычным придурком и не входили с ним ни в какой контакт. Между тем по всем кафедрам он проходил, мямя, заикаясь и делая величественные паузы, отличником, что в заключении выразилось во вручении ему красного диплома. Дабы не пугаться дальнейшей жизни, Пантелеева оставили при кафедре «Истории России» аспирантом, и через два года он спокойно, заикаясь, спотыкаясь, скимаясь до невидимости, защищаясь, и стал ходить на кафедру уже кандидатом наук и доцентом, а когда необходимо было идти в аудиторию к студентам, как это случилось в последний его визит к студентам, то просто не смотрел на них, не замечал никого, как будто в аудитории никого не было, и своим медленным заунывным голосом излагал намеченный на эту лекцию материал из обширной темы: «Демографические и колонизационные процессы в России». Но в последний раз он явился в аудиторию совершенно завявший до желтизны, как картофельная ботва на не выкопанном до ноября картофеле, и понёс нечто, никакого отношения к программе не имевшее.

- Что наш язык? Одна из ветвей единого божественного языка, начавшегося с Моисея, с первого Слова, которое мы для приличия, дабы не раздражать блюстителей нравственности, обозначим как «Икс», ибо каждый знает название мужского детородного органа, для благовидности произносимого как Яхве, и с праздником Обрезания Господня, то есть с обрезания «Икса» у младенцев, ибо каждый человек есть Бог, и у каждого мужчины есть Икс, вот он и творит не только историю, но создаёт солнца, планеты, атомы и всё без исключения. Потом Икса опустили на землю, сделав Богочеловеком - Хером, это уж мы произносим спокойно, как спокойно произносим имя поэта

Хер-аскова, или название города - Хер-сон, при стяжке, без гласных, стал Хрстом - Христом. Слово «Россия» происходит от этого первослова, как и все слова мира всех языков - от «Хероса» родилось слово «Россия», где имя бога отца «Икса» заменено одной буквой «С», а сын идет без изменения - «Хер», вот и пошло всемирно-историческое развитие от «Хероса», и в слове «Россия» «Р» - это усеченный «Хер», а «Сий» - это чуть-чуть замаскированный «Икс». Как втащили тебя наставники в нацию, так ты свободно можешь выйти из нее. Пример - вся наша первая волна эмиграции, отпрыски которой стали французами, американцами (англичанами), немцами, испанцами и т.д. Я отменяю нации, государства, и объявляю мир глобальным однополярным интернет-единством, саморазвивающимся, демократическим. Первый признак нации - язык, второе - все остальное, что свойственно этой общности живущей в границах и с языком (диалектом). Но можно, как Отче наш, хранить свою принадлежность к какой-то национальности, говоря при этом на языке страны-пребывания. А вообще в мире язык один. Маскируется подлинное Zero (Hero) языка, точка отсчета, имя Бога, которое запрещено произносить, а в разрешенном эвфемистическом варианте звучит как Яхве, или прикрывшее его имя Херостеос (Христос - огласовка пришла в поздние времена для тонкой настройки смыслов, фараоны и их жрецы евреи писали только согласными, консонантами) - что по-русски звучит как Хер Бог наш. Херос, Эрос, Секс, Любовь. Вникайте глубже! Для открытого пользования говорим: Бог есть любовь! А теперь запишите 10 заповедей.

Студенты открыли тетради и под медленную диктовку Пантелейева стали записывать:

«(10 заповедей)

1 Я, Яхве, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства (Исх. 20:2; Втор. 5:6).

2 Да не будет у тебя других богов помимо Меня. Не делай себе изваяния (Исх. - и) никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах, под землею.

Не поклоняйся им и не служи им, ибо я Яхве, Бог твой, Бог ревнитель, взыскивающий за грех отцов с детей (Втор. - и) с третьего и четвертого рода у ненавистников Моих, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои (Исх. 20:3-6; Втор. 5:7-10).

3 Не произноси имени Яхве (Йахуй - запрет "матерщины" - Ю.К.), Бога твоего, всуе, ибо не пощадит Яхве того, кто произнесет имя Его всуе (Исх. 20:7; Втор. 5:11).

4 Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякое дело твое, а день седьмой - суббота Яхве, Богу твоему: не делай никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни скот твой, ни пришелец в селениях твоих. Ибо в шесть дней создал Яхве небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой отдыхал; посему благословил Яхве день субботний и освятил его (Исх. 20:8-11).

5 Чти отца твоего и мать твою, дабы продлились дни твои на земле, которую Яхве, Бог твой, дает тебе (Исх. 20:12).

6 Не убивай;

7 (Втор. - И) Не прелюбодействуй;

8 (Втор. - И) Не кради;

9 Не свидетельствуй ложно о ближнем твоем (Исх. 20:13).

10 Не вожделей дома ближнего твоего; не вожделей жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что у ближнего твоего (Исх. 20:14)».

Ошеломлённые студенты не могли поверить в то, что, мямясь, спотыкаясь, и безнаказанно употребляя ненормативную лексику излагал доцент Пантелеев. Но среди студентов были и есть добровольные осведомители, коим открыта широкая карьерная дорога в тоталитарном государстве, и на стол ректору легла соответствующая бумага на доцента Пантелеева, который пошёл против всей исторической науки, против всего на свете!

Появились двое служащих водокачки, тоже в камзолах, но синих, и париках, конечно белых, конечно, с буялями, с завитушками то есть. Нечем сказать, знатные господа!

Огромное колесо с ковшами приостановило движение, медленно поднялось и очень аккуратно опустилось в зале плашмя на пол, как будто здесь всегда и лежало, не зная никаких движений и вращений.

Пантелеева уложили на ось колеса, камзольные специалисты крепкими жгутами привязали руки и ноги Пантелеева к металлическим стержням колеса, завели безболезненно толстые иглы в вены, поколдовали ещё над ним разными металлическими предметами, затмевая рассудок. Пантелеев почему-то не то что не протестовал, он даже не дёрнулся, а как-то в мягкой истоме поплыл куда-то. Таким же образом были привязаны ноги Пантелеева, а по груди прошёл широкий резиновый пояс, придавивший его к колесу.

Гол и невинен лежал распятый Пантелеев, сквозь завесу едва различавший голос главного:

- Итак, минхерц, сейчас мы вам одно замечательное приспособление поставим, чтобы вывести головастиков с лягушками. Вот такая штучка со шлангом, катетер, для эвакуации всякой живности из болотной воды, - при этом он взял половой член Пантелеева между пальцами, слегка сдавил головку, затем отодвинул крайнюю плоть, клювиком тонкого шланга вошел в мочеиспускательный канал и незаметно продвинул катетер до мочевого пузыря, затем натянул на головку фаллоса эластичную прозрачную чашечку катетера, мочепроводный шланг от которого пошел к штуцеру одного из ковшей колеса для выпуска болотной мочи с головастиками.

После этого колесо с Пантелеевым столь же медленно, как и ложилось, пошло на рабочее место, почти полностью погрузившись в воду, лишь голова Пантелеева сначала выскочила наружу.

И Пантелеев начал вращаться, то погружаясь головой в воду, то поднимаясь этой же головой к свободному и бесстрашному небу. Утих шум рощ, умолк рев водный, лишь стонут в тишине часы; стремится пот по нём холодный и дыбом восстают власы.

Внутри Пантелейева отлично работала водокачка, перекачивая воду по рекам и речкам тела, заменяя болотную воду на чистую, выдавливая головастиков с лягушками, и не уставала водокачка, которую люди привыкли называть «сердцем», работала как заведённая. И что интересно, в правую часть сердца Пантелейева кровь поступала прямо из вены, неся при себе кислород. Куда ж Пантелейеву без кислорода?! Эта кровь выталкивается водокачкой по лёгочным артериям в легкие, в которых уж кровь вдосталь напитывается кислородом. И тут кровь собирается в обратный путь, не просто окислородившись, а до отвала насытившись им, к сердцу, но не в правую половину, а в левую, откуда подталкивая возвратно-поступательной работой поршней в цилиндре, устремляется через аорту ко всему телу, ко всей артериальной системе и капиллярам.

Кровь - это транспорт, железная дорога, метро, самолёты, автомобили, короче, кровь развозит по всему телу и напитывает все ткани воздухом и кормит кашкой, супчиком, котлетками, огурчиками, помидорчиками, не забывая про зелёный лучок, кинзу, петрушку и укроп, а подбирает и уносит углекислоту и продукты обмена, заходя опять в правый отдел сердца, и так далее, и тому подобное, по кругу, до бесконечности, как по кругу на колесе крутился в каком-то припадке бесчувственной эйфории Пантелейев, омываемый бессмертными водами вечности.

И вот уже поют соловьи, косой свет рябит между стволами, и преображеный Пантелейев, твёрдой походкой идёт с холмика на холмик, зная, но от этого нисколько не тревожась, что здесь когда-то в древности было кладбище.

Он бормотал шепотом о том, что каменным сном спят камни. Тень спящей девическим сном девушки за окном. Спят тяжёлым сном после дневного напряжения мостовые. Ночь ночным сном спит беззвучно в стекляшках звезд. Идёт Пантелейев по земле, спрашивает, спиши земля? Сплю, говорит земля. И Пантелейев спит. Спит и идёт. Во сне идёт и думает. Тут же жёлтенькими цветочками пробудившаяся земля напоминает об

ушедшей в себя душе. Жёлтенькая душа одуванчиков. Верно, ибо абсурдно.

По роще петляло несколько тропинок, то поднимающихся, то спадающих. Кроны берёз уходили далеко к небу, и если не поднимать голову, то в поле зрения находились только бело-чёрные стволы, довольно мощные.

Пантелеев с нескрываемой улыбкой поднимал голову и смотрел через сетчатые берёзовые кроны на небо, по которому проплывали белые, четко очерченный небольшие облака.

С каждым шагом Пантелеев чувствовал прилив сил, как будто этими силами питало его само небо.

Холмики, не очень высокие, поросли бледными лютиками и плотным дёrrном невысокой травы, словно подготовленной для использования на футбольном поле. При входе в рощу, поглядывая вдаль, Пантелеев различил просвет её окончания. И зелено-изумрудные холмики казались Пантелееву морскими волнами.

Пантелеев с подъёмом, ощущая в себе бодрую и чистую кровь, по памяти чеканил:

- Восторг внезапный ум пленил, ведет на верх горы высокой, где ветр в лесах шуметь забыл, в долине тишина глубокой, внимая нечто, ключ молчит, который всегда журчит и с шумом вниз с холмов стремится, лавровы вьются там венцы, там слух спешит во все концы, далече дым в полях курится...

И соловьи так радовали Пантелеева, что он готов был целовать стволы берёз. Сколько жизни вокруг! Сколько красоты и величия!

- Можно с вами погулять? - неожиданно из-за спины раздался женский голос, и пред очами Пантелеева предстала молодая женщина в белом платье, изящная, как молоденькая берёзка. Конечно, сравнение с берёзкой не очень понравилось Пантелееву, но женщина излучала что-то такое солнечное и манящее, чего прежде Пантелеев по известным причинам не мог ощутить.

- Вы кто? - вырвался у него естественный вопрос.

- Любовь...

Бог есть любовь и плодородие. Лоно матери - есть место Бога. Туда Бог влагает свое прямое имя с буквы Х. Не пугайтесь, дам замаскированную версию, эвфемизм - Христос (Херостеос - Хер Бог наш). Поэтому Бог настолько реален и предметен, взгляните на купола и башни православных храмов, что порою удивляешься, что еще есть философы, в кавычках, доказывающие или опровергающие бытие Бога, хотя сами были зачлены Богом, явлены (еблены - срываемое яблоко: яблоко - метафора совокупления) миру Богом (Йэбогом), и все еще не знающие Бога!

Сердце у него сильно забилось, и сейчас же мучительно и сладко дрогнуло то, на что надевали катетер, и стало возбуждённо расти. По всему телу разлилась невероятная сладкая истома, и Пантелеев совершенно спонтанно вытащил из глубин памяти чудесные строки Вячеслава Иванова, которого обожал с юности, в которых поэт поэтически тонко и точно проникал в существо этого состояния, и страстно продекламировал:

И с вами, кущи дрёмные,
Туманные луга,
Вы, тёмные, поёмные,
Парные берега,

Я слит ночной любовию,
Истомой ветерка,
Как будто дымной кровию
Моей бежит река!

И, рея огнесклонами
Мерцающих быстрин,
Я - звёздный сев над лонами
Желающих низин!

И, пьян дремой бессонною,
Как будто стал я сам
Женою темнолонною,
Отверстой небесам.

Слово правит миром, слово и есть человек. Слово есть Христос. Или Херос Теос, или Херос Бог, понятно теперь, почему он любовь.

Женщина молча прикоснулась нежной ладонью к его заалевшей щеке.

Пантелейев вздрогнул и положил свою руку ей на грудь.

- Как хорошо! - почти пропела Любовь.

- Я заново родился, - сказал Пантелейев.

- Я тем более!

- Я хочу...

- И я очень хочу... - бархатным голосом, идущим из живота, произнесла Любовь.

- Не может быть!

- Может...

Язык - бессмертен, он Бог, а Бог вненационален. Пусть всё идёт так, как идёт, не стоит тревожить судьбу, она к тебе благосклонна и посыпает тебе, как священный дар, внезапную любовь.

- Господи! - воскликнул Пантелейев.

- Мы пойдем с вами, - сказала она.

- Да, я пойду с вами куда угодно, потому что во мне проснулся я...

- Какое счастье! - воскликнула она.

Получается, что люди всегда говорят о неглавном, а о главном догадываются в подтексте. Подтекст скрывает любовь в прямом понимании для зачатия... Имя Бога непроизносимо. Мат. Он занят производством людей и текстов. Вы знаете Кто это и Что?!

- А вы откуда? - спросил он.

- С водокачки, - ответила она.

Пантелейев сделал пару шагов и остановился, потупив взор.

- И у вас были головастики с лягушками?

- Нет. У меня были змеи, гадюки, скользкие, извивающиеся... - печально сказала Любовь.

- Не продолжайте... Я понимаю...

юрий кувалдин

Она, не как Пантелейев, боялась противоположного пола, нет, она ненавидела мужчин. Как-то в школе на перемене во дворе, когда её ущипнул за мягкое место одноклассник, она схватила с земли подвернувшийся камень и со всей скопившейся в ней энергией ненависти швырнула обидчику в голову, пробив её. Этот приём самообороны так понравился ей, что она и во дворе и по улице ходила с каким-нибудь булыжником в руке. Когда она выходила из своего подъезда, мужики, игравшие за столом, врытым в землю, в домино, глядя на неё замолкали, и лишь потом до неё доносился чей-то тихий голос: «Во, чумовая!».

Если бы они знали, что у неё явно наблюдалась сексуальная дисфункция, или фригидность, иными словами полнейшее отсутствие либидо, или попросту полового влечения, то относились бы с пониманием.

Пантелейев порывисто обнял её, приблизил свои губы к её губами, и они слились в поцелуе в одно целое.

"Наша улица" №198 (5) май 2016

ПАРОВОЗ

Конечно, у каждого свои закидоны. Я, например, люблюходить на железную дорогу. Особенно, когда идёт дождь, а я без зонта. Очень приятно промокнуть до нитки...

Да, шёл дождь и всё было в дожде. Чтобы нагнать страху, время от времени сверкала молния. Железная дорога здесь насчитывала с десяток путей, которые на километра три, до выхода на стальной железнодорожный мост через реку, расходились веером, образуя места для отстоя товарных эшелонов, допотопных теплушек и, главное, чёрного с огромными колесами паровоза.

Когда-то красная звезда на лбу паровоза, если у него есть лоб, конечно, а так - на фасаде огромной трубы, паровоз ведь, если упростить, представляет собой огромную трубу на колесах, так вот, эта некогда красная звезда поржавела, над трубой возвышался, словно рубка подводной лодки, некий цилиндр, называемый сухопарником (паровой колпак) - важная часть парового котла, наравне с дымовой трубой заметно выступает «на крыше» паровоза, и вот на этом сухопарнике выцветшая табличка бурого цвета гласила, что паровоз построен на заводе «Красное Сормово» в 1946 году.

Дождь усиливался.

И я решил укрыться на паровозе. Держась за длинную ручку, я поднялся по крутой лестнице и толкнул дверь кабины машиниста. И она, о, счастье, со скрипом отворилась. Я ступил в кабину. Укрывшись от дождя, я сел на место машиниста.

Слева находился реверс, справа - тормоза, их два: первый тормозит весь состав, а второй - исключительно паровоз.

Разглядывая с некоторым волнением приборы, ручки и механизмы, внимательно вслушиваясь в перестук колёс проходящего поезда, я поймал себя на том, что паровоз вызывает во мне потоки собственных мыслей, вспыхивающих мгновенной спичкой воображения.

Вот в этом сочинительстве в паровозе под перестук колёс поездов и заключался весь кайф моего железнодорожного творчества.

Когда постепенно с возрастом, даже в поздние годы с почти полной ясностью понимаешь, что вокруг тебя в бесконечном количестве толпились твои копии, созданные Господом под копирку, только с разной степенью интеллектуальной (знаковой, ибо всё создано в подлунном и надлунном мире Словом, которое включает все знаки и символы, в том числе и цифры) загрузки, а то и без таковой, то стремление к творческому уединению становится естественным, даже необходимым, ибо написание каждого нового произведения предельно строго требует тишайшего одиночества с пониманием божественной копиистики и богочеловечности.

«От вращения колес паровоза и его быстрого дыхания... радостно зудело тело, а глаза взмокали легкими слезами от сочувствия паровозу».

Вообще, надо сказать, всё у нас и не у нас перемещается с места на место при помощи печки. Всё горит внутри и трансформирует тепло в движение. Даже человек есть печка. Подбрасывает дрова в желудок-печку и ходит, поёт, и пляшет. Так и паровоз. Подбрось дровишек в печку и поедешь. Одним словом, паровоз - это кастрюля на печке, или, точнее, котел, под названием «паровая машина», к которой приделана «экипажная часть», а уж дальше один за другим привязаны вагоны.

Волошин надо мною взвился «Паром»:

1

Пар вился струйкой
Над первым очагом.
Покамест вол тянул соху, а лошадь
Возила тяжести,
Он тщетно дребезжал
Покрышкой котелка, шипел на камне,
Чтоб обратить вниманье человека.

2

Лишь век назад хозяин догадался
Котел, в котором тысячи веков
Варился суп, поставить на колеса,
И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
Пар выпер поршень, напружила рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
С усилием сдвинулся
И потащил по рельсам
Огромный поезд клади и людей

3

Так начался век пара. Но покорный
Чугунный вол внезапно превратился
В прожорливого Минотавра:
Пар послал
Рабочих в копи - рыть руду и уголь,
В болота - строить насыпи, в пустыни -
Прокладывать дороги:
Запер человека
В застенки фабрик, в шахты под землей,
Запачкал небо угольною сажей,
Луч солнца - копотью,
И придушил в туманах
Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство; сузил землю,
Сжал океаны, вытянул пейзаж
В однообразную, раскрашенную
Ленту
Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок;
Замкнул
Просторы путнику;
Лишил ступни
Горячей ощущи
Неведомой дороги,

юрий кувалдин

Глаз - радости открытых новых далей,
Ладони - посоха и ноздри - ветра.

5

Дорога, ставшая
Грузоподъемностью,
Пробегом, напряженем,
Кратчайшим расстояньем между точек,
Ворвалась в город, проломила бреши
И просеки в священных лабиринтах,
Рассекла толщи камня, превратила
Проулок, площадь, улицу - в канавы
Для стока одичалых скоростей,
Вверх на мосты загнала пешеходов,
Прорыла крысы ходы под рекою
И вздернула подвесные пути.

6

Свист, грохот, лязг, движенье - заглушили
Живую человеческую речь,
Немыслимыми сделали молитву,
Беседу, размышленье; превратили
Царя вселенной в смазчика колес.

7

Адам изваян был
По образу Творца,
Но паровой котел счел непристойной
Божественную наготу
И пересоздал
По своему подобью человека:
Облек его в ливрею, без которой
Тот не имеет права появляться
В святилищах культуры,
Он человеческому торсу придал
Подобие котла,
Украшенного клепками;
На голову надел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей;

Ноги
Стесал, как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынув душу, вдунул людям пар.

Все собравшиеся находятся в состоянии нетерпеливого ожидания. Кто сидит на скамейке, потупив взор, бессмысленно разглядывая новые шнурки на старых ботинках, кто-то в десятый раз с умным видом закуривает и, бросая на курящего взгляды, все в какой-то мере ему завидуют: человек при деле. Так продолжается часа три-четыре, затем по губам плакальщицы стекает песня, при этом всё лицо её скованно маской печали, когда сама жизнь жалуется: "Я страдаю, поэтому я лью слёзы". Взвизгивает невидимая скрипка, её жалобное звучание поддерживает небесный оркестр, который всем измаявшимся людям сообщает: «Я страдаю, и потому я плачу».

«Машиниста они нашли в дежурке, где отсыпались паровозные бригады. Машинист сказал, что народу много, а работы нет; остатки ближних деревень целиком живут на вокзале и делают что попало за низкий расценок. Столляр вышел и привнес бутылку водки и круг колбасы. Выпив водки, машинист рассказал Захару Павловичу и столяру про паровозную машину и тормоз Вестингауза.

- Ты знаешь, инерция какая на уклонах бывает при шести-десяти осях в составе? - возмущенный невежеством слушателей, говорил машинист и упруго показывал руками мощь инерции. - Ого! Откроешь тормозной кран - под тендером из-под колодок синее пламя бьет, вагоны в затылок прут, паровоз дует с закрытым паром, - один раз - батом в трубу клокочет! Ух!.. налей! Огурца зря не купил: колбаса желудок запаковывает!..»

В цилиндрической части котла расположены дымогарные и жаровые трубы. На цилиндрической части установлен сухо-

парник, в котором размещен регуляторный клапан. В дымовой камере установлено дымовытяжное устройство, состоящее из конуса и дымовой трубы; впереди имеется дверца.

Продумаешь заранее идеяный и образный ряд новой вещи, приступаешь с нетерпением к написанию, и получается в итоге совершенно иное, нежели предполагал. Это происходит из-за необыкновенного таинства слов, таких близких, таких понятных, но вдруг приобретающих совершенно незнакомое значение в спонтанном контексте. Вот из-за этой случайности вспыхивает искра вдохновения, которая уводит тебя в дальние новых откровений. Суть творчества тут и скрывается, присмотреться и внимательно прислушаться к словам, которые сами тебя приведут к художественному открытию.

«Захар Павлович сидел и молчал: он заранее не верил, что поступит на паровозную работу - куда ж тут ему справиться после деревянных сковородок!

От рассказов машиниста его интерес к механическим изделиям становился затаеней и грустней, как отказанная любовь.

- А ты что заквок? - заметил машинист скорбь Захара Павловича. - Приди завтра в депо, я с наставником поговорю, может, в обтирщики возьмут! Не робей, сукин сын, раз есть хочешь...

Машинист остановился, не кончив какого-то слова: у него началась отрыжка».

Котел паровоза оборудован пароперегревателем, состоящим из коллектора и элементов, в которых перегревается пар, полученный в кotle паровоза.

Ты хочешь, чтобы из тебя вили верёвки? Просить прощения на площади, пощады жалобно просить, и голосить в голос, чтобы эхо звенело, как в горах, хотя и на площади звучнее звучного всё звучит. Развить верёвку надобно тебе самому из самого себя, чтобы каждая ниточка художественной души зазвучала пронзительной высокой нотой на солнце, как звучит каждая такая нить в паутине, натянутой на оконной бесстекольной

раме покинутого дома детства, там, за рощей, что может быть проще превратить детство в площадь.

«Через час машинист вспомнил о своем дежурстве. Захар Павлович и столяр проводили его до паровоза, который вышел из-под заправки. Машинист еще издали служебным басом крикнул своему помощнику:

- Как там пар?
- Семь атмосфер, - ответил без улыбки помощник, высовываясь из окна.

- Вода?
- Нормальный уровень.
- Топка?
- Сифоню.
- Отлично».

Паровая машина паровоза состоит из парового цилиндра с поршнем, парораспределительного золотника, внешнего парораспределительного механизма, регулирующего вместе с золотником подвод и отвод пара из цилиндра и заменяющего направление движения паровоза, а также движущего механизма, превращающего поступательное движение поршня во вращательное движение колес.

Идёшь по улице, звенят трамваи, к остановке бегут люди из метро, не через подземный переход, а напрямую, затрудняя движение автомобилей, вынужденных притормаживать. Светит солнце, асфальт сух, листочки распускаются. Золотой купол собора горит золотом. Проходишь под арку в другое время. Белые стены, белые своды, белые карнизы, нарциссы и гиацинты распустились. Монах в чёрном, но без головного убора, спешно проходит мимо, держа в одной руке тарелку с дымящимся картофельным пюре с котлетой, а в другой руке - тонкий стакан с компотом. Начинают свою песню колокола.

Легко дышать после дождя, но пришлось долго ждать пока он кончится, а он кончается не сразу, это уж известно каждому, выбежавшему на улицу без зонта в надежде, что московский дождь краток, поморосит, особенно на Маросейке, и пре-

кратится, как будто его и не было, и даже на небе кое-где появляются разрывы с намёком на скорое его окончание, но не тут-то было, весь горизонт внезапно темнеет, и этот небесный чёрный занавес быстро заканчивает представление о хорошей погоде.

«На другой день Захар Павлович пришел в депо. Машинист-наставник, сомневающийся в живых людях старичок, долго всматривался в него. Он так больно и ревниво любил паровозы, что с ужасом глядел, когда они едут. Если б его воля была, он все паровозы поставил бы на вечный покой, чтоб они не увечились грубыми руками невежд. Он считал, что людей много, машин мало; люди - живые и сами за себя постоят, а машина - нежное, беззащитное, ломкое существо: чтоб на ней ездить исправно, нужно сначала жену бросить, все заботы из головы выкинуть, свой хлеб в олеонафт макать - вот тогда человека можно подпускать к машине, и то через десять лет терпения!»

Зрительные образы действуют на психику всего сильнее, поэтому человеку, потребляющему мир, вполне достаточно постоянных картинок, возникающих даже во сне, чтобы чувствовать себя полноправным участником жизни, не задумываясь о том, что этими участниками через столетия остаются только те люди, которые запечатлели себя в Слове. Конечно, живущий в жизни изредка устно рассказывает о поразивших его картинах современного ему мира, но устное - воробей, не переносится на чистые страницы бессмертия. Вот мучение обычных людей в конце жизни: жизнь проскочила, даже не заметил как, словно и не жил.

«Наставник изучал Захара Павловича и мучился:

- Холуй, наверно, - где пальцем надо нажать, он, скотина, кувалдой саданет, где еле-еле следует стекlyшко на манометре протереть, он так надавит, что весь прибор с трубкой сорвет, - разве ж допустимо к механизму пахаря подпускать?!

«Боже мой, боже мой, - молча, но сердечно сердился наставник, - где вы, старинные механики, помощники, кочегары,

обтирщики? Бывало, близ паровоза люди трепетали, а теперь каждый думает, что он умней машины! Сволочи, святотатцы, мерзавцы, холуи чертобы! По правилу, надо бы сейчас же остановить движение! Какие нынче механики? Это крушение, а не люди! Это бродяги, наездники, лихачи - им болта в руки давать нельзя, а они уже регулятором орудуют! Я, бывало, когда что чуть стукнет лишнее в паровозе на ходу, что-нибудь только запоет в ведущем механизме - так я концом ногтя, не сходя с места, чувствуя, дрожу весь от страдания, на первой же остановке губами дефект найду, вылижу, высосу, кровью смажу, а втемную не поеду... А этот изо ржи да прямо на паровоз хочет!»

К экипажной части относятся: рама, являющаяся основанием паровоза, на которой установлен котел, укреплены цилиндры, сцепные приборы и части движущего и парораспределительного механизмов; рессорное подвешивание, через которое вес паровоза передается на буксы; движущие колесные пары (с подшипниками и буксами).

« - Иди домой - рожу сначала умой, потом к паровозу подходи, - сказал наставник Захар Павловичу».

Всю жизнь прожив в Москве, могу со всей определенностью сказать о нашем климате, не ссылаясь даже на Гоголя и Достоевского, у которых почти каждый день серенький с дождичком и метелькой, что он у нас прескверный. Несчастная Москва! Атмосферное давление скачет от низкого к высокому и обратно с такой скоростью, что бедная моя головушка с болью тянется к подушке, а все тело ходит маятником из стороны в сторону, как при качке на морском теплоходе. Не там столицу заложили, не там. Да и сама Россия разлеглась не там, во мгле и во льдах. И чего ради Наполеон сюда забредал?!

«Умывшись, на вторые сутки Захар Павлович явился снова. Наставник лежал под паровозом и осторожно трогал рессоры, легонько постукивая по ним молоточком и прикладываясь ухом к позванивавшему железу».

Неделя. То есть: не деля. Хожу себе, ничего не деля и без дела. Очень хорошо ходить без дела, прислушиваясь лишь к тому, что вихрится в уме. Довихрилось до того, что стал думать про неделю. Хотя неделя и не делится. А я её и не делю. Хотя можно и по три с половиной дня получить. Воспринял сию мысль, как величайшее открытие. Оказывается нет ничего такого усложнённого на свете, чего нельзя было бы при известной сноровке разделить. Даже неделимый, иначе, по-научному, атом, можно делить сколько угодно, и он, представляете, делится до потери пульса, и уходит в какой-то в минусовой по-сторонний мир.

«- Мотя! - позвал наставник слесаря. - Подтяни здесь гаечку на полниточки!

Мотя тронул гайку разводным ключом на полповорота. Наставник вдруг так обиделся, что Захару Павловичу его жалко стало.

- Мотюшка! - с тихой угнетенной грустью сказал наставник, но поскрипывая зубами. - Что ты наделал, сволочь проклятая! Ведь я тебе что сказал: гайку!! Какую гайку? Основную! А ты контргайку мне свернул и с толку меня сбил! А ты контргайку мне осаживаешь! А ты опять-таки контргайку мне трогаешь! Ну что мне с вами делать, звери вы проклятые? Иди прочь, скотина!».

Топливо при сгорании выделяет большое количество тепла, которое через стенки топки и труб передается воде. Последняя, нагреваясь, превращается в пар. Давление пара постепенно растет, и, таким образом, тепловая энергия топлива превращается в потенциальную энергию сжатого пара. Продукты сгорания топлива из топки по дымогарным и жаровым трубам проходят в дымовую камеру и оттуда через дымовую трубу в атмосферу.

Прошлые поколения вкусили все неожиданности, пережили их и улетели на небеса. Вновь изъявившие желание жить снова сталкиваются с неожиданностями, теми самыми неожиданностями, которые спокойно пережили предки, близкие и

далёкие. Всякая неожиданность становится обыденной для человека, не участвующего в жизни. Конечно, жизнь не желает давать ему свободы, постоянно и неожиданно хочет помешать этому человеку. Но он и в монастырской келье не обращает внимания на неожиданности: «Еще одно, последнее сказание - и летопись окончена моя, исполнен долг, завещанный от Бога мне, грешному...»

«- Давайте я, господин механик, контргайку обратно на полповорота отдам, а основную на полнитки прижму! - попросил Захар Павлович.

Наставник отзывался растроганным мирным голосом, оценив сочувствие к своей правоте постороннего человека.

- А? Ты заметил, да? Он же, он же... лесоруб, а не слесарь. Он же гайку, гайку по имени не знает! А? Ну что ты будешь делать? Он тут с паровозом как с бабой обращается, как со шлюхой какой! Господи боже мой!.. Ну пойди, пойди сюда - поставь мне гаечку по-моему...

Захар Павлович подлез под паровоз и сделал все точно и как надо. Затем наставник до вечера занимался паровозами и ссорами с машинистами. Когда зажгли свет, Захар Павлович напомнил наставнику о себе. Тот снова остановился перед ним и думал свои мысли».

При открытии регуляторного клапана, установленного в сухопарнике, пар из котла устремляется в коллектор и элементы пароперегревателя, где повышается его температура, а затем по трубам он проходит в паровой цилиндр. Парораспределительный механизм регулирует последовательное поступление пара в переднюю и заднюю полости цилиндра. Под действием пара поршень совершает возвратно-поступательное движение, которое через движущий механизм передается колесной паре. Таким образом, прямолинейное движение поршня преображается во вращательное движение движущего колеса.

«....не припомните ли вы, Родион Романович, как несколько лет тому назад, еще во времена благодетельной гласности, осрамили у нас всенародно и вселитературно одного дворянина

- забыл фамилию! - вот еще немку-то отхлестал в вагоне, помните?»

Как только миновал щель между двумя длинными белыми панельными двенадцатиэтажными домами и поравнялся с птичьей столовой возле люка подземных коммуникаций, как по лужайке мне навстречу выскочил переливающийся в весеннем солнце золотом чёрный желтохвостый скворец с возгласом: «Привет, писатель! Что пишем?» - «Привет, дружок! - с чувством изумления, ибо не мог предположить, что 3 мая в 12 часов дня меня встретит перелётный поэт, и добавил: - Сейчас черкану пару слов про тебя, расчудесного скворушку!». Скворец важно, даже несколько чопорно поклонился, и изрёк: «Вот именно, напиши. Ибо то, что не было записано, того не существовало!»

«- Отец машины - рычаг, а мать - наклонная плоскость, - ласково проговорил наставник, вспоминая что-то задушевное, что давало ему покой по ночам. - Попробуй завтра топки чистить - приди вовремя. Но не знаю, не обещаю - попробуем, посмотрим. Это слишком сурьезное дело! Понимаешь: топка! Не что-нибудь, а - топка!.. Ну, иди, иди прочь!».

При помощи сцепных дышел часть усилия, получаемого ведущим колесом от паровой машины через ведущее дышло, передается остальным движущим колесам, которые также приводятся во вращение. Благодаря наличию трения (сцепления) между колесами и рельсами происходит перекатывание колес по рельсам, то есть движение паровоза.

В старой дырявой шинели художник ходил до тех пор, пока следовал своим талантливым идеям и образам, и доколе его хвалили знатоки искусства и интеллектуалы, коих составляло 0,01 процента от числа жителей. Он бедствовал, поскольку искусство не является экономической категорией. Изменил таланту он сразу и бесповоротно, получив за исполненный заказ по изображению вельможи в точном соответствии с натурой мешочек золотом. Он отдался попсе, или ширпотребу, ибо на-логооблагаемая народная база является объектом экономики,

иными словами, нетребовательная пища для обывателей пошла на отлёт. После этого все 99, 99 процента из них признали его, но суровая вечность утратила имя не только этого ловкача, но и изображённых им вельмож, считавших себя центром мира.

«Еще одну ночь проспал Захар Павлович в чулане у столяра, а на заре, за три часа до начала работы, пришел в депо. Лежали обкатанные рельсы, стояли товарные вагоны с надписями дальних стран: Закаспийские, Закавказские, Уссурийские железные дороги. Особые странные люди ходили по путям: умные и сосредоточенные - стрелочники, машинисты, осмотрщики и прочие. Кругом были здания, машины, изделия и устройства.

Захару Павловичу представился новый искусственный мир - такой давно любимый, будто всегда знакомый, - и он решил на века удержаться в нем».

Отдельный человек есть явление краткое, временное. Если он не прочитал ни одной книги, что, спрашивается, он будет познавать в своей голове? А вот познаёт. Что-то в его голове крутится. В основном картинки, которые для родных и близких он может выразить путем жестикуляций, какого-нибудь десятка слов и мычания. Но так как отдельный человек путем копирования воспроизводится до непостижимого человечества, то формулу самопознания мы возвеличиваем до божественной сущности, вечности и нетленности, ибо душа человечества находится не в теле, а в метафизической программе, проще говоря - в Книге.

«Захар Павлович жил, ни в ком не нуждаясь: он мог часами сидеть перед дверцей паровозной топки, в которой горел огонь».

Напишешь первое попавшееся с безоглядной лёгкостью, или, как иронично говорится, задней левой ногой, а кто-нибудь с невероятной сосредоточенностью, вникая с волнением в каждое слово, будет это читать. А когда напишешь что-то с глубокой серьезностью и продуманностью, другой проскольз-

нёт по тексту шутя. Разные эмоциональные состояния у автора и читающего. Да и сам текст без участия автора разными людьми воспринимается по-разному. Слияние с текстом возникает только у натуралистических художественных.

«Это заменяло ему великое удовольствие дружбы и беседы с людьми. Наблюдая живое пламя, Захар Павлович сам жил - в нем думала голова, чувствовало сердце и все тело тихо удовлетворялось. Захар Павлович уважал уголь, фасонное железо - всякое спящее сырье и полуфабрикат, но действительно любил и чувствовал лишь готовое изделие - то, во что превратилось посредством труда человека и что дальше продолжает жить самостоятельной жизнью. В обеденные перерывы Захар Павлович не сводил глаз с паровоза и молча переживал в себе любовь к нему. В свое жилище он наносил болтов, старых вентиляй, краников и прочих механических изделий. Он расставил их в ряд на столе и предавался загляденью на них, никогда не скучая от одиночества. Одиноким Захар Павлович и не был - машины были для него людьми и постоянно возбуждали в нем чувства, мысли и пожелания».

Дерево - это все деревья на всём шаре, вращающемся вокруг другого шара. Цветы - это все цветы повсеместно. Еда - это вся пища, бывшая существующая и будущая. Вода - это вся вода планеты. Человек - это все люди, жившие когда-то, живущие и будущие жить. Ребёнок - это новый человек, воскрешённый слиянием сперматозоида и яйцеклетки, которого нужно кормить не только грудью, кефиром и кашей, но, главным образом, классической художественной литературой. Музыкант - это все музыканты всех времён и народов. Нефть - это предмет обогащения бездарностей. И так далее. Здесь я остановился, вспомнив чудесный эпиграф Набокова к роману «Дар»: «Дуб - дерево. Роза - цветок. Олень - животное. Воробей - птица. Россия - наше отчество. Смерть неизбежна. (П. Смирновский. Учебник русской грамматики.)»

«Передний паровозный скат, называемый катушкой, заставил Захара Павловича озабочиться о бесконечности простран-

ства. Он специально выходил ночью глядеть на звезды - про- сторен ли мир, хватит ли места колесам вечно жить и вращаться? Звезды увлеченно светились, но каждая - в одиночестве. Захар Павлович подумал, на что похоже небо? И вспомнил про узловую станцию, куда его посылали за бандажами. С платформы вокзала виднелось море одиноких сигналов - то были стрелки, семафоры, перепутья, огни предупреждений и сияние прожекторов бегущих паровозов. Небо было таким же, только отдаленней и как-то налаженней в отношении спокойной работы. Потом Захар Павлович стал на глаз считать версты до си-ней меняющейся звезды: он расставил руки масштабом и умст-венно прикладывал этот масштаб к пространству. Звезда горе-ла на двухсотой версте. Это его обеспокоило, хотя он читал, что мир бесконечен. Он хотел бы, чтобы мир действительно был бесконечен, дабы колеса всегда были необходимы и изго-товлялись беспрерывно на общую радость, но никак не мог по-чувствовать бесконечности».

И не надо стесняться того состояния, когда ты считаешь се-бя счастливым. Конечно, при этом неопределённом чувстве всё же не стоит кричать дурным голосом на весь вагон метро: «Я счастлив!» Зачем такое эмоциональное оповещение всех и вся о том, что ты счастлив? А, вот в чём дело, если никто не узнает, что ты счастлив, то ты перестанешь быть счастливым. Тебе всё время требуются свидетели твоего отличного состояния. Несмотря на все остальное, так оно и есть, но только с одной стороны, а с другой - невыкрикнутое счастье, видишь ли, превращается в не-счастье и всё время висит над головой, как грозовая туча.

«- Сколько верст - неизвестно, потому что далече! - говорил Захар Павлович. - Но где-нибудь есть тупик и кончается по-следний вершок... Если бы бесконечность была на самом де-ле, она бы распустилась сама по себе в большом просторе и никакой твердости не было бы... Ну как - бесконечность? Ту-пик должен быть!».

Пустопорожние встречи тел меня раздражают. Болтовня за столом убийственна. Устная речь - смертна. Записанное слово

- бессмертно. Мастерство писателя проверяется на молчании. Иногда человек что-то начинает рассказывать, трудное, наполненное страстями, и я ему говорю: не расплескивай устно, напиши! Устное слово смертно. Оно не сейфировано. Редко, кто слушается. Девяносто процентов людей исчезают с лица земли бесследно, не воплотив божественную заповедь: жизнь человеку дана для того, чтобы превратить ее в Слово. Бог есть Слово. Богочеловек.

«Мысль, что колесам в конце концов работы не хватит, волновала Захара Павловича двое суток, а затем он придумал растянуть мир, когда все дороги до тупика дойдут, - ведь пространство тоже возможно нагреть и отпустить длиннее, как по-посовое железо, - и на этом успокоился».

«До железной дороги от нас всего только девяносто верст, и мы уже, на всякий случай, сговорились с одним знакомым нам мужичком-извозчиком...»

Но если одна буква сама по себе ничего не значит, то как она может что-то значить в tandemе с другой буквой?! Буква без подпорок провисает? Пробегая глазом текст, мы сразу воспринимаем слова и пробираемся к обозначаемому ими предмету (явлению). Но буква хитра! Она может устраиваться в составе букв, которые тянут в подтекст сложное значение. Вот, к примеру, буква «С». В команде с буквами «Ш» и «А» что она означает? Аббревиатура. Вот именно «Соединённые», и далее по тексту «Штаты» «Америки». Или вот «Р» и «Х». Можно прощать как «Рождество» «Христово». Можно, как «Россия». Но фундаментом любой буквы и всех слов в мире всех наречий мира является слово «Херос», или имя Господа, управляющего миром и вечностью, читаемое как «Эрос» или «Россия», а вот у «Германии» правильно читать именно «Хер» с добавлением «Сан», или «Хан», или «Ман», можно даже с двумя «Н».

«Машинист-наставник видел любовную работу Захара Павловича - топки очищались им без всяких повреждений металла и до сияющей чистоты, - но никогда не говорил Захару Павловичу доброго слова».

Сквозь стены проходят громкие голоса, несётся на полную мощность кем-то включённая музыка, доносятся детские плачущие крики. В кельях существуют многочисленные людские тела, представляющие собой индивидуальные химические заводы по переработке одних элементарных частиц в другие. Для отходов производства у каждого есть санузел. Оттуда по коммуникациям всё сливаются в отстойники, очищается другими веществами, переходит в реку, река в море, оттуда в небо, и опять в краны для химических заводов. И лишь единицы переключают интеллект для воплощения своей души в Слове и могут сказать о себе: «Нас мало избранных, счастливцев праздных, пренебрегающих презренной пользой, единого прекрасного жрецов...»

«Наставник отлично знал, что машины живут и движутся скорее по своему желанию, чем от ума и умения людей; люди здесь ни при чем».

«Действительно, вдали уже свистел паровоз. Через несколько минут платформа задрожала, и, пыхая сбивающим кинзу от мороза паром, прокатился паровоз с медленно и мерно нагибающимся и растягивающимся рычагом среднего колеса и с кланяющимся, обвязанным, заиндевелым машинистом; а за тендером, все медленнее и более потрясая платформу, стал проходить вагон с багажом и с визжавшую собакой; наконец, подрагивая перед остановкой, подошли пассажирские вагоны».

Весёлые жёлтенькие, почти лимонного оттенка цветочки на зелёном, переходящем в капустный цвет, с оттенками антоновского яблока, бежали навстречу мне, идущему. Когда я останавливался, то возвращалось серое с оттенками сажи нечто рукотворное, написанное асфальтом и цементом безликим подневольным ремесленником. Только я тронулся, как снова всё стало цвета сельдерея, щавеля и кинзы. Деревянные чёрные столбы ожили, выпустив укропного, или даже петрушечного цвета побеги.

«- Господин наставник! - обратился раз Захар Павлович, осмелев ради любви к делу. - Позвольте спросить: отчего че-

ловек - так себе: ни плох, ни хорош, а машины равномерно знамениты?»

Пар, отработавший в паровой машине, по трубам поступает в конус. Струя пара, вытекающая из конуса, создает разрежение в дымовой камере и топке, обеспечивая интенсивный приток воздуха к горящему на колосниковой решетке топливу и тягу газов из топки.

«Между прочим говорили о том, что жена старосты, Мавра, женщина здоровая и не глупая, во всю свою жизнь нигде не была дальше своего родного села, никогда не видела ни города, ни железной дороги, а в последние десять лет всё сидела за печью и только по ночам выходила на улицу».

Занятное выражение: «Шло время». Да уж, ничего не скажешь! Шло, шло и вдруг остановилось. При этом все вращательные движения, а всё на этом и на том свете круглое, и всё это круглое вращается друг вокруг друга, продолжали движение, не обращая внимания на остановившееся время. Заметьте, и квадратное состоит из круглого. И пустое пространство состоит из круглого. Малюсенькие шарики так раскручиваются, что заходят за ролики. Шло время, шло и пришло, а лучше - докатилось! И куда же всё-таки время шло? Вопрос, на который вряд ли найдешь исчерпывающий ответ. Шло время...

«Паровоз засифонил и заглушил слова беседы. Наставник и Захар Павлович вышли на вечерний звучный воздух и пошли сквозь строй остывших паровозов».

Очами можно видеть. Увидел этими очами, говорит, что это и доказывать не надо, это очевидно. Но то, что очевидное, есть мнимость (Слово), додумается не каждый. Один говорит, что этот ребёнок будет умным, потому что отец у него умный. Но мнимости говорят о том, что ум, способности, талант по наследству не передаются, что нет биологического родства, все люди созданы под копирку. Дети Пушкина, Толстого используют слова «Пушкин», «Толстой», сами таковыми не являясь. В «Чевенгуре» Мошонков переименовывает себя в «Федора Достоевского». Эта глубочайшая ирония пришла в голову Андрею

паровоз

Платонову не случайно, поскольку из его сына Платона, мягко говоря, ничего не вышло, и что даже по его доносу были арестованы слушатели академии ВВС, и сам «Тоша» умер в 20 лет. Очевидное не существует. Мнимое - вечно.

Дождь кончился. Выглянуло солнце. Я слез с паровоза и пошел поперёк путей в сторону улицы, изредка оглядываясь на одухотворённый паровоз. Как мимолётна жизнь, как краток миг восторга! Остановить хотел бы эту краткость.

"Наша улица" №199 (6) июнь 2016

РУЖЬЁ

Борис сидел на диване, над которым на широком персидском орнаментальном ковре висело ружьё.

Ольга сидела в кресле напротив, вся в белом.

Борис. Что такое писательство? Это работа с подробностями. Всё вокруг нужно дробить на подробности. И раздробленные подробности дробить на более мелкие подробности, которые, в свою очередь, тоже нужно неуклонно дробить, чтобы получился ливень подробностей, но не останавливаться на этом и, покуда сил хватает, дробить самые малюсенькие подробности до атомарного строения вещества, а потом смело перейти к дроблению каждого атома, чтобы ещё и ещё раз доказать, что он делим на такие подробности, от которых волосы дыбом встают на голове. Вот что такое писательство!

Ольга. 4 июня 2016 года в Париже умер Александр Давидович Глезер. Коллекционер, поэт, переводчик, издатель Александр Глезер - один из столпов российского неофициального искусства. Александр Глезер стоял у истоков "бульдозерной" акции, после которой ему пришлось покинуть Советский Союз. Наделенный бешеным темпераментом и неиссякаемой энергией, он посвятил проведенные на Западе годы созданию музеев, организации экспозиций, издательской деятельности. Его самого называют "бульдозером", а живущий во Франции писатель Владимир Марамзин однажды заметил, что Глезер - это паровоз, под который надо только подкладывать рельсы...

Борис. Этот с плутовским взглядом смерил его своим взглядом, чтобы тут же перемениться на неподвижный взгляд, который походил на кроткий взгляд, да точно, но у того был задумчивый взгляд, чтобы в этом убедиться, достаточно было одного взгляда, хотя он придерживался на этот счет иных взглядов,

поэтому его всегда долго провожали подозрительным взглядом, так что сверлящий его взгляд больших глаз вызывал у других вопросительные взгляды, а у некоторых переходящие в обожающие взгляды, но он при этом не терялся и сохранял твердый взгляд.

Ольга. Когда меня о чём-либо на улице спрашивают, я начинаю волноваться. И не потому, что не понимаю вопроса, а потому, что не произносят машинального "скажите пожалуйста", или "извините, не подскажете", эта оговорка для меня является решающей, и если она произнесена, то я тут же даю ответ, ибо москвич воспитан на изящном обращении. И совершенно подчёркнуто прохожу мимо, когда на меня кидаются с мычанием, вроде "куды?", "где эта улица?", "где тут выход?" и так далее. Тут я вспомнила из Лёши Королева: "Где тут выход, которого нет?!"

Борис. Когда впервые выходишь на сцену перед огромным количеством зрителей, то настолько стесняешься, что забываешь текст. Это загадка, почему ты там стесняешься? Ведь спокойно, без всякого зажима идёшь среди многотысячной толпы в метро, и не стесняешься, хотя тебе речь здесь говорить не приходится. А ты скажи речь в метро! В юности у меня был приятель, который ошарашивал всех пассажиров в вагоне каким-то неожиданным очень громким текстом, вроде: "Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза..." У него было детское лицо и густой бас.

Ольга. Голова работает, и хорошо. Хорошо голова работает, потому что хорошо. Работать хорошо головой, когда она что-то соображает. Но бывает так, что голова ничего не соображает. Хочется, чтобы голова хорошо работала, но она не слушается, то есть не подчиняется тебе, носительнице этой головы, когда всерьёз задумываешься над тем, что, быть может, голова специально приделана к телу, чтобы носить шляпу. Вопреки этому

расхожему мнению, надеваю кепку и выхожу на улицу. Все сразу замечают голову, а кепку не видят, поскольку привыкли реагировать только на шляпу.

Борис. Знал ли Ницше, что его будет читать Чехов? Знал ли Достоевский, что его будет читать Кувалдин? И не только Кувалдин читает регулярно Достоевского, он еще написал повесть "Поле битвы - Достоевский". Такие вот дела и расстояния в литературе. Вечера, встречи в буфете, выступления, что Булгаков назвал МАССОЛИТом, продолжаются доныне, причём массолитовцы полагают, что они и есть литература, коли сооздают премии с громкими именами (им. Волошина, Ахматовой, Гумилёва и т.д.), которым в подмётки не годятся. Булгаков не увидел опубликованным своего романа, не кормился гонораром. Это говорит о том, что литература есть дальнобойное средство, действующее бессмертно и неотразимо после кончины тела (компьютера).

Ольга. Пировали с невиданным размахом. Столы сдвигались покоем. Толпы зрителей налетали на спиртное и бутерброды с осетриной и чёрной икрой. Презентовали очередную книгу. Пьянящий и довольный автор, со лба которого стекали струйки пота, неутомимо раздавал автографы. Кто этот автор? Кто эти зрители? Вообще невозможно вспомнить. Литературу превратили в застолье. Знаменитостями на неделю становились новорожденные "классики", проталкиваемые в печать цекамолом и дельцами со Старой площади. Отдельные "классики" той поры, дотянувшие до наших дней, на вопрос: "Пишешь ли?" - злобно отвечают: "Зачем писать, если денег не платят!".

Борис. Автор "Обломова" в один день ниспровергает благополучный порядок городского жителя и пускается вокруг света в беспорядочной жизни моряка. Автор "Палаты №6" видит за нищими бараками каторжного Сахалина мрачно заходящий

ружьё

щее солнце, и с небывалой горечью вопрошают себя: "И зачем я сюда притащился?"

Ольга. Вспомнила чудесное стихотворение (декламирует):

***

Деревья те, что мы любили,
Теперь срубили...

Цветы, которые мы рвали,
Давно увяли...

То пламя, что для нас горело,
Других согрело...

Сердца, что рядом с нами бились,
Остановились.

И только песня остается,
И все поется,
Все поется...

Борис. Чьё это?

Ольга. Елена Благинина.

Борис. Погруженные в социум простолюдины, кои ныне правят бал, частенько ставят вопрос ребром: "Ты с ними или с нами?". Они уже с пелёнок поделили мир на две половины, которые у нас выились во вполне определённые не только цвета, но и понятия: "красные" (патриоты) и "белые" (враги, пятая колонна). С течением лет вопрос этот не исчезает, и чем дальше во времени мы продвигаемся, тем отчётливее видим, что "красных" подавляющее большинство (большевизм). Я не буду пояснять детально суть "белых", у которых в руках "Преступление и наказание", и суть "красных", сидящих на броне танков с "калашниковыми", скажу лишь, что вы-

ход из имперских казарм длится не 10-20 лет, а 300 -500. А то и тысячу.

Ольга. Ещё вспомнила (декламирует задумчиво):

ШАРИКИ ДЕТСКИЕ

Шарики, шарики!
Шарики детские!
Деньги отецкие!

Покупайте, сударики, шарики!
Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишни:
Запущу под самое небо -
Два часа потом глазей, да в оба!
Хорошо ведь, говорят, на воле,
Чирикнуть, ваше степенство, что ли?
Прикажите для общего восторгу,
Три семьдесят пять - без торгу!
Ужели же мене
За освободительное движение?
Что? Пасуешь?..
Эй, тетка! Который торгуешь?
Мал?
Извините, какого поймал...
Бывает -
Другой и вырастает,
А наш Тит
Так себя понимает,
Что брюха не растит,
А все по верхам глядит
От больших от дум!..
Ты который торгуешь?
Да не мни, не кум,
Наблудиши - не надуешь...
Шарики детски,
Красны, лиловы,
Очень дешевы!

Шарики детски!
Эй, воротник, говориши по-немецки?
Так бери десять штук по парам,
Остальные даром...
Жалко, ты по-немецки слабенек,
А не то - уговор лучше денег!
Пожалте, старичок!
Как вы - чок в чок -
Вот этот пузатенький,
Желтоватенький
И на сердце с Катенькой...
Цена не цена -
Всего пятак,
Да разве еще четвертак,
А прибавиши гриненник для барства, -
Бери с гербом государства
Шарики детски, шарики!
Вам, сударики, шарики,
А нам бы, сударики, на шкалики!..

Борис. А это чьё?

Ольга. Иннокентия Анненского.

Борис. Секретарь обкома проснулся, стал перебирать в памяти всю свою жизнь, вспомнил, как когда-то ему повязали красный галстук, потом взял карабин, пошёл под знамя в караул, вступил в партию, выточил болванку на военном заводе, женился на кладовщице, оделся, вышел во двор, покачал штакетник забора, тот упал, принялсячинить, приехал свояк на мотоцикле,бросил строгать, чтобы разъяснить тому международное положение, стал секретарём райкома, жил в гуще народа и чаяниями народа, увеличил надои молока, в Кремле вручили Золотую звезду Героя социалистического труда, поставили на область... Конец романа советской социалистической литературы в 800 страниц.

Ольга. Весёлый вечер, переходящий в солнечную ночь. Самые длинные дни июня напоминают о наклонении орбиты шара, на котором мы беспощадно катаемся, пьём бесплатную из чистых ручьёв воду, и вбираем в себя бесплатного воздуха столько, сколько вместят лёгкие. Не жизнь, а малина, потому что диск солнца именно малиновый.

Борис. Пение соловьев перебивает стук пишущей машинки. Писатель пишет. Писатель - квалифицированная машинистка. Я всю жизнь пишу на машинке. На машинке работали Окуджава, Искандер, Нагибин, Рассадин... И вдруг я столкнулся с "писателями", которые не умеют печатать на машинке, которые не в состоянии пользоваться интернетом, однако они при этом мелькают в фейсбуке (жены или дети их туда пристроили), но не в состоянии даже поставить "лайк". К этим пишущим неумельцам я стал подходить строже, и увидел всю слабину их произведений, как видно сразу отличие храма от бара-ка. Хотя напомню, что пишут не рукой, не машинкой, не компьютером, а головой.

Ольга. Намедни до того договорились, что вспомнили слово "намедни". "В оный день, когда над миром новым Бог склонял лицо свое, тогда Солнце останавливали словом, Словом разрушали города". Вам в театр намедни захотелось. Намедни упросила остаться на второе действие, привык, мол, после первого уходить. Коренится "намедни" в древнем словосочетании "ономь дьни" ("оным днем", или проще "в тот день"). "О" отпало и стало номьдни, трансформировавшееся в "намедни", короче - в оный день!

Борис. Ночью в квартире подо мной раздался детский плач. Я знал, что там родила 18-летняя девчонка, которую я впервые увидел двухлетней, когда въехал в свою квартиру. "Детский" не совсем верное определение, поскольку очень обобщшающее. Это, по-видимому, был вопль новорожденного,

только что покинувшего лоно матери. Нечто среднее между криком кошки и завыванием собаки. Крик продолжался с некоторыми передышками до утра. На кого мне было обижаться? На род человеческий, сказал я сам себе, понимая, что плач разбудил меня не напрасно, а для того, чтобы я ещё раз увидел на-до мной звёздное небо и ощутил нравственный закон в себе.

Ольга. Москва стоит на многочисленных горках. Переулок от Неглинки круто идёт вверх к Рождественке. Прикладываешь немало усилий, чтобы преодолеть этот крутой путь. Минуешь Сандуны, даже останавливаешься с вопросом к самому себе: и зачем ты идёшь в гору? Постоишь на Рождественке, на углу, бросишь взгляд на Рождественский монастырь, и упрямо идёшь вверх по переулку к Лубянке. Понимаешь, что не гора тебе нужна, а преодоление себя. Так с малого воспитывает себя писатель доводить каждую задуманную идею до воплощения в тексте.

Борис. Первая написанная фраза требует продолжения, вот за ней идут другие фразы, чтобы найти точку, в которой можно соединиться с первой, образовав некое текстовое кольцо. Жизнь требует продолжения, не отдельного индивида, а жизни как таковой, вот, подобно фразам, от одного индивида идёт другой, третий, девятый, чтобы через какой-то период соединиться с первым, замкнув кольцо. Ни что не возникает ниоткуда, как и не исчезает без продолжения.

Ольга. После долгого промежутка становилось жутко, вполголоса бормотали промеж себя, чтобы избавиться от жути, спешили пользоваться промежутком, что-то жуткое в этом промежутке говорили в промежутках страшной жути, как бы именно в этот-то промежуток и успеть спуститься по лестнице мимо комнаты промежуточной, где люди так промеж собой на глаз сортируются, и положили промеж себя не намекать даже и промежу себя, как будто прятались в промежутках между ку-

стами, не дыша с длинными промежутками, всем было жутко, на них смотреть было жутко, жутко, жутко, жутко... Не жизнь, а промежуток.

Борис. Один пишет о межгосударственных конфликтах. А река течёт. Эта вопит о судьбе брошенных детей. А река течёт. Тот не устаёт напоминать об узурпаторе власти. А река течёт. Эта тонет в ненависти к американцам. А река течёт. Другой сообщает о третьем чтении закона о запрете разговаривать везде и всюду. А река течёт. Другая увидела военную технику под своими южными окнами. А река течёт. Тот вопит, что Иван Грозный завёл опричнину. А река течёт. Этот вспомнил оратора римского, и сам, не умолкая, талдычит о народном счастье по телевизору. А река течёт. Этот по секрету шепчет, что славяне строят китайскую стену. А река течёт.

Ольга. Торчала из земли безжизненная чёрная ветка. И вдруг начала строить саму себя. Навострилась в небо почка, чтобы выпустить листочек. Спустя время, смотришь, сформировалось деревце. Так и человек из новорожденного, кажется, самостроится в великовозрастного. Но не тут-то было. Как родился животным, так и живёт животным, отнесенными к приматам. Но не о каждом "индивидуе" можно сказать, что он Homo Sapiens (человек разумный), ибо человек - это тот, кто строит себя интеллектуально и поведенчески.

Борис. Прямодушная трактовка метафоры Тютчева, что "земная жизнь кругом объята снами", могла бы привести нас к опасно притягательной мысли о том, что все мы поголовно спим. Хотя, если глубоко задуматься, то можно согласиться с тем, что все предшественники недавних и давних веков спят. Бодрствуют из них лишь те, кто написал свою книгу. Именно по этим бессмертным авторам просматриваются эволюция и разветвления в сновидениях, к примеру, Булгакова или Андрея Платонова. Но, безусловно, там необходимо провести черту

между сновидениями, предложенными сном, и сновидениями, вызванными галлюцинациями от эйфорического увлечения водкой и морфием.

Ольга. Все усилия прошлого в лице выдающихся умов были направлены на сохранение души, да и всего на свете, в слове (знаке). Это и понятно, поскольку не сохранённое исчезает бесследно. Театр как мгновенное явление умирает сразу с закрытием занавеса. Кино сохраняет. Театр умирает. Может быть, именно поэтому стали в последнее время переносить спектакли на цифру. Но записанный спектакль в этом формате тоже умирает, за редкими исключениями, вроде работ Анатолия Эфроса.

Борис. Поражаюсь неисчерпаемости комбинаций букв, сочленяющихся в любые слова, которые, в свою очередь, вытаскивают любые смыслы, таящиеся изначально в любых буквах, возросших неведомо когда из лаконично скрещенных палочек на камне.

Ольга. Поговорим о хорошем. Поднимем настроение. Как? Очень просто. Прочтем очередную запись прекрасного стилиста Абрама Кормана. Вдохновимся проникновенными стихами Сергея Таратуты. С умилением прочтём поэтичную запись Маргариты Прошиной. Их мало, очень мало служителей муз, но именно на них держится хорошее настроение.

Борис. Чистый лист бумаги. Вернее, новая чистая страница компьютерного ворда. На странице нет ничего. Читатель на этой странице ничего не прочтет, потому что на ней ничего не написано. А ведь может быть что-нибудь написано. Когда ничего не было написано не только на этой странице, но и во всей вселенной ничего не было написано, значит, ничего и не было, или, как сказано в Библии, была безвидность. Но безвидность таила в себе и "Букварь" и "Горе от ума"...

юрий кувалдин

Ольга. Одному хорошо на собственной вилле у моря, а другому - на завалинке избы в нечерноземье. Вместо того, к примеру, чтобы сделать дорогу от станции до посёлка с твёрдым покрытием, которая в состоянии служить не одно десятилетие, просёлок ежегодно посыпают песком, или, в лучшем случае, гравием. В осенние дожди эту "дорогу" размывает, и после зимы весной, чтобы вытащить свою легковушку из трясины, отправляются за трактором. Прекрасно чувствуешь себя тогда, когда идёшь поперёк устоявшейся всеобщей мысли. Вот, например, идиома (штамп): "лучшее - враг хорошего". Этот штамп в ходу у людей, работающих, за редкими исключениями, спустя рукава. Да и для каждого старая французская поговорка "лучшее - враг хорошего" имеет своё понимание.

Борис. Я очень устал.

Ольга (после паузы). Иди прогуляйся у реки.

Борис. Я возьму ружьё со стены.

Ольга. Возьми. Может быть, оно выстрелит.

Борис (снимает со стены ружьё). Все мы неумолимо смертны.

Ольга. Не все. Только те, кто снимает ружьё со стены.

Борис уходит.

Через некоторое время за кулисами раздаётся выстрел.

Занавес.

Публикуется впервые

ОБ АВТОРЕ

Писатель Юрий Александрович Кувалдин родился 19 ноября 1946 года в Москве, на улице 25-го Октября (ныне и прежде - Никольской) в доме № 17 (бывшем "Славянском базаре"). Учился в школе, в которой в прежние времена помещалась Славяно-греко-латинская академия, где учились Ломоносов, Тредиаковский, Кантемир. Работал фрезеровщиком, шофером такси, ассистентом телевизионного студии, научным сотрудником, корреспондентом газет и журналов. Окончил филологический факультет МГПИ им. В.И.Ленина. В начале 60-х годов Юрий Кувалдин вместе с Александром Чутко занимался в театральной студии при Московском Экспериментальном Театре, основанном Владимиром Высоцким и Геннадием Яловичем. После снятия Хрущева с окончанием оттепели театр прекратил свое существование. Проходил срочную службу в рядах Вооруженных сил ССР в течение трех лет (ВВС) под командованием генерала, Героя Советского Союза Ивана Кожедуба. Автор книг: "Улица Мандельштама", повести ("Московский рабочий", 1989), "Философия печали", повести и рассказы ("Новелла", 1990), "Избушка на елке", роман и повести ("Советский писатель", 1993), "Так говорил Заратустра", роман ("Книжный сад", 1994.), "Кувалдин-Критик", выступления в периодике ("Книжный сад", 2003), "Родина", повести и роман ("Книжный сад", 2004), "Сирень", рассказы ("Книжный сад", 2009), "Ветер", повести и рассказы ("Книжный сад", 2009), "Жизнь в тексте", эссе ("Книжный сад", 2010), "Дневник: kuvaldinur.livejournal.com" ("Книжный сад", 2010), "Море искусства", рассказы ("Книжный сад", 2011), "Нахтигаль", рассказы, эссе ("Книжный сад", 2012), "1946", рассказы ("Книжный сад", 2016). Печатался в журналах "Наша улица", "Новая Россия", "Время и мы", "Стрелец", "Границы", "Юность", "Знамя", "Ли-

об авторе

тературная учёба", "Континент", "Новый мир", "Дружба народов" и др. Выступал со статьями, очерками, эссе, репортажами, интервью в газетах: "Известия", "День литературы", "Московский комсомолец", "Вечерняя Москва", "Ленинское знамя", "Социалистическая индустрия", "Литературная Россия", "Невское время", "Слово", "Российские вести", "Вечерний клуб", "Литературная газета", "Московские новости", "Гудок", "Сегодня", "Книжное обозрение", "Независимая газета", "Ex Libris", "Труд", "Московская правда" и др. В 1996-97 годах создал Ахматовский культурный центр в квартире Ардовых на Большой Ордынке, дом 17, кв. 13, где провел серию вечеров, посвященных Анне Ахматовой, Николаю Гумилеву, Льву Гумилеву, Осипу Мандельштаму, а также встречи с Алексеем Баталовым, Михаилом Ардовым, Евгением Блажеевским, Татьяной Бек, Никитой Заболоцким, Натальей Горбаневской, Евгением Рейном и др. Основатель и главный редактор журнала современной русской литературы "Наша улица" (1999). Первый в СССР (1988) частный издатель. Основатель и директор Издательства "Книжный сад". Им издано более 100 книг общим тиражом более 15 млн. экз. Среди них книги Евгения Бачурина, Фазиля Искандера, Евгения Блажеевского, Кирилла Ковальджи, Льва Копелева, Семена Липкина, А. и Б. Стругацких, Юрия Нагибина, Вл. Новикова, Льва Разгона, Ирины Роднянской, Александра Тимофеевского, Л.Лазарева, Льва Аннинского, Ст. Рассадина, Вадима Перельмутера, Нины Красновой, Маргариты Прошиной и др. Член Союза писателей и Союза журналистов Москвы.

В 2006 году в Издательстве «Книжный сад» вышло Собрание сочинений в 10 томах.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Таганка	3
Бесшабашный	25
Развод	38
Голос	51
Вдыхая воздух новых дней	64
Домашние котлеты	85
Круг света	97
Положение в пространстве	111
Занавес	122
Скандалная совесть	133
Финансист	146
43-й трамвай	159
Подозрения	177
Новое небо	189
Двойник	219
Бессознательное	255
Мозг	280
Вишня	291
Водокачка	304
Паровоз	317
Ружьё	336
Об авторе	348

Юрий Александрович Кувалдин
Мозг

рассказы

Редактор Юрий Кувалдин

ISBN 978-5-85676-152-7

ЛР № 061544 от 08.09.97.

Сдано в набор 15.01.18. Подписано к печати 27.02.18. Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура “OfficinaSansCTT”
Печать офсетная. Уч.-изд. л. (авторских листов) 15,19. Тираж 300 экз.

Издательство “Книжный сад”
www.kuvaldinur.narod.ru

Издательство Книжный Сад Москва 2018

Юрий Кувалдин Мозг рассказы

